

Э.Ноэль-Нойман

ОБЩЕСТВЕННОЕ
МНЕНИЕ

ОТКРЫТИЕ
СПИРАЛИ
МОЛЧАНИЯ

серия: *STUDIO ET LECTIO*

Э.Нозель-Нойман

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

ОТКРЫТИЕ СПИРАЛИ МОЛЧАНИЯ

Монография знакомит читателя с оригинальной теорией общественного мнения, подтвержденной гигантской практической работой классика этой отрасли социологии Элизабет Нозель-Нойман. В книге всесторонне исследуются пути формирования общественного мнения, его влияние на социально-политическую жизнь общества, развитие гласности, связь со средствами массовой информации. Особое место в работе уделено феномену «спирали молчания», влияющей на прогнозирование результатов политических выборов.

Как раскрутить «спираль молчания», то есть разговаривать ту часть избирателей, которая предпочитает умалчивать о своих предпочтениях— об этом и рассказывает автор на примере изучения многолетней политической борьбы ХДС/ХСС и СПГ за голоса своих сторонников.

Монография содержит интереснейшие исторические справки и историографические выкладки.

Рекомендуется социологам, обществоведам, политологам, всем, кого волнуют проблемы формирования общественного мнения.

Издательство
«Прогресс-Академия»

Э.Нозль-Нойман
ОБЩЕСТВЕННОЕ
МНЕНИЕ

Elisabeth
Noelle-Neumann
**ÖFFENTLICHE
MEINUNG**

Die
Entdeckung
der
Schweigespirale

Ullstein
1989

Э.Ноэль-Нойман
ОБЩЕСТВЕННОЕ
МНЕНИЕ
ОТКРЫТИЕ
СПИРАЛИ
МОЛЧАНИЯ

Издательство
«Прогресс-Академия»
Москва
1996

ББК 60.55

Н 86

Перевод с немецкого Рыбаковой Л.Н.

Редактор Шестернина Н.Л.

Нозль-Нойман Э.

Н 86 **Общественное мнение. Открытие спирали молчания:** Пер. с нем./Общ. ред. и предисл. Мансурова Н.С. — М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. — 352 с.: илл.

Монография знакомит читателя с оригинальной теорией общественного мнения, подтвержденной гигантской практической работой классика этой отрасли социологии Элизабет Нозль-Нойман. В книге всесторонне исследуются пути формирования общественного мнения, его влияние на социально-политическую жизнь общества, развитие гласности, связь со средствами массовой информации. Особое место в работе уделено феномену «спирали молчания», влияющей на прогнозирование результатов политических выборов.

Как раскрутить «спираль молчания», то есть разговорить ту часть избирателей, которая предпочитает умалчивать о своих предпочтениях — об этом и рассказывает автор на примере изучения многолетней борьбы ХДС/ХСС и СПГ за голоса своих сторонников.

Монография содержит интереснейшие исторические справки и историографические выкладки.

Рекомендуется социологам, обществоведам, политологам, всем, кого волнуют проблемы формирования общественного мнения.

Н $\frac{0302030000-43}{8A7(03)-96}$ без объявл.

ББК 60.55

ISBN 5-85864-035-4

© 1989 by Verlag Ullstein Jmb H

© Перевод на русский язык, предисловие, «Прогресс-Академия», «Весь мир», 1996

Плюрализм в исследовании общественного мнения

Автор предлагаемой вниманию читателей книги «Общественное мнение. Открытие спирали молчания» — Элизабет Ноэль-Нойман, доктор философии и экономики, профессор. Она родилась в Берлине в 1916 г. В 1940 г. получила ученую степень и стала работать журналисткой. В связи с конфликтом с официальными кругами третьего рейха Э. Ноэль-Нойман вынуждена была в 1943 г. уехать из Берлина и публиковалась под псевдонимом.

После войны в 1946 г. она организовала институт по изучению мнения населения, который ныне широко известен на Западе как Институт демоскопии (демос — народ, скопио — описываю). Это частный институт, существующий на средства, получаемые за выполнение заказов от фирм, организаций и правительства ФРГ. Так, уже более 40 лет он занимается прогнозом выборов в бундестаг независимо от того, какое правительство находится в данный момент у власти. В год здесь выполняется около 100 различных исследований, результаты которых публикуются в многочисленных изданиях, в том числе в выпускаемых институтом «Ежегодниках».

Наряду с эмпирической исследовательской деятельностью Э. Ноэль-Нойман занималась и учебно-преподавательской. Некоторое время после войны она работала доцентом в Свободном университете в Берлине, с 1966 г. — профессором, а через год — директором организованного не без ее участия Института публицистики при Университете г. Майнца. На этом посту она находилась вплоть до выхода на пенсию в 1983 г.

В Институте публицистики подготовка студентов ведется по двум специальностям: публицистике и журналистике. Публицисты изучают исторические, политические, правовые, экономические, социально-психологические аспекты массовой коммуникации. При этом главный упор при обучении делается на эмпирическом анализе причин, содержания, особенностей воздействия информации, передаваемой средствами массовой коммуникации. Журналисты занимаются практическими и теоретическими проблемами, которые необходимо знать профессиональным журналистам.

Как и в других западных университетах, педагогическая деятельность сотрудников сочетается здесь с научно-исследовательской. Среди основных исследовательских тем Института публицистики — общественное мнение, анализ конфликтов, теории информации и социальных перемещений, международные средства массовой коммуникации, их история, изучение аудитории средств массовой коммуникации, проблема взаимоотношения общества и журналистики, методики публицистики, структура средств массовой коммуникации, проблемы права и политики в сфере массовой коммуникации.

Сочетание практической, эмпирической работы с учебно-педагогической и научно-исследовательской деятельностью оказалось для Э. Ноэль-Нойман весьма плодотворным. В педагогической деятельности она широко использует данные, полученные в ходе проводимых ею социологических исследований, а в ткань последних вводит научные элементы. Так, например, проводя панельные (повторные) опросы на протяжении многих лет, она включает в них вопросы, которые дают возможность установить тенденции развития общества. Благодаря этой своей инициативе Э. Ноэль-Нойман удалось получить материал для научно-теоретического обобщения. Это лишь один пример весьма удачного сочетания эмпирической и научно-теоретической работы в социологических исследованиях.

В сфере научных интересов Э. Ноэль-Нойман центральной является, бесспорно, проблема общественного мнения. Именно в этой области она завоевала известный авторитет во всем мире и удостоивалась чести быть избранной в различные международные организации. Так, в

течение ряда лет она была президентом Всемирной ассоциации по изучению общественного мнения (ВАПОР).

В России имя Э. Ноэль-Нойман знакомо научной общественности. В 1978 г. в издательстве «Прогресс» была издана ее книга «Массовые опросы. Введение в методику демоскопии», обобщившая обширный опыт автора. Работа эта быстро разошлась по стране, поскольку книга является хорошим пособием по прикладной социологии. В 1994 г. вышло ее второе издание на русском языке.

Монография «Общественное мнение. Открытие спирали молчания» посвящена изложению оригинальной теории общественного мнения, разработанной Э. Ноэль-Нойман на базе многолетних исследований этого феномена, так сказать, из практики, а не из размышлений за письменным столом. Своим большим опытом в его изучении и делится автор с читателями данной книги.

Следует отметить, что вопросами общественного мнения интересовались еще в глубокой древности. При этом достаточно четко наметилось несколько основных проблем. Одна из них — проблема «авторства»: кто является субъектом феномена, который древнегреческим философом Протагор был назван публичным мнением. Протагор считал, что оно — мнение большинства населения. Однако другой древнегреческий мыслитель — Платон — утверждал, что истинно публичным является мнение аристократии. Протагор, таким образом, отстаивал демократический взгляд на эту проблему, а Платон — антидемократический, узаконивавший всевластие аристократии, имущих граждан.

Спор о субъекте общественного мнения (сам термин был введен в XII в. английским писателем и государственным деятелем Д. Солсбери) не затихал на всем протяжении истории вплоть до наших дней, увязываясь с другим дискуссионным вопросом — какова роль общественного мнения в жизни общества. Поскольку этот вопрос имеет прямое отношение к вопросу о власти, он подчас выступает на первый план во всех рассуждениях об общественном мнении. И здесь имеются две точки зрения. Сторонники одной, «привязывающие» общественное мнение к народу, понимают его как силу, с которой должны считаться правительства, парламенты, т.е. общественное мнение в этом смысле выступало как инструмент участия народа в уп-

равлении государственными делами. Представители другой, считающие общественное мнение выражением господствующей элиты, полагают, что оно выступает как сила, воздействующая на население и способствующая легализации политического господства элиты.

В XX в. представители разных наук — философии, социологии, социальной психологии, публицистики — проявляют повышенный интерес к проблемам общественного мнения. Это не значит, что последние получили в их работах свое окончательное решение. Скорее наоборот. Американский социолог М. Оугли, например, заявлял, что в понимании общественного мнения на Западе царит хаос. Везде на дюжину исследователей, занятых дискуссией по вопросу об общественном мнении, найдется двенадцать человек, спорящих шумно о двенадцати различных вопросах*.

Г. Дюрент, в свое время директор Британского института общественного мнения, признал, что «общественное мнение не поддается описанию, оно неуловимо для определения, его трудно измерить и невозможно увидеть»**.

Столь же пессимистично высказывание американского социолога Б. Берельсона, который, говоря о состоянии изучения общественного мнения в США в середине 50-х годов, отмечал, что соответствующие исследования не затрагивают основных, фундаментальных проблем, не раскрывают самой природы явления.

Оценки западных ученых исследований общественного мнения 50-х годов не сильно отличаются от оценок, которые дают их коллеги 20 лет спустя. Нет общепринятого определения общественного мнения, заявляет профессор журналистики Колумбийского университета (США) В.Ф. Дэвисон в своей статье, опубликованной в 1969 г. в «Международной энциклопедии социальных наук». Тем не менее, продолжает он, возрастает использование этого понятия. Что означает столь настойчивое употребление понятия «общественное мнение», несмотря на трудности его определения? Дэвисон полагает, что это может озна-

* См., например: Ogle M. Public Opinion and Political Dynamics. Boston, 1950, p. 40.

** The British Journal of Sociology, vol. VI, № 2, June 1955, p. 152.

чать только одно: понятие как-то затрагивает действительность.

На Западе распространено также позитивистское определение общественного мнения. Один из его сторонников, Г. Онкен, считает: в конце концов каждый, кого спросят, знает точно, что означает общественное мнение.

В наши дни на Западе популярны три наиболее влиятельные концепции общественного мнения. Две из них, в общем, унаследованы от прошлого, и одна представляется оригинальной. Нам хочется остановиться на первой из двух указанных, предложенной немецким философом Ю. Хабермасом, — так называемой морализующе-нормативной.

Хабермас в своих работах указывает, что его взгляды являются развитием тех положений, которые были сформулированы еще в XVIII в. В их основе — понятие общественная гласность, открытость, с помощью которых предполагается преодолеть изолированность абсолютной монархии, сделать ее идеологию понятной массам. Хабермас прямо говорит, что его концепция рассчитана на то, чтобы сохранить господствующий частнособственнический хозяйственный механизм.

Публика, согласно Хабермасу, — это не народ, не масса, не большинство населения, не «все»; она состоит из тех, кто может резонерствовать на собраниях, в кафе и пивных, в салонах и на страницах газет; она состоит из образованных слоев населения, владеющих собственностью. Они считают себя носителями истины, которая должна быть признана всеми. Основная задача их резонерствования состоит в том, чтобы «законным образом» устранить противоречия в интересах существующего государства и буржуазного общества.

Хабермас отмечает, что в настоящее время не найти политического обоснования буржуазной общественности и гласности, которые нужно оставить в структуре общественного мнения. Поэтому-то понятие «общественное мнение» и является таким популярным — в нем видят возможность сохранения того, что не удастся осуществить политическими средствами.

Нет ничего удивительного в том, что понятие «общественное мнение», по Хабермасу, имеет прямое отношение к понятиям «право» и «политика». В самом деле, если

общественное мнение является сознательным рассуждением образованной публики, то оно должно в первую очередь укреплять господство буржуазии, оправдывать практику применения права и политики буржуазии. Это влияние общественного мнения подкрепляется тем, что судьи и административные чиновники подбираются из «образованных сословий». Опираясь на существующие законы, эти чиновники вместе с тем «освящают» права и политику буржуазии общественным мнением.

Сам Хабермас понимает таким образом общественное мнение называет «либерально-буржуазным». Его субъектом, напоминаем, является группа частных лиц, которые имеют возможность открыто судить и объединяются в «публику» благодаря владению собственностью и своей образованности. Между публикой и общественным мнением находятся мораль и право. Они утверждаются разумом. Это позволяет апеллировать к нему, делая настоящий субъект анонимным. Апелляция сверху оценивается как свобода прессы, а снизу — как всеобщая доступность, которая на самом деле ограничена барьерами частного владения.

Провозглашаемая таким образом мораль отличается от общечеловеческой морали. Кто не согласен с резонерствующей публикой, тот объявляется общественным мнением не просто отступником от нормы, но очень плохим человеком или даже врагом.

Политическая сущность концепции Хабермаса ясна. Общественное мнение он рассматривает как инструмент в руках господствующих классов. Собственно, он и не скрывает этого, когда дает определение «публика» буржуазии, за которой сохраняет право судить и объяснять происходящее в обществе. По Хабермасу, общественное мнение является всегда официальным, т.е. таким, которое выражается в прессе, в других официальных источниках информации.

Вторая концепция общественного мнения принадлежит Н. Луману. Исходный пункт его рассуждений — отрицание любого субъекта общественного мнения. Луман многократно утверждает в своих работах, что общественная доступность и гласность предполагают сразу несколько тем, которые могут быть в центре внимания процесса коммуникации. Но одновременно коммуницировать с не-

сколькими темами невозможно, требуется выбрать какую-то одну. Нужно внимание, которое бы определяло, осуществляло этот выбор и делало возможным обсуждение темы с незнакомым человеком в пивной или на улице. Именно эта тема и составляет содержание общественного мнения. Однако Луман признает, что одного внимания недостаточно для формирования общественного мнения. Он преодолевает это препятствие утверждением, что темы живут в обществе своей жизнью, их распространение подчиняется своим, особым закономерностям. Тем самым общественное мнение, по Луману, привязывается не к отдельным индивидам, не к состоятельному сословию, как у Хабермаса, а к темам.

По мнению Лумана, такой подход к общественному мнению имеет ряд преимуществ. Он позволяет говорить обо всех людях одинаково, как если бы между ними не существовало каких-либо различий. Общественное мнение, по Луману, охватывает всех, и перед ним все равны. Далее, Луман демократично увязывает различия в общественном мнении с различиями между темами. Одно дело, говорит он, судить об инфляции, а другое — об инфляции, которая приносит ущерб пенсионерам. Взгляды могут быть противоположными, но общественное мнение их упорядочивает, не давая оценки, что и является, согласно Луману, выражением либеральности.

Имеет ли общественное мнение юридическую силу, это зависит от принятия решения, основывающегося на внимании индивида к теме. Если что-то не привлекает внимания людей, то и общественного мнения на соответствующую тему опасаться не нужно. Если же имеет место усиленное внимание к чему-то, то это означает рассогласование системы права. Средняя степень внимания — вот что является наиболее важным для исследователя.

Когда тема и мнение о ней не совпадают, тогда, по Луману, возникает так называемое манипулирующее морализирование. Например, темы «разрядка» и «запрет на профессию» не нашли однозначного выражения и не всеми понимаются одинаково. Сторонники одного мнения отличаются от сторонников другого мнения. Между ними возникает конфликт и может происходить борьба, в результате чего высказанные мнения одних будут порождать неодобрительную реакцию со стороны других, кото-

рые станут оказывать давление на своих противников. Поэтому нет никакого нейтрального мнения, оно так или иначе связано с оценками. Мнения имеют непосредственное отношение к праву, а следовательно, и к поведению людей. Долговременные мнения порождают бытующие длительный период приспособительные формы поведения людей, освященные правом.

В концепции Лумана делается акцент на содержании общественного мнения — этим она отличается от концепции Хабермаса и других исследователей. Однако «тема» Лумана отрывается от субъекта, ее творца, в результате чего его концепция абстрактна. Общественное мнение он объясняет индивидуалистично — через внимание, — принося тем самым социальную сущность общественного мнения. Сказанное относится и к трактовке Луманом других аспектов общественного мнения.

Оригинальную концепцию общественного мнения, широко распространенную ныне в Германии и других странах, создала, как мы уже говорили, Э. Ноэль-Нойман. Она представляет собой статистическо-психологическое направление в исследовании общественного мнения, опирающееся на демоскопию.

Демоскопия — наука статистическая, поэтому она предполагает наличие количественных данных, между которыми усматриваются различия. В частности, утверждается различие между общественным и обыденным, здоровым и нездоровым мнением. В принципе для демоскопии остаются неразличимыми мнения массы и публики, других сообществ людей, поскольку она оперирует количественными величинами.

Критики демоскопии многократно обвиняли Э. Ноэль-Нойман за то, что она не учитывает качества мнений. В ответ на это исследовательница заявляла, что для нее все люди равны, что демоскопия исходит из признания равенства всех граждан. В своих работах демоскопы как бы делают срез определенного множества мнений. Однако и данное положение подвергается критике за то, что при таком подходе нельзя составить прогноз развития или формирования общественного мнения. На это обвинение Ноэль-Нойман ответила своей теорией «спирали молчания». Вот как она поясняет эту теорию.

В обществе существует два источника, порождающих общественное мнение. Первый — это непосредственное наблюдение за окружающим, улавливание, одобряются ли те или иные действия, явления, заявления и т.п. Второй источник — средства массовой коммуникации. Они порождают так называемый дух времени — другое понятие, служащее для обозначения тематики общественного мнения, которая сохраняется в течение длительного времени. Этот «дух» влияет на установки и поведение индивида. Формирование общественного мнения происходит благодаря установкам, цель которых особо подчеркивал еще в 1922 г. американский журналист-социолог Липман в своей книге «Общественное мнение». Липман полагал, что каждый человек регулируется, детерминируется через установки, определяющие, что он видит, слышит, как он интерпретирует окружающее, что является важным для личности. Они составляют механизм «селективного восприятия» — понятия, которое широко использовал другой американский исследователь, П. Лазарсфельд.

Средства массовой коммуникации должны обладать публицистическим многообразием, т.е. давать возможность «поведать миру» разные точки зрения и мнения. Э. Ноэль-Нойман отмечает, что в недалеком прошлом в ФРГ и других западных странах телевидение, например, находилось под контролем властей, равно как и другие электронные средства информации. Теперь этот контроль сверху ослаб, но его должны осуществлять сами журналисты.

Если это так, то откуда может возникнуть многообразие в содержании средств массовой коммуникации (СМК)? Так ставит вопрос Ноэль-Нойман и дает на него следующий ответ: причиной этого является разнообразие политических ориентаций у представителей журналистского сословия. Но они должны считаться с законоположениями «сверху», которые в ФРГ вообще-то не отменены. Верховный конституционный суд этой страны так определил предназначение средств массовой коммуникации, в частности телевидения: они (СМК) служат для распространения информации, формирования мнений, контроля, а также для развлечения и назидания. При этом все должно осуществляться в легально принятых демократическим населением рамках.

Все вышесказанное составляет как бы предпосылки теории «спирали молчания». Конкретно суть ее заключается в следующем.

В свое время в ФРГ дискутировался вопрос о «восточной политике» канцлера Аденауэра. Тот, кто был убежден в правильности новой восточной политики, чувствовал, что его мнение разделяется всеми. И он выражал его громко, с чувством уверенности и с искренним убеждением в своей правоте не стеснялся высказывать собственные взгляды. Те же, кто отвергали новую восточную политику, чувствовали себя в одиночестве, замыкались и сохраняли молчание. И такое их поведение, по мнению Э. Ноэль-Нойман, приводило к тому, что первые казались сильнее, а вторые — слабее, чем это было на самом деле. Наблюдая за окружающими, одни получали поддержку и начинали еще громче высказывать свое мнение, а другие все больше замыкались и не подавали голоса. И спираль эта все больше закручивалась. Такое положение точнее можно назвать «спиралью молчания». Основанием для молчания являлась боязнь оказаться в изоляции, и эта боязнь выступает как та движущая сила, которая запускает спираль молчания.

С точки зрения спирали молчания Э. Ноэль-Нойман объясняет многие явления общественной жизни. Так, например, общезначимость, гласность, по ее мнению, — это такие состояния, когда индивиды не хотят себя изолировать и терять свое лицо. Если же кто-то выражает иное мнение, чем провозглашенное во всеуслышание и ставшее общезначимым, то гласность, общезначимость выступают в виде позорного столба и служат весьма действенным способом наказания. Отсюда вытекает один очень важный момент в определении общественного мнения: оно не просто морально значимо, не просто определяет поведение, не только объединяет людей в сообщество; оно имеет социальное измерение — его можно безбоязненно высказать гласно перед общественностью, не испытывая страха быть изолированным от сообщества, выглядеть смешным.

Группы или лица, желающие завоевать общественное мнение, должны позаботиться о том, чтобы их позиции, их взгляды были приемлемыми для других людей и не приводили к изоляции. Естественно, что борьба мнений —

это борьба нового со старым, но при этом важно знать, на что нужно ориентироваться, чтобы выиграть в ней, с одной стороны, и не порождать «молчаливого большинства» — с другой. Нельзя заблуждаться в оценке отношения людей к тому или иному мнению на основании слуховых и зрительных впечатлений. Когда какое-то мнение распространится и будет принято большинством, тогда можно ожидать, что оно получит и законодательное закрепление.

Э. Ноэль-Нойман отмечает, что общественное мнение поддерживается правом, но оно может использовать последнее как свой инструмент. Поэтому общественное мнение определяет применение права через тех лиц, которые могут принять решение, поскольку они считаются с ним. Эти лица, как и все, тоже находятся под страхом изоляции и в рамках права выбирают такой способ поведения, который не привел бы их к этой изоляции.

Первое издание своей книги по общественному мнению Ноэль-Нойман назвала «Спираль молчания. Наша социальная кожа». Спрашивается, при чем тут «социальная кожа»?

Сам автор вторую часть заголовка книги объясняет так. Социальная кожа означает, что общественное мнение неотделимо от нас, как и наша естественная кожа. Социальная кожа восприимчива к боли, к внешним воздействиям и обращена наружу, чтобы реагировать на них. Тем самым она тоже напоминает естественную кожу человека. Поэтому, полагает Э. Ноэль-Нойман, мы точно знаем, что такое общественное мнение. Чего мы не знаем, так это того, что общественное мнение охватывает и как бы ограничивает общество, подобно тому как кожа охватывает тело.

Концепция Ноэль-Нойман, бесспорно, оригинальна и весьма неплохо объясняет некоторые явления общественной жизни. Тем не менее она вызвала ряд критических замечаний. Одни критики говорят, что с позиции «спирали молчания» нельзя объяснить факт прихода к власти нацистов. Ведь первоначально они были в меньшинстве, их взгляды шокировали большинство населения. Другие критики приводили иные факты: в немецком обществе Веймарской республики духовный климат определяли правые, а не левые, которые достаточно громко высказывали свои взгляды и имели неплохие стартовые позиции.

Замечания такого рода, возможно, справедливы. Можно даже признать, что концепция «спирали молчания» не является универсальной и не в состоянии объяснить все случаи общественной жизни. Боязнь изоляции следует все же рассматривать как один из моментов в системе причин, обуславливающих формирование общественного мнения, ибо в ряде случаев она выступает как следствие, а не как причина.

Концепция Э. Ноэль-Нойман, однако, заслуживает внимания, поскольку автор по-новому ставит некоторые старые проблемы, связанные с пониманием общественного мнения. В частности, представляется интересной мысль о том, что общественное мнение выполняет функцию интеграции общества и что оно связано с гласностью и демократическими началами в жизни общества.

Все сказанное свидетельствует о том, что проблема общественного мнения является сложной теоретической проблемой, решение которой на Западе еще далеко от завершения.

* * *

Говоря об интересе к феномену общественного мнения, было бы неправильным ограничиться кратким анализом его изучения на Западе, ничего не сказав о том, как исследовалась эта проблема в России. Сопоставление точек зрения на Западе и в нашей стране сделает представление об исследовании общественного мнения более полным, завершенным. Поэтому ознакомимся с тем, кто и как изучал и изучает общественное мнение у нас.

Проблема общественного мнения не нова для отечественной научной литературы. Она довольно интенсивно разрабатывалась в 20-е годы, хотя общественное мнение рассматривалось авторами скорее как метод, чем как предмет теоретического исследования. Затем на протяжении длительного периода об общественном мнении писали мало, главным образом попутно, в трудах, посвященных иным проблемам.

В середине 50-х годов в связи с возрождением социологии как прикладной отрасли знания проявляется значительный интерес к проблеме общественного мнения как в эмпирическом, так и в теоретическом аспекте. Вы-

шел в свет ряд интересных работ: А.К. Уледов. «Общественное мнение советского общества» (1963), Б.А. Грушин. «Мнение о мире и мир мнений» (1967), Б.А. Ерзунов. «Мнение в системе человеческого познания» (1973), В.К. Падерин. «Общественное мнение в развитом социалистическом обществе» (1980), В.С. Коробейников. «Пирамида мнений (Общественное мнение: природа и функции)» (1981), А.А. Возьмитель. «Формирование и изучение общественного мнения» (1987), М.К. Горшков. «Общественное мнение» (1988). Проблемы общественного мнения затрагивались рядом авторов в работах, в заглавиях которых не было слов «общественное мнение» (Н.С. Мансуров и др.).

Если в середине 70-х годов изучением общественного мнения занимались в нашей стране (с той или иной степенью интенсивности) в Институте социологических исследований АН СССР, в Академии общественных наук при ЦК КПСС, в Институте философии АН СССР, на факультете журналистики МГУ, существовал также Институт общественного мнения при газете «Комсомольская правда», то сейчас точное число центров, секторов, лабораторий и институтов общественного мнения трудно даже назвать.

Несмотря на то, что к настоящему времени накоплен известный опыт проведения эмпирического изучения общественного мнения и существует ряд фундаментальных теоретических разработок, тем не менее проблема общественного мнения в целом далека от своего завершения. В частности, помехой этому стала волна эмпирических исследований, зондажей общественного мнения на потребу политиков и журналистов, которые оттеснили на задний план серьезные теоретические исследования. Однако даже беглый анализ разработок проблем общественного мнения в зарубежной и отечественной литературе показывает, что исследования наших ученых шире и разнообразнее, чем их зарубежных коллег. В первую очередь это касается самого определения «общественное мнение». У отечественных исследователей по данному вопросу идут споры, и в этом они не отличаются от западных.

А. Уледов, один из первых, кто затронул данную проблему, полагает, что общественное мнение — это факт сознания, который проявляется в деятельности народных

масс. С ним в принципе согласен и Б. Грушин, который подчеркивает, что общественное мнение является не обычным фактом сознания, а «состоянием массового сознания». Последнее включает в себя отношение (скрытое или явное) различных групп людей к событиям и фактам социальной действительности. И это представление об общественном сознании как «состоянии сознания» или «состоянии массового сознания» нашло своих приверженцев (С. Хитров, В. Житенев и др.).

Однако в отечественной литературе получили распространение и другие определения общественного мнения, не связывающие его с общественным сознанием. Так, в книге «Социология в СССР» общественное мнение определяется как отношение, в которое «вступают люди применительно к тем или иным явлениям, фактам окружающей действительности». Д. Чесноков общественное мнение определяет через понятие «оценка», Р. Сафаров — через понятие «оценочное отношение социальных общностей», Д. Потапейко считает, что общественное мнение — это «особого рода моральное надстроечное учреждение», Б. Парыгин относит его к «массовым явлениям групповой психологии», М. Горшков определяет его как систему, составными частями которой являются познавательные, эмоциональные и волевые компоненты. С точки зрения автора настоящей статьи, общественное мнение представляет собой вид общественно-психологических явлений, о чем речь пойдет ниже.

Рассмотрим теперь мнения наших исследователей относительно объекта общественного мнения.

А. Уледов утверждает, что общественное мнение выражает отношение к деятельности, к поведению людей и тем оно отличается от суждений иного вида, которые, например, описывают факты или события. Выдвинув этот тезис, Уледов пытается отграничить объект общественного мнения от содержания других форм общественного сознания, что, как нам кажется, ему не удастся сделать, даже используя понятие «состояние сознания».

В отличие от Уледова Б. Грушин заявляет, что объектом общественного мнения могут быть факты, явления объективной действительности, общественного бытия, а

* Социология в СССР. Т. 2. М., 1966, с. 469.

также явления субъективного мира — нравственные представления, ценности и т.п. Следовательно, общественное мнение имеет отношение не только к поведению, как полагал Уледов. Как и Уледов, Грушин считает, что общественное мнение предстает перед нами в виде суждений, однако не во всех суждениях, а в некоторых — за исключением тех, где фиксируются непосредственные восприятия, чувства, научные факты и т.п.

Мысль о том, что общественное мнение выражается в форме суждений, разделяет и М. Горшков. С его точки зрения, мнения являются не чем иным, как субъективной формой отражения объективной реальности. Мнения, которые выражаются в суждениях, порождены общественной ситуацией. Последняя представляет собой совокупность взаимодействующих экономических, политических, социальных, духовно-идеологических и социально-психологических условий жизнедеятельности людей. Они порождают целую иерархию объектов общественного мнения. Сначала возникают мнения как констатация какого-то факта, затем они выражают события; самым сложным объектом общественного мнения являются процессы. Правда, Горшков не определяет точно вводимые им понятия объектов общественного мнения, ограничиваясь только общими соображениями на их счет.

Интересны представления отечественных исследователей относительно субъекта общественного мнения. Вопрос этот ими разработан достаточно детально.

В своей главной работе «Общественное мнение советского общества» А. Уледов полагает, что общественное мнение создается общностями и организациями, которые он ставит в зависимость от классов общества, заинтересованных в общественном прогрессе. В итоге автор приходит к заключению, что общественное мнение есть мнение большинства и выражается оно общественностью, которую он склонен отождествлять с государственностью*.

Пять лет спустя после выхода в свет работы Уледова Б. Грушин издал свою книгу «Мнения о мире и мир мнений». Говоря в ней о субъекте общественного мнения, он

* См.: Уледов А. К. Общественное мнение советского общества. М., 1963, с. 72, 74, 79.

не пишет о классах, а делает акцент на общественности. Поскольку общественность не существует без индивидов, то, стало быть, мнение индивида входит в состав общественного мнения^{2*}. Следовательно, в обществе существует плюрализм общественного мнения. Чтобы избежать статистического представления об общественном мнении, Грушин вводит понятие «социальный организм», который и есть настоящий субъект общественного мнения. Всего в обществе он насчитал двенадцать «социальных организмов» (или «вселенных», по его терминологии), так что в общественной жизни существует целая пирамида мнений.

Свою точку зрения относительно субъекта общественного мнения предлагает М. Горшков. Он полагает, что общественное мнение возникает в производственной деятельности, в которой большую роль играют «лидеры» мнений. Число их в ходе истории расширялось, так что в настоящее время субъектом общественного мнения выступают широкие круги трудящихся, объединенные в государственные, общественно-политические, научно-технические, художественные, молодежные и другие организации и объединения^{3**}. Общественное мнение поэтому является народным и выражает интересы большинства, хотя и не всегда бывает истинным.

Наряду с понятием «субъект общественного мнения» Горшков употребляет в своей работе также понятие «выразитель общественного мнения», полагая, что существует возможность формирования мирового (вселенского) общественного мнения.

Таким образом, отечественные исследователи общественного мнения, посвятившие этой проблеме отдельные монографии, в общем относили изучаемое ими явление к сфере сознания. Однако в ряде публикаций высказаны и другие суждения относительно того, что такое общественное мнение. Так, например, автор настоящей статьи в течение многих лет развивает концепцию, согласно которой общественное мнение относится не к сфере общественного сознания, а к общественно-психологическим

* См.: Грушин Б. А. Мнение о мире и мир мнений. М., 1967, с. 168.

** См.: Горшков М. К. Общественное мнение. М., 1988, с. 196, 186, 372.

явлениям. Что такое общественно-психологические явления (ОПЯ)?

Прежде всего отметим, что они суть сложный продукт, возникающий в общественной жизни двумя путями. В первом случае ОПЯ представляют собой статистические (совпадающие) явления, возникающие у значительного числа членов общества в силу одинаковых условий бытия. Так, например, сообщение о возможном столкновении Земли с пролетающим мимо астероидом породит у большинства людей одинаковые чувства, мысли, желания, страхи и т.п. Для возникновения этого комплекса психологических явлений не требуется общения людей друг с другом — достаточно прослушать одно сообщение о надвигающейся опасности.

Но возможен и другой путь возникновения ОПЯ. В средствах массовой коммуникации, в личном общении обсуждается какая-то проблема. В результате обмена мнениями вырабатывается общая точка зрения, одинаковое к ней отношение. Это «общее» — продукт коммуникативного процесса; оно не могло возникнуть у каждого человека в отдельности.

Первый тип ОПЯ можно назвать совпадающим, или статистическим, второй — вырабатываемым. Таким образом, бывают совпадающее и вырабатываемое общественное мнение. Ни один из упомянутых выше авторов такого различия между двумя типами общественного мнения не делал.

Возникнув (разным путем), ОПЯ получают словесно-понятийное выражение, к которому приписываются эмоционально-чувственные элементы, и приобретают относительно самостоятельное существование. Благодаря тому что их записывают на бумаге, печатают в прессе, мы можем судить об общественном мнении, которое было реальным фактом в прошлом.

ОПЯ возникают закономерно. Они выражают что-то общее, что имеется у членов общества. Это «общее» не просто выражает мнения, чувства, желания людей. Оно обладает одной важной особенностью, а именно воздействует на каждого члена общества в отдельности, заставляя его подчиниться «общему», поступать не так, как отдельная личность желала бы, а так, как это предписывают ОПЯ. В западной социологической литературе в этом случае гово-

рят о «социальном контроле». Но это не просто «контроль», это и строгое предписание, как следует поступать и даже думать. К тем же, кто проявляет самоволие и действует вопреки общественному мнению, окружающие применяют «санкции»: уговоры, призывы, угрозы вплоть до силового давления.

Таким образом, общественное мнение характеризуют четыре стадии. Первая отличается у разных типов общественного мнения: у совпадающего это будет реагирование на внешние условия, которые действуют на всех членов общества одинаково; у вырабатываемых — общение членов общества друг с другом и формирование общего, коллективного мнения, отношения, понимания событий и т.п. Остальные три стадии у обоих типов общественного мнения одинаковы: на второй стадии общественное мнение получает словесно-понятийное оформление; на третьей оно по принципу обратной связи оказывает сильное воздействие на каждую личность; на четвертой — получает поддержку со стороны членов общества, не допускающих отхода от того, что санкционируется общественным мнением. Отсюда следует, что главная роль общественного мнения в обществе — это поддержание единства, целостности своего субъекта. Ни о каких познавательных целях здесь не может быть и речи. Общественное мнение возникает не для целей познания, а для регулирования общественных отношений.

Изложенное выше понимание общественного мнения требует по-новому осветить вопрос о его субъекте. Им не может быть народ, так как понятие «народ» охватывает разные классы, общности, слои населения. Между отдельными составными частями, образующими «народ», может не быть общения.

Субъектом общественного мнения не может быть группа, или социальная группа, потому что она — понятие статистическое: это люди, имеющие одинаковые признаки, но не обязательно находящиеся вместе и общающиеся друг с другом. Социальные группы могут быть малочисленными, их интересы могут не совпадать, поэтому мнение группы является лишь групповым, а не общественным.

Б. Группин субъектом общественного мнения называл «вселенные», куда входят совершенно разные по своей

природе социальные феномены: и классы, и группы, и прослойки. У каждого из перечисленных выше феноменов может возникнуть свое мнение, но в силу их разнохарактерности такое мнение не может быть общественным. На том же основании нам представляется неверным и мнение М. Горшкова, который в один ряд ставит и индивидуальное, и коллективное, и групповое, и межрегиональное общественное мнение.

Повторим еще раз. Общественное мнение возникает из общения личностей или в том случае, если они находятся в одинаковых условиях и испытывают одинаковые воздействия. Это значит, что эти личности не случайно и не на короткое время оказались вместе, что у них есть что-то их объединяющее, общее — общие интересы, потребности, идеалы и т.п.

Субъектом общественного мнения могут быть устойчивые структурные элементы общества, каковыми в первую очередь являются общности. В настоящее время установившимися общностями являются: гражданская общность (государственно оформленное объединение людей), внутри нее — национально-этнические общности, которые охватывают территориальные общности. Последние предполагают наличие профессионально-производственных и семейно-бытовых общностей людей. В итоге получается пять форм общностей, которые могут перекрываться общественными организациями как вторичным субъектом общественного мнения.

Каждая общность требует социального механизма поддержания своей целостности; ими являются ОПЯ, в частности мнения. Они будут разными в разных общностях; вырабатываемые мнения имеют свою специфику. Общественное мнение гражданского общества возникает в результате общения членов этой общности с помощью средств массовой коммуникации, а мнение семейной общности возникает в процессе личного общения. Первое из указанных выше мнений выражается письменно, второе — устно. Поэтому в общественной жизни существует плюрализм мнений, но в упорядоченной форме. Плюрализм следует понимать не как параллельность, не как хаос, а как соподчиненную упорядоченность.

Привязка ОПЯ, в том числе и общественного мнения, к общностям (и общественным организациям) дает воз-

возможность несколько по-новому подойти и к объекту общественного мнения. Он находится в прямой зависимости от субъекта в том смысле, что содержание общественного мнения гражданского общества будет более широким, общезначимым, чем мнение семейно-бытовой общности, которое отличается ситуативностью, конкретностью, кратковременностью и т.п. Гносеологически же, естественно, мнения зависят от условий социального бытия, в которых находятся общности, но вместе с тем они касаются и внутренней жизни общностей, взаимоотношений между отдельными группировками внутри общностей.

Такова вкратце еще одна точка зрения на проблему общественного мнения. Завершая ее рассмотрение, следует указать, что, кроме функции социального контроля за поведением отдельных членов общностей (организаций), общественное мнение, как и другие ОПЯ, играет большую воспитательную роль. Все ОПЯ являются важнейшими инструментами социализации личности. На этот момент не обращается внимания в работах других авторов.

И последнее. В книге Э. Ноэль-Нойман впервые в литературе на эту тему выдвинут тезис о том, что общественное мнение — это мнение, которое личность не боится высказать гласно, вслух, потому что оно разделяется и другими людьми. Мнения, которые не разделяются большинством, могут привести к изоляции, порождают боязнь одиночества. Боязнь одиночества, согласно Э. Ноэль-Нойман, — важный фактор в формировании и функционировании общественного мнения. Нам представляется, что Ноэль-Нойман, говоря о «синдроме одиночества», в сущности, затронула проблему санкций как инструмента воздействия общности на отдельных ее членов в случае, если они не будут прислушиваться к требованиям общественного мнения. Следовательно, между утверждением, что в общностях существует практика санкций, и мыслью о «синдроме одиночества» нет разногласия; оба положения дополняют друг друга. Различие же состоит в следующем. Санкции — это действия, которые используются, когда уже совершен отход от требований общественного мнения, а боязнь одиночества — это состояние личности, которое предохраняет ее от вступления в конфликт с ним.

Таким образом, общественное мнение — это та реальность, вне которой нет ни существования, ни развития общества, состоящего из общностей, общественных организаций; вне которой не может осуществляться процесс социализации личности, ее воспитание и формирование. Разные исследователи общественного мнения подходят к этому социальному феномену с разных точек зрения, традиционно развивая различные его аспекты. Это вполне правомерно. Ознакомление с тем, как разрабатывается проблема общественного мнения в других странах, будет способствовать выработке общепризнанного представления об общественном мнении и ознаменует еще одно достижение в процессе познания истины.

Доктор философских наук, профессор
Н. Мансуров

Предисловие к русскому изданию

В начале лета 1983 г. меня пригласили в Институт социологии Академии наук СССР выступить с докладом об опросах и формировании общественного мнения. Как-то раз мы обедали в большом, похожем на пивной зал ресторане. Народу было много, и я спросила своего соседа: «Сколько людей здесь говорит о политике?» «О политике, — ответил мой собеседник, — не говорит никто».

Что в таких обстоятельствах может быть общественным мнением? Может ли вообще существовать общественное мнение, если никто не говорит о политике? Конечно, представление, что в тоталитарных государствах нет общественного мнения, получило широкое распространение. Но это ошибка, следствие ужасного заблуждения, существующего относительно данного понятия еще со времен Просвещения. «Общественным мнением» называют самые разнообразные явления: заявления правительства или средств массовой информации, результаты опросов, мнение большинства. Но и это все неправильно! Ни одно из перечисленных определений нельзя назвать полным или исчерпывающим, отражающим собственно общественное мнение, как его понимали уже древние греки и римляне. Совершенно четко это проявляется в выражении «неписанные законы» — речь идет о более чем часто выражаемом мнении. Речь идет о силах, которые в исключительном случае определяют поведение индивида, как будто он зависит от них и *согласен* с ними, хотя, как правило, не осознает этого. Одно лишь мнение большинства не оказывает такого давления, и заявления правительства — тоже. Только моральная «нагрузка» темы может вы-

звать страх перед изоляцией и тем самым высвободить силы, от которых зависит и индивид, и всякое правительство, даже диктаторское.

Однако как в действительности общественное мнение функционирует в условиях диктатуры, наукой пока не исследовано. Цель моей книги «Общественное мнение. Открытие спирали молчания» — стимулировать такие исследования, особенно в странах, имеющих опыт диктатуры. В Германии мы сейчас начали такое исследование. При этом мы можем опереться на ранее недоступные нам материалы службы безопасности за 1939—1943 гг. — времена господства национал-социалистов*. Этим исследованиям следовало бы придать международный импульс, поэтому я рада, что в 1995 г. выйдет испанский перевод книги «Спираль молчания». Испанцы в этом столетии пережили резкие смены авторитарных и демократических режимов. И я очень рада, что в 1996 г. появится также русское издание книги под общей редакцией профессора Н.С. Мансурова, который много сил приложил для того, чтобы идеи «Спирали молчания» стали доступны также и русскому читателю.

Каждый политолог, занимающийся тоталитарными формами правления, хорошо знает, сколь справедливы слова Дэвида Юма, утверждавшего, что самый тиранический режим опирается на поддержку общественного мнения. Из-за границы или с позиций диссидента лучше видится, что диктатура подключает силовые средства государства, чтобы принудить людей к покорности. Любое правительство такого рода использует абсолютно все: деньги, исчисляемые огромными суммами, общественные организации, искусство, риторику, психологию, — чтобы привлечь население на свою сторону и заручиться его поддержкой. Организацией и концентрацией этих средств и сил в нашем столетии часто занимаются крупные пропагандистские министерства, которые, используя знание массовой психологии и теории коммуникации, регулируют влияние общественного мнения на общественность.

* См.: W i r l M. Die öffentliche Meinung unter dem NS-Regime. Diss. Mainz, 1990.

Там, где поддержка со стороны индивида вызывает опасения, включаются средства насилия, чтобы запугиванием и угрозами принудить людей к конформизму. Но большинство населения не думает об этом, потому что благодаря многообразию средств массовой информации оно убеждено в благородстве целей правительства и в его способности их осуществить и потому добровольно поддерживает его, отстраняясь от диссидентов, которые — как ему кажется — хотят помешать продвижению к великому счастливому будущему. Лишь во времена кризисов, непреодолимых трудностей люди начинают сомневаться. Поскольку управляемые средства массовой информации и запрет на оппозицию не обеспечивают свободного общественного проявления таких сомнений, индивид во многом полагается на чрезвычайно «чувствительное» наблюдение за окружением, чтобы оценить, каково настроение населения, как в действительности думают другие. Одновременно с этим он пользуется чрезвычайно осторожными, трудно расшифровываемыми сигналами, чтобы дать понять другим людям о собственном мнении.

В своей диссертации «Общественное мнение при нацистском режиме» Манфред Вирль установил, что немцы воспринимали как сигнал в последние годы войны: сколько людей не носило больше партийный значок, сколько людей перестало пользоваться официальной формулой приветствия «хайль Гитлер» (в «Спирали молчания» такие феномены описываются под названием «квазистатистическое наблюдение»). Службы безопасности справедливо расценивали как признак угрозы режиму то, что незнакомые люди заговаривали друг с другом, что все меньше люди боялись доносов в связи со своими высказываниями. Наступила пора политических анекдотов. В 1943 г., после поражения под Сталинградом, министр пропаганды Йозеф Геббельс устроил в берлинском Дворце спорта грандиозное представление, чтобы продемонстрировать, что дух нации не сломлен. На это мероприятие были приглашены самые верные, самые надежные члены партии. В своей речи Геббельс произнес знаменитые слова: «Вы хотите тотальной войны?» — и толпа взревела в ответ: «Да, мы хотим тотальной войны!»

Во всем мире и сейчас этот митинг считается знаком признания и безоговорочной поддержки населением Германии гитлеровского режима. Но это не так. В то время в Германии был популярен анекдот: «Какое здание самое большое в мире?» Ответ: «Дворец спорта в Берлине, так как он вмещает весь немецкий народ». Политический анекдот обнажает влияние общественного мнения, скрытое диктатурой. Речь Геббельса во Дворце спорта была искусно организованным представлением. Неудивительно, что она до сих пор вводит в заблуждение мировую общественность. Однако в 1943 г. немцев уже нельзя было обмануть: несмотря ни на что, они воспринимали действительное общественное мнение, но не через управляемые средства массовой информации, а — наряду с прочим — через анекдоты, рассказываемые шепотом.

Люди, у которых государство, узурпировав всю общественную сферу, украло общественные способы выражения своего мнения и своих впечатлений, «общественный глаз» и «публичное ухо», как говорили в Англии еще в конце XVIII в., до предела отшлифовывают свои способности восприятия того, что думают другие.

Мы стоим перед исследовательской целиной — изучить функционирование общественного мнения в условиях диктатуры. То, что в Германии с 60-х годов называется «преодолением прошлого», проходит болезненно и не всегда правильно еще и потому, что человек и сегодня не может адекватно воспринимать самого себя и руководство общественным мнением со стороны тоталитарного правительства, в чем последнее весьма преуспело. Наука до сих пор не смогла помочь людям осознать то, что они пережили в условиях диктатуры. Одни лишь опросы еще ничего не объясняют; нужна теория, которая объяснила бы процессы формирования общественного мнения и получила бы подтверждение в эмпирических социальных исследованиях. Такова цель разработки теории «спирали молчания».

ГИПОТЕЗА СПИРАЛИ МОЛЧАНИЯ

Для воскресного вечера 1965 г., когда проводились выборы в бундестаг, Второй канал немецкого телевидения придумал нечто новое — вечеринку в честь выборов в Бетховензале в Бонне. Эстрадный концерт со сцены, несколько оркестров танцевальной музыки, гости за длинными столами, зал переполнен до отказа. На переднем плане справа, немного ниже сцены, на некотором возвышении установлена небольшая трибуна — место, где нотариус Даниэльс в шесть часов должен вскрыть конверты с прогнозами выборов, составленными институтами Алленсбах и Эмнид и переданными ему за два дня до этого вечера. Руководители институтов должны были внести результаты в таблицу у трибуны, чтобы всем в зале было хорошо видно. Я писала, ощущая за собой беспокойную публику, разногласицу, стук стульев: «Первые голоса ХДС/ХДС — 49,5%, СПГ — 38,5%...» В эти секунды за моей спиной раздался крик сотен людей, перешедший в бешеный шум. Оглушенная, я закончила: «СвДП — 8%, другие партии — 4%». Зал кипел от возмущения, издатель «Цайт» Герд Бусериус крикнул мне: «Элизабет, как мне теперь вас защищать?»

Обманул ли Алленсбах общественность, изображая в течение нескольких месяцев гонки противников, шедших почти вровень друг с другом? Всего за два дня до описываемых событий «Цайт» опубликовала интервью со мной под броским заголовком: «Я не удивлюсь, если СПГ выиграет...»¹ Поздним вечером того же воскресного дня, когда официальные результаты выборов приближались к алленсбахским прогнозам, один политик из

приверженцев ХДС, довольно улыбаясь с экрана телевизора, дал понять, что он, конечно, знал действительное положение дел, но не афишировал этого — «маленькая тактическая хитрость».

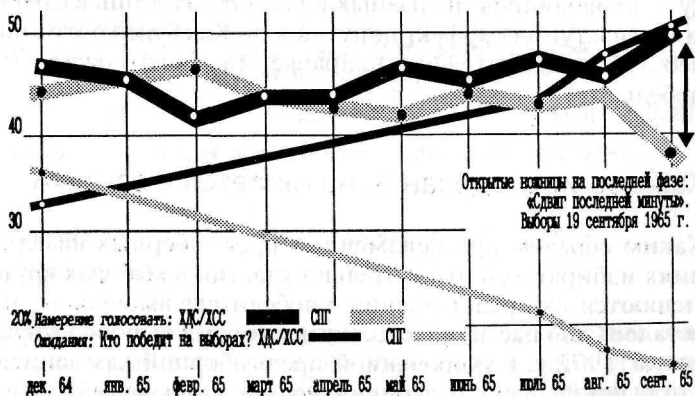
Цитата «Цайт» была точна, я именно так и сказала, но интервью пролежало в редакции более двух недель. В начале сентября все выглядело как гонки с неизвестным финалом. То, что публика увидела в Бетховензале, чему мы, сидя за письменным столом в Алленсбахе, удивлялись за три дня до выборов и что все же не могли опубликовать, поскольку это выглядело бы как попытка массированного воздействия на исход выборов, было феноменом общественного мнения. Мы стали очевидцами явления, имя которому найдено сотни лет назад, хотя его и нельзя пощупать руками. Под давлением общественного мнения сотни тысяч избирателей, пожалуй, даже миллион, совершили нечто, что мы позднее назвали «the last minute swing» (сдвиг последней минуты); это был «эффект попутчиков» в последнюю минуту, позволивший ХДС/ХСС «набирать очки», пока вместо равновесия сил двух крупных партий не сформировался перевес ХДС/ХСС в целых 8%, по официальным данным (см. рис. 1).

Загадка выборов 1965 г.

Рис. 1

Намерения избирателей голосовать в течение многих месяцев почти не меняются. В предвыборной гонке ХДС/ХСС и СИП идут практически вровень. В то же время распространяется мнение, что блок ХДС/ХСС, пожалуй, победит. Как это происходит?

В конце избирательной кампании проявляется «эффект попутчика» в направлении предполагаемого победителя на выборах.

Источник: Алленсбахский архив, опросы 1095, 1097, 1098, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005 и 2006.

«Измерения опережают понимание»

Тогда, в 1965 г., у нас уже был в руках ключ к пониманию изменения мнения избирателей, но мы не знали об этом. В статье об общественном мнении, опубликованной в 1968 г. в «Международной энциклопедии социальных наук», профессор журналистики и коммуникационных исследований Колумбийского университета в Нью-Йорке У.Ф. Дэвисон писал: «Наши измерения сильно опережают понимание»². Это была точная характеристика нашего положения в 1965 г.: мы гораздо больше измерили, чем поняли. В то время как обе крупные партии с декабря 1964 г. почти до самого дня выборов в сентябре 1965 г. неизменно шли наравне по количеству своих приверженцев — и эти цифры регулярно с апреля по конец августа публиковал «Штерн», — существовали и другие показатели, обнаруживавшие совершенно независимые от этих цифр колебания. «Конечно, никто не может знать, но как вы думаете, кто выиграет?» — такой вопрос звучал довольно часто. В декабре многие предсказывали победу и ХДС/ХСС, и СПГ, даже отдавали некоторое предпочтение последней. Но потом результаты начали меняться, неуклонно возрастало число ожидавших победы ХДС/ХСС и снижались оценки СПГ. Уже в июле 1965 г. ХДС/ХСС шли к выборам с несомненным опережением, которое в августе достигло почти 50%. Казалось, что оба измерения — измерение намерений избирателей и измерение надежд на победу — проводились «на разных планетах». И лишь в самом конце наступил «эффект попутчиков». Как будто поток понес 3–4% избирателей в направлении общего ожидания победы.

Каждое исследование начинается с загадки

Каким образом при неизменных предвыборных намерениях избирателей относительно участия в выборах круто меняются их представления о победителе выборов — это осталось для нас загадкой. Лишь во время выборов в бундестаг 1972 г. с укороченной предвыборной кампанией, что было не очень благоприятно для наблюдений такого рода, мы апробировали свой «демоскопический инстру-

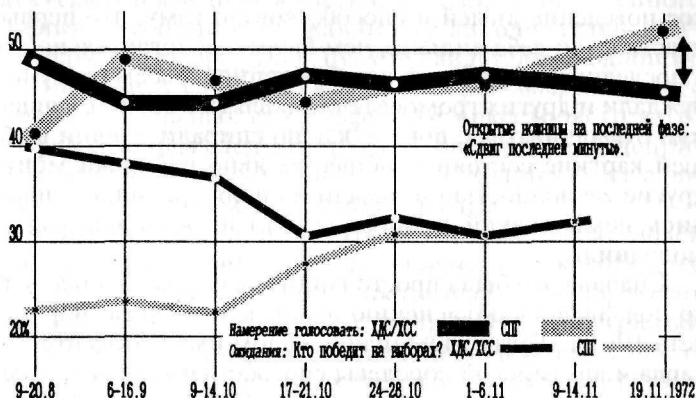
ментарий» с развернутой программой вопросов, вооруженные гипотезой, предложенной нами к обсуждению на Международном психологическом конгрессе в Токио (лето 1972 г.)³.

В действительности предвыборная борьба 1972 г. протекала так же, как в 1965 г. Обе крупные партии шли на равных в вопросе о намерениях избирателей, и в то же время — как в ином, отстраненном мире — неделя за неделей росло ожидание победы СПГ. Лишь однажды произошло снижение показателей, а к концу предвыборной кампании имел место «сдвиг последней минуты» — «эффект попутчиков» в направлении растущего ожидания победы, на этот раз для СПГ (см. рис. 2).

Феномен 1965 г. повторяется в 1972 г.

Рис. 2

При неизменных намерениях голосовать — блок ХДС/ХСС идет вровень — климат мнений изменяется: ослабление ожиданий победы ХДС/ХСС. В конце избирательной кампании проявляется «эффект попутчика» в направлении усложнявшихся предположений относительно победителя.

Источник: *Амстердамский архив*, опросы 2084, 2085, 2086/I, 2086/II, 2087/I, 2087/II и 2088.

Климат мнений определяют выступления и отталчивание

Гипотезой я обязана в первую очередь студенческим волнениям в конце 60-х — начале 70-х годов, в частности конкретной студентке. Как-то встретив ее в вестибюле перед аудиторией со значком ХДС на куртке, я сказала: «Не ду-

мала, что вы в ХДС». «А я не в партии, — ответила она. — Я просто прикрепила значок, чтобы посмотреть, как это бывает...» После обеда мы столкнулись с ней снова. Значка не было. Я поинтересовалась. «Да, я сняла значок, — ответила она. — Это было слишком ужасно».

Всплеск возбуждения, которым отмечены годы новой восточной политики, стал вдруг понятен: по количеству приверженцев СПГ и ХДС/ХСС могут быть равны, но они далеко не одинаковы по энергии, воодушевлению, с которым демонстрируют свои убеждения. Воочию можно было видеть лишь значки СПГ, и неудивительно, что население неправильно оценило соотношение сил. И вот на глазах у всех разворачивалась необычная динамика. Тот, кто был убежден в правильности новой восточной политики, чувствовал, что все одобряют его мысли. Поэтому он громко и уверенно выражал свою точку зрения. Те, кто отвергал новую восточную политику, чувствовали себя в изоляции, замыкались, отмалчивались. Именно такое поведение людей и способствовало тому, что первые чувствовали себя сильнее, чем были в действительности, а последние — слабее. Эти наблюдения в своем кругу побуждали и других громогласно заявлять о своих взглядах или отмалчиваться, пока — как по спирали — одни в общей картине состояния общества явно набирали мощь, другие же полностью исчезали из поля зрения, становились немые. Такой процесс можно назвать «спиралью молчания».

Сначала это была просто гипотеза. С ее помощью легко поддавались объяснению наблюдения предвыборного лета 1965 г. Тогда упоминание рядом имен Людвига Эрхарда и английской королевы способствовало росту симпатий населения к правительству. Популярный Эрхард готовился к своей первой предвыборной борьбе в качестве канцлера, радовали солнечная погода и визит английской королевы, которая разъезжала по стране, ее то и дело приветствовал Эрхард. При почти равном раскладе голосов за ХДС/ХСС и СПГ было удовольствием причислять себя к сторонникам ХДС, которая со всей очевидностью будет правительственной партией. Резкий рост ожиданий победы ХДС/ХСС на выборах в бундестаг отражал климат мнений.

«Эффект попутчиков в последнюю минуту»

Ни в 1965 г., ни в 1972 г. намерения избирателей с самого начала не были очевидными; в обоих случаях почти до дня выборов они казались не связанными со взлетом и падением уровня мнений. В этом можно видеть хороший знак: по крайней мере намерения голосовать не похожи на флаги на ветру и обнаруживают значительную стабильность. Однажды австро-американский социальный психолог и исследователь выборов Пауль Ф. Лазарсфельд, говоря об иерархии стабильности мнений⁴, в качестве ее вершины назвал намерения голосовать, как якобы особенно устойчивые, медленно поддающиеся новому опыту, новым наблюдениям, новой информации, новым мнениям. В конце концов влияние климата мнений все же сказывается на намерениях голосовать. Дважды мне приходилось наблюдать «сдвиг последней минуты», давление общественного мнения, что приносило кандидату дополнительные 3–4% голосов. Лазарсфельд, будучи свидетелем подобного явления еще в 1940 г. во время выборов американского президента, назвал его «эффектом оркестрового вагона»⁵, за которым следуют другие. Согласно же общепринятому объяснению, каждому как бы хочется быть с победителем, считаться тоже победителем.

Быть на стороне победителя? Большинство людей вряд ли так претенциозны. В отличие от руководящего слоя они не ожидают для себя постов и власти. Скорее речь идет о более скромных вещах, о стремлении не чувствовать себя в изоляции, которое, по всей видимости, свойственно всем нам. Никому не хочется быть таким же одиноким, как упомянутая выше студентка со значком ХДС, одиноким настолько, что не видишь глаз соседей по дому, встретившись на лестнице, что коллеги по работе не сядут рядом... Начинаем почти на ощупь собирать сотни признаков того, что человек не пользуется симпатией, что он — в кольце отчуждения.

Демоскопическое интервью выявляет тех, кто чувствует себя изолированно в общении: опрашиваемые отвечают, что у них нет знакомых. Такие люди скорее других участвуют в «сдвиге последней минуты» — в 1972 г. мы смогли доказать это повторным опросом одних и тех же

избирателей перед выборами и после. Лица со слабым самосознанием и ограниченной заинтересованностью в политике тянули с участием в выборах до последнего момента. Большинство подобных попутчиков по причине своей слабости, несомненно, далеки от намерения разделить лавры победителя — стоять рядом с музыкантами и играть на трубе. Выражение «С волками выть»⁵ точнее всего отражает ситуацию попутчиков. Или лучше: ситуацию людей. Попутчик настолько страдает от мысли, что другие отвернутся от него, что можно легко манипулировать его чувствительностью и вести его, как на веревочке.

Боязнь изоляции представляется движущей силой, раскручивающей спираль молчания. «Выть с волками» не совсем приятное состояние, но если оно не под силу человеку, не желающему разделять распространенное убеждение, то ведь можно и молчать — это вторая возможность смягчить страдания. Английский социальный философ Т. Гоббс писал в 1650 г., что молчание можно истолковать как знак согласия, потому что в случае несогласия так легко сказать «нет»⁶. Он определенно ошибался насчет легкости несогласия, но из рассуждений Гоббса ясно видно, что молчание чаще истолковывается как согласие.

В поисках явления

Когда рассматриваешь такой процесс, как спираль молчания в качестве гипотезы, то есть две возможности проверить ее достоверность. Если она действительно существует, если это процесс реализации или гибели убеждений, то он не мог не привлечь исследователей прошлого. Мало вероятно, что такой процесс ускользнул от внимания чутких и вдумчивых наблюдателей, какими были философы, юристы, историки, описывавшие людей и мир вокруг себя. Приступив к поискам, я натолкнулась на обнадеживающий знак в прошлом, обнаружив точное описание динамики спирали молчания в опубликованной в 1856 г. А. де Токвилем истории Французской революции. Говоря

⁵ Автор, видимо, имеет в виду русскую пословицу: «С волками жить — по-волчьи выть». — Прим. ред.

о падении французской Церкви в середине XVIII в., он, в частности, отметил, что презрение к религии стало тогда всеобщей и господствующей страстью среди французов. Серьезной причиной для этого, по его мнению, было «онемение» французской Церкви. «Люди, придерживавшиеся прежней веры, боялись оказаться в меньшинстве преданных своей религии. А поскольку изоляция страшила их более, чем ошибки, они присоединялись к большинству, не изменяя своих мыслей. Взгляды одной лишь части нации казались мнением всех и именно поэтому вводили в неодолимое заблуждение как раз тех, кто был виной этого обмана»⁷.

Продвигаясь в глубь веков, я повсюду обнаруживала впечатляющие наблюдения и замечания на интересующую меня тему: у Ж.-Ж. Руссо и Д. Юма, у Дж. Локка, М. Лютера, Макиавелли, Яна Гуса и, наконец, у античных авторов. То были скорее заметки на полях, нежели глубокие рассуждения. Но реальность спирали молчания становилась все более ощутимой.

Вторая возможность проверить достоверность гипотезы обеспечивается эмпирическим исследованием. Если феномен спирали молчания существует, его можно измерить. По крайней мере сегодня, когда уже почти столетия широко применяется инструментарий репрезентативных опросов, социально-психологические явления не могут ускользнуть от внимания наблюдателя. Такого рода инструментарий был придуман, чтобы выявить процесс спирали молчания, об этом речь пойдет в следующей главе.

Примечания

¹ Leonhardt R. W. Der Kampf der Meinungsforscher. Elisabeth Noelle-Neumann: «Ich würde mich gar nicht wundern, wenn die SPD gewänne». — *Die Zeit*, 17. September 1965.

² Davison W. Phillips. Public Opinion. Introduction. — Sills D. L. (Ed.). *International Encyclopedia of the Social Sciences*. New York, 1968, vol. 13, p. 188–197.

³ См.: Noelle-Neumann E. Return to the Concept of Powerful Mass Media. — *Studies of Broadcasting*, № 9, March 1973, p. 67–112.

⁴ См.: Lazarsfeld Paul F., Bernard Berelson, Hazel Gaudet. *The People's Choice. How the Voter Makes up his*

Mind in a Presidential Campaign. New York, London: Columbia, 1944 (1948, 1968), p. XXXVI f.

⁵ Ibid., p. 107–109.

⁶ См.: H o b b e s T h. The Elements of Law. Natural and Politic. London, 1969, p. 69.

⁷ T o c q u e v i l l e A. d e. L'Ancien régime et la révolution. — Oeuvres complètes, vol. 2. Paris, 1952. Цит. по нем. изд.: Das alte Staatswesen und die Revolution. Leipzig, 1857, S. 182.

ДЕМОСКОПИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗЫ

«Инструментарий» звучит, может быть, необычно, вызывая представления об аппаратуре — от небольших приборов до гигантских конструкций с солнечными батареями. То, что стоит в анкете, что сформулировано как вопрос интервью и часто смахивает на игру, — это и есть инструменты наблюдения. Ответы репрезентативной выборочной группы на эти вопросы выявляют мотивы и поступки, на которых, вероятно, основывается такой процесс, как спираль молчания.

Гипотеза о спирали молчания предполагает, что мы наблюдаем за своим окружением, чутко воспринимаем, что думает большинство других людей, каковы тенденции, какие установки усиливаются, что возьмет верх. Можно ли это доказать?

«Откуда мне знать?»

В январе 1971 г. мы предприняли первую попытку подступиться к спирали молчания, предложив респондентам серию из трех вопросов.

Вопрос относительно ГДР: «Как Вы считаете, следует ли ФРГ признать ГДР как второе немецкое государство или нет?»

Независимо от Вашего личного мнения по этому вопросу ответьте: «Как Вы думаете, большинство людей в ФРГ за или против признания ГДР? Что, по Вашему мнению, произойдет, как изменятся взгляды через год: больше или меньше людей, чем сегодня, будут выступать за признание ГДР как второго немецкого государства?»

«Независимо от Вашего личного мнения по этому вопросу ответьте: Как Вы думаете, будет большинство людей “за” или “против”... Что, по Вашему мнению, произойдет через год, как изменятся мнения людей...» Вполне вероятно, что большинство опрошенных должны были бы ответить: «Откуда мне знать, что думает большинство, как будет дальше? Я ведь не пророк!» Но люди не отвечают так на эти вопросы. От 80 до 90% репрезентативной выборочной совокупности населения старше 16 лет оценивают мнение окружающих, как будто это само собой разумеющееся дело (см. табл. 1).

Таблица 1

НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ОКРУЖАЮЩИМ — КЛИМАТ МНЕНИЙ

Люди, как правило, решаются судить о том, на чьей стороне в спорном вопросе окажется большинство населения. В таблице представлены двенадцать примеров из 50 тестов, включенных в представительные опросы общественного мнения населения (1—2 тыс. интервью) в 1971—1979 гг. Вопрос к первой теме: «Отвлекаясь от Вашего собственного мнения, как Вы думаете, большинство людей в ФРГ “за” или “против” признания ГДР?» Аналогичным образом формулировались вопросы к другим темам.	
Темы интервью для оценки «Как об этом думает большинство людей?»	Доля опрошенных, давших оценку, %
Признание ГДР (январь 1971 г.)	86
Принять меры против распространения гашиша и ЛСД (январь 1971 г.)	95
Ввести строгие законы для охраны чистоты воздуха и воды (март 1971 г.)	75
Прерывание беременности (апрель 1972 г.)	83
«За» или «против» смертной казни? (июль 1972 г.)	90
«За» более сильное политическое влияние Франца Йозефа Штрауса (октябрь—ноябрь 1972 г.)	80
«За» или «против» принудительного кормления заключенных (февраль 1975 г.)	84
Можно ли принять на работу судьей члена ГКП? (апрель 1976 г.)	82

Темы интервью для оценки «Как об этом думает большинство людей?»	Доля опрошенных, давших оценку, %
Нравится ли ХДС/ХСС? (август 1976 г.)	62
Нравится ли СПГ? (август 1976 г.)	65
«За» или «против» строительства новых атомных электростанций? (сентябрь 1977 г.)	85
Курить в присутствии некурящих (март 1979 г.)	88
Средняя конкретных оценок по 55 темам	82

Источник: Алленсбахский архив, опросы 2068, 2069, 2081, 2083, 2087, 3011, 3028, 3032/II, 3047, 3065.

Несколько менее уверены респонденты в оценках будущего. Но и этот вопрос не повисает в пустоте. В январе 1971 г. почти 3/5 опрошенных высказали предположение, как изменятся мнения в будущем. Ожидания были довольно определенны: 45% полагало, что увеличится число людей, которые будут поддерживать признание ГДР в качестве второго немецкого государства, а 16% — что их число уменьшится (см. табл. 2).

Таблица 2

ОЖИДАНИЯ КАК ВЫРАЖЕНИЕ КЛИМАТА МНЕНИЙ

Тест готовности высказаться о будущем развитии мнений, например по вопросу признания ГДР в январе 1971 г. Вопрос: «Как, на Ваш взгляд, изменятся мнения через год — больше или меньше людей, чем сегодня, выскажутся за признание ГДР в качестве второго немецкого государства?»	
	Население старше 16 лет, %
Через год больше людей будет «за» признание ГДР	45
Больше будет «против»	16
Не знаю	39
	100 n = 1979

Источник: Алленсбахский архив, опрос 2068.

Результат напомнил мне наблюдения 1965 г. И тогда большинство респондентов на вопрос: «Как Вы думаете, кто победит на выборах?» — не возразили: «Откуда мне знать?», хотя это был бы вполне резонный ответ, если учесть демокопические данные, которые месяц за месяцем отражали предвыборную гонку кандидатов на равных. Нет, ожидания проявлялись тогда все яснее и яснее, и не без последствий, как показали события в последние минуты голосования. Если перенести наблюдения 1965 г. на 1971 г., следовало ожидать спирали молчания в пользу признания ГДР.

Открытие новой способности человека — восприятие климата мнений

Пытаясь установить, поддается ли гипотеза об отмалчивании эмпирической проверке, мы вслед за первым опытом в январе 1971 г. многократно апробировали похожие серии вопросов. И каждый раз находили подтверждение тому, что население имеет представление о мнении большинства и меньшинства, о частотных распределениях мнений «за» и «против» — независимо от того, были опубликованы демокопические данные или нет и какие, — как это произошло в 1965 г. (см. табл. 3).

Таблица 3

ОЦЕНКИ БУДУЩЕГО КЛИМАТА МНЕНИЙ

Какой лагерь будет сильнее, какой слабее? Многие люди отваживаются судить от том, какой лагерь в спорном вопросе окажется сильнее. В таблице представлены шесть примеров из 25 тестов на основе 1–2 тыс. интервью с представительными для населения выборками (1971–1979 гг.). <i>Вопрос:</i> «Как, на Ваш взгляд, изменятся мнения через год: тогда больше или меньше людей, чем сегодня, будут “за”...?»	
Темы для оценки дальнейшего развития мнений	Доля опрошенных, высказавшихся о развитии мнений в ближайшем будущем (через год), %
Признание ГДР (январь 1971 г.)	61
«За» или «против» общества личных достижений? (август 1972 г.)	68

Темы для оценки дальнейшего развития мнений	Доля опрошенных, высказавшихся о развитии мнений в ближайшем будущем (через год), %
Совместная жизнь молодой пары без оформления брака (февраль 1973 г.)	79
За более сильное политическое влияние Франца Йозефа Штрауса (март—апрель 1975 г.)	72
«За» или «против» смертной казни? (июль—август 1977 г.)	87
Строительство новых атомных станций (март 1979 г.)	81
Средняя конкретных ответов о дальнейшем развитии мнений по 27 темам	75

Источник: Алленсбахский архив, опросы 2068, 2084, 2090, 3013, 3046, 3065.

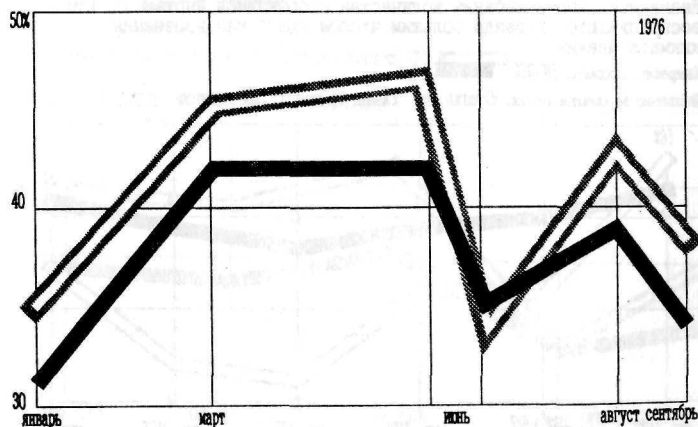
Кто победит на выборах?

Рис. 3

Десятилетиями в исследованиях предвыборных кампаний этот вопрос использовался для измерения климата мнений. Другой индикатор климата мнений: «нравится ли большинству ХДС/ХСС...?» измеряет то же самое, но точнее, т.е. с большей выразительностью.

Индикатор 1: Предстоящие выборы в бундестаг выигрывает ХДС/ХСС

Индикатор 2: Большинству нравится ХДС/ХСС

Источник: Алленсбахский архив, опросы 3023, 3025, 3030, 3031, 3032, 3035.

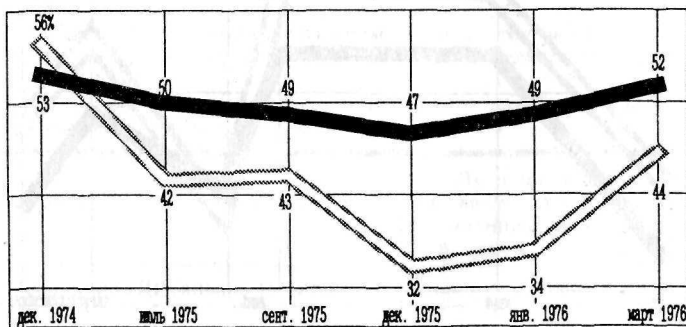
В год следующих выборов — 1976 г. — мы подвергли систематическому сравнительному анализу вопросы, с помощью которых в течение 1965–1971 гг. измерялось восприятие распространенности мнений: «Кто победит на выборах?» «Как думает большинство людей?» Оба инструмента показывали одно и то же. Однако вопрос: «Нравится ли большинству людей ХДС/ХСС... или Вы так не думаете?» — оказался более чувствительным и тем самым более удачным инструментом: он четче показывал взлеты и падения в оценках силы партий (см. рис. 3).

Рассматривая поразившие нас колебания климата мнений населения относительно партий, невольно задаешься вопросом: правильно ли население их оценивает? В декабре 1974 г. мы начали систематически включать этот вопрос в наши опросы. Намерения избирателей, мало изменяющиеся, в соответствии с правилом об иерархии стабильностей за 15 месяцев наблюдений обнаружили легкие, но устойчивые тенденции. Всего на 6% не совпадали верхняя и нижняя оценки ХДС/ХСС и на 4% — СПГ. В то же самое время показатель климата мнений, как это воспринимало население, обнаружил значительные колебания — здесь расхождения достигали 24%, и эти колебания явно были вызваны соответствующей переориентацией небольшой части избирателей (см. рис. 4, 5). Загадка за-

Незначительные колебания количества сторонников партии Рис. 4
воспринимаются гораздо большим числом людей как изменения
климата мнений

Намерение голосовать: ХДС/ХСС

Наблюдение за климатом мнений: «Полагаю, что большинству людей ХДС/ХСС нравится»

Источник: Аленсбахский архив, опросы 3010, 3017, 3019, 3022, 3023, 3025.

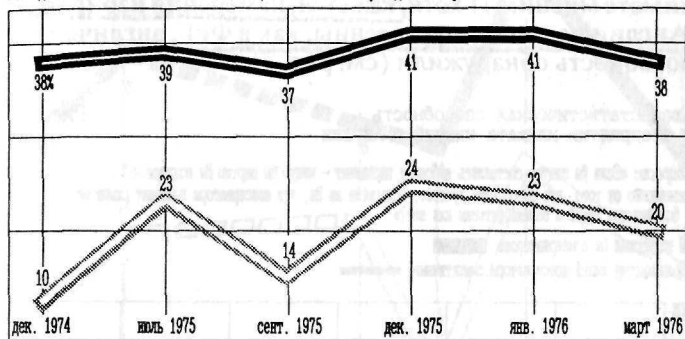
Проявление климата мнений

Рис. 5

Традиционные вопросы о намерениях относительно выборов не показывают, с какими опасениями это в действительности связано.

Намерение голосовать: СПГ

Наблюдение за климатом мнений: «Полагаю, что большинству людей СПГ нравится»

Источники: Аленсбахский архив, опросы 3010, 3017, 3019, 3022, 3023, 3025.

ключалась в следующем: каким образом население могло воспринимать эти в общем слабые колебания в намерениях избирателей? Мы продолжили исследования. Замеры по стране в целом уточнялись наблюдениями в опреде-

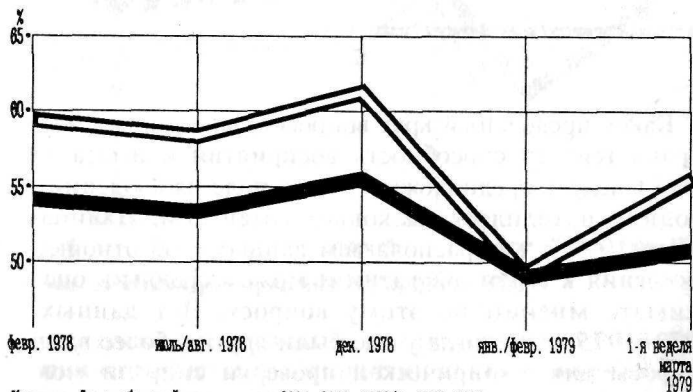
Резкая перемена климата мнений перед выборами в ландтаг Рейнланд-Пфальц

Рис. 6

Намерение голосовать: ХДС

Наблюдение за климатом мнений:

«Я думаю, большинству людей в Рейнланд-Пфальце нравится ХДС»

Источники: Аленсбахский архив, опросы 3114, 3141, 3153/1, 3156, 3158.

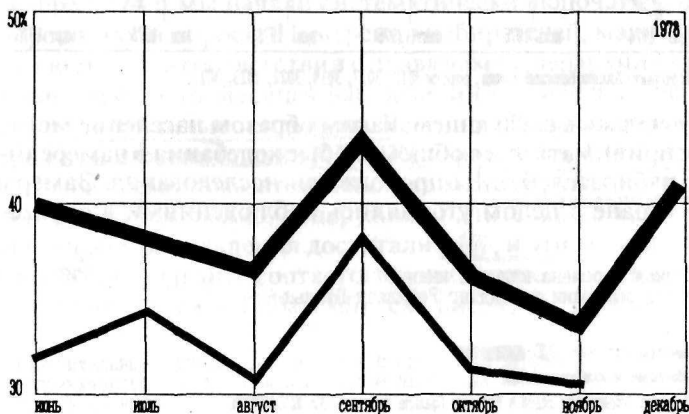
6
 ленных районах страны, в землях — например, в Нижней Саксонии или земле Рейнланд-Пфальц (см. рис. 6). Институт Гэллага заявил о своей готовности изучать способность английского населения воспринимать изменения в климате мнений. И хотя, кажется, намерения избирателей в Англии не столь определены, как в ФРГ, англичане эту способность обнаружили (см. рис. 7).

Квазистатистическая способность
 к восприятию климата мнений в Англии

Рис. 7

Вопросы: «Если бы завтра состоялись выборы в парламент — какую бы партию Вы поддержали? Независимо от того, что Вы об этом думаете, полагаете ли Вы, что консерваторы вызывают симпатию у большинства людей в Великобритании или нет?»

«Я поддержал бы консерваторов» [темная линия]
 «Большинству людей консерваторы симпатичны» [темная линия]

Источник: Политический индекс Института Гэллага.

Каков предельный круг вопросов, на которые распространяется эта способность восприятия климата мнений? Следует предположить, что в поле наблюдений постоянно находилось несколько сотен тем. Начиная с марта 1971 г. мы располагаем данными об отношении населения к смертной казни и можем сравнить оценки климата мнений по этому вопросу. Нет данных за 1972–1975 гг. — тогда у нас были другие, более важные вопросы для эмпирической проверки спирали молчания. Однако шесть измерений в 1971–1979 гг. подтвер-

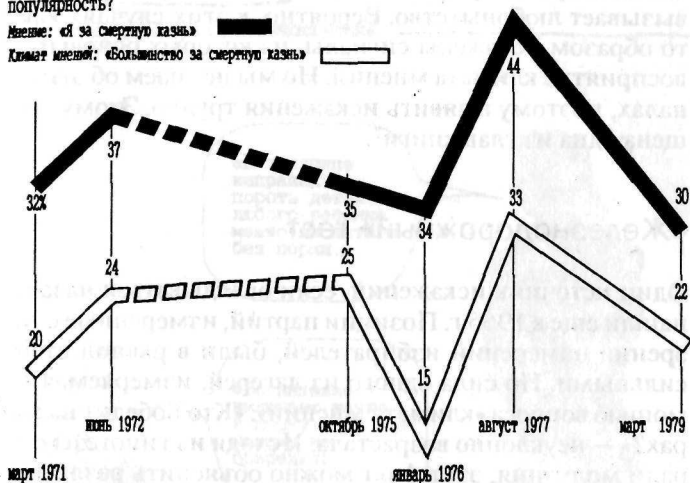
Мнения и климат мнений

Рис. 8

Откуда люди, как общность, знают, что какое-то мнение распространяется или теряет популярность?

Мнение: «Я за смертную казнь»

Климат мнений: «Большинство за смертную казнь»

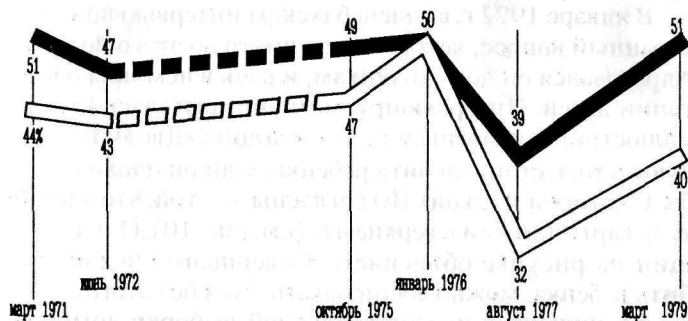
Источник: Алевксандский фронт, опросы 2069, 2083, 3020, 3023, 3046 и 3065.

Контрольный тест: квазистатистическое восприятие роста и уменьшения количества противников смертной казни

Рис. 9

Мнение: «Я против смертной казни»

Климат мнений: «Большинство против смертной казни»

Источник: Алевксандский фронт, опросы 2069, 2083, 3020, 3023, 3046 и 3065.

ждает, насколько надежно действительные изменения мнений отражаются в восприятии климата мнений (см. рис. 8, 9).

Иногда восприятие нарушается, но поскольку в целом оно так хорошо срабатывает, то каждый случай искажения вызывает любопытство. Вероятно, в этих случаях каким-то образом искажены сигналы, на которых основывается восприятие климата мнений. Но мы не знаем об этих сигналах, поэтому выявить искажения трудно. Этому посвящена одна из глав книги¹.

«Железнодорожный» тест

Один источник искажений, если оглядываться назад, мы нашли еще в 1965 г. Позиции партий, измеренные с точки зрения намерений избирателей, были в равной степени сильными. Но сила одного из лагерей, измеряемая с помощью вопроса «климата мнений»: «Кто победит на выборах?» — неуклонно возрастала. Исходя из гипотезы о спирали молчания, этот факт можно объяснить различиями в готовности говорить о своих убеждениях «на людях», т.е. там, где каждый может видеть нужные ему сигналы. Если люди действительно чутко наблюдают за мнениями в своей среде и в своем поведении могут подстраиваться, приспособиться к силе или слабости лагерей, то это обстоятельство является вторым предположением, которое следует эмпирически изучить.

В январе 1972 г. в алленсбахском интервью появляется странный вопрос, который еще никто до этого не задавал. Адресовался он домохозяйкам, и речь в нем шла о воспитании детей. Интервьюируемому предлагалась картинка, иллюстрирующая диалог двух женщин: «Две матери беседуют о том, стоит ли бить ребенка, если он плохо ведет себя. С которой из двоих Вы согласны — с той, что в нижнем углу картинки или в верхнем?» (см. рис. 10). Одна из женщин на рисунке объясняет: «Совершенно недопустимо бить ребенка, можно воспитывать его и без этого».

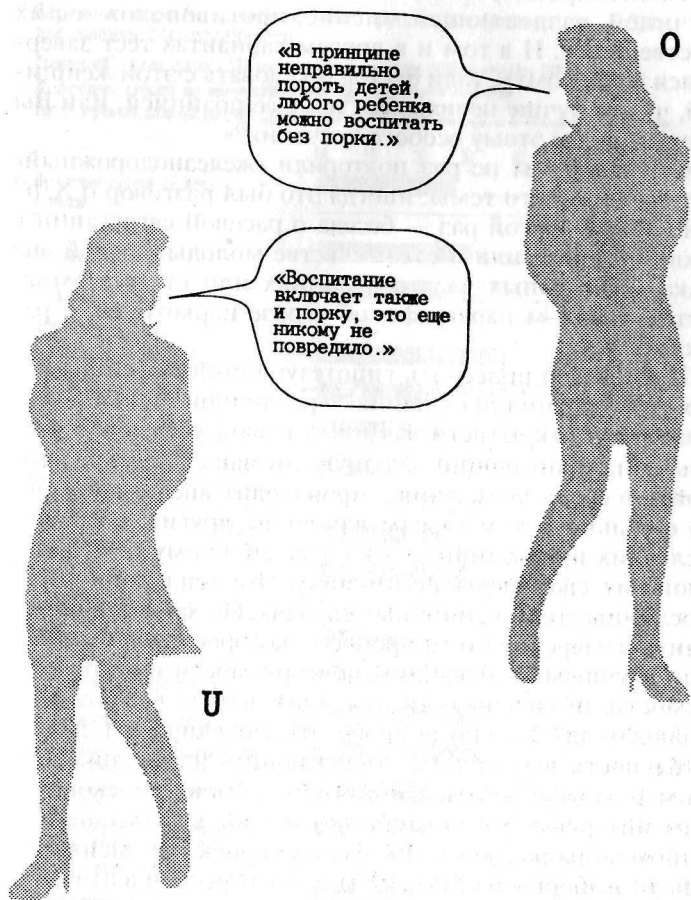
40 процентов представительной выборки домохозяек согласились тогда с этим мнением.

По мнению другой собеседницы, «порка тоже воспитывает, это не повредило еще ни одному ребенку». 47% домохозяек присоединились к этому мнению, 13% затруднились дать ответ.

Тест готовности говорить и тенденции отмалчиваться
на примере спора о принципах воспитания

Рис. 10

Рисунок для выявления двух лагерей в демографическом интервью.

Далее следовал следующий тест: «Предположим, Вам предстоит ехать в поезде пять часов и в Вашем купе оказалась женщина, которая считает...» Здесь текст разделялся на два варианта. Для женщин, которые принципиально

против порки детей, заключительный текст звучал следующим образом: «...что порка — это *тоже* воспитание». В другой группе женщин, которые одобряли подобное наказание, тест завершался так: «...что порка детей *абсолютно* неприемлема».

Таким образом, женщин-домохозяек сталкивали с попутчицей, разделяющей мнение, противоположное их собственному. И в том и в другом вариантах тест завершался вопросом: «Стали бы Вы беседовать с этой женщиной, чтобы лучше познакомиться с ее позицией, или Вы не придали бы этому особого значения?»

С тех пор мы не раз повторяли «железнодорожный» тест, варьируя его темы: иногда это был разговор о ХДС или СПГ, в другой раз — беседа о расовой сегрегации в Южной Африке или о сожительстве молодых людей вне брака, об атомных электростанциях или статусе эмигрантов, о 218-м параграфе, об угрозе наркотиков, о радикалах.

Предстояло проверить гипотезу: в столкновении разных точек зрения противники с различной степенью активности и открытости защищают свои убеждения. Лагерь, обнаруживающий большую готовность открыто говорить о своих убеждениях, производит впечатление более сильного и тем самым влияет на других, побуждая последних присоединиться к более сильному или умножающему свои ряды противнику. Эта тенденция легко прослеживается в единичных случаях. Но как в целом наладить измерение этого процесса, которое бы удовлетворяло научным требованиям повторяемости и контролируемости, независимости от субъективных впечатлений наблюдателя? Можно попробовать моделировать действительность в условиях, допускающих измерение. Например, моделировать действительность в демоскопическом интервью, когда вопросы следуют в четко определенном порядке, когда их формулировка не меняется, будь то выборки из 500, 1000 и 2000 респондентов, где задействованы сотни интервьюеров, так что ни одни из факторов не может серьезно повлиять на результат. Но насколько слабее ситуация в интервью по сравнению с жизнью, опытом, восприятием действительности!

Поведение «на людях»

Первая задача состояла в том, чтобы в демокопическом интервью смоделировать давление окружающих, выявить скрытую готовность респондента как-то вести себя «на лю-

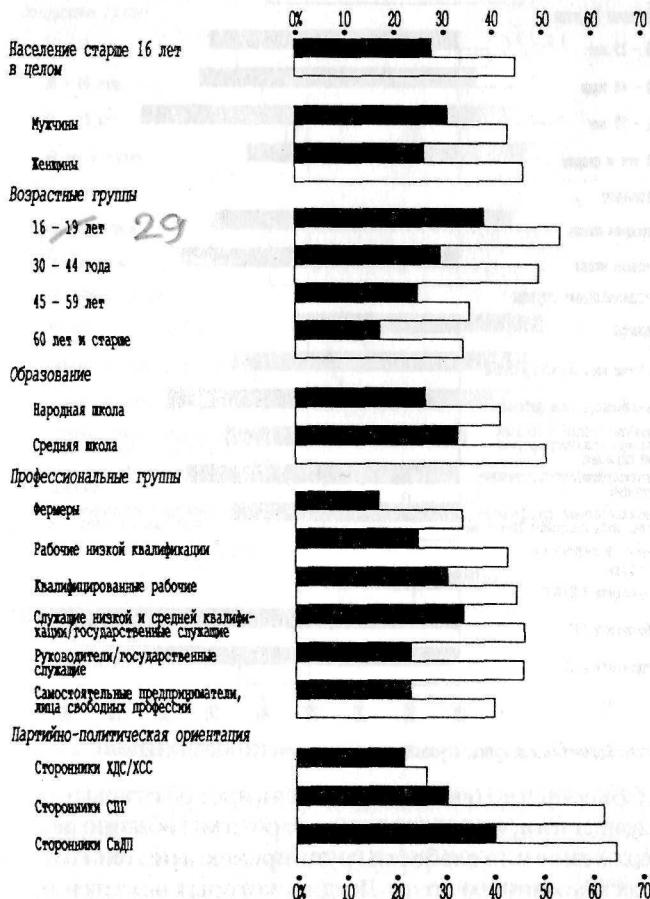
Перемена климата мнений во всех группах населения:
проявление общественности

Рис. 11

Пример: «ФРГ должна признать ГДР как государство», сентябрь 1968 до сентября 1970/января 1971.

До перемены климата мнений: сентябрь 1968

После перемены климата мнений: сентябрь 1970/января 1971

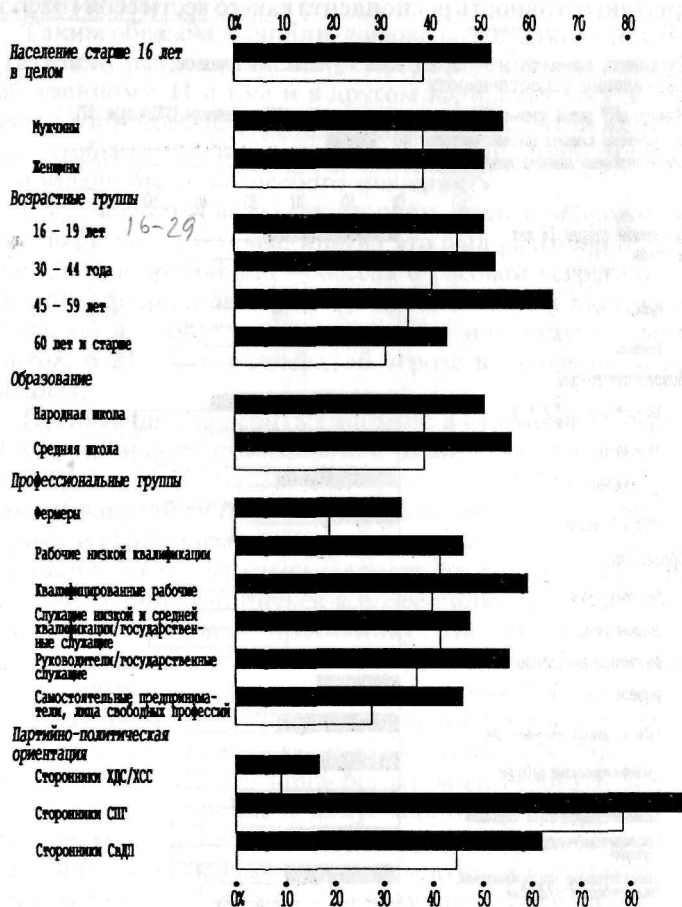

Источник: Аленсбахский архив, опросы Института демокопии 2044 и 2065/2068А.

Пример: Согласие с политикой федерального канцлера Брандта, май/июль 1973 до января 1974.

До перемены климата мнений: май/июль 1973

После перемены климата мнений: январь 1974

Источник: Аксенбахский архив, опросы Института демографии 2044 и 2065/2068A.

дах». Совершенно очевидно, что речь идет об открытом для всех поведении, на основании которого мы обычно делаем выводы о силе или слабости группировок, а не только о разговорах в домашнем кругу. Люди, у которых нет друзей, которые по природе замкнуты, также воспринимают знаки,

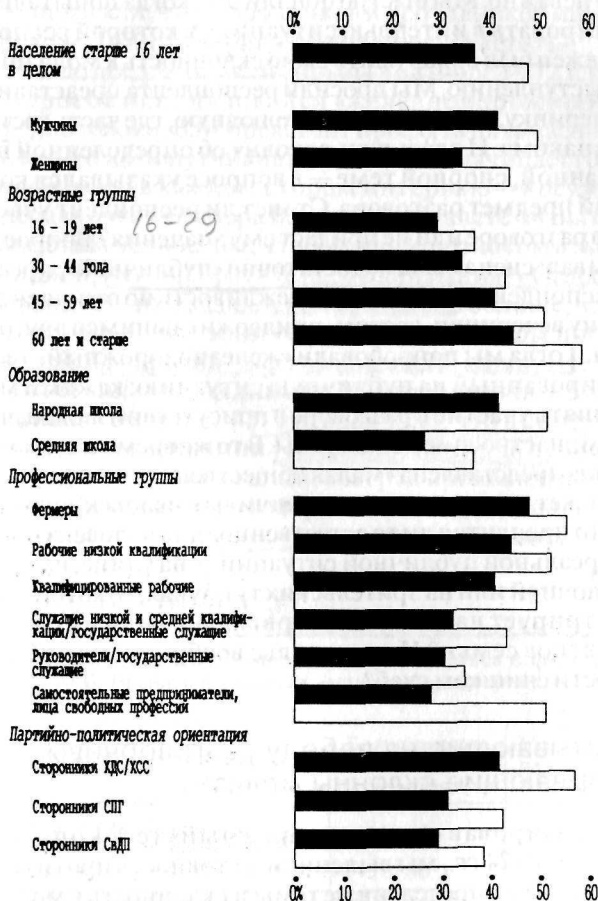
Перемена климата мнений затрагивает
все сферы жизни

Рис. 13

Пример: Одобряющие смертную казнь, осень/зима 1975/1976 до лета 1977.

До перемены климата мнений: осень/зима 1975/76

После перемены климата мнений: лето 1977

Источник: Аппенсбахский архив, опросы Института демоскопии 3020/3023 и 3046.

сигналы среды, как показывают анализы «сдвига в последнюю минуту». И тогда наступает резкое изменение климата в пользу той или иной партии, личности, идей, оно ощущается повсюду почти тотчас же, одновременно во всех группах населения: возрастных и профессиональных (см.

рис. 11–13). Такое возможно лишь при условии, что эти сигналы абсолютно открыты, доступны общественности. Поведение в семье, в кругу близких может быть таким же, как «на людях», или иным — для процесса спирали молчания это неважно. Мы быстро поняли это, когда попытались смоделировать в интервью ситуацию, в которой респондент должен был обнаружить свою склонность к молчанию или к выступлению. Мы просили респондента представить себе вечеринку, достаточно многолюдную, где часть гостей ему незнакома. И здесь речь заходит об определенной неоднозначной, спорной теме — в вопросе указывался конкретный предмет разговора. Станет ли респондент участвовать в разговоре или не придаст ему значения? Вопрос не срабатывал: сцена была недостаточно «публичной», в реакциях респондента сказывалась вежливость по отношению к хозяину вечеринки, гостям, придерживавшимся другого мнения. Тогда мы попробовали «железнодорожный» тест, смоделированный на публичную ситуацию: каждый может принять участие в разговоре в присутствии людей, чье имя и умонастроение неизвестны. В то же время в этой модели была представлена «малая общественность», где в разговор может вступить даже застенчивый человек, если захочет. Но проявится ли то естественное для человека поведение в реальной публичной ситуации — на улице, на рынке, в молочной или на зрительских трибунах, — которое он демонстрирует наедине с интервьюером или в присутствии членов семьи? Или импульс воображаемой общественности слишком слаб?

1. Рассчитывающие на победу разговорчивы, проигрывающие склонны молчать

Проанализировав «железнодорожный» тест в опросах 1972, 1973, 1974 гг., мы выяснили: готовность противников говорить на определенные темы и склонность к молчанию поддаются измерению. Именно предстоящие выборы 1972 г. предложили идеальные темы для таких тестов. Восхищение лауреатом Нобелевской премии федеральным канцлером Вилли Брандтом достигло апогея, мнения по поводу новой восточной политики, которую он символизировал, разделялись. Ни сторонникам, ни противникам В. Брандта не стоило особого труда определить, какой ла-

герь сильнее. В мае 1972 г. на вопрос: «Как Вы считаете, большинство людей в стране “за” или “против” восточных соглашений?» — 51% опрошенных ответили, что большинство — “за”, 8 — считали, что большинство “против”, 27 — полагали, что сторонников и противников «примерно поровну», 14% ответили: «Затрудняюсь ответить».

В ходе предвыборной борьбы в октябре 1972 г. в одном из опросов использовался «железнодорожный» тест: «Предположим, Вам предстоит проехать пять часов в поезде и кто-то из пассажиров в Вашем купе начинает говорить *в поддержку* (в каждом втором интервью — *в осуждение*) федерального канцлера В. Брандта. Станетели Вы беседовать с этим человеком, чтобы лучше познакомиться с его позицией, или не обратите на это внимания?» Сторонники В. Брандта — их оказалось значительно больше, чем противников, — ответили: «С удовольствием бы побеседовал» — 50%, “против” высказались 35%, ответ: «Не придавал бы значения» — объединил 42% сторонников и 56% противников (см. табл. 4). Это означало, что приверженцы Брандта превосходили своих противников не только по численности, но и по мощи, которая проявлялась в их постоянной готовности говорить и демонстрировать свою поддержку.

Таблица 4

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТЕСТ

Готовность говорить и тенденция отмаливаться о федеральном канцлере В. Брандте в условиях «малой общности» (октябрь 1972 г.), %		
	Большинство: согласные с Брандтом	Меньшинство: не согласные с Брандтом
В поезде охотно бы разговаривали с пассажирами о В. Брандте	50	35
Не стали бы придавать этому значение	42	56
Затруднялись ответить	8	9
$n =$	100 1011	100 502

Источник: Алленсбахский архив, опросы Института демоскопии 2086/1 + II.

Значок — тот же разговор

В этом контексте разговорчивость и отмалчивание понимаются в широком смысле. Носить значок, прикрепить символику на автомашину есть своего рода высказывание; не делать этого, даже если имеются собственные убеждения, означает отмалчивание. Демонстративно манипулировать газетой определенного направления, например *Франкфуртер рундшау*, означает говорить; прятать ее в карман или прикрывать другой, менее красноречивой газетой (она, конечно, не спрятана, просто завернута) равнозначно молчанию. Говорить — это значит распространять листовки, расклеивать плакаты, пачкать и срывать плакаты. В 60-е годы длинные волосы у мужчин говорили сами за себя — это был знак, как в свое время носить джинсы — в странах Восточного блока.

И без «железнодорожного» теста накануне выборов 1972 г. мы получили достаточно эмпирических доказательств, что при столкновении мнений одна сторона более откровенно и активно выражает свою позицию, а другая сторона, не слабее, а может быть, даже сильнее численно, отмалчивается. Известная жалоба бывшего американского вице-президента С. Агню на «молчащее большинство» была вполне оправданной: она касалась действительности, воспринимавшейся многими людьми, они даже «поработали» над ее созданием, не вполне осознав это, потому что их «работа» не получила словесного выражения.

После выборов в бундестаг в 1972 г. оказалось, что один вопрос, как вспышка, высветил неравенство противостоящих лагерей — практически равных по числу своих членов и сторонников — с точки зрения их силы, «подачи» себя публично. Вопрос звучал так: «Различные партии использовали много плакатов, значков, символики для автомашин. Символику, плакаты, значки какой партии можно было, по Вашему мнению, видеть чаще всего?» 53% респондентов ответили: предвыборной символики СПГ, 9% — ХДС/ХСС. Второй вопрос перепроверял это же обстоятельство с другой стороны: «Результаты партии на выборах в значительной степени зависят от активности ее сторонников в ходе предвыборной кампании. Сторонники какой партии обнаружили, по Вашему мнению, наибольшую личную увлеченность, чрезмерную склонность к

идеализму?» В репрезентативной выборке 44% населения ответили, что сторонники СПГ, 8% — ХДС/ХСС. Эти результаты можно истолковать следующим образом: напрасно осенью 1972 г. сторонник ХДС, обозначивший свою позицию значками и символикой, оглядывался вокруг в поисках единомышленников; последние, предпочтя молчание, как раз и способствовали тому, что каждый, кто разделял их убеждения и хотел бы символизировать свою поддержку значком, должен был чувствовать себя действительно в одиночестве и изоляции. Пожалуй, спираль молчания невозможно закрутить ту же, чем это было сделано тогда.

Первоначально попытки выявить климат мнений, получить его подтверждение производили непривычное впечатление. Носить значок, прикрепить символику на машину — дело вкуса, не так ли? Кому-то нравится, кому-то нет. Может быть, консервативно настроенный человек более сдержан? Или вспомним «железнодорожный» тест: одни охотно вступают в разговоры с попутчиками, другие предпочитают молчать. Можно ли в таком случае рассматривать «железнодорожный» тест как показатель того, что процессы давления на мнение людей протекают по типу спирали молчания?

Преимущество — иметь разговорчивые группы на своей стороне

Замечено верно и демоскопия подтверждает: независимо от темы, независимо от убеждений одни охотно вступают в разговор, а другие предпочитают молчать. Этот вывод справедлив относительно целых групп населения. «На людях», а также в «малой общественности» мужчины более, чем женщины, склонны обсуждать неоднозначную тему, молодые — охотнее стариков, представители высших слоев общества больше, чем представители низших слоев (см. табл. 5). Данное обстоятельство влияет на общественную расстановку сил. Фракция, которая умеет привлечь на свою сторону больше молодежи и людей с более высоким уровнем образования, изначально имеет больше шансов на победу. Но это лишь полдела. Есть еще один фактор, влияющий на нашу разговорчивость: ощущение, что ты

уловил тенденцию, дух времени и ему соответствуют собственные убеждения, что с тобой согласны наиболее современные, разумные или просто лучшие люди (см. табл. 6).

Таблица 5

ГОТОВНОСТЬ К ДИСКУССИИ
РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ

	Готовы дискутировать по противоречивой теме*, %	Не хотят дискутировать, %	Трудно сказать, хотя бы ли дискутировать, %	n =
Население старше 16 лет в целом	36	51	13 = 100	9966
Мужчины	45	45	10 = 100	4631
Женщины	29	56	15 = 100	5335
<i>Образование</i>				
Народная школа	32	54	14 = 100	7517
Средняя школа	50	42	8 = 100	2435
<i>Возрастная группа</i>				
16-29 лет	42	47	11 = 100	2584
30-44 года	39	50	11 = 100	2830
45-59 лет	35	52	13 = 100	2268
60 лет и старше	27	56	17 = 100	2264
<i>Профессиональная группа</i>				
Фермеры	19	63	18 = 100	621
Рабочие низкой квалификации	28	24	18 = 100	2289

* Во время поездки в поезде охотно разговаривали бы с попутчиком о наступлении социализма, запрете ГКП, о канцлере Брандте или о том, можно ли неженатым вместе жить. (Архив Алленсбаха, опросы 2084/2085/2086/I+II/2089/2090-1992/1973).

	Готовы дискутировать по противоречивой теме*, %	Не хотят дискутировать, %	Трудно сказать, хотя бы ли дискутировать, %	n =
Квалифицированные рабочие	37	51	12 = 100	2430
Служащие низкой и средней квалификации, государственные чиновники	41	49	10 = 100	2628
Руководители, государственные чиновники верхних звеньев	47	44	9 = 100	1051
Самостоятельные предприниматели, лица свободных профессий	40	49	11 = 100	927
<i>Ежемесячный чистый доход основного кормильца семьи марок</i>				
Менее 800	26	56	18 = 100	1448
800 — 1000	32	53	15 = 100	1875
1000 — 1250	35	52	13 = 100	2789
1250 — 2000	42	48	10 = 100	2979
2000 и более	48	43	9 = 100	866
<i>Город и село</i>				
Деревни	32	52	16 = 100	1836
Небольшие города	37	52	11 = 100	3164

* Во время поездки в поезде охотно разговаривали бы с попутчиком о наступлении социализма, запрете ГКП, о канцлере Брандте или о том, можно ли неженатым вместе жить. (Архив Алленсбаха, опросы 2084/2085/2086/1+II/2089/2090—1992/1973).

	Готовы дискутировать по противоречивой теме*, %	Не хотят дискутировать, %	Трудно сказать, хотя бы дискутировать, %	n =
Средние города	36	51	13 = 100	1797
Большие города	38	49	13 = 100	3160
<i>Политическая ориентация</i>				
Сторонники ХДС/ХСС	34	55	11 = 100	3041
Сторонники СПГ	43	47	10 = 100	4162
Сторонники СвПГ	48	44	8 = 100	538

Таблица 6

ГОТОВНОСТЬ ГОВОРИТЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ
СОЦИАЛЬНОГО КЛИМАТА
И САМОСОЗНАНИЯ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ

Динамика с 1972 по 1978 г. обнаруживает общий рост разговорчивости, особенно выраженный у сторонников ХДС/ХСС.			
	В поезде охотно бы разговаривали с попутчиком, %		
	1972—1973 гг.	1975—1976 гг.	1977—1978 гг.
Население старше 16 лет в целом	36	37	44
Мужчины	45	43	52
Женщины	29	32	37
<i>Возрастные группы</i>			
16–29 лет	42	41	51
30–44 лет	39	41	51
45–59 лет	35	35	42

	В поезде охотно бы разговаривали с попутчиком, %		
	1972— 1973 гг.	1975— 1976 гг.	1977— 1978 гг.
60 лет и старше	27	30	33
<i>Образование</i>			
Народная школа	32	34	39
Средняя школа	50	46	53
<i>Профессиональные группы</i>			
Фермеры	19	30	29
Рабочие низкой квалификации	28	29	35
Квалифицированные рабочие	37	37	44
Служащие низкой и средней квалификации, государственные чинов- ники нижнего и средне- го звена	41	41	48
Руководители, государ- ственные чиновники верхнего звена	47	46	54
Самостоятельные пред- приниматели, лица сво- бодных профессий	40	40	47
<i>Город и село</i>			
Деревни (менее 2 тыс.; 1977—1978 гг.: менее 5 тыс. жителей)	32	37	41
Небольшие города (2— 20 тыс.; 1977—1978 гг.: 5—20 тыс. жителей)	37	36	46
Средние города	36	38	45
Крупные города	38	37	44
<i>Партийно-политическая ориентация</i>			
Сторонники ХДС/ХСС	34	38	44

	В поезде охотно бы разговаривали с попутчиком, %		
	1972— 1973 гг.	1975— 1976 гг.	1977— 1978 гг.
Сторонники СПГ	43	40	47
Сторонники СвПГ	48	38	49

Источники: 1972—1973 гг.: Алленсбахский архив, опросы Института демоскопии 2084, 2085, 2086/1 + II, 2089, 2090 (между августом 1972 и февралем 1973 г.). Для дискуссий в поезде предлагались следующие темы: внедрение социализма, запрет ГКП, федеральный канцлер В. Брандт, совместное проживание не состоящих в браке. База опрошенных в целом: 9966 интервью.

1975—1976 гг.: Алленсбахский архив, опросы Института демоскопии 3011, 3012, 3013, 3020, 3031/I, 3035 и 3037 (между февралем 1975 и декабрем 1976 г.). Для дискуссий с попутчиком предлагались следующие темы: принудительное кормление заключенных, смертная казнь, «за» большее влияние Франца Йозефа Штрауса на политику, хорошее мнение об испанском государственном правлении, нравятся ли СПГ, нравятся ли ХДС/ХСС, совместное проживание не состоящих в браке, курение в присутствии некурящих. База опрошенных в целом: 14 504 интервью.

1977—1978 гг.: Алленсбахский архив, опросы Института демоскопии 3046, 3047, 3048, 3049 и 3060 (между августом 1977 и октябрём 1978 г.). Темы для дискуссий с попутчиком: смертная казнь, строительство новых атомных электростанций, смертная казнь для террористов, симпатии к террористам, объединенная Европа без России и восточноевропейских стран. База опрошенных в целом: 10 113 интервью.

Развязывает язык чувство соответствия духу времени

Осенью 1972 г. сторонники Вилли Брандта — независимо от возраста, пола, образования (см. табл. 7) — обнаружили большую готовность участвовать в публичной дискуссии, чем его противники. «Железнодорожный» тест оправдал себя. Использование его как инструмента в серии опросов помогло выявить, кто желает участвовать в дискуссиях, а кто предпочитает отмалчиваться. 54% сторонников СПГ хотели бы во время путешествия принять участие в обсуждении политики СПГ, и лишь 44% сторонников ХДС/ХСС охотно поддерживали бы разговор о ХДС

(1974)². После смены в ведомстве федерального канцлера 47% сторонников Гельмута Шмидта и лишь 28% его противников готовы были говорить о нем (1974)³. Разговор о принудительном питании в тюрьмах во время голодовки поддержали 46% заключенных, согласных с этой мерой, и 33% ее противников (1975)⁴.

Таблица 7

В КАЖДОЙ ГРУППЕ НАСЕЛЕНИЯ СТОРОННИКИ ГОСПОДСТВУЮЩЕГО МНЕНИЯ БОЛЕЕ СКЛОННЫ ГОВОРИТЬ, ЧЕМ ПРЕДСТАВИТЕЛИ МЕНЬШИНСТВА

Пример: Сторонники и противники политики федерального канцлера В. Брандта в 1972 г.

	В поезде охотно поговорили бы с попутчиком	
	Представители господствующего большинства: сторонники В. Брандта, %	Представители меньшинства: противники В. Брандта, %
В целом	49	35
Мужчины	57	44
Женщины	42	27
<i>Возрастные группы</i>		
16–29 лет	53	43
30–44 года	47	37
45–59 лет	55	30
60 лет и старше	42	34
<i>Образование</i>		
Народная школа	45	29
Средняя школа	61	51
<i>Профессиональная группа</i>		
Фермеры	39	13
Рабочие низкой квалификации	40	24

	В поезде охотно поговорили бы с попутчиком	
	Представители господствующего большинства: сторонники В. Брандта, %	Представители меньшинства: противники В. Брандта, %
Квалифицированные рабочие	45	30
Служащие, государственные чиновники нижнего и среднего звена	57	43
Руководители, государственные чиновники высшего звена	62	47
Самостоятельные предприниматели, лица свободных профессий	55	49
<i>Город и село</i>		
Деревни (менее 5 тыс. жителей)	46	28
Малые города (5—20 тыс.)	46	42
Средние города (20— 100 тыс.)	48	40
Крупные города (100 тыс. и более)	54	36
<i>Партийно-политическая ориентация</i>		
Сторонники ХДС/ХСС	46	36
Сторонники СПГ	52	35

Пример для понимания таблицы: Мужчины, согласные с политикой федерального канцлера В. Брандта (сторонники В. Брандта); из них 57% охотно поговорили бы с попутчиком о В. Брандте.

Источник: Алленсбахский архив, опросы Института демоскопии 2086/1 + II, октябрь 1972 г. В целом: сторонников В. Брандта — 1011, противников — 502.

Смена тенденции — шанс для исследования

Вот мы и подошли к так называемому повороту тенденции. До сих пор нам не удавалось установить, чем объясняется разговорчивость сторонников левых и политических лидеров левых; возможно, этому способствовал благоприятный для них климат мнений, а может быть, разговорчивость как-то связана с левыми убеждениями.

Два наблюдения из прошлого опыта опровергли последнее предположение. Во-первых, заметно упало желание сторонников СПГ вступать в дискуссии о своей партии в период 1974—1976 гг., т.е. в момент смены тенденции: с 54% в 1974 г. до 48% в 1976 г. При этом на общий результат эти изменения не повлияли. Заметной была лишь внезапная чувствительность респондентов к общей тональности оценок СПГ участниками «железнодорожного» теста, т.е. их дружелюбность или неприязненность. В 1974 г. изъявили желание участвовать в дискуссии об СПГ независимо от взглядов попутчиков: 56% сторонников — если СПГ хвалили, 52% — если ее ругали. В 1976 г. 60% сторонников СПГ были заинтересованы в беседе с единомышленниками; однако, если другой пассажир в купе приводил аргументы против СПГ, готовность участвовать в разговоре снижалась до 32%. Сторонники ХДС/ХСС вели себя совершенно иначе. 1974 год отмечен всплеском чувствительности к оценкам, но готовность поддержать разговор зависела от того, как настроен попутчик к ХДС; зато в 1976 г. не было замечено никаких различий⁵.

После опыта 1972 и 1973 гг. мы собирались исключить из «железнодорожного» теста формулировку «противник — сторонник» определенной идеи, направления или личности, сравнивая респондентов по их готовности говорить или отмалчиваться. Тогда результаты опросов не выявили различий. Только в 1975—1976 гг. мы обнаружили, что было бы опрометчиво пренебрегать этим вопросом в тесте. Лишь там, где, как говорилось выше, спираль молчания практически достигала своего пика, т.е. когда одна фракция завладевала публичной ареной, полностью вытеснив другую фракцию, разговоры и молчание определяют общее положение, независимо от доброжелательного или неприязненного настроения в одной конкрет-

ной ситуации. Но наряду с такого рода однозначным соотношением существуют незавершенное противостояние, нерешенные споры, может быть, даже не обнаружен конфликт, и процесс протекает в скрытой форме. Во всех этих случаях, как показали более поздние исследования, реакции на тональность разговора в поезде могут весьма различаться, быть обманчивыми.

Предположение, что левые не учитывают климата мнений, не подтверждается

Второе открытие, впоследствии опровергнутое предположение о принципиальной предрасположенности к разговорчивости людей левой ориентации, мы сделали, изучая явление, которое многие десятилетия привлекало внимание исследователей выборных кампаний. С одной стороны, четко прослеживалась тенденция, что часть избирателей изменит ориентацию в пользу ожидаемого победителя. С другой стороны, после выборов многие избиратели утверждали, что голосовали за победившую партию, что не подтверждалось результатами предвыборных опросов. Это тоже можно интерпретировать как «эффект одной упряжки» — попытку выдавать себя сторонником победителя, даже если вы голосовали иначе.

В Алленсбахском архиве мы ретроспективно исследовали данные опросов вплоть до 1949 г. — даты первых выборов в бундестаг. Простое правило, согласно которому после каждых выборов число людей, говорящих о своем голосовании в пользу победителя, значительно превышает реально поданные голоса за партию, не подтверждалось. Чаще всего данные опросов совпадали со статистикой выборов (см. рис. 14, 15). Однажды — в 1965 г. — опросы выявили, что тех, кто говорил о своем участии в голосовании и за побежденную СПГ, и за победившую ХДС/ХСС, было меньше, чем это показывают материалы избирательной кампании. В 1969 и 1972 гг. данные опросов намного превышали результаты выборов. Когда мы попытались разобраться в данных опросов по так называемому панельному методу, при котором повторно опрашивают одних и тех же лиц, то обнаружили две странности. Первая состояла в том, что респонденты, корректирующие внос-

Карта климата мнений

Рис. 14

Высшая точка обозначает ситуацию, когда число людей, утверждавших, что они голосовали за партию, оказалось больше числа голосов, которые партия действительно получила на выборах.

Низкая точка - данные опросов ниже, чем результаты выборов.

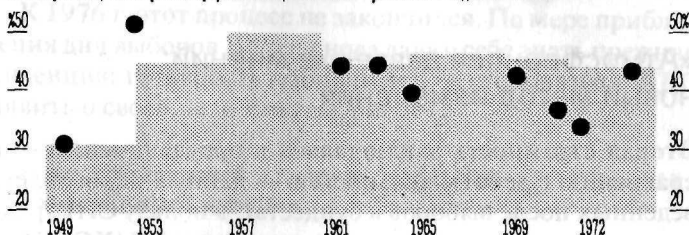
Пример ХДС/ХСС: Низкая точка в конце эры Аденауэра.

■ Заптрихованная плоскость своей высотой показывает соответствующую долю голосов за ХДС/ХСС в течение семи дней после выборов в бундестаг.

● Процент тех, кто после последних выборов в бундестаг признал, что голосовал за ХДС/ХСС.

Разъяснение: Теоретически черные шары должны лежать точно на высоте заптрихованной плоскости.

Если шары выше, они отражают преувеличение, если ниже - умолчание о поданных голосах.

Источники: ведомственные данные, статистические ежегодники, данные опросов Института демократии.

Адленсбахский архив, май 1950 - опрос 031, сентябрь 1953 - опрос 066, сентябрь 1962 - опрос 1070, декабрь 1965 - опрос 2008, сентябрь 1970 - опрос 2065, ноябрь 1972 - опрос 2088, февраль 1973 - опрос 2090, июль 1974 - опрос 3007.

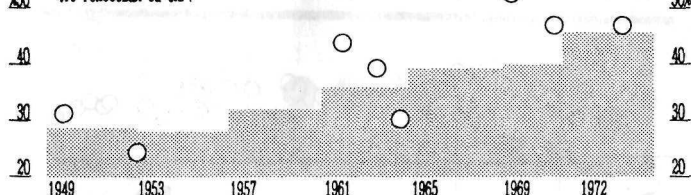
Карта климата мнений

Рис. 15

Кульминационный момент для СПГ в 60-е и 70-е гг. - почти неизменная тенденция занижать данные о том, что избиратель будто бы голосовал за СПГ на последних выборах.

■ Заптрихованная плоскость своей высотой показывает соответствующую долю голосов за СПГ в течение семи дней после выборов в бундестаг.

○ Процент тех, кто после последних выборов в бундестаг признал, что голосовал за СПГ.

Источники: ведомственные данные, статистические ежегодники, данные опросов Института демократии.

Адленсбахский архив, май 1950 - опрос 031, сентябрь 1953 - опрос 066, сентябрь 1962 - опрос 1070, декабрь 1965 - опрос 2009, сентябрь 1970 - опрос 2065, ноябрь 1972 - опрос 2088, февраль 1973 - опрос 2090, июль 1974 - опрос 3007.

ледствия свое выборное решение, т.е. называющие другую партию, совершают это не всегда в пользу победившей партии, а учитывают мнение своего ближайшего окружения. Например, молодые избиратели корректируют его в

пользу СПГ, пожилые — в пользу ХДС/ХСС, рабочие — в пользу СПГ, предприниматели — в пользу ХДС. Этот факт свидетельствует не столько о тенденции быть на стороне победителя, сколько о попытке не оказаться в изоляции в своем окружении. Поскольку основные группы населения в 1972 г. в большинстве своем голосовали за СПГ, то по послевыборным опросам о голосовании перевес имели силы СПГ.

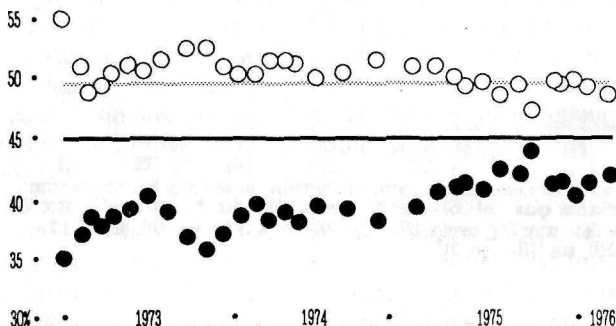
«Атмосферное» давление мнений: новый метод измерения

Вторая странность заключалась в преувеличении — по сравнению с действительностью — данных опросов, проведенных после выборов в бундестаг, в пользу СПГ, равно как и в занижении данных относительно ХДС/ХСС. И эти «поправки» послевыборных опросов по сравнению с данными голосования постоянно менялись. Казалось, и то и

Преувеличение или умолчание о голосовании за партию
как индикатор климата общественного мнения

Рис. 16

Рисунок показывает, в какой мере в период с 1973 по 1976 гг. утверждения о голосовании за СПГ превосходили действительные ведомственные результаты голосования за СПГ (49%, отмеченные) и в какой мере они отставали от ведомственных результатов голосования за ХДС/ХСС (45%, отмеченные ———). В тенденции — подъем духа у сторонников ХДС/ХСС. Избиратели, сообщившие в интервью, что голосовали за ХДС/ХСС, ●●●● Избиратели, сообщившие в интервью, что голосовали за СПГ, ○○○○

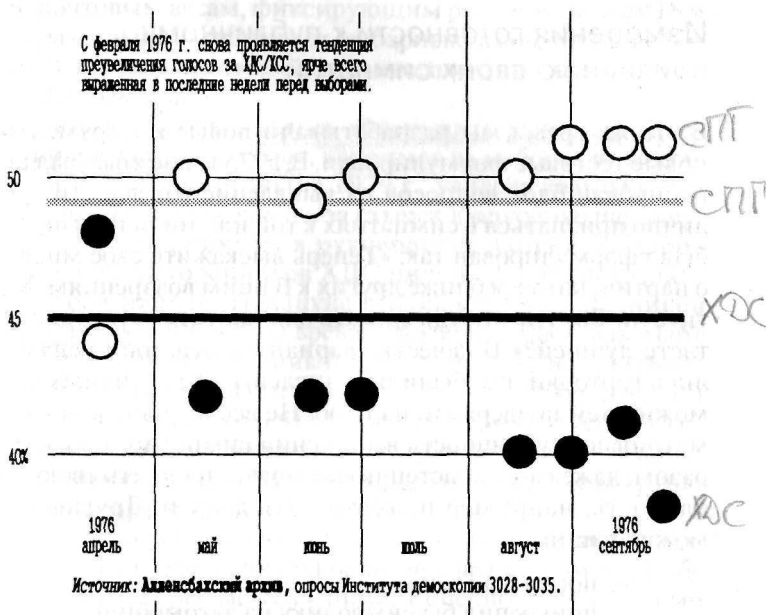
Источник: Атлантический архив, опросы Института демографии 2089-3004, 3006, 3008-3010, 3012-3023, 3025.

другое — тонкие реакции на зигзаги климата мнений, поскольку в 1972—1973 гг. наблюдался значительный перевес мнений в пользу СПГ на последних выборах в бундестаг и неправдоподобно низкий процент отдавших свои голоса ХДС/ХСС; затем имела место постепенная (корректировка воспоминаний об участии в выборах к действительным показателям). Фрагмент этого ряда наблюдений представлен на рис. 16.

К 1976 г. этот процесс не закончился. По мере приближения дня выборов 1976 г. снова дала о себе знать прежняя тенденция: готовность избирателей — сторонников ХДС заявить о своей позиции (см. рис. 17).

Усиление давления мнений в борьбе за избирателей
Искажение сведений о выбранной партии в 1976 г.

Рис. 17

Пояснение: Рисунок показывает, в каком объеме за период с апреля по сентябрь 1976 г. утверждения о голосовании за СПГ превосходили действительные ведомственные результаты голосования за СПГ (49%, отмеченные) и в какой мере они отставали от данных ведомственной статистики по результатам голосования за ХДС/ХСС (45%, отмеченные —).

Избиратели, сообщившие в интервью, что на выборах в бундестаг 1972 г. они голосовали за ХДС/ХСС, ●●●; за СПГ ○○○.

Ежемесячно фиксировать завышенные оценки в пользу СПГ и заниженные — в пользу ХДС/ХСС на вопрос о том, за кого респондент голосовал последний раз, сегодня весьма рутинная процедура в демоскопическом измерении остроты разногласий, силы тенденций и поляризации мнений избирателей. Позднее мы вернемся к значению таких искажений. Пока нам важно было удостовериться, что на этапе «смены тенденции» разговорчивость и молчаливость избирателей не обязательно связаны с их левыми или правыми ориентациями.

Начиная с 1972 г. мы квалифицируем как разговорчивость и отмалчивание завышенные ответы о голосовании за одну и, соответственно, заниженные о голосовании за другую сторону.

Измерения готовности к публичному признанию своих симпатий

В это же время мы разрабатывали новые инструменты, новые тестовые формулировки. В 1975 г. впервые был апробирован блок вопросов на выявление готовности публично признаться в симпатиях к той или иной партии. Он был сформулирован так: «Теперь выскажите свое мнение о партии, которая ближе других к Вашим воззрениям. Хотите ли Вы что-нибудь сделать для партии, которую считаете лучшей?» В качестве вариантов ответов предлагались карточки, где были перечислены 11 различных возможностей поддержать партию. Не все варианты предусматривали публичность выражения симпатии; таким образом, даже самые застенчивые могли проявить свою лояльность, например пожертвовать деньги. Другие возможности:

- носил бы значок,
- прикрепил бы символику на автомобиль,
- ходил бы по домам и агитировал избирателей поддержать партию,
- повесил бы плакат партии на стене или в окне своего дома,
- расклеивал бы плакаты партии,

— выступил бы в уличной дискуссии и поддержал программу партии, принял бы участие в собрании партии,

— выступил бы на собрании партии, если бы это было необходимо,

— говорил бы о позиции этой партии на собраниях других партий,

— помог бы в распространении агитационных материалов партии.

При пилотаже был получен простой, но значимый для анализа ответ: «Ничего из перечисленного не стал бы делать для партии, которой симпатизирую». Пригодность такого инструмента проверяется тем, выявляет ли он отсутствие удовлетворительного ответа (т.е. уклонение от ответа), фиксирует ли незначительные изменения — подобно почтовым весам, фиксирующим различия между 18 и 21 граммами, в отличие от амбарных весов, не сдвигающихся с нулевой отметки при взвешивании письма в 10 или 30 граммов.

С его помощью удалось обнаружить депрессию сторонников партии, которая, например на выборах в ландтаг земли Рейнланд-Пфальц в 1979 г., увидела возможность проигрыша на выборах из-за стычек в верхушке партии.

Перед конфликтом в руководстве партии (декабрь 1978 г.) 39% сторонников ХДС ничего не хотели сделать для своей партии. Накануне выборов 48% сторонников были того же мнения. За время с декабря по февраль-март 1979 г. в лагере сторонников СПГ ничего не изменилось: 30% неактивных⁶. Психологическое соотношение сил сместилось, хотя мало что изменилось в намерениях голосовать. Статистический подход здесь ничего не выявил бы, а психологический аспект на практике привел партию на грань поражения.

Этот конкретный случай использован нами для иллюстрации того, как социальное исследование помогает обнаруживать скрытые тенденции. Конечно, можно прямо спросить, носит ли кто-нибудь значок партии или действительно прикрепил на машину ее символику. С точки зрения техники измерений преимущество такого способа проявления симпатии в том, что здесь фиксируется реальность и даже ведется наблюдение вместо, вероятно, сомнительных объяснений по поводу намерений. Недоста-

ток же его заключается в том, что круг действительно носящих значки или открыто использующих партийную символику совпадает с твердым ядром активистов, которые гораздо менее чувствительны к колебаниям климата мнений. Их вполне может оказаться слишком мало для статистических измерений — колебания климата мнений ускользают от их наблюдений.

При проверке, не обладают ли левые большей готовностью публично высказывать свои убеждения и открыто дискутировать, мы установили некую дилемму. Итак, люди, оказывается, весьма восприимчивы к климату мнений. Более того, существуют фракции, способные завоевывать общественность, и другие, которых можно заставить отмалчиваться. Но кто скажет — по каким мотивам? Существует ли в действительности — согласно гипотезе о спирали молчания — страх оказаться в изоляции, на которой и базируется весь этот процесс? Об этом речь пойдет в следующей главе.

Примечания

¹ См. гл. XXII наст. изд.

² См.: *Allensbacher Archiv*, IfD-Umfrage 3010.

³ См. там же, IfD-Umfrage 3006.

⁴ См. там же, IfD-Umfrage 3011.

⁵ См.: Noelle-Neumann E. Turbulences in the Climate of Opinion: Methodological Applications of the Spiral of Silence Theory. — *Public Opinion Quarterly*, 1977, vol. 41, p. 143—158.

⁶ См.: Noelle-Neumann E. Die Führungskrise der CDU im Spiegel einer Wahl. Analyse eines dramatischen Meinungsumschwungs. — *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, № 72, 26. März 1979, S. 10.

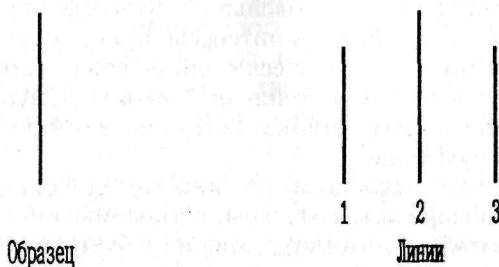
СТРАХ ПЕРЕД ИЗОЛЯЦИЕЙ КАК МОТИВ

В начале 50-х годов в США был опубликован отчет об эксперименте, более 50 раз проведенном социальным психологом Соломоном Эшем¹. В этом эксперименте задача испытуемых состояла в том, чтобы оценить длину различных линий по сравнению с образцом (см. рис. 18). Из трех предлагаемых отрезков один по длине соответствовал заданному образцу. На первый взгляд задание казалось легким, потому что сразу было видно, какая линия «правильная». Каждый раз в эксперименте принимали участие 8–9

Эксперимент Эша: измерение конформизма
из страха оказаться в изоляции

Рис. 18

Вопрос к испытуемому: «Какая из трех линий по длине
соответствует образцу?»

Источник: Asch Solomon E. Group Forces in the
Modification and Distortion of Judgments. - Social Psychology. New York: Prentice-Hall, Inc., p. 452.

человек. Организован он был следующим образом: сначала одновременно демонстрировались образец и отрезки для сравнения, затем каждому испытуемому в ряду слева направо предлагалось по очереди указать, какой из трех отрезков соответствует образцу. В каждой серии отрезки предъявлялись 12 раз и 12 раз проводились повторы.

Затем был апробирован следующий ход: когда после первых двух предъявлений все участники эксперимента правильно указали соответствующий отрезок, руководитель изменил условия. Его помощники, знавшие смысл эксперимента, согласованно давали неправильный ответ. Наивный испытуемый, единственный ничего не подозревающий человек, который сидел в конце ряда и отвечал последним, был, собственно, объектом наблюдения: как он поведет себя под давлением преобладающего иного мнения? Будет ли он колебаться? Присоединится ли к мнению большинства вопреки собственному мнению? Будет ли настаивать на своем?

Классический лабораторный эксперимент Соломона Эша подрывает представление о зрелом человеке

Результат эксперимента показал: из 10 испытуемых 2 остались при своем мнении, 2 один или два раза из десяти предъявлений присоединились к мнению большинства, 6 из 10 чаще повторяли явно неправильное мнение большинства. Это означает, что обычно люди на весьма безобидный для них вопрос и в довольно несущественной ситуации, не затрагивающей их интересы, присоединялись к мнению большинства, даже если они не сомневались в его неправильности. Об этом писал Токвиль: «Страшась изоляции больше, чем ошибки, они присоединяются к большинству, думая иначе...»²

Если сравнить исследовательский метод Соломона Эша с «железнодорожным» тестом, встроенным в демонстическое интервью, то метод Эша приобретает совсем иное звучание, другую убедительность. Эш работал в условиях лабораторного эксперимента, моделируя обстановку, которую мог контролировать до мелочей: расстановка стульев, поведение лиц, посвященных в задачи экспери-

мента, соответствие или отличие линий в сравнении с образцом. Условия лаборатории позволили Эшу смоделировать абсолютно однозначную ситуацию. По сравнению с этим демоскопическое интервью — более «грязный» метод исследования, допускающий разнообразные искажения. Например, остается неясным, сколько опрошенных совсем не понимают смысла вопроса, сколько интервьюеров некорректно зачитывают вопросы, нарушая заданный порядок и фиксированный текст, изменяя формулировки вопроса, допуская свободные импровизации, прибегая к неконтролируемым пояснениям, если респондент не совсем понимает смысл вопроса. Сколько фантазии ожидается от обыденного человека, когда его просят ответить на вопрос: «Предположим, Вам предстоит пять часов ехать в поезде и кто-то в купе начинает...»! В таком интервью можно дать только очень слабый импульс. Все зависит от прочтения вопроса и записи ответов, любая мелочь, вклинившаяся в «болтовню», вызывает неприятное чувство. А в лаборатории можно «воспроизвести правильную ситуацию», где под впечатлением близких к реальности воздействий участник эксперимента испытывает различные чувства, например, ощущает себя дураком, который видит не то, что другие.

Два мотива подражания: обучение и страх перед изоляцией

«Страшась изоляции больше, чем ошибки...» — объяснил Токвиль. В конце прошлого столетия его соотечественник, социолог Габриэль Тард, говоря о потребности человека не отличаться от общности, целый раздел своего труда посвятил человеческим наклонностям и способности к имитации³. С тех пор проблема имитации стала предметом социальных исследований. В «Международной энциклопедии социальных наук» 1968 г. ей посвящена обширная статья⁴. Но в ней имитация объясняется не как страх перед исключением из сообщества, а как своего рода учеба. Люди наблюдают поведение других, узнают о других, узнают о существующих возможностях и при удобном случае апропируют такое поведение сами.

Реализация наших целей — определить роль страха оказаться в изоляции — осложняется следующим моментом: наблюдаемое подражание или повторение вслед за другими может осуществляться по разным причинам. Это *может быть* страх перед изоляцией, но может также быть имитация в целях обучения, особенно в условиях демократического общества, в котором мнение большинства отождествляется с наилучшим решением.

Главное достоинство лабораторного эксперимента Эша заключается именно в том, что здесь исключены любые двусмысленности. Испытуемый своими глазами видит, что одинаковые, по оценкам большинства участников эксперимента, линии различаются по длине. Если испытуемый присоединяется к мнению большинства, вывод однозначен: дело не в надежде приобрести какой-то опыт, причина — страх перед изоляцией.

Как можно предположить на основании негативной тоналности таких оценок, как «конформист» или «попутчик», склонность людей к подражанию не соответствует гуманистическому идеалу. Это не те качества, с которыми хочется отождествлять себя, хотя их вполне можно отнести к другим.

В эксперименте Эша также ставился вопрос, является ли такой конформизм особенностью американцев. Стэнли Милгрэм повторил исследование в несколько измененной форме в двух европейских странах⁵: во Франции, где население, как считается, ведет себя подчеркнуто индивидуалистски, и в Норвегии, где предполагается чрезвычайно сильная социальная сплоченность⁶. Хотя в эксперименте Милгрэма испытуемые не видели остальных участников, а только слышали их, впечатление одиночества в своем мнении было достаточно сильным, так что большинство европейцев (80% — в Норвегии и 60% — во Франции) иногда или почти всегда присоединялись к преобладающему мнению. Позднее были апробированы другие варианты эксперимента. Так, например, проверялось, сколько единомышленников в эксперименте Эша необходимо индивиду, чтобы он решился говорить то, что видит, вопреки большинству.

У нас нет необходимости проследживать все нюансы эксперимента Эша, с нашей точки зрения, он был очень важен в исходном варианте. Мы предполагаем, что страх

нормального человека перед изоляцией — основа спирали молчания, и эксперимент Эша указывает на то, что этот страх довольно значим.

Он и должен быть значимым, чтобы объяснить то, что выявляется демоскопическими методами. Только предположив наличие сильного страха перед изоляцией, мы можем объяснить столь заметные достижения человека в коллективе, когда он с высокой точностью и без каких-либо вспомогательных демоскопических средств может ответить, какие мнения ширятся, а какие убывают. Люди экономно расходуют свое внимание. Напряжение, затрачиваемое на наблюдение за поведением других, является, по-видимому, меньшим злом, чем опасность потерять вдруг благоволение окружающих, оказаться в изоляции.

Отрицается ли социальная природа человека?

Для исследовательской работы, эмпирической проверки этой реакции существует одно препятствие. Если в процессе исследования проблемы «имитация» лишь учеба рассматривается как мотив, есть основания говорить о тенденции отрицания социальной природы человека, о негативной оценке ее, проявляющейся в использовании понятия «конформизм». Социальная природа человека побуждает его опасаться изоляции, стремиться к уважению и популярности среди других. Может быть, нам придется признать, что эта предрасположенность в значительной мере способствовала развитию человеческого сообщества. Но конфликт между социальным и подсознательным в человеке несомненен. Сознательно, рационально мы хвалим независимое мышление, зрелость, непоколебимую твердость в защите собственного мнения.

Психоаналитик Эрих Фромм систематически исследовал проблему противоречий между сознанием и подсознанием современного человека, проявляющимися в различных сферах, по аналогии с выявленными З. Фрейдом конфликтами между сознанием и подсознанием человека в сексуальной сфере. Фромм называет следующие противоречия⁷:

осознание свободы	— неосознанная несвобода
сознательная откровенность	— неосознанный обман

сознательный индивидуализм	— неосознаваемая внушаемость
сознание власти	— неосознанное чувство беспомощности
сознательная вера	— неосознаваемый цинизм и полное безверие

Осознание свободы, откровенность, индивидуализм... — все эти сознательно принимаемые, осознаваемые как выражение собственной сущности ценности не сочетаются с принимаемыми для самого себя способами поведения. Их конфронтацию и описывает спираль молчания. Поэтому нельзя ожидать, что в демоскопическом интервью респондент признается в страхе перед изоляцией.

Подобно тому как в интервью моделируется публичность для выявления тенденции говорить или отмалчиваться, мы можем также в интервью моделировать угрозу изоляции и наблюдать, реагируют ли на нее респонденты ожидаемым образом, в соответствии с гипотезой о спирали молчания.

Демоскопический «полевой» эксперимент по стимуляции угрозы изоляции

Ниже описывается полевой эксперимент. «Полевой» в отличие от лабораторного означает, что испытуемые остаются в естественных для себя условиях. Не их приводят в непривычную для них лабораторию, а интервьюер приходит к ним на квартиру с демоскопическим вопросником, что несколько нарушает их повседневность, но очень напоминает обычный разговор двух людей.

Почему, собственно, исследователи отдают предпочтение такой поверхностной исследовательской ситуации, как демоскопическое интервью, так цепляются за инструмент, который — в случае необходимости — может давать лишь очень слабые импульсы? Чтобы получить преимущество, называемое термином «поле»; естественность всех обстоятельств, возможность тестировать представительную выборку населения, а не только тех респондентов, которых можно пригласить в лабораторию, — учащихся, студентов, солдат, пациентов клиник (на эти группы опирается большая часть экспериментальных социальных

исследований). Возможности тщательного контроля, планируемая вариативность всех условий, способных повлиять на результат эксперимента, — в этом как сила лабораторного метода, так и его слабость: в лаборатории можно, не подозревая об этом, устранить из контекста важные для исследуемых явлений части реальной жизни.

Тест угрозы:

курение в присутствии некурящих

Демоскопический полевой эксперимент 1976 г., в котором впервые моделировалась опасность изоляции, предлагал тему «курильщики в присутствии некурящих»⁸. Нам эта тема казалась пригодной для наших целей, потому что использовался такой процесс формирования мнений, при котором противостоящие силы разделились почти поровну. Интервью было развернуто в форме диалога. 44 процента его участников присоединились к мнению: «В присутствии некурящих следует полностью отказаться от курения. Курение было бы бесцеремонностью, так как некурящим неприятно дышать дымом». Столько же, т.е. 44% опрошенных, высказали противоположное мнение: «Нельзя требовать полного отказа от курения в присутствии некурящего. Некурящему потерпеть не так уж трудно». В тесте на готовность говорить или отмалчиваться 45% критиковавших курение в присутствии некурящих заявили, что в ситуации железнодорожной поездки охотно вступили бы в беседу на эту тему, равно как и 44% их оппонентов, защищавших право курильщиков, тоже готовы были участвовать в разговоре⁹.

Рассмотрим смоделированный нами тест «опасность изоляции». Ядро в блоке вопросов, предложенных репрезентативной выборке из 2000 человек, составлял «железнодорожный» тест.

1. Выявление личного мнения опрошенного о курении в присутствии некурящих с двумя указанными выше позициями.

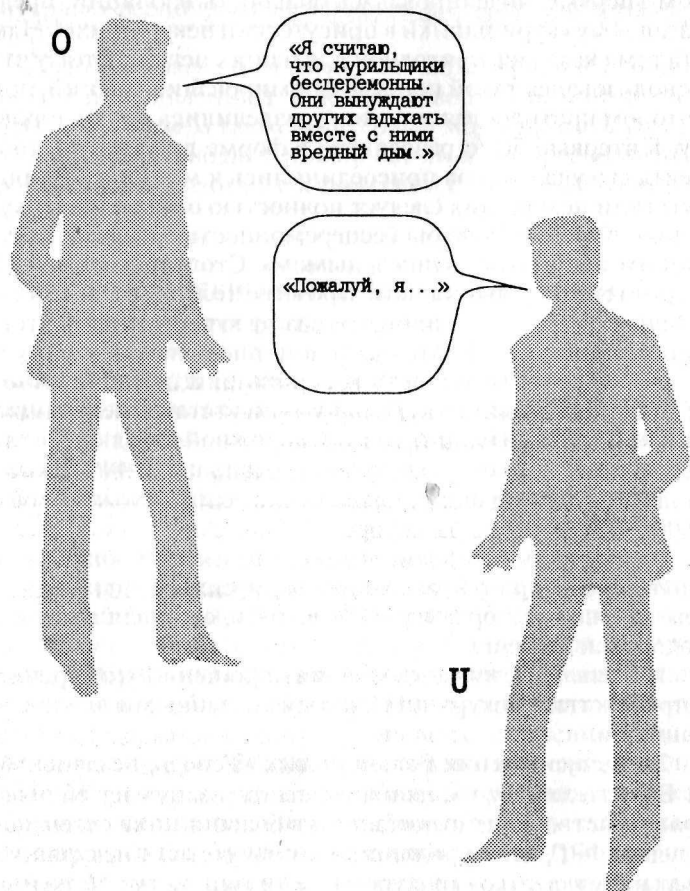
2. Оценка мнения большинства: «Теперь, независимо от Вашего личного мнения, ответьте, что думает об этом большинство людей: считает ли в большинстве своем население ФРГ, что курильщики в присутствии некурящих должны отказаться от курения или они могут спокойно

курить?» (общий результат: 31% опрошенных считают, что большинство выступает за отказ от курения; 28% полагают, что большинство — за курение в присутствии некурящих; 31% указывают, что мнения разделились поровну; 10% затрудняются ответить).

Тест угрозы

Рис. 19

Рисунок к тесту с предложением продолжить фразу в демокопическом интервью, с помощью которого при моделировании действительности снижается уверенность курильщика. Необходимость самостоятельно закончить начатую фразу усиливает переживание ситуации. В заключение измеряется, повлияла ли вербальная угроза на разговорчивость или молчание курильщика.

3. Тест на готовность говорить или отмалчиваться: «Предположим, Вам предстоит пять часов ехать в поезде и кто-то в купе заявляет: в присутствии некурящих следует полностью отказаться от курения. Поддержали бы Вы разговор с этим человеком или не придали бы его словам никакого значения?» В каждом втором интервью собеседнику приписывали слова: «Нельзя требовать, чтобы человек полностью отказался от курения, если рядом некурящий».

4. Респондента спрашивали, курит ли он.

Чтобы смоделировать угрозу изоляции, 2000 опрошенных были разделены на две представительные группы по 1000 респондентов. «Экспериментальной» группе, т.е. подвергаемой действию фактора «угроза изоляции», предъявляли картинку с двумя беседующими людьми. Один из собеседников весьма категорично заявлял: «Я считаю, что курильщики бесцеремонны. Они вынуждают других вдыхать вместе с ними вредный дым». Другой отвечал: «Пожалуй, я...» Модель этого вопроса повторяла тест незавершенного предложения, применяемый в психологической диагностике (см. рис. 19). Вопрос был сформулирован так: «Перед Вами двое беседующих мужчин. Мужчина на картинке сверху что-то сказал — прочитайте, пожалуйста. Мужчина на картинке внизу не договорил до конца. Что, по Вашему мнению, он мог бы ответить, как завершит фразу?» Слова «завершит фразу» должны были усилить импульс выбора ответа после чисто пассивного выслушивания суждения о курении в присутствии некурящих. Результаты показывают, что такой тест не соответствует ни способностям индивидов из репрезентативной выборки, ни возможности демоскопического интервью: 88% опрошенных смогли закончить начатую фразу.

Вторая выборка из 1000 человек была «контрольной»: опрос проводился точно так же, как в экспериментальной группе, с единственным отличием — отсутствовал тест на завершение предложения, т.е. «угроза изоляции». Таким образом, была обеспечена сопоставимость групп по логике контролируемого эксперимента при его адекватности — поскольку все условия, кроме одного, были одинаковы в обеих выборках: общее отклонение результатов в экспе-

риментальной группе по сравнению с контрольной можно было причинно объяснить «тестом на угрозу».

Результаты подтвердили ожидания. После вербальной угрозы у курильщиков, отстаивавших свое право курить в присутствии некурящих, заметно поубавилось желание беседовать на эту тему с попутчиками в купе (см. табл. 8).

Таблица 8

ТЕСТ ГИПОТЕЗЫ ОБ ОТМАЛЧИВАНИИ ПРИ АКТУАЛИЗАЦИИ
ОПАСНОСТИ ОСТАТЬСЯ В ИЗОЛЯЦИИ, %

Агрессивный климат мнений можно смоделировать в интервью. После теста угрозы курильщики чувствуют себя менее разговорчивыми.		
	Курильщики, считающие, что могут курить в присутствии некурящих	
	без угрозы оказаться в изоляции	после угрозы оказаться в изоляции
Во время поездки в разговоре на тему курения в присутствии некурящих		
хотят участвовать	49	40
не хотят участвовать	41	45
затрудняются ответить	10	15
$n \approx$	100 225	100 253

Источник: Алленсбахский архив, опрос Института демоскопии 3037, декабрь 1976 г.

Особенно большое впечатление на курильщиков производит смоделированная двойная угроза изоляции: сначала им предлагается завершить предложение теста в беседе с радикальным противником курения в присутствии некурящих, затем тест на попутчика в купе, начинающего разговор с требованием: «В присутствии некурящих следует полностью отказаться от курения». В этих условиях желание участвовать в разговоре снижается до 23%.

Кроме всего прочего, указанный тест служит эмпирической проверкой еще одной стороны спирали молчания. Сами по себе некурящие менее самонадеянны и поэтому не столь решительны в обнаружении своей позиции. Однако, когда тест «незавершенного предложения» показывает им, что они не одиноки в своем мнении, их разговорчивость заметно возрастает (см. табл. 9).

Таблица 9

ТЕСТ ГИПОТЕЗЫ ОБ ОТМАЛЧИВАНИИ.

В СЛУЧАЕ ПОДДЕРЖКИ НЕКУРЯЩИЕ РАЗГОВОРЧИВЫ, %

	Некурящие, которые требуют, чтобы курильщики отказывались от курения в присутствии некурящих	
	без поддержки со стороны агрессивного единомышленника	при поддержке со стороны агрессивного единомышленника
Во время поездки в разговоре на тему курения в присутствии некурящих		
хотят участвовать	37	48
не хотят участвовать	51	37
затрудняются ответить	12	15
n =	100 330	100 297

Источник: Алленсбахский архив, опрос Института демоскопии 3037, декабрь 1976 г.

Пика разговорчивости достигают скорее боязливые некурящие, когда попутчик в купе вдобавок высказывает то, что у них самих накопилось, требуя отказаться от курения в присутствии некурящих. В этих условиях 23% желающих поддерживать беседу курильщиков противостоят 56% жаждущих высказаться некурящих. Из этого видно, как по мере раскручивания спирали молчания при полном доминировании отказа от курения в присутствии некурящих курильщик попадает в положение, при котором ему не удастся в общественном месте открыто высказать

противоположную точку зрения о допустимости курения. Очевидно, здесь проявляется кумулятивное действие, постепенно нарастающая растерянность вследствие враждебной реакции окружения. Для более самоуверенных курильщиков недостаточно воздействия только «теста угрозы». Если они сразу после проверки этим тестом оказываются в купе, где их мнение: «Курение допустимо в присутствии некурящих» — поддерживает кто-то из пассажиров, они забывают предыдущий «тест угрозы». С поддержкой (54%) или без нее (55%), они в равной степени готовы высказаться.

Однако если за «тестом угрозы» следует дальнейший стимул, сокращающий их уверенность, т.е. пассажир в купе также выступает против курения при некурящих, то курильщики предпочитают молчать (см. табл. 10).

Таблица 10

ПРОВЕРКА СПИРАЛИ МОЛЧАНИЯ
ДЛЯ САМОУВЕРЕННЫХ КУРИЛЬЩИКОВ, %

В присутствии симпатизирующего им человека курильщики в купе поезда обнаруживают большую готовность говорить, даже если прежде они столкнулись с угрозой оказаться в изоляции.		
	Курильщики, претендующие на право курить в присутствии некурящих	
	без угрозы оказаться в изоляции	после угрозы оказаться в изоляции
Желание или нежелание участвовать в разговоре о курении в присутствии некурящих во время поездки в поезде в ситуации, когда один из попутчиков выражает симпатию курильщику: «Нельзя требовать, чтобы кто-то отказался от курения, когда рядом некурящие»		
хотят участвовать	55	54
не хотят участвовать	33	30
затрудняются ответить	12	16
n =	100 119	100 135

Во враждебном окружении курильщики испытывают двойное давление, если до этого уже столкнулись с угрозой оказаться в изоляции.		
	Курильщики, претендующие на право курить в присутствии некуря	
	без угрозы оказаться в изоляции	после угрозы оказаться в изоляции
Желание или нежелание участвовать в разговоре о курении в присутствии некурящих во время поездки в поезде в ситуации, когда один из попутчиков категоричен: «В присутствии некурящих следует полностью отказаться от курения»		
хотят участвовать	41	23
не хотят участвовать	51	63
затрудняются ответить	8	14
n =	100 106	100 118

Источник: Алленсбахский архив, опрос Института демоскопии 3037, декабрь 1976 г.

Менее самоуверенным людям достаточно легкой угрозы изоляции. Например, женщины и представители простых слоев населения реагируют уже на «тест угрозы», и их самочувствие не сразу восстанавливает попутчик в купе, разделяющий те же взгляды (см. табл. 11).

В демоскопическом интервью — как в жизни

Тест угрозы не только позволил выявить процесс спирали молчания, но и дал несколько неожиданные результаты. Они наводят на мысль, что люди благодаря своей фантазии способны так живо воспринять просто описанную в интервью ситуацию, что она вызывает у них такую же ре-

Таблица 11

ПРОВЕРКА СПИРАЛИ МОЛЧАНИЯ ДЛЯ МЕНЕЕ УВЕРЕННЫХ
В СЕБЕ КУРИЛЬЩИКОВ — ЖЕНЩИН, %

После двойной словесной угрозы почти все курильщицы предпочитают отмалчиваться		
	Претендующие на право курить и в присутствии некурящих	
<i>Женщины</i>	без угрозы оказаться в изоляции	после угрозы оказаться в изоляции
Желание или нежелание участвовать в разговоре о курении в присутствии некурящих во время поездки в поезде в ситуации, когда один из попутчиков категоричен: «В присутствии некурящих следует полностью отказаться от курения»		
хотят участвовать	42	10
не хотят участвовать	54	74
затрудняются ответить	4	16
<i>n</i> =	100 48	100 49

Источник: Алленсбахский архив, Исследование Института демоскопии 3037, декабрь 1976 г.

акцию, как в жизни. Это намного упрощает исследовательские задачи: не нужно переделывать в лаборатории поездá, нет необходимости снаряжать в путь замаскированных под пассажиров исследователей для изучения нашей готовности говорить или хранить молчание. Тем не менее инструментарий, применяемый в демоскопическом интервью, время от времени разочаровывает.

Мы попытались, надеясь продвинуться на шаг вперед, эмпирически установить, не способствуют ли изоляции некоторые странности в наших взглядах. Для проверки этого обстоятельства в 1976 г. во многих алленсбахских опросах был использован тест с рисунками, наглядно изображавшими ситуацию изоляции: за столом компактно расположившейся компании людей совершенно отстра-

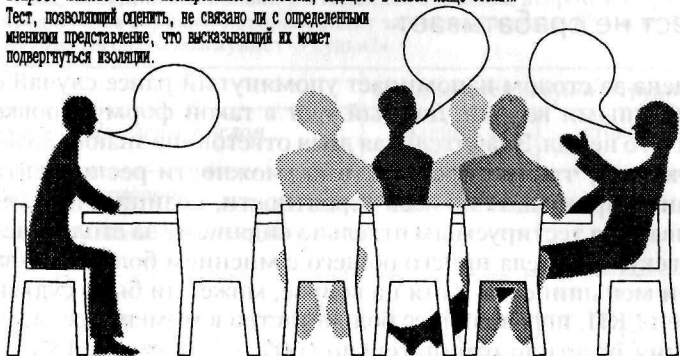
ненно восседал одинокий человек. Другой вариант рисунка предлагал похожий порядок: группе людей противостоял несколько поодаль одиночка. Облачка, струящиеся из уст людей на рисунке, не были заполнены текстом. Задание состояло в том, чтобы интервьюированный респондент приписал определенное суждение изолированному на рисунке индивиду. Например: согласен ли он с тем, чтобы члены Германской коммунистической партии могли быть судьями, или он против?

Тест на изоляцию

Рис. 20

Вопрос: «Каково мнение изолированного человека, сидящего в левом конце стола?»

Тест, позволяющий оценить, не связано ли с определенными мнениями представление, что высказывающий их может подвергнуться изоляции.

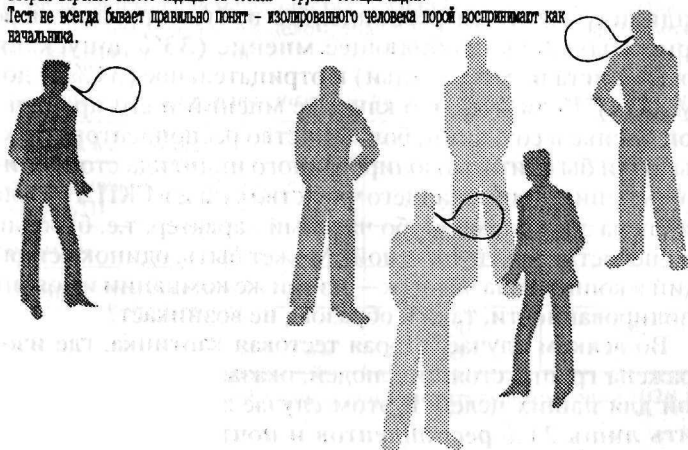

Тест на изоляцию

Рис. 21

Вторая версия: Вместо сидящих за столом — группа стоящих людей.

Тест не всегда бывает правильно понят — изолированного человека порой воспринимают как новичка.

Текст рисунка был следующего содержания: «Вернемся к вопросу о том, может ли человек, состоящий в Германской коммунистической партии, быть судьей. На рисунке представлена группа людей, беседующих именно об этом. Есть два мнения: согласно одному из них, такой человек может быть судьей, согласно другому — нет. Что, по Вашему мнению, может сказать тот, кто сидит за столом отдельно? Он *за* или *против* того, чтобы коммунист был судьей?» (см. рис. 20, 21).

Тест не срабатывает

Сцена за столом напоминает упомянутый ранее случай с амбарными весами. Данный тест в такой формулировке ничего не дал. Значительная доля ответов «не знаю» (33%) показала, что мы превысили возможности респондента фантазировать. И по всей вероятности, позиция, приписываемая тестируемым отдельно сидящему за столом человеку, не имела ничего общего с мнением большинства или меньшинства. Хотя на вопрос, может ли быть судьей член ГКП, подавляющее большинство в момент тестирования ответило отрицательно (60% — «против», 18% — «за», апрель 1976 г.) и несмотря на то, что населению была известна позиция большинства и позиция, ведущая к возможной изоляции (80% — большинство «против», 2% — большинство не возражает), все же отдельно сидящему индивиду ответами респондентов почти в равной мере приписывалось одобряющее мнение (33% допускали коммуниста на место судьи) и отрицательное (34% не допускали). Если судить о климате мнений и его правильной оценке в сознании, большинство респондентов должны были бы считать изолированного индивида сторонником мнения, допускающего членство судьи в ГКП. Носила ли сцена за столом сугубо частный характер, т.е. была ли она недостаточно публичной? Может быть, одиноко сидящий в конце стола человек — из той же компании и боязнь изолированности, таким образом, не возникает?

Во всяком случае, вторая тестовая картинка, где изображена группа стоящих людей, оказалась более пригодной для наших целей. В этом случае затруднялись ответить лишь 21% респондентов и почти каждый второй

ЧЛЕН ГКП В КАЧЕСТВЕ СУДЬИ?

ТЕСТ НА ИЗОЛЯЦИЮ, %

Существует ли среди населения представление, что люди с определенными взглядами могут оказаться в изоляции?

Вопрос: «Давайте вернемся к вопросу о том, можно ли члену ГКП быть судьей. Здесь Вы видите несколько человек, беседующих как раз на эту тему. Высказываются два мнения: одно — за то, что член ГКП может быть судьей, и второе — против. Как Вы полагаете, что сказал человек, стоящий несколько в сторонке (в каждом втором интервью предлагался вариант: который сидит за столом отдельно)? Он за или против того, что коммунист — судья?»

	Предлагается рисунок с группой	
<i>Население в целом</i>	сидящих за столом	стоящих
Человек в сторонке		
«за» возможность быть судьей члену КПГ	33	46
«против»	34	33
затрудняются ответить	33	21
<i>n =</i>	100 466	100 516
Сторонники мнения меньшинства — члены ГКП могут быть судьями — лучше, чем население в целом, знают, что с такими взглядами можно оказаться в изоляции <i>Сторонники мнения меньшинства — члены КПГ могут быть судьями</i>		
Человек в сторонке		
«за» возможность быть судьей члену КПГ	45	65
«против»	29	21
затрудняются ответить	26	14
<i>n =</i>	100 83	100 79

Источник: Алленсбахский архив, опрос Института демоскопии 3028, апрель 1976 г.

(46%) предполагал, что изолированный индивид разделяет мнение, отличное от общепринятого, но все же 33% опрошенных дали противоположный ответ. Обостренное чувство обособленности мнения, что член ГКП может быть судьей, обнаруживают те, кто его разделяет. В 65% случаев изолированный человек на рисунке был признан единомышленником (см. табл. 12).

Но этот тест не мог удовлетворить нас, потому что даже при подавляющем большинстве мнений он давал неоднозначные, нечеткие результаты. С помощью другой разновидности теста с такими же картинками, но менее полярными взглядами: «Кого Вы хотели бы видеть следующим федеральным канцлером?» (44% — Гельмута Шмидта, 35% — Гельмута Коля, апрель 1976 г.) — удалось обнаружить еще одно неожиданное обстоятельство: в каждой из групп — сторонников Шмидта и сторонников Коля — отмечалась тенденция приписывать стоящему отдельно от группы человеку свои собственные взгляды.

Отвергнув сначала тест, мы, однако, позднее вернулись к нему с новой диагностической целью¹⁰ — попытаться эмпирически проверить вопрос: знает ли население, с какими взглядами человек может оказаться в изоляции? Конечно, для акта поведения, согласно спирали молчания, достаточно, если такое знание существует подсознательно. Мысль Фромма о том, что каждый считает себя индивидуалистом, недостаточное осознание нашей социальной природы не благоприятствуют целевым наблюдениям за такого рода фактами. И все же даже слабое демокопическое интервью позволяет выявить, знают ли люди, имея какое мнение человек в конкретной стране, в конкретное время может столкнуться с угрозой изоляции.

Поэтому тестовые вопросы следует заострять, нужно прибегать к тем крайним ситуациям, в которых даже толстокожий видит явную опасность изоляции.

Кто потеряет?

В сентябре 1976 г., незадолго до выборов в бундестаг, в алленсбахских интервью появилось два новых вопроса. Первым из них апробировалась следующая ситуация:

РАЗРАБОТКА НОВЫХ ТЕСТОВ ДЛЯ ИЗМЕРЕНИЯ КЛИМАТА МНЕНИЙ, %

Разделяя какие взгляды,
оказываешься в изоляции?

Вопрос: «Здесь изображена машина со спущенным колесом. На ее заднем стекле — наклейка с призывом голосовать за партию, к сожалению, уже невозможно разобрать, за какую. Как Вы полагаете, с символикой какой партии наиболее велика опасность получить спущенное колесо?»

	Сентябрь 1976 г.			
	Население в целом	Сторонники ХДС/ХСС	Сторонники СПГ	Сторонники СвДП
ХДС/ХСС	21	28	12	21
СПГ	9	7	11	13
СвДП	1	2	x ?	4
НДП	11	10	12	10
КПГ	9	5	14	13
ГКП	8	9	8	2
Затруднились ответить	45	42	46	43
n =	103 556	103 263	103 238	106 45

Источник: Алленсбахский архив, опрос Института демоскопии 2189;
x = менее 0,5%.

«Здесь изображена машина со спущенным колесом. На ее заднем стекле — наклейка с призывом голосовать за партию, к сожалению, уже невозможно разобрать, за какую. Как Вы полагаете, с символикой какой партии наиболее велика опасность получить спущенное колесо?» Почти по-

ловина населения — 45% — не смогла ответить на этот вопрос. И все же результат был: три представленные в бундестаге партии четко ранжировались в ответах респондентов: 21% опрошенных назвали ХДС/ХСС, 9 — СПГ, 1% — СвДП. Результаты теста полностью представлены в табл. 13. Сторонники ХДС/ХСС ощущают наибольшую угрозу для себя; сторонники СвДП осознают небольшую угрозу для себя и сравнительно сильную угрозу — для сторонников ХДС/ХСС. Сторонники СПГ не ощущают особой угрозы, иначе у них, как и у сторонников ХДС/ХСС, оценка угрозы для себя была бы значительно выше оценки угрозы для других.

Второй вопрос этого теста более удачен по сравнению с первым: он вызывает меньше вариантов ответов. Он лучше еще и потому, что использует более доступный, но вполне реалистичный язык сигналов для обозначения популярности, уважения, чего не было в первом вопросе, где речь шла о повреждении вещей или предметов. Это дает возможность сторонникам СПГ и СвДП более свободно выразить свое убеждение, что они пострадали больше других. Вопрос звучал так: «Сейчас я расскажу Вам один случай и хочу спросить, что Вы думаете по этому поводу. Приезжает человек в незнакомый город и отчаянно ищет место для стоянки автомобиля. Наконец он выходит из машины и спрашивает прохожего: «Скажите, пожалуйста, где здесь стоянка для автомобилей?» Прохожий отвечает: «Спросите кого-нибудь другого». И отворачивается. Следует сказать при этом, что на пиджаке у владельца машины красовался значок какой-то партии. Значок какой партии, по Вашему мнению, был у водителя?» (см. табл. 14).

25% сторонников СПГ и 28% — СвДП указали: ХДС. Эти цифры более чем вдвое превышали ответы: СПГ. Сторонники ХДС/ХСС, похоже, не хотели признаться самим себе в своей непопулярности. Таким образом, в сентябре 1976 г. тенденция отмалчиваться о своем голосовании за ХДС/ХСС на прошлых выборах после периода нормализации достигла наивысшей точки.

Однако психологическая ситуация для сторонников ХДС/ХСС была менее угрожающей, чем четыре года назад, на выборах в бундестаг 1972 г. Это видно из ответов на вопрос, в скрытой форме содержащий угрозу возможной изоляции в обществе. Он был включен в послевыборные

Таблица 14

КОНТРОЛЬНЫЙ ВОПРОС О КЛИМАТЕ МНЕНИЙ:
«РАЗДЕЛЯЯ КАКИЕ ВЗГЛЯДЫ МОЖНО ОКАЗАТЬСЯ
В ИЗОЛЯЦИИ?», %

<i>Вопрос: «Я хочу рассказать Вам один случай и спросить, что Вы об этом думаете. Приезжает человек в незнакомый город и безуспешно ищет место парковки. Наконец он выходит из машины и спрашивает пешехода: "Пожалуйста, подскажите, где найти стоянку для машины". Пешеход, однако, отвечает: "Спросите кого-нибудь другого", поворачивается и уходит. При этом следует отметить, что у водителя машины на пиджаке был прикреплен значок какой-то партии. Значок какой партии это был?»</i>				
	Сентябрь 1976 г.			
	Население в целом	Сторонники ХДС/ХСС	Сторонники СПГ	Сторонники СвДП
ХДС/ХСС	23	21	25	28
СПГ	14	19	12	8
СвДП	2	4	1	x
НПГ	8	7	10	7
КПГ	13	12	13	12
ГКП	9	9	9	9
Затруднились ответить	35	34	35	40
n =	104 546	106 223	105 264	104 50

Источник: Алленсбахский архив, опрос Института демоскопии 2189.

опросы 1972 и 1976 гг. и звучал так: «В ходе предвыборной борьбы то и дело видишь разорванные или испачканные плакаты. Плакаты какой партии, по Вашим наблюдениям, пострадали больше всего?» В 1972 г. пострадавшей называли прежде всего ХДС/ХСС, причем с большим перевесом (31% опрошенных), на втором месте оказалась СПГ (7%). В 1976 г. ХДС/ХСС также чаще всего упоминалась в этом списке, но не в 31% случаев, а в 32% (см. табл. 15).

Проколотые шины, испачканные или разорванные плакаты, отказ в помощи чужакам — такого рода тестовые

ПОРЧА ПЛАКАТОВ —
СИМВОЛИЧЕСКАЯ УГРОЗА ИЗОЛЯЦИИ, %

<i>Вопрос: «Во время предвыборной кампании многие плакаты оказываются разорванными или испачканными. А по Вашим наблюдениям, плакаты какой партии чаще всего испорчены?»</i>		
	Исследования после выборов	
	1972 г.	1976 г.
Чаще всего испорчены плакаты		
ХДС/ХСС	31	23
СПГ	7	12
СвДП	1	2
Все поровну	27	22
Не знаю	35	41
<i>n =</i>	101	100
	912	990

Источник: Алленсбахский архив, опрос Института демоскопии 2129, 2191.

вопросы показали нам, что можно оказаться в опасной плоскости, если климат мнений против тебя. Причем речь идет не о мелочах, когда люди пытаются избежать изоляции; дело касается вопросов жизни, реальной опасности. В различное время общество с его меняющимися настроениями и предпочтениями требует от своих сограждан конформности. Оно должно требовать конформности, чтобы самому не рассыпаться, обеспечив определенную степень согласия, сплоченности. Неодобрение, которым наказывают за отклонение, по мнению немецкого юриста Рудольфа фон Иринго, не носит рационального характера, какой имеет неодобрение ложного вывода, ошибочных расчетов, неудавшегося произведения искусства; скорее есть «сознательное и неосознанное практическое проявление заинтересованности в ненарушении, оборона в целях собственной безопасности»¹¹.

Примечания

- ¹ См.: A s c h S. E. Effects of Group Pressure upon the Modification and Distortion of Judgments. — G u e t z k o w H. (Ed.). Groups, Leadership, and Men. Pittsburgh: Carnegie, 1951; переиздано в: C a r t w r i g h t D., Z a n d e r A. (Eds.). Group Dynamics. Research and Theory. Evanston, Ill. New York, 1953, p. 151–162; A s c h S. E. Group Forces in the Modification and Distortion of Judgments. — *Social Psychology*, 1952, p. 450–473.
- ² T o c q u e v i l l e A. de. L'Ancien régime et la révolution. Vol. 2. Paris, 1952, p. 182.
- ³ См.: T a r d e G. Les lois de l'imitation. Paris, 1903; его же. Communication and Social Influence. Chicago—London, 1969, p. 318.
- ⁴ См.: B a n d u r a A. Imitation. — International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 7. New York, 1968, p. 96–101.
- ⁵ См.: M i l g r a m S. Nationality and Conformity. — *Scientific American*, 1961, vol. 205, p. 45–51.
- ⁶ См.: E c k s t e i n H., Division and Cohesion in Democracy. A Study of Norway. Princeton, N.J., 1966.
- ⁷ См.: F r o m m E. Sigmund Freuds Psychoanalyse — Größe und Grenzen. Stuttgart, 1979, S. 42.
- ⁸ См.: N o e l l e - N e u m a n n E. Turbulences in the Climate of Opinion: Methodological Applications of the Spiral of Silence Theory. — *Public Opinion Quarterly*, 1977, vol. 41, p. 154–155.
- ⁹ См.: *Allensbacher Archiv*, IfD-Umfrage 3037.
- ¹⁰ См. гл. XXII наст. изд.
- ¹¹ I h e r i n g R. von. Der Zweck im Recht. 2 Band. Leipzig, 1883, S. 242, 325.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ — ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

«Я так и не знаю, что такое общественное мнение», — заявил один из участников семинара по общественному мнению, покидая аудиторию и направляясь на обеденный перерыв. Семинар проходил в 1961 г. в Баден-Бадене, его организатором выступило Исследовательское общество публицистики. В своей неудовлетворенности таким положением дел автор приведенного высказывания не был одинок. Не одному поколению философов и юристов, историков, политологов и публицистов оказались не по зубам попытки дать четкое определение общественного мнения.

Пятьдесят определений

Итак, продвижения вперед не получилось, наоборот, понятие приобретало все бльшую многозначность, пока практически стало неприемлемым. Американский ученый Гарвуд Чилдс решил обнародовать результаты своих изысканий и в 1965 г. представил на суд общественности 50 определений общественного мнения, обнаруженных им в письменных источниках¹. В 50—60-х годах все чаще раздавались призывы отказаться от этого понятия, поскольку общественное мнение — это, мол, фикция, его следует сдать в музей истории понятий, оно интересно лишь в историческом аспекте. Но — странное дело — подобные призывы ни к чему не привели. «Это понятие не истребить»², — жаловался Эмиль Довифат, автор известного учебника «Учение о газете» (1962). Юрген Хабермас в опубликованной в 1962 г. диссертации «Структурные изменения общественности. Исследования категории буржуазного общества» писал: «Не только разговорный язык... крепко удерживает его; науки также, прежде всего

юриспруденция, политика и социология, очевидно, не в состоянии заменить такие традиционные категории, как...общественное мнение, более точными определениями»³.

Профессор журналистики Колумбийского университета (Нью-Йорк) У.Ф. Дэвисон свою статью «Общественное мнение», написанную для «Международной энциклопедии социальных наук» (1968), начинает словами: «Не существует общепринятого определения общественного мнения. Однако употребление этого понятия постоянно расширяется... Попытки точно определить понятие привели к таким фрустрирующим определениям, как, например [здесь он цитирует одно из определений Чилдса. — *Ред.*]: общественное мнение — это не обозначение чего-то, это классификация многих неопределенностей»⁴.

Беспомощность, о которой постоянно твердили многие исследователи общественного мнения, немецкий историк Герман Онкен в одной из своих публикаций 1904 г. охарактеризовал так: «Кто хочет зафиксировать и определить его... сразу понимает, что имеет дело с многоликой сущностью, видимой, но одновременно и призрачной, бессознательной и в то же время потрясающе действенной, которая является в бесчисленных обликах и снова и снова ускользает от нас, когда мы надеемся ее схватить... Зыбкое и текучее не удержать, заточив в формулу... В конце концов, кого ни спроси, каждый точно знает, что означает общественное мнение»⁵.

Необычно то, что столь остроумный ученый, мастер четко изъясняться, как Онкен, прибегает к словам «в конце концов... каждый точно знает...», и работа, без которой невозможно применение научных методов — выстраивание научных дефиниций — снисходительно квалифицируется им как «заточение в формулу»⁶.

Спираль молчания как процесс возникновения и распространения общественного мнения

В начале 70-х годов, когда для объяснения загадочного обстоятельства 1965 г. — неизменных намерений голосовать на выборах в бундестаг за определенную партию и

безудержного роста ожиданий относительно победы одной из сторон — впервые была выдвинута гипотеза о спирали молчания, я стала спрашивать себя, не схвачен ли здесь некий фрагмент этого монстра — общественного мнения. «...В бесчисленных обличьях... снова и снова ускользающая от нас», — писал Онкен. Спираль молчания может быть одним из проявлений, выражением того процесса, в ходе которого формируется делающие первые шаги (новое) общественное мнение или распространяется преобразованное старое. В таком случае никак не обойтись без определения общественного мнения, чтобы не пришлось говорить: «Спираль молчания — это процесс распространения чего-то неопределенного...»

Спор ученых всегда был сфокусирован на обеих составляющих понятия — «мнение» и «общественное».

У англичан, немцев и французов свое понимание «мнения»

Анализ литературы, касающейся понятия «мнение», привел нас к Сократу, который однажды, в канун праздника в портовом городе Пиреи, в дискуссии о государстве с Глауконом и другими своими учениками попутно изложил подходы к определению мнения.

«Не кажется ли тебе, — спросил я, — что мнение темнее, чем знание, но светлее, чем неведение?»

И это, конечно, так, — ответил он.

Находится ли оно между ними обоими?

Да.

Таким образом, мнение лежит посередине между ними обоими?

Совершенно так»⁷.

Если для Сократа мнение не представляет особой ценности, скорее он здесь занимает срединную позицию, то многие оценивали мнение ниже знания, веры, убеждения. В частности, Кант характеризовал это понятие «как субъективно, так и объективно недостаточное (суждение) о действительности»⁸. Сложнее англосаксонское и французское толкования понятия «мнение» (opinion). Наряду с оценкой, констатирующей, что мнение может быть верным или неверным, оно включало намеки на согласован-

ность мнений населения в целом или определенных кругов общественности. «Общепринятое мнение» — такой термин предложил английский социальный философ Дэвид Юм в одной из своих работ 1793 г.⁹ Согласие, общность — именно такой смысл заложен в английском и французском «*opinion*».

Согласованность, требующая признания

Наблюдения с точки зрения спирали молчания более плодотворны, чем рассуждения немцев о ценности или незначительности мнения. Индивид в своем окружении наблюдает согласованность и учитывает ее в своем поведении. При этом не обязательно речь идет о согласованности мнений; это может быть согласованность поведения — носить или не носить значок, уступить место в транспорте старику или не уступать. Для спирали молчания не играет особой роли, изолирует себя человек мнением или поведением. Эти размышления подсказали нам, что в искомом определении мнение следует толковать лишь как синоним для выражения того, что человек считает правильным, сохранив при этом указание на согласованность из английского и французского вариантов понятия.

Три значения «общественного»

Интерпретация слова «общественный» породила не меньше дискуссий, чем определение термина «мнение». Этим занимались многие ученые. Как пишет Хабермас, «употребление слов “общество” и “общественный” обнаруживает разнообразие конкурирующих значений». Прежде всего юридическое значение «общественного» подчеркивает открытость, доступность каждому (например, общественный транспорт) в отличие от частной сферы (латинское *privare* — отделять, присваивать). В юридических понятиях «общественное право», «общественная организация» содержится ссылка на государство. В юридическом, политологическом, общественно-научном смысле «общественному» приписывается определенный ранг, речь идет об общественных интересах, это выливается, например, в

такие формулировки, как «общественная ответственность журналиста». Одним словом, речь идет о вопросах и проблемах, затрагивающих всех, общее дело, общее благо. В данном случае в основе понятия лежит легализованная власть: индивид уступил органам государства свою возможность применять власть, законы могут осуществляться «общественной властью». Слово «общественный» в понятии «общественное мнение» должно иметь родственное — и все же иное — значение. Многие юристы, например Иеринг и фон Хольцендорф, подчеркивали волшебную способность общественного мнения внедрять предписания, нормы, обычаи в индивидуальное поведение, не обременяя этой работой законодательство, правительство, суды. «Очень дешево»¹⁰, — одобрил американский социолог Э. Росс. Синоним общественного мнения — господствующее мнение — красной нитью проходит через разнообразные определения. И это лишний раз убеждает нас: общественному мнению присуще нечто такое, что позволяет ему склонить индивида к определенному поведению против его воли.

Социальная кожа

Наряду с юридическим и политологическим имеется еще и социально-психологическое значение «общественного». Кроме ближайшей среды, средоточия мыслительной деятельности человека и источника его ощущений, существует некая внешняя реальность, объемлющая не только отдельных конкретных людей. Индивид противостоит другим в определенном протяженном открытом пространстве, которое, согласно Ф. Тённису,* можно обозначить термином «сообщество» (Gemeinschaft). С сообществом индивида связывает некоторая доверительность отношений, религия. Но в масштабах цивилизаций, в более открытых пространствах он противостоит обществу¹¹. Что приводит к этому противостоянию и постоянно требует внимания к социальному, которое окружает человека? Именно его бо-

* Часто этот термин Ф. Тённиса переводят как «община» или «общность», как часть дихотомии община — общество. — Прим. перев.

язнь изоляции, страх перед неодобрением, непопулярностью, потребность в одобрении со стороны окружения. Именно в этом причина его постоянного и напряженного внимания к окружению, и можно даже говорить о публичности* как состоянии сознания человека. Нормальный индивид всегда знает, находится ли он в публичной (общественной) ситуации или он скрыт от общественного (публичного) наблюдения, и ведет себя соответственно. Во всяком случае, люди весьма различаются по тому, как на них действует осознание публичности. Индивид напряженно вникает в общественности как анонимной инстанции, выносящей приговор, одаривающей популярностью и непопулярностью, уважением и презрением.

Притягательность идеала самостоятельного, независимого человека — вот причина того, что «общественному» в понятии «общественное мнение» приписывается много значений. Содержание общественного мнения — все общественно важные вопросы, вопросы общественного бытия; носители общественного мнения — это люди, готовые и способные со всей ответственностью высказаться по общественно значимым вопросам и осуществлять критику и контроль правительства снизу; формы общественного мнения — это такие мнения, которые высказываются публично, т.е. общедоступно, это опубликованные мнения, особенно мнение средств массовой информации. И только «общественное» как социально-психологическое понятие практически не затрагивалось в массе определений общественного мнения, сформулированных в XX в. Опущено, таким образом, значение, которое имеет в виду человека в его слабости, в его зависимости от мнений окружения, одним словом, то значение, которое предполагает наличие у человека чувствительной социальной кожи, его социальной природы.

* В данном случае термин «публичность» применен для слова «Öffentlichkeit», которое обычно переводится как «общественный», в том числе в выражении «общественное мнение». Далее в тексте применяются оба варианта перевода. — *Прим. перев.*

Мнения, которые мы высказываем без боязни быть изолированными

В «рабочее» определение общественного мнения мы включаем то, что можно эмпирически выяснить путем наблюдений за окружением, а именно: какие мнения ширятся, какие убывают, как на них реагируют — самоуверенной речью или осторожным молчанием, — т.е. все, что можно назвать страхом перед изоляцией у большинства из нас. В дальнейшем мы рассмотрим мнения по противоречивым вопросам, которые *можно* высказать публично, не опасаясь изоляции.

Однако предложенное понимание, наше толкование общественного мнения должно быть дополнено. Общественное мнение обнаруживает родство с феноменом, доступным эмпирическим наблюдениям, — со спиралью молчания, которая проявляется там, где мнения соперничают, где новые ситуации становятся штампами, где обыденные воззрения обновляются.

Ф. Тённис в «Критике общественного мнения» указывал, что общественное мнение существует в различных агрегатных состояниях: «твердом, жидком и газообразном»¹². Если использовать аналогии Тённиса, спираль молчания встречается в жидком агрегатном состоянии. В среде, где мнения, способы поведения оказались господствующими, где они стали обычаем, традицией, противоречивый элемент не узнаваем более, как, например, в дискуссиях на темы «Радикалы на общественных постах» или «Запреты на профессии» — здесь каждый лагерь сформировал собственный язык по главной теме, и спираль молчания очень легко прочитывается по частоте употребления того или иного обозначения. Противоречивый элемент, предпосылка для возможной изоляции проявляется при сбое, когда нарушается общепринятое общественное мнение, традиция или обычай. О «судейском норове» общественного мнения говорил юрист Франц фон Хольтцендорф (1879)¹³, Иеринг называл общественное мнение «дрессировщиком общепринятого» и четко отделял его от интеллектуальности¹⁴. Он имел это в виду, когда говорил о сознательной или бессознательной «реакции интереса на его ущемление, об обороне в целях своей безопасности»¹⁵. Поэтому нужно дополнить определение общественного

мнения: в устойчивой сфере традиций, обычаев и прежде всего норм, общественным мнением являются те мнения и способы поведения, которые *нужно* выражать или принимать публично, если не хочешь оказаться в изоляции. Страх индивида перед изоляцией, его потребность быть принятым обществом, с одной стороны, и выдвинутое общественностью как контрольной инстанцией требование конформности с установившимися, всеми одобряемыми мнениями и способами поведения, с другой, закрепляют существующий порядок, высшие ценности.

Общественное мнение как одобрение и порицание

Может быть, некорректно пользоваться в данном случае понятием «общественное мнение», поскольку мы подвергли критике все его определения, встречаемые в книгах, высказываниях на политические сюжеты и т.д.? Установившееся, закрепленное, представленное в качестве признака общественного мнения — как в области преобразований, так и в области защиты — не имеет тематических ограничений, речь идет лишь об одобрении и порицании публично воспринимаемых позиций и способов поведения, одобрении и порицании, ощутимых для индивида. Спираль молчания — это реакция на публичное одобрение и порицание «изменчивого небосвода ценностей». Столь же часто, как тема, обсуждается и вопрос о носителях общественного мнения. В этом плане общественное мнение не есть дело способных к критике избранных, «политически активной общественности» (по Хабермасу)¹⁶. Участвуют в нем все.

Прорыв в прошлое: Макиавелли и Шекспир

Чтобы удостовериться в обоснованности нашего определения общественного мнения и понять, как оно формируется с точки зрения спирали молчания, возвратимся на 200 лет назад — в то столетие и в ту страну, где оно впервые появилось, — во Францию XVIII в. В известном романе Лакло «Опасные связи» (1782) это понятие вполне непри-

нужденно употребляется в обыденной речи — 40 лет спустя после Ж.-Ж. Руссо, впервые его использовавшего. В интересующем нас фрагменте речь идет о письме светской дамы (госпожи де Воланж) к молодой женщине, содержащем, в частности, совет не общаться с человеком плохой репутации: «Вы считаете его способным возвратиться на путь истинный? Пусть так; предположим даже, что чудо это свершилось. Но ведь общественное мнение будет по-прежнему против него, и разве этого недостаточно для того, чтобы руководить вашим поведением?»¹⁷

Перед нами — образец общественного мнения как контролирующей инстанции в сфере, далекой от политики, от действий профессионалов. Автор письма предполагает, что туманный намек на общественное мнение анонимного круга знакомых молодой женщины определенно повлияет на нее и заставит учесть в поведении их оценки. Обратившись к прошлому, заглянем во времена, когда понятия «общественное мнение» еще не существовало. И здесь мы столкнемся с анонимной контрольной инстанцией, названной иначе, но вызывающей те же конфликты. Шекспир описывает беседу между королем Генрихом IV и его сыном, будущим Генрихом V, в которой царствующий монарх порицает сына за то, что его часто видят в плохой компании, а он должен считаться с мнением других. Ибо мнение — самое важное, то, что его самого возвело на трон («Генрих IV», часть I, третий акт). Если Шекспир в конце XVI столетия позволил себе сценическое употребление слова «мнение», то неудивительно, что выражение «общественное мнение» первоначально оформилось не в Англии, а во Франции. Английское «*opinion*», вероятно, уже включало элемент публичности, некой контролирующей инстанции, определяющей репутацию человека в сообществе, и поэтому в добавлении «*public*» не было необходимости.

Для Шекспира явно не была странной или новой мысль о том, что властитель или будущий король должен учитывать мнение окружающих, сообщества. Его век знал рукопись Макиавелли 1514 г. «Государь», по сути являющуюся руководством для регента в отношениях с общественностью. Замечание Макиавелли, что не многие «чувствуют» управление, можно перевести следующим образом: чувствуют, что оно касается их непосредственно, но

все *видят* управление, и в этом свете важно предстать сильным и благородным. «Вульгарных всегда отличишь по виду. ... Государю нет необходимости обладать всеми названными добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими. Дерзну прибавить, что обладать этими добродетелями и неуклонно им следовать вредно, тогда как выглядеть обладающим ими — полезно»¹⁸. Государю, говорит Макиавелли, следует избегать того, что вызовет к нему неприязнь или презрение. Он должен стараться, чтобы люди были им довольны.

Теория, лежавшая в основе наказов Генриха IV сыну и в «Беседах о первой декаде римской истории Ливия» Макиавелли, гласила: «Об уме правителя первым делом судят по тому, каких людей он к себе приближает; если это люди преданные и способные, то можно всегда быть уверенным в его мудрости, ибо он сумел распознать их способности и удержать их преданность»¹⁹.

В своих поисках мы оказались в первой половине XVI в., но у нас не возникло впечатления, что мы заплутали во времени, когда люди были менее восприимчивы, чем сегодня, к хорошей репутации, менее чувствительны к общественности в ее оценивающей роли.

Макиавелли и Шекспир дали нам новую перспективу: оценивающая инстанция подвергает в трепет не только простых людей, заботящихся о своей репутации, но и принцев, и государей, и владык. Государя, которого он должен воспитать, Макиавелли предостерегает: чтобы быть государем и управлять, нужно основательно знать природу своего народа. Власть подчиненных — в их способности опрокинуть структуру государства (которым управляет государь) и навязать новый образ государства²⁰.

Ознакомившись в предыдущих главах с эмпирическими исследованиями общественного мнения и вдохновленные попутными наблюдениями в прошлом, попытаемся расширить поиски исторических свидетельств в надежде, что это поможет нам лучше понять данный феномен.

Примечания

¹ См.: Childs H. L. Public Opinion: Nature, Formation and Role. Princeton, N.J.—Toronto—New York—London, 1965, p. 14–26.

² Dovifat E. Zeitungslehre. I. Band. Berlin, 1962, S. 108.

- ³ H a b e r m a s J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Neuwied, 1962, S. 13.
- ⁴ D a v i s o n W. Ph. Public Opinion. Introduction. — S i l l s D. L. (Ed.). International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 13. New York, 1968, p. 188.
- ⁵ O n c k e n H. Politik, Geschichtschreibung und öffentliche Meinung. Historisch-politische Aufsätze und Reden, 1. Band. München—Berlin, 1914, S. 224 f., 236.
- ⁶ Ibid., S. 225.
- ⁷ П л а т о н. Государство, 478 В-Е.
- ⁸ К а н т И. Соч. В 6-ти тт. Т. 3. М., 1964 («Критика чистого разума»).
- ⁹ См.: H u m e D. A Treatise of Human Nature. Edited with an analytical index by L.A. Selby-Bigge. Oxford, 1896, p. 411.
- ¹⁰ R o s s E. A. Social Control. A Survey of the Foundations of Order. Cleveland—London, 1969, p. 95.
- ¹¹ См.: T ö n n i e s F. Kritik der öffentlichen Meinung. Berlin, 1922, S. 69, 80.
- ¹² Ibid., S. 137 f.
- ¹³ См.: H o l t z e n d o r f f F. v o n. Wesen und Werth der öffentlichen Meinung. München, 1880, S. 74.
- ¹⁴ См.: I h e r i n g R. v o n. Der Zweck im Recht, S. 340.
- ¹⁵ Ibid., S. 242.
- ¹⁶ H a b e r m a s J. Op. cit., S. 117.
- ¹⁷ Л а к л о Ш. де. Опасные связи. М., 1990, с. 59.
- ¹⁸ М а к и а в е л л и Н. Государь. М., 1990, с. 53.
- ¹⁹ Там же, с. 69.
- ²⁰ См.: R u s c i a n o F. L., o. J. Passing Brave: Elite Perspectives on the Machiavellian Tradition. A Masters Thesis, presented to the Department of Political Science of the University of Chicago. Vervielfältigtes Manuskript, p. 49.

ЗАКОН МНЕНИЯ: ДЖОН ЛОКК

У него было пять или шесть друзей, с которыми он регулярно встречался в своей лондонской квартире, чтобы побеседовать, — так писал о себе Джон Локк в работе «О человеческом разумении». Стимулом для этих встреч послужила одна беседа на конкретную тему, за которую ухватились ее участники, но не могли продвинуться в своих рассуждениях. Тогда им пришло в голову, что они, вероятно, пошли по неверному пути и что надо взяться за дело совсем с другой стороны. Друзья Локка сочли этот аргумент убедительным и настаивали, чтобы к следующей встрече он подготовил для обсуждения краткий текст. По их желанию Джон Локк делал дальнейшие записи бесед, и так постепенно возникла книга.

Лондон 1670 г. — что может быть чудеснее? Повсюду ведутся дискуссии — в парламенте, в редакциях газет, в кафе и в домашнем кругу. И наброски Дж. Локка, еще не перешагнувшего свой сорокалетний рубеж, записанные, по его словам, бессвязно, не предназначенные для ученых мужей, — все это свежо, как летнее утро.

Но когда работа была опубликована, Дж. Локк трогательно пожаловался, что укор новизны — ужасное обвинение в среде тех, кто судит о головах людей так же, как об их париках, — исходя из моды, и для кого верны лишь общепризнанные учения. В своем первом явлении истина нигде и никогда не была поддержана: новым мнениям всегда не доверяют, их всегда отрицают только на том основании, что они еще непривычны. Истина, однако, как и золото, в не меньшей степени истина, когда ее только что «добыли в шахте».

Мы должны различать три типа законов, говорит Дж. Локк. Во-первых, божественный закон, во-вторых, гражданский закон и, в-третьих, закон добродетели и порока, закон общественного доброго имени, или — здесь Локк употребляет различные названия — закон моды или суждения частных лиц. Третий закон он объясняет следующим образом: «...люди, соединяясь в политические сообщества, отказываются в пользу государства от права распоряжаться всею своею силою, так что не могут пользоваться ею против своих сограждан больше, чем позволяет закон страны, однако они все же сохраняют право быть хорошего или плохого мнения о действиях людей, среди которых живут и с которыми общаются, одобрять или не одобрять эти действия. В силу этого одобрения или неприязни они и устанавливают между собой то, что они намерены называть добродетелью и пороком»¹.

Репутация, мода в категории масштабности

«Таким образом, мерилom того, что везде называется и считается добродетелью и пороком, является все, только не одобрение или нерасположение, восхваление или порицание, которые по скрытому и молчаливому согласию устанавливаются в различных человеческих обществах, племенах и компаниях и благодаря которым различные действия приобретают хорошую или дурную славу сообразно суждениям, принципам или обычаям данной местности»².

«Но от наказания в виде всеобщего порицания и неприязни не ускользает не один человек, нарушающий обычаи и идущий против взглядов общества, в котором он вращается и где хочет заслужить хорошую репутацию. И среди десяти тысяч человек вряд ли найдется один, кто был бы настолько непреклонен и нечувствителен, чтобы переносить постоянное нерасположение и осуждение своей собственной компании. Странно и необычно устроен должен быть тот, кто может удовлетворяться жизнью в постоянном бесчестье и позоре в кругу своего особого общества. Многие искали уединения, и многие примирялись с ним; но никто, имея хотя бы малейшее сознание или чувство присутствия около себя человека, не может

жить в обществе под гнетом постоянного нерасположения и дурного мнения своих близких и тех, с кем он общается. Это бремя слишком тяжело для человеческого терпения...»³

Так, по описанию Локка, общественность в качестве осуждающей инстанции принуждает людей к конформности, используя страх перед изоляцией. У него не было радости по этому поводу. Преследуемый врагами, Локк в третьем издании книги изменяет данный текст на более возвышенный.

Локка упрекают в том, что он сглаживает грань между добром и злом. Что обусловлено божественным законом — у него стало делом договоренности между частными лицами, мораль он свел до уровня моды, как будто он не знает, что такое закон. Как известно, закон включает в себя авторитет, исходящий от частных лиц, а также власть — и все вместе обеспечивает соблюдение закона.

«...Человек, — говорит Дж. Локк, — не признающий одобрения и неодобрения мотивами, настолько сильными для людей, чтобы они приспособились ко взглядам и правилам тех, с кем они общаются, по-видимому, мало знаком с человеческой природой или историей, ибо он обнаружит, что огромное большинство людей руководствуются главным образом, если не исключительно, законами обычая и поступают так, чтобы поддержать свое имя в глазах общества, мало обращая внимание на законы Бога или властей. О наказаниях, ожидающих людей за нарушение божественного закона, некоторые, а быть может и большинство людей, редко помышляют серьезно; да и среди помышляющих многие, нарушая закон, утешаются мыслью о будущем примирении и раскаянии в этих нарушениях. Что же касается кар, налагаемых законами государства, то люди часто льстят себя надеждой на безнаказанность. Но от наказания в виде всеобщего порицания и неприязни не ускользает ни один человек, нарушающий обычаи и идущий против взглядов общества, в котором он возвращается и где хочет заслужить хорошую репутацию»⁴.

Локк разрабатывает терминологию на трех уровнях: при ссылке на божественный закон следует говорить о долге и грехе, при ссылке на гражданский закон — о нарушении или соответствии закону, при ссылке на закон мнения и репутации — о добродетели и пороке. Он иллюстри-

рует свою мысль о том, что эти различные масштабы не обязательно должны быть сведены к одному результату, примером дуэли: вызов и сражение с женщиной... называется *дуэлью*. Если рассматривать дуэль в ее отношении к божественному закону, то она заслуживает названия «грех». Если рассматривать ее в связи с законом обычаев, то в некоторых странах это называется «храбрость» и «достоинство». Если связать ее с общественными законами некоторых правительств, то это называется «преступление».

Проведенный Локком анализ, позволивший выявить бдительную восприимчивость людей к мнению окружения, согласуется с нашими новыми методами исследования современности. Используя все новые обороты, Локк описывает социальную природу человека. Основной для нашего согласия (некоторого мнения) являются мнения других. Поэтому в Японии, Турции и Испании... говорят по-разному. То, что мы называем своим мнением, не принадлежит нам, произведено не нами, есть простое отражение мнения других...⁵

По своему содержанию мнения, о которых здесь говорит Дж. Локк, не имеют границ, но, согласно его объяснению, они содержат оценку, выражают похвалу или порицание. По словам Локка, характер согласования этих мнений — «тайна и молчаливое согласие». Таким образом, речь идет о процессе, не получившем осмысления в соответствующей литературе. И в XX в. мы констатируем, что этому процессу присуща таинственность.

В приведенном выше описании содержится другой занимательный элемент: оно подразумевает мнение площади, которое служит категорией масштаба. Это — образование, уважаемое отдельным индивидом, это — согласие, существующее в определенном месте и в определенное время. Индивид может уклониться от соблюдения мнения, сменив место пребывания на весьма удаленное, он может также надеяться на смену времен. Мнение преходяще. Дж. Локк не употребляет выражение «общественное мнение», но оно подразумевается у него в двойственном смысле. Один раз — в смысле согласия, которое можно истолковать как «общность» и, таким образом, как «общественность», «публичность». Второй раз — благодаря словам «масштаб», «на площади», обознача-

ющим максимально возможную открытость, публичность. В сравнении с более поздним понятием «общественное мнение» определение Локка жестче, в нем подразумевается меньше милосердия, когда заходит речь о законе мнения или репутации⁶, но именно так Локк и хотел выразиться.

Когда Локк употребляет термин «закон», он делает это не по легкомыслию, не мимоходом и не в том смысле, в каком говорят о естественных законах природы. Он имеет в виду закон в юридическом смысле и поясняет: за действием должно следовать поощрение или штраф, которые не заключены в самом проступке. Впрочем, и название этого закона для нас показательны. Употребленное Локком выражение «закон мнения или репутации» лишний раз говорит о том, что в его представлении понятие «мнение» почти целиком замещается понятием «репутация», они практически идентичны.

То, что поначалу производит впечатление грубого шутовства в тексте Дж. Локка, в действительности оказывается четким знаком его первооткрывательской натуры. Излагая свой предмет, он предпочитает говорить о «моде» (fashion). Люди обо всем судят, как о париках. Наглядность и быструю переменчивость, привязку мнения к месту и времени, а также его принуждающую сущность вкладывает Локк в эту акцентированную характеристику — «мода». Он использует слово в качестве ключа, чтобы не быть неправильно понятым. Мнение, которое он подразумевает, говоря о «законе мнения или репутации», нельзя рассматривать как источник политической мудрости; его интеллектуальная ценность предельно открыта, о глубине познания речь не идет.

Дж. Локк настаивает на понятиях типа «репутация», т.е. терминах социально-психологического плана, которые характеризуют человека с точки зрения его зависимости от окружения. Поскольку люди не доверяют новым мнениям на том лишь основании, что они новые, еще не модные, поскольку они не видят в них истины, Дж. Локк ищет поддержки у античных авторитетов. Он цитирует Цицерона: «На свете нет ничего лучше законности, похвалы, уважения и чести», причем, добавляет Локк, Цицерон отлично знал, что все это названия одного и того же.

Одного и того же? Но чего?

По нашим представлениям, все это отметки, которые выставляет индивиду общественность.

Примечания

¹ Л о к к Д ж. Соч. В 3-х тт. Т. 1. М., 1985, с. 407.

² Там же.

³ Там же, с. 409.

⁴ Там же.

⁵ См. там же.

⁶ См. там же, с. 409.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ОПИРАЕТСЯ НА МНЕНИЕ: ДЭВИД ЮМ, ДЖЕЙМС МЭДИСОН

Через семь лет после смерти Дж. Локка родился Дэвид Юм. В своей работе «Трактат о человеческой природе»¹ он развивает теорию Локка о государстве. Поскольку с образованием государства люди уступили ему свою способность употребить власть, но не свою способность одобрять или порицать, и поскольку им присуща естественная склонность учитывать мнения, ориентироваться на мнения окружения, то эти мнения очень важны для государства. Пробивная сила согласованного мнения частных лиц формирует консенсус — основу основ мнения любого правительства. Согласно тезису, выдвинутому Юмом, «только на мнении основано правительство»². Всякое господство опирается на мнение.

«Для тех, кто занимается политической философией, ничто не кажется более удивительным, чем легкость, с какой *многими* управляют *немногие*, а также чем готовность людей свои собственные ощущения и желания подчинить ощущениям и желаниям правительства. Если попытаться проанализировать, каким образом осуществляется такое чудо, то мы увидим, что управляющие не могут опереться ни на что, кроме мнения, кроме одобрения. Правительство основывается единственно на мнении. И это справедливо как для деспотических и милитаристских режимов, так и для самых свободных и популярных правительств»³.

Д. Юм смещает перспективу разработки темы «мнение» от давления мнения на индивида к давлению мнения на правительство. Эта перспектива была намечена еще Макиавелли в его наставлении государю. Внимание Локка было направлено на нормального, подверженного влиянию закона мнения или репутации человека в его повсед-

невном бытии, на его страх перед неодобрением, против которого едва ли кто устоит, если его повсюду окружает неуважение. Локк исследовал человеческую природу в общем аспекте. Юма интересует правительство. Его сфера — двор монарха, посланники, политика. Он боится наказаний, которыми угрожает закон мнения или репутации тому, кто вызывает неодобрение. И свою первую работу, «Трактат о человеческой природе», Юм из предосторожности опубликовал анонимно. Но наряду с любовью к возвышенной жизни Юм все же более восприимчив к наградам, чем к наказанию, которые, по закону мнения, ожидают того, кто пользуется признанием, одобрением.

Любовь к славе: солнечная сторона общественного мнения

Одна из глав в его трактате, посвященная общественному мнению (потребовалось более десяти лет, чтобы в 1744 г. Руссо впервые использовал это слово), называется «Of the Love of Fame» («Из любви к славе»). Начав с подробного описания того, как добродетель, красота, богатство и власть, т.е. объективно благоприятные обстоятельства, позволяют человеку испытывать гордость и как бедность и рабство его подавляют, Юм затем продолжает: «Наряду с этими прямыми причинами гордости или подавленности есть вторичная причина. Она основывается на мнениях других и таким же образом влияет на движения нашей души. Наше имя, наш статус, наша репутация — это существенные, значимые причины для гордости. Другие причины — добродетель, красота и богатство — мало что значат, если мнения и воззрения других не способствуют этому... И очень умному, критично настроенному человеку будет трудно следовать собственному разуму или собственным склонностям, если таковые противоречат разуму и склонностям их друзей и ежедневных спутников»⁴.

Захваченный возвышенной жизненной сферой (он с энтузиазмом описывает преимущества богатства и власти), Юм, если использовать современное социологическое понятие, говорит прежде всего о хорошем мнении референтных групп, что, в его понимании, означает меньшую меру публичности, публичного одобрения или нео-

добрения «на площади». Широту воздействия он усматривает в том, что люди не ставят себя в оппозицию окружающим. «Этим следует объяснять, — добавляет Юм, — большое однообразие ощущений и способов мышления у представителей одной нации»⁵. Совершенно однозначно он одобряет (в эссе о принципах морали) эту ориентацию людей на свое окружение, вовсе не рассматривая ее как слабость: «Стремление к славе, уважению, авторитету у других так же мало подлежит осуждению, как и неразрывная связь с добродетелью, гением, усердием и высоким, благородным устремлением духа. Общество ожидает от желающего понравиться значительного внимания даже к незначительным вещам, и никто не удивляется, что в обществе кто-то более элегантно одет и приятнее в обращении, чем когда он дома в кругу своей семьи»⁶.

Юм не останавливается на судьбе отверженных обществом, которых настигла кара неодобрения. Его больше интересуют те, кто на солнечной стороне, и он задается целью провести границу, где любовь к славе может зайти чересчур далеко. «В чем состоит *тщеславие*, которое справедливо рассматривается как ошибка или недостаток? Очевидно, в чрезмерном возвышении собственных преимуществ, заслуг, успехов, в столь навязчивом и неприкрытом стремлении к похвале и почитанию, что другим становится обидно...» Юму ясно, что его размышления относятся прежде всего к привилегированным кругам. Он отмечает: «В среднем характере мы одобряем склонность к скромности»⁷.

Таким образом, Юм движется в том направлении, которое Локк назвал публичностью отношений между индивидом и общественностью, однако видит эти отношения в несколько ином свете, ближе к общественности, которую греки, по мнению Хабермаса, понимали как саму собой разумеющуюся вещь⁸. «Лишь в свете публичности проявляется то, что есть, оно становится видимым для всех. В разговоре граждан друг с другом вещи называются словами и приобретают образ. В споре равных друг с другом выдвигаются лучшие и обретают свою сущность — бессмертие славы... Так *polis* получает широкие возможности для почетных наград: граждане общаются друг с другом как равный с равным... но каждый старается выделиться... Добродетели, каталог которых составил Аристотель, стоят

чего-нибудь лишь в условиях публичности, там они находят свое признание»⁹.

Но высокий стиль Юма, утверждавшего, что общественность — это якобы сфера награждений и отличий, не привлек авторов, рассуждавших об общественном мнении и в XVIII в., и позже. Главный тезис Юма — «Лишь на мнение опирается правительство» — стал доктриной для основателей Соединенных Штатов Америки. Признавая вес мнения в политической сфере, они, однако, по-прежнему рассматривали его роль для индивида глазами Дж. Локка.

Человек боязлив и осторожен

В сборнике статей основателей Соединенных Штатов по вопросам Конституции 1787—1788 гг. один из отцов Конституции, Мэдисон, внимательно исследует принцип «Все правительства опираются на мнение». Эта устоявшаяся догма, по его мнению, — фундамент американской демократии. Но как же слаба и податлива, с другой стороны, человеческая природа, образующая этот фундамент! «Если и справедливо, — говорит Мэдисон, — что все господство, правление посредством общественного мнения легитимируется, опирается на мнение, то верно и то, что сила убеждений, мнений индивида и степень влияния мнений на его *практическое* поведение, его поступки в значительной мере зависят от его представлений о том, *сколько* других людей думают так же, как он. Человеческий разум, человек вообще боязлив и осторожен, когда остается *один*, но он становится сильнее и *увереннее* в той мере, в какой полагает, что *многие другие* думают так же, как он»¹⁰.

Именно здесь мы впервые находим ту реалистическую оценку человеческой природы и ее применение к политической теории, к которой вновь возвращаемся во второй половине XX столетия, чтобы сейчас, во всеоружии метода демоскопии, попытаться объяснить с его помощью то, что неожиданно проявляется в ряде наших наблюдений.

Не слава, а угроза закручивает спираль молчания

Когда мы сравнивали, как Джон Локк или Джеймс Мэдисон, с одной стороны, и Дэвид Юм — с другой, разрабатывали тему «Индивид и общественность», мы столкнулись с тем же различием, что и раньше — при интерпретации «эффекта попутчиков». Одно объяснение — быть на стороне победителя, другое — не оказаться в изоляции. Общественность, публичность как сфера наград, отличий привлекают одних; общественность, публичность как угроза, возможность потерять лицо влияют на других. Почему же в связи со спиралью молчания и общественным мнением нас интересует публичность не с точки зрения поощрений, а с точки зрения угрозы, осуждения? Потому что лишь угроза, страх индивида оказаться в одиночестве, как это четко описывает Мэдисон, объясняют молчание, с проявлением которого мы столкнулись в «железнодорожном» тесте и в других исследованиях, молчание, которое столь влиятельно при формировании общественного мнения.

Революционные ситуации обостряют восприятие публичности как угрозы

Могла ли революция, которую пережил каждый из них, обострить восприимчивость публичности как угрозы у Дж. Локка и Д. Мэдисона? Боязливая внимательность к тому, как следует вести себя, чтобы не оказаться в изоляции, особо необходима во времена сильных потрясений. Четко организованный порядок не доносит до людей, пока они не нарушают приличий, ни малейшего дуновения общественного мнения, их не затягивает водоворот спирали молчания. Однозначно ясно и то, что следует делать или говорить публично и чего не делать публично, — здесь давление в сторону конформности аналогично атмосферному давлению, которое мы чувствуем не осознавая. Но в предреволюционные периоды под влиянием двойного опыта — когда падают правительства, лишённые поддержки мнения масс, и когда индивид, потерявший ориенти-

ры, что хвалить и что хулить, ищет новую опору, — в такие беспокойные времена особенно ощущается действие общественного мнения и чеканятся адекватные слова.

1661 год: Глэнвил «чеканит» понятие «климат мнений»

Трудно рассчитывать на то, что закон мнения или репутации, который наказывает или награждает, — детище спокойного времени. И кажется невероятным, что именно в такую пору — то был 1661 год — английский социальный философ Джозеф Глэнвил в своем трактате о тишете догматизирования впервые употребил столь сильное выражение — «климат мнений» (*climates of opinions*), — специально выделив его курсивом.

«Догматики, — писал он, — считают невозможным все, отличное от того, что кажется им правильным и с младенчества казалось единственно мыслимым. Чтобы освободиться от этого тщеславия, кто-то должен был узнать о различных климатах мнений»¹¹.

«Климат мнений» (мы, несомненно, сочли бы это современным понятием) — детище нашего времени. Это связано с нашей восприимчивостью, сравнимой с чувствительностью Д. Глэнвила, меняющихся обстоятельств, ставших нетвердыми убеждений. Понятие «климат» само по себе, без каких-то колебаний или отклонений, было бы для нас неинтересным и абстрактным, но опыт нашего времени обогатил наши определения, поэтому понятие кажется нам чрезвычайно метким: климат окружает индивида извне, его не избежать, однако он и внутри, он сильно влияет на самочувствие. Спираль молчания — это реакция на изменение «климата мнений». В нем больше, чем в выражении «общественное мнение», заложено представление о частотном распределении, соотношении сил различных противоречивых тенденций, его пространственных границах, оно естественным образом предполагает полную публичность. Во времена революционных перемен, а таково и наше время, общественное мнение заслуживает самого пристального внимания и изучения.

Интуиция Декарта и спираль молчания

В совсем иных условиях, чем Глэнвил в Англии, жил уважаемый им и столь же превозносимый французский философ Декарт. Если справедливо утверждение, что в революцию публичность воспринимается скорее как угроза, а в периоды упорядоченных отношений — как возможность заслужить вознаграждение, то Декарт — хороший тому пример. Он интуитивно представил спираль молчания как процесс формирования «молодого» общественного мнения. Как сказали бы сегодня, речь шла о том, чтобы «показать себя»: философ Декарт заботится о своей славе. Свою работу «*Meditationes de prima philosophia*» он посылает в 1640 г. «очень мудрым и просвещенным господам из Сорбонны» с сопроводительным письмом, в котором, ссылаясь на их огромный авторитет в обществе, просит о «публичном признании» своих мыслей. По его словам, эта просьба высказывается не только для того, чтобы «и прочие умы присоединились к Вашему суждению», но прежде всего для того, чтобы «думающие иначе потеряли решимость противоречить, чтобы они, может быть, сами стали причиной, после наблюдения которой другие умные люди не захотели возбудить подозрения, что они их не понимают»¹².

Примечания

¹ См.: H u m e D. A. Treatise of Human Nature. Reprinted from the Original Edition in Three Volumes and edited by L.A. Selby-Bigge. Oxford, 1896.

² H u m e D. Essays Moral, Political, and Literary. London, 1963, p. 29.

³ Ibidem.

⁴ Цит. по: H u m e D. Ein Traktat über die menschliche Natur. Übersetzt von Theodor Lipps, hg. von Reinhard Brandt. Band I und II. Hamburg, 1978, vol. II, S. 47.

⁵ Ibid., S. 48.

⁶ H u m e D. Untersuchung über die Prinzipien der Moral. Übersetzt, eingeleitet und mit Register versehen von Carl Winckler. Hamburg, 1962, S. 113 f.

⁷ Ibidem.

⁸ См.: H a b e r m a s J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft, S. 15.

⁹ Ibid., S. 15 f.

- ¹⁰ M a d i s o n J. *The Federalist*, № 49, February 2, 1788. — Цит. по: C o o k e J. E. *The Federalist*. Middletown, Conn., 1961, p. 340.
- ¹¹ G l a n v i l l J. *The Vanity of Dogmatizing: or Confidence in Opinions. Manifested in a Discourse of the Shortness and Uncertainty of our Knowledge, and its Causes: With Some Reflexions on Peripateticism; and An Apology for Philosophy*. London, 1661, p. 227.
- ¹² D e s c a r t e s R. *Œuvres*, publiées par Ch. Adam, P. Tannery. Paris, 1964, vol. 7, p. 6.

ЖАН-ЖАК РУССО ВВОДИТ В ОБОРОТ ПОНЯТИЕ «ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ»

Что за ситуация побудила Ж.-Ж. Руссо впервые запечатлеть на бумаге слова «l'opinion publique»?

Вспомним Венецию, 1744-й богатый событиями год. Секретарю французского посла Руссо было немногим более тридцати, когда Франция объявила войну Марии Терезии в борьбе за австрийское наследство. В письме от 2 мая 1744 г. французскому министру иностранных дел Амелоту Руссо приносит свои извинения за то, что бросил слишком откровенный упрек в адрес венецианского ше-валье Эриззо, прославившего в общественном мнении сторонником Австрии¹. Он заверяет министра, что его замечание осталось без последствий и в будущем постарается избегать подобных ошибок. Руссо употребляет здесь понятие «общественное мнение» в том же смысле, что и уже знакомая нам светская дама (только чуть позднее) в письме к молодой женщине, которая слишком мало внимания обращала на свою репутацию: общественное мнение — это осуждающая инстанция, неодобрения которой всегда следует остерегаться.

Кто хочет использовать выражение «общественное мнение» как политико-критическое суждение, коррелят правительству, как это было принято начиная с XIX в., тот найдет у Руссо весьма слабую поддержку. Его рукописи дают мало материала историкам и политологам на тему «Общественное мнение». Лишь в 1978 г. — толчком послужила диссертация 1975 г., написанная в Майнце², — во Франции было проведено обширное систематическое исследование на тему — «Общественное мнение у Руссо»³.

Наше ожидание оправдывается: тот, кто распространил название, имел также непосредственное отношение к обозначенному им явлению. Действительность общественного мнения — тема всех работ Руссо начиная с 1750 г., но, поскольку он не упорядочивает свои разработки, необходима специальная методика, чтобы воссоздать целостную картину. В упомянутой выше диссертации Кристина Гербер воспользовалась следующим путем: она взяла шесть главных произведений Руссо и рассмотрела каждый эпизод, в котором встречались слова «мнение» (*opinion*), «общественный» (*public*), «общественность» (*publicity*), «общественное мнение» (*public opinion*). Этим методом (он называется «анализ содержания») она исследовала культурно-критические работы 1750—1755 гг.: «Юлия, или Новая Элоиза», «Об общественном договоре», «Эмиль, или О воспитании», «Исповедь» и письмо г-ну Д'Аламберу от 1758 г. В 16 случаях Кристина Гербер обнаружила понятие «общественное мнение», 100 раз — понятие «мнение» без прилагательного «общественный», но в сочетании с другими прилагательными и существительными, 106 раз — слова «общественный», «общественность» чаще всего в других словосочетаниях (помимо общественного мнения, например общественное уважение).

Публичность — значит открытость

Благодаря этой работе мы узнали, что Руссо был чрезвычайно восприимчив к общественности, публичности как угрозе и его натура стороннего наблюдателя позволила ему накопить соответствующий опыт. «Я не испытал ничего, кроме ужаса, когда публично в моем присутствии меня объявили вором, лжецом, клеветником»⁴. «Все это не помешало не знаю кем науськанному народу возбудить в себе ярость против меня, оскорблять меня публично среди бела дня, не только в поле, но и посреди улицы...»⁵

«Среди бела дня», «не только в поле»: ощущение незащищенной открытости, публичность усиливают зло. Сравнительно частое употребление словосочетания «общественное уважение» у Руссо указывает, что для него «общественное мнение» сродни «репутации», т.е. в традиции Макиавелли, Локка или Юма. Но самому явлению отведе-

но в его работах значительно больше места. То и дело Руссо терзают амбивалентные ощущения. С точки зрения социальной сущности действенность общественного мнения кажется ему благословенной: оно вызывает общность, оно консервативно, подчиняя индивида обычаям и традициям и защищая от разрушения нравы. Его сила и ценность — в моральном, а не в интеллектуальном аспекте.

Общественное мнение — страж нравов

Пронизанные светлой верой давних времен, когда человеческое сообщество жило в первозданной естественности, среди «дикарей», такие четкие формы общественного мнения, как, например, обычаи и традиции, кажутся Руссо теми благами, которые следует защищать, поскольку в них накапливается все лучшее, что есть у народа. Как и Локк, Руссо прибегает к метафоре неписаного закона. Изложив три типа законов, на которых основано государство (общественное право, уголовное право, гражданское право), он объясняет: «К этим трем видам законов необходимо присоединить четвертый, наиболее важный из всех: законы этого вида не вырезаны на мраморе и меди, а запечатлены в сердцах граждан; они составляют истинную конституцию государства; сила их возобновляется каждый день; они восполняют и возвращают к жизни другие законы, стареющие или угасающие, сохраняют в народе дух государственных учреждений и незаметно силой привычки заменяют силу власти. Я говорю о нравах и обычаях, а в особенности об общественном мнении. Эта часть законов неизвестна нашим политикам, но от нее зависит успех всех остальных законов...»⁶

В середине английского революционного столетия Дж. Локк подчеркивал такую соотнесенность: чего требует закон мнения или репутации, что находит одобрение или порицание — зависит от взглядов «на площади»⁷. Среди могущества и великолетия французского двора середины XVIII в. для Руссо преобладающим является чувство, что четвертый закон записан в сердцах граждан государства и его следует охранять лишь от порчи, старения. В работе «Об общественном договоре» Руссо изобретает особую инстанцию, «цензуру» — ведомство, которого еще никогда не

было, — лишь для того, чтобы усилить общественное мнение, защищающее обычаи. В этом контексте имеется единственное определение общественного мнения, которое К. Гербер обнаружила у Руссо: «Общественное мнение есть своего рода закон, исполнителем которого служит цензор, применяющий, подобно государю, закон к частным случаям»⁸. Для чего цензор используется в качестве инструмента, Руссо объясняет следующим образом: «Цензура поддерживает нравы, мешая мнениям развращаться, сохраняя правильность их мудрыми действиями, иногда даже тогда, когда они еще не определились»⁹.

Единство нравственных убеждений для Руссо — основа возникновения общества, общая составляющая морального консенсуса — это «публичность»; она представляет собой общественное лицо, ассоциируемое с политическим органом, который его члены называют «государством». Членение на партии для Руссо с этой точки зрения не представляет собой ничего хорошего, а есть лишь один общий фундамент, которому угрожает эгоизм частных интересов. Здесь лежит корень враждебности Руссо к частному как альтернативе общественному. Этот негативный момент в XX в. был усилен неомарксизмом.

Руссо осторожно замечает, что цензура иногда даже «устанавливает» мнения, «когда они еще не определились». Эти «особые случаи» он и имеет в виду при объяснении сути ведомства цензора. По мнению Руссо, «люди всегда любят то, что прекрасно или что они находят таковым... а поэтому вопрос сводится к тому, чтобы направить это суждение»¹⁰. И это задача цензора — помочь осознать лучшее. Как только цензор «отклоняется в сторону» и объявляет общественным мнением, согласием то, что в действительности таковым не является, «решения его становятся пустыми и остаются без последствий»¹¹. В этом смысле цензор — инструмент, он рупор. Руссо уделяет гораздо большее внимание цензору, чем его последователи в XX в.: нельзя принуждать, можно лишь акцентировать моральные принципы, используя для этого цензора! Цензор чем-то похож на государя в представлениях Руссо. У государя также нет средств власти, он не может издавать законы. «Мы видели, — говорит Руссо, — что законодательная власть принадлежит народу и может принадлежать только ему»¹². Но законодательная инициатива исходит от госу-

даря. В этом плане он должен пристально следить за картиной мнений: «Эта часть законов неизвестна нашим политикам, но от нее зависит успех всех остальных законов. Великий законодатель втайне занимается этой частью законов, между тем как внешним образом он ограничивается изданием частных регламентов»¹³. В своем наблюдении он опирается на деятельность цензора. Он должен знать, какие воззрения живучи в народе, потому что законы могут опираться лишь на согласие, на общие воззрения, которые образуют действительную основу государственного устройства. «Пободно тому как архитектор, прежде чем построить большое здание, изучает и зондирует почву, чтобы узнать, может ли она выдержать тяжесть здания, так и мудрый законодатель не начинает с написания хороших законов, а исследует предварительно, сможет ли народ, для которого он эти законы предназначает, вынести их»¹⁴.

Описывая связь между общей волей *volonté générale* (которая в свою очередь может быть подвержена влиянию частно-эгоистической) — (*volonté de tous*) и общественным мнением, Руссо не завершает свою мысль. «Подобно тому как изъявление общей воли происходит путем закона, так изъявление общественного приговора производится посредством цензуры»¹⁵. *Volonté générale* можно представить себе как сгусток общественного мнения, а сама она в концентрированном виде отражена в законах. Законы суть только подлинные акты общей воли¹⁶. Легитимирующая сила общественного мнения, сформулированная Д. Юмом в 1741 г. в виде принципа «...лишь на мнение опирается правительство»¹⁷, определяет также взгляды Руссо. «Мнение, царица земли, никоим образом не подчиняется власти царей; они сами суть ее первые рабы»¹⁸.

В своем письме Д'Аламберу Руссо уточняет, кто мог бы представлять цензорское ведомство во Франции. Те, кто считает Руссо радикальным демократом («законодательная власть принадлежит народу»), будут удивлены его предложением: на роль цензора следует назначить маршальский суд чести¹⁹. То есть Руссо наделяет это ведомство наивысшим престижем; он прекрасно осознает весомость «общественного уважения» как фактора, влияющего на поведение людей: он понимает, что не должно быть рас-

согласованности по этому пункту, иначе общественному мнению грозит неминуемый крах. Он требует, чтобы и правительство подчинялось цензору, трибуналу, маршальскому суду чести, когда оно публично объявляет, каково общественное мнение по тому или иному вопросу, а также публично выражает одобрение или порицание. Здесь общественному мнению придается качество морального авторитета. Вероятно, эта же мысль однажды пришла в голову Г. Бёллиу, когда он писал о бедственном положении общественного мнения в Западной Германии. Цензорское ведомство попало не в те руки.

Движимый мыслью об общности представлений о хорошем и плохом у одного народа, Руссо вводит понятие, которое лишь в XX в. смогло пробить себе дорогу: «гражданская религия»²⁰. По мере ослабления привязанности к метафизическим религиям укрепляется идея «гражданской религии». Можно предположить, что это понятие включает ряд принципов, которым нельзя публично противоречить, не оказавшись в изоляции, т.е. это понятие можно отнести к сфере общественного мнения.

Общественное мнение: оплот общества и враг индивида

Насколько благотворно для общего дела общественное мнение в роли стража нравов, настолько неблагоприятным оно представляется Руссо в его влиянии на индивида. Пока индивид из страха перед изоляцией уважает в нем стража нравов, чтобы не подвергнуться осуждению ни в городе, ни за его пределами, Руссо, несмотря на свой горький опыт, не ополчился против него. «Кто судит о нравах — судит о чести, а кто судит о чести, тот черпает закон из мнения»²¹.

Неблагоприятный характер общественного мнения вырастает из потребности человека отличиться из «любви к славе» (именно так назвал одиннадцатую главу своего трактата Д. Юм), проще говоря, из потребности человека в признании его общественной значимости, престижа, положительного отличия от других. С этой потребности началось разрушение человеческого общества, как писал Руссо в хвалебной рукописи «О возникновении

неравенства людей», принесшей ему славу в 1755 г. «В конце концов тщеславие, стремление умножить свое богатство — меньше всего из истинной потребности, чем из желания возвыситься над другими, — вызывает у всех людей склонность наносить друг другу урон». «Я бы показал, как это всеильное стремление к признанию, славе, наградам, пожирающее нас, растит таланты, набирает силу, становится заметным, как оно разжигает и приумножает страсти, насколько оно превращает всех людей в конкурентов, соперников, даже врагов». «Дикарь» свободен от этой пожирающей гонки, «нецивилизованный живет в самом себе»²², однако даже дикари отличались от животных свободолюбием, способностью сопереживания и самосохранения. Но постепенно, по мере обобществления, когда, по словам Руссо, «общественное уважение стало ценностью»²³, изменяется сущность человека, в результате чего, как формулирует Руссо, «человек, социальное существо, всегда повернут вовне: ощущение жизни он, по сути, получает лишь через восприятие того, что думают о нем другие...»²⁴.

По Руссо, человек имеет две сути: в одной он, соответственно своей натуре, проявляет «подлинные потребности», склонности и интересы, во второй он преобразуется под давлением мнения. Различие между ними Руссо поясняет на примере ученого: «Мы постоянно различаем склонности, обусловленные природой и обусловленные мнением. Существует усердие в науке, которое опирается на желание добиться уважения к себе как ученому. И есть другое, вырастающее из естественной любознательности ко всему, что человека окружает — вблизи и вдали»²⁵.

Руссо считал, что потребительские устремления людей вызваны общественным мнением: «Им нужна ткань лишь потому, что она дорого стоит, их сердца подвержены роскоши и всем капризам мнения, и этот вкус не приходит к ним изнутри»²⁶.

Правопорядок, честь, уважение — что может быть лучше, цитировал Цицерона Дж. Локк, возводя этот ценностный ряд к одному источнику — удовольствию от благоприятного суждения среды. Руссо, проводивший различие между истинной природой человека и мнением, пытался узаконить понятие чести, источник которого — самоуважение, а не мнение других. «В том, что называют честью,

я различаю то, что является результатом общественного мнения, и то, что можно рассматривать как следствие самоуважения. Первое состоит в пустых предрассудках, которые переменчивее катящихся волн...»²⁷

В этих словах Руссо нельзя не заметить двусмысленности, ведь он продолжает говорить об «общественном мнении», которому в другое время и при других обстоятельствах он отводит совсем иную роль: стража наиболее устойчивого и ценного — обычаев. Уличить Руссо в подобной противоречивости не составляет особого труда. В одном месте он заявляет: «Это дело общественного мнения — делать различие между злодеями и справедливыми людьми»²⁸. В другой раз, любуясь искусством спартанцев, Руссо замечает: «Если в совете спартанцев человек с плохими привычками выдвигал хорошее предложение, эфоры, не обращая на это внимания, предлагали добродетельному гражданину повторить это предложение. Какая честь для одного, какое унижение для другого — и без похвалы или укора каждому из них»²⁹. Нет сомнений в высокой оценке Руссо общественного движения. Но в «Эмиле» мы читаем: «И даже если весь мир будет нас порицать — что из этого? Мы не гонимся за общественным признанием, нам достаточно Твоего счастья»³⁰.

Компромисс как необходимость при обращении с общественным мнением

Руссо лучше своих предшественников обнаруживает в противоречии существенное, что характеризует все проявления общественного мнения: они суть компромисс между общественной согласованностью и склонностями, убеждениями индивида. Индивид вынужден искать середину — вынужден «под давлением мнения» в силу ранимости своей природы, которая делает его зависимым от чужих суждений, вызывает у него стремление избегать изоляции. Руссо пишет в «Эмиле, или О воспитании»: «Поскольку оно зависит от своей совести и одновременно от мнения других, оно должно научиться сравнивать эти два фактора, примеривать их друг к другу и давать преимущество то одному, то другому лишь когда они находятся в противоречии»³¹. Иными словами: когда этого не избежать.

«Я должен учиться переносить насмешки и осуждение»

Компромисс разрешается по-разному. Именно тогда, когда, согласно Д. Юму, следует считаться с общественным мнением, например при выборе одежды для появления в обществе, — именно в этот момент Руссо решает продемонстрировать свою индивидуальность. В качестве гостя Людовика XV он появляется на премьере оперы в королевском театре в Фонтенбло в неприличном виде: в большой ложе просцениума диссонансом выглядел человек, плохо причесанный, в ненапудренном парике, в простом одеянии, без полагающегося по этикету жилета. «Я одет как всегда, не хуже и не лучше. Мой вид прост и неприязнителен, аккуратен и пегрязен. И не борода у меня вовсе. Природа дает нам волосы на лице, и по времени и моде они иногда могут быть весьма длинными. Может быть, меня сочтут смешным или беззастенчивым, но должно ли это волновать меня? Я должен учиться переносить насмешки и оскорбления, если только они не заслуженные»³². Руссо видит заключенную в этом опасность, — уклоняться от компромисса. В «Юлии, или Новой Элоизе» он пишет: «Боюсь, что та непуганая добродетельная любовь, которая дает ему силу презирать общественное мнение, гонит его в другую крайность и может побудить презирать законы приличий и воспитанности»³³.

Руссо следующим образом заостряет задачу, которую должен решить общественный договор: «Найти такую форму ассоциации, которая защищала бы и охраняла совокупной общей силой личность и имущество каждого участника и в которой каждый, соединяясь со всеми, повиновался бы, однако, только самому себе и оставался бы таким же свободным, каким он был раньше. Вот основная проблема...»³⁴

Примечания

¹ См.: Rousseau J. - J. *Dépêches de Venise*, XCI. — In: *œuvres complètes*, vol. 3. Paris, 1964, p. 1184.

² См.: Gerber C. *Der Begriff der öffentlichen Meinung im Werk Rousseaus*. Magisterarbeit. Mainz, 1975.

- ³ См.: G a n o c h a u d C. L'opinion publique chez Jean-Jacques Rousseau. Doct. diss. Université de Paris V — René Descartes. Sciences Humaines. Sorbonne, 1977—1978, vol. I—II.
- ⁴ R o u s s e a u J. - J. Les Confessions. Paris, 1968.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ Р у с с о Ж. - Ж. Об общественном договоре. М., 1938, с. 47.
- ⁷ См.: L o c k e J. An Essay Concerning Human Understanding Oxford: at the Clarendon Press, p. 477.
- ⁸ Р у с с о Ж. - Ж. Об общественном договоре, с. 109.
- ⁹ Там же, с. 110.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же, с. 48.
- ¹³ Там же, с. 47.
- ¹⁴ Там же, с. 37.
- ¹⁵ Там же, с. 109.
- ¹⁶ См. там же, с. 78.
- ¹⁷ H u m e D. Essays Moral, Political, and Literary. London, 1963, p. 29.
- ¹⁸ R o u s s e a u J. - J. Lettre à M. d'Alembert sur les Spectacles. Paris, 1967, p. 154.
- ¹⁹ См.: R o u s s e a u J. - J. Lettre à M. d'Alembert. — In: Du Contrat Social ou Principes du Droit Politique. Paris, 1962, p. 176.
- ²⁰ См.: Р у с с о Ж. - Ж. Об общественном договоре, с. 119—120.
- ²¹ Там же, с. 110.
- ²² См.: R o u s s e a u J. - J. Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes. — In: œuvres complètes, vol. 3. Paris, 1964.
- ²³ Цит. по: G e r b e r C h. Der Begriff der öffentlichen Meinung im Werk Rousseaus, S. 88.
- ²⁴ R o u s s e a u J. - J. Discours sur l'origine et les fondements...
- ²⁵ R o u s s e a u J. - J. Emile ou de l'éducation. — In: œuvres complètes, vol. 4. Paris, 1964, p. 429.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Р у с с о Ж. - Ж. Юлия, или Новая Элоиза. М., 1968.
- ²⁸ R o u s s e a u J. - J. Discours sur l'origine et les fondements..., 223—224.
- ²⁹ Ibidem.
- ³⁰ R o u s s e a u J. - J. Emile ou de l'éducation, p. 758.
- ³¹ Ibid., p. 731.
- ³² Цит. по: H a r i g L. Rousseau sieht das Weisse im Auge des Königs. Ein literatur-historischer Rückblick. — *Die Welt*, 1978, № 71, 25. März.
- ³³ Р у с с о Ж. - Ж. Юлия, или Новая Элоиза.
- ³⁴ Р у с с о Ж. - Ж. Об общественном договоре, с. 12.

ТИРАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: АЛЕКСИС ДЕ ТОКВИЛЬ

Если цель исторической части нашего исследования заключалась в том, чтобы проверить, как понимали общественное мнение те, кто отчеканил эту монету, т.е. проследить историю становления этого понятия, то теперь можно с уверенностью утверждать, что мы ошибались, когда, характеризуя спираль молчания как процесс распространения общественного мнения, порожденный страхом индивида перед изоляцией, не использовали само понятие.

Можно также предположить, что различные общества будут отличаться друг от друга по степени страха их членов перед изоляцией, что везде — это обнаружил Стэнли Милгрэм в экспериментах на выявление конформности людей, которые он проводил в Норвегии и Франции, — существует давление в сторону конформности и страх перед изоляцией, обеспечивающий успех этому давлению (в Норвегии оно ощущалось несколько больше, во Франции — несколько меньше)¹. Милгрэм перенес свои эксперименты в Европу, поскольку возникло подозрение, что конформистское поведение, открытое Соломоном Эшем, сугубо американская черта.

В действительности американское престижное поведение, с которым познакомил нас в начале XX в. американский ученый Т. Веблен в своей книге «Теория праздного класса»², отпугнуло бы Руссо с его противоборством давлению потребительства. Компромисс между общественным мнением и природой индивида, если использовать диалектическую пару понятий Руссо, в значительной степени противоречил представлениям, бытующим в общественном мнении США, и предписывал американцам чересчур много послушания. Об этом рассказал в своем пу-

тевом очерке «Демократия в Америке» (1835—1840) соотечественник Руссо — Токвиль³.

Насколько нам известно, Токвиль не только первым обнаружил и описал процесс спирали молчания на примере упадка французской церкви в предреволюционную эпоху; он не только использует любую возможность, чтобы подчеркнуть значение способности говорить и тенденции отмалчиваться в связи с общественным мнением⁴; его подход к общественному мнению близок к концепции, которую можно развернуть сегодня благодаря эмпирическому методу демоскопии, который уделяет особое внимание страху перед изоляцией и тенденции отмалчиваться. Токвиль не писал специально об общественном мнении, в его работах нет главы с таким названием. И все же мы были потрясены оценками, разъяснениями, описанием и анализом последствий общественного мнения в его книге «Демократия в Америке». Для Токвиля общественное мнение не есть сугубо американский феномен, он прослеживает общие для этого явления черты и в Европе, но считает, что в Америке воздействие общественного мнения ощущается сильнее: здесь оно играет весьма заметную роль в обществе, которую европейское общественное мнение сыграет, возможно, в будущем. Токвиль характеризует общественное мнение в Америке как мощное давление, гнет — принуждение к конформности, говоря словами Руссо, — как иго, подчиняющее индивида обществу. «В аристократиях часто встречаются люди, отмеченные величием и силой собственной души. Обнаружив свои разногласия с подавляющим большинством сограждан, они замыкаются в себе и в этом находят поддержку и утешение. У демократических народов все обстоит иначе. У них общественное признание кажется столь же необходимым, как воздух, которым дышат, и человек, живущий в разладе с массами, все равно что не живет вообще. Массе нет никакой надобности прибегать к силе законов, чтобы подчинить себе тех, кто думает иначе. Вполне достаточно ее собственного осуждения. Ощущение своей изолированности и беспомощности тотчас же начинает угнетать инкомыслящих, доводя их до отчаяния»⁵. «Я не знаю ни одной страны, где в целом свобода духа и свобода слова были бы так ограничены, как в Америке»⁶.

«Нет такой религиозной или политической доктрины, которую нельзя было бы свободно исповедовать в конституционных государствах Европы... потому что ни в одной европейской стране нет такой политической силы, которая властвовала бы безраздельно. Поэтому человек, который хочет там говорить правду, всегда найдет опору и защиту в случае, если его независимая позиция приведет к опасным для него последствиям. Если он имеет несчастье жить в стране, где у власти стоит абсолютный монарх, то на его сторону часто становится народ; если же он живет в конституционной стране, то при необходимости он может искать защиты у королевской власти. В демократических странах на его защиту может выступить аристократическая часть общества, а в других — демократическая. Но в такой стране, как Соединенные Штаты, где жизнь общества организована на демократических принципах, есть только одно условие силы и успеха, только одна власть, и все подчинено ей»⁷. Эта единственная власть, по признанию Токвиля, — общественное мнение. Как ему удалось приобрести такую власть?

Равенство объясняет всесилие общественного мнения

«Среди множества новых предметов и явлений, — пишет Токвиль, — привлечших к себе мое внимание во время пребывания в Соединенных Штатах, сильнее всего я был поражен равенством условий существования людей. Я без труда установил то огромное влияние, которое оказывает это первостепенное обстоятельство на все течение общественной жизни... придавая определенное направление общественному мнению и законам страны...»⁸

Пытаясь раскрыть причины столь упорного стремления к равенству, Токвиль акцентирует внимание на мировом процессе: «Если вы станете рассматривать с интервалом в пятьдесят лет все то, что происходило во Франции начиная с XI века, вы не преминете заметить в конце каждого из этих периодов, что в общественном устройстве совершалась двойная революция: дворянин оказывался стоящим на более низкой ступени социальной лестницы, а простолюдин — на более высокой. Один опускается, а дру-

гой поднимается. По истечении каждой половины столетия они сближаются и скоро соприкоснутся.

И этот процесс показателен не только для Франции. Куда бы мы ни кинули наши взоры, мы увидим все ту же революцию, происходящую во всем христианском мире... Таким образом, постепенное установление равенства условий есть предначертанная свыше неизбежность. Этот процесс отмечен следующими основными признаками: он носит всемирный, долговременный характер и с каждым днем все менее и менее зависит от воли людей; все события, как и все люди, способствуют его развитию»⁹. «Вся эта предлагаемая вниманию читателей книга была целиком написана в состоянии своего рода священного трепета, охватившего душу автора при виде этой неудержимой революции, наступающей в течение столь многих веков, преодолевающей любые преграды и даже сегодня продолжающей идти вперед сквозь произведенные ею разрушения.

Богу вовсе не пужно возвышать свой собственный глас для того, чтобы мы обнаружили верные приметы его воли»¹⁰.

Пытаясь объяснить, почему равенство общественных условий ведет к усилению власти общественного мнения, Токвиль пишет: «Когда условия существования различны и люди неравны и непохожи друг на друга, среди них непременно встречаются отдельные личности, отличающиеся превосходным образованием, глубокой ученостью и огромным интеллектуальным влиянием, в то время как массы отмечены чрезвычайным невежеством и ограниченностью. В результате люди, живущие в аристократические времена, естественным образом обнаруживают склонность руководствоваться в своих суждениях указаниями ученых людей или же всего образованного класса, одновременно не проявляя расположенности считать безошибочными мнения массы.

В века равенства наблюдается как раз обратное.

По мере того как граждане становятся более равными и более похожими друг на друга, склонность каждого из них слепо доверяться конкретному человеку или определенному классу уменьшается. Предрасположенность доверять массе возрастает, и общественное мнение все более и более начинает править миром... Во времена равенства

люди не склонны доверять друг другу по причине своего сходства, но то же самое сходство обуславливает их готовность проявлять почти безграничное доверие ко мнению общественности, ибо им не кажется невероятным вывод о том, что, поскольку все обладают равными познавательными способностями, истина всегда должна быть на стороне большинства»¹¹. Как видим, Токвиль считает «общественностью», «общественным мнением» количественное большинство.

Правда, он оговаривается, что здесь проявляется воля Господня, которой нельзя сопротивляться. Но его захватывает сочувствие к судьбе индивида в подобном обществе, духовное воздействие которого повергает его в глубокий пессимизм, и он возмущается.

«Когда человек, живущий в демократической стране, — пишет Токвиль о судьбе индивида, — сравнивает себя с окружающими его людьми, он с гордостью ощущает свое равенство с каждым из них; но когда он начинает размышлять о всей совокупности себе подобных и соотносит себя с их огромной массой, он тотчас же чувствует себя подавленным, ощущает всю свою незначительность и слабость. То же самое равенство, освободившее его от зависимости перед любым отдельно взятым гражданином, оставляет его одиноким и беззащитным перед лицом реального большинства»¹².

«Всегда, когда условия равны, общественное мнение тяжким гнетом ложится на сознание каждого индивидуума: оно руководит им, обволакивает его и подавляет. Основы социального устройства общества в большей мере обусловлены этим фактором, чем политическими законами. По мере того как стираются различия между людьми, каждый из них все острее чувствует свое бессилие перед лицом всех остальных. Не находя ничего, что могло бы поднять человека над массой или еще как-то выделить из нее, он теряет доверие к самому себе, когда сражается против большинства: он не только сомневается в своих силах, но и утрачивает уверенность в своем праве и в своей правоте и почти готов признать ошибочность своих взглядов потому, что большинство утверждает противоположное»¹³.

Токвиль доказывает, что давление общественного мнения сказывается не только на индивиде, но и на прави-

тельстве. В качестве примера он ссылается на тактику и поведение американского президента в ходе предвыборной борьбы. В это время президент управляет не на благо государства, а во благо своего переизбрания¹⁴. «Он буквально падает ниц перед большинством (общественным мнением. — *Авт.*), и нередко, вместо того чтобы противостоять страстям, раздрающим это большинство, к чему, кстати, обязывает его должность, сам идет навстречу этим капризам»¹⁵.

Токвиль утверждает, что равенство в обществе может оказывать благотворное воздействие. Развенчивая авторитеты, равенство освобождает дух человека, делает его открытым новым мыслям. Однако может случиться, что человек предпочтет вообще не думать. «Общественное мнение не внушает своих взглядов, оно накладывается на сознание людей, проникая в глубины их души с помощью своего рода мощного давления, оказываемого коллективным разумом на интеллект каждой отдельной личности. В Соединенных Штатах большинство приняло на себя обязанность обеспечивать индивидуум массой уже готовых мнений, освобождая его от необходимости создавать свои собственные»¹⁶.

Меланхолически звучат размышления Токвиля о том, как когда-то демократические народы, победив различные силы, которые «сверх всякой меры затрудняли или сдерживали рост индивидуального самосознания», прокладывали дорогу духовной свободе. Если теперь они «станут поклоняться абсолютной власти большинства, зло лишь изменит свой облик. В этом случае люди не найдут способа добиться свободной жизни; они лишь с великим трудом сумеют распознать новую логику рабства»¹⁷.

«Данное обстоятельство, и я не устану это повторять, — говорит Токвиль, — заставляет глубоко задуматься всех тех, кто убежден в святости свободы человеческого духа и кто ненавидит не только деспотов, но и сам деспотизм. Что касается лично меня, то, ощущая на своей голове тяжелую десницу власти, я мало интересуюсь источником моего угнетения и отнюдь не более расположен подставлять свою шею под хомут лишь потому, что мне протягивают его миллионы рук»¹⁸.

Токвиль затронул тему, которую спустя 50 лет пытался развить американский классик, специалист по вопросам

общественного мнения Джеймс Брюс: тирания большинства. Ей он посвятил четвертый раздел своего труда «American Commonwealth» (1888), озаглавленный «Общественное мнение»¹⁹. Но там не излагается четкое — в рамках академической рациональности — обсуждение сего предмета. Вероятно, в общественном мнении есть нечто иррациональное, если даже монографии по этой проблеме не всегда бывают удачными. Это относится и к хрестоматийным произведениям немецких авторов начала XX в.: «Общественное мнение и его исторические основы» (1914) Вильгельма Бауэра²⁰ и «Критика общественного мнения» (1922) Фердинанда Тённиса²¹.

«Никто не может обвинить Брюса, что он в своем исследовании общественного мнения подпал под влияние особой систематики»²², — пишет еще полвека спустя — в 1939 г. — Ф.Г. Уилсон в отзыве на вышеупомянутую книгу. В действительности на 100 страницах, отведенных теме, Брюс в сжатом виде пересказывает все то, что писали самые разные авторы об общественном мнении, а также излагает собственные наблюдения, представляющие значительный интерес. Таковы, например, его замечания о «фатализме толпы»²³, где впервые упоминается то, что позднее будет названо «молчаливым большинством».

Примечания

¹ См.: Milgram S. Nationality and Conformity. — *Scientific American*, vol. 205, p. 45—51.

² См.: Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.

³ См.: Токвиль А. де. Демократия в Америке. Кн. 1—2. М., 1992.

⁴ См. там же, кн. 1, с. 32—33.

⁵ Там же, кн. 2, с. 465.

⁶ Там же, кн. 1, с. 199.

⁷ Там же, с. 199—200.

⁸ Там же, с. 27.

⁹ Там же, с. 29.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, кн. 2, с. 323.

¹² Там же.

¹³ Там же, с. 465.

¹⁴ См. там же, кн. 1, с. 118.

- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же, кн. 2, с. 323—324.
- ¹⁷ Там же, с. 324.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ См.: B r y c e J. The American Commonwealth. 2 vol. London, 1889, vol. II, part IV, chapt. LXXXV, p. 337—344.
- ²⁰ См.: B a u e r W. Die öffentliche Meinung und ihre geschichtlichen Grundlagen. Tübingen, 1914.
- ²¹ См.: T ö n n i e s F. Kritik der öffentlichen Meinung. Berlin, 1922.
- ²² W i l s o n F. G. James Bryce on Public Opinion: Fifty Years Later. — *Public Opinion Quarterly*, 1939, vol. 3, № 3, p. 426.
- ²³ См.: B r y c e J. Op. cit., chapt. LXXXIV, p. 327—336.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ» И РАЗВЕНЧАНИЕ ПОНЯТИЯ «ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ»: ЭДВАРД РОСС

Переходя к XX столетию, хочется вспомнить цитату об общественном мнении 1950 г.: «Под общественным мнением в данном историческом очерке понимаются мнения по вопросам, имеющим национальное значение, которые высказываются свободно и публично мужчинами, не входящими в правительство, но претендующими на право своими мнениями влиять или определять действия, кадровый состав и структуры правительства»¹. Эта цитата взята из статьи «Историческое развитие общественного мнения» Ганса Шпайера, опубликованной в одном из номеров «Американского журнала по социологии».

Понятие общественного мнения задевает за живое ученых и журналистов

Каким образом понятие общественного мнения, история которого исчисляется столетиями, так изменило свое содержание? «Публично высказанные мнения», «влияние на правительство» — эту часть определения Шпайера мы уже знаем, но продолжение ново для нас, а именно: мнения по вопросам, имеющим значение для нации, это мнения мужчин, претендующих на внимание к своим суждениям со стороны правительства. Налицо радикальное сужение и одновременно качественное изменение понятия. Теперь

речь идет не о чем-то среднем между знанием и незнанием, как это было у Сократа, а о том, что наряду с правительством установилась самоуверенная власть с претензией на самостоятельное, если не превалирующее, мнение.

Такое превращение, несомненно, вызывает интерес. С каких пор понятие «*opinion*» потеряло оттенок репутации? Задавшись этим вопросом, я как бы почувствовала себя человеком, потерявшим кошелек с деньгами и возвращающимся той же дорогой в поисках пропажи... Это случилось в начале 60-х годов — время, когда мы не могли еще объяснить странное рассогласование кривых — «намерение избирателей голосовать» и «ожидание, кто победит на выборах». Лишь семь лет спустя удалось выявить связь между этими вопросами. Можно предположить, что заинтересованность в смене функций общественного мнения возникла с того самого времени, когда упрочилась догма: «Все правительства опираются на мнение» (Д. Юм), — практически легитимировавшая правительство. Выдающееся место, отведенное общественному мнению в государстве Руссо, превалирующая власть общественного мнения в Соединенных Штатах, описанная Токвилем, — все это должно привлекать представителей общественного мнения. В работах по общественному мнению вплоть до середины XIX в. не прослеживается приоритета какого-либо определения. Затем появляются многочисленные публикации с изложением этого предмета и тяжеловесными рассуждениями о том, какое общественное мнение принесет наибольшую пользу государству. На дефиниции общественного мнения заметное влияние оказали представления философов, ученых, писателей и журналистов. В очерках И. Бентама (1838—1843)² или Дж. Брюса (1888—1889)³ можно встретить тонкие социально-психологические наблюдения над этим феноменом, но они смещались с нормативными требованиями относительно характера и роли общественного мнения. При отсутствии репрезентативного общественного мнения, которое мы находим у Шпайсера⁴, Вильгельма Хенниса (1957)⁵ или Юргена Хабермаса (1962)⁶, они изобиловали политическими суждениями.

Уборка снега как выражение общественного мнения

Решительный шаг в этом направлении был сделан в последние годы XIX в., в частности в серии статей американского социолога Э. Росса, публиковавшихся в *Американском журнале по социологии* (1896—1898); отдельной книгой они вышли в 1901 г. Кажется, именно с тех пор понятие общественного мнения освободилось от угнетавшего его многие столетия значения конформности, существуя как бы в усеченном значении — как инстанция, критически контролирующая правительство⁷. Прежние значения все же давали о себе знать. Например, социальный психолог Ф.Г. Олпорт, открывая в 1937 г. вступительной статьей «Навстречу науке об общественном мнении» ставший позднее известным журнал *Ежеквартальник по общественному мнению*, привел пример действенности этого феномена — уборка снега с тротуара перед собственным домом. Сущность общественного мнения он охарактеризовал так: «Феномены, изучаемые под названием “общественное мнение”, — это главным образом способы поведения... Именно в них выражается идея, согласно которой другие действуют точно так же»⁸. Но подобные представления в то время действовали скорее отталкивающе на ученых, в особенности на европейских.

Пока индивид не уйдет
из жизни и общества

Чем же были так примечательны публикации Э.А. Росса, что они смогли вызвать столь глубокие изменения в представлениях об общественном мнении? Сначала Э. Росс вторит Дж. Локку, и странно, что он ни разу не ссылается на него. Росс говорит: «Обветренного, закаленного и пышущего здоровьем мужчину общественное презрение может не тронуть. Образованный, утонченный человек может избежать неудовольствия соседей благодаря текучести времени или за счет смены круга общения. Но для основной массы людей похвала и порицание их окружения — господа жизни»⁹. «Не столько мысль о том, — продолжает Росс, — на что способна обезоруженная общественность,

делает современного американца совсем незащищенным, но абсолютная неспособность остаться невозмутимым в окружении враждебных суждений, направленных против него, — неспособность вести жизнь, которая не сочеталась бы с совестью, убеждениями и ощущениями его окружения»¹⁰. И далее: «Лишь преступник или герой остается вне влияния того, что думают о нем другие»¹¹.

Эти цитаты из Росса взяты нами из главы под названием «Общественное мнение». Но для самого Росса общественное мнение есть проявление процессов, обозначенных им заимствованным у Герберта Спенсера¹² понятием, которое он использует и в заглавии своей книги — социальный контроль. Социальный контроль осуществляется в человеческих обществах разными способами, говорит Росс, например в виде права как вполне очевидной институционализированной формы; кроме того, он осуществляется в религии, в национальных праздниках, в воспитании. Но в форме общественного мнения, хотя и не институционализированной, этот процесс обладает воздействием, или санкциями, которые позднее Р.Т. Ла Пьером (1954), специалистом по социальному контролю, были разделены на три категории¹³: физические санкции, экономические санкции и, самое главное, психологические санкции, начиная с лишения человека ответа на его приветствие и заканчивая полным его бойкотом¹⁴.

Росс подчеркивает преимущества социального контроля в виде общественного мнения. По сравнению с юстицией последнее «эластично» и «дешево»¹⁵. Живо написанное, его изложение данной проблемы — большое достижение. Благодаря Россу мы получили понятие «социальный контроль», которое привлекает своей новизной; оно дополнилось новым содержанием, которое Локк однажды назвал «законом мнения и репутации»; его разрабатывают многие социологи, и об общественном мнении больше не говорят. Двойственность интегрирующей силы, принуждающей индивида и правительство уважать общественное согласие, ускользает от внимания, воздействие на индивида отныне называется «социальным контролем», воздействие на правительство расширяется и обозначается «общественным мнением» и в качестве интеллектуальной конструкции, о которой сейчас идет речь, принимает нормативный характер. Связь обоих воздействий разрушена.

Примечания

- ¹ Speier H. Historical Development of Public Opinion. — *American Journal of Sociology*, 1950, vol. 55, № 4, January, p. 376.
- ² См.: Bentham J. The Constitutional Code: Public Opinion Tribunal. — In: Bowring J. The Works of Jeremy Bentham. New York, 1962, vol. 9, book 1, chapt. 8, p. 41—46.
- ³ См.: Bryce J. The American Commonwealth. London, 1888—1889, vol. II, part IV, p. 237—264.
- ⁴ См.: Speier H. Historical Development of Public Opinion. — *American Journal of Sociology*, 1950, vol. 55, № 4, January, p. 376—388.
- ⁵ См.: Henis W. Meinungsforschung und repräsentative Demokratie. Zur Kritik politischer Umfragen (Recht und Staat in Geschichte und Gegenwart, Heft 200/201). Tübingen, 1957.
- ⁶ См.: Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Neuwied, 1962.
- ⁷ См.: Ross E. Social Control. A Survey of the Foundations of Order. Cleveland—London, 1969; Noelle E. Öffentliche Meinung und Soziale Kontrolle (Recht und Staat. Heft 329). Tübingen, 1966.
- ⁸ Allport F. H. Toward a Science of Public Opinion. — *Public Opinion Quarterly*, 1937, vol. 1, № 1, p. 13.
- ⁹ Ross E. A. Op. cit. p. 90.
- ¹⁰ Ibid., p. 105.
- ¹¹ Ibid., p. 104.
- ¹² См.: Spenser H. The Data of Ethics. — In: The Works of Herbert Spenser. Osnabrück, 1966, vol. 9, p. 118.
- ¹³ См.: La Pierre R. T. A Theory of Social Control. New York—London—Toronto, 1954, p. 218—248.
- ¹⁴ См.: Ross E. A. Op. cit., p. 92.
- ¹⁵ Ibid., p. 95.

ВОЙ СТАИ ВОЛКОВ

Почему так труден путь исследователя, почему надо продираться сквозь дебри понятий в поисках действительно-го значения общественного мнения? Какую функцию выполняет это явление со старомодным названием? «Классическое понятие» из «традиционного набора понятий», «его нельзя ни просто игнорировать, ни всерьез принимать в первоначальном значении»¹ — такими словами социолог Никлас Луман начинает свое сочинение «Общественное мнение» (1970). Подобно У. Липману, автору книги под одноименным названием², Луман открывает новые особенности общественного мнения, которые мы постараемся изложить позднее, в главе о связях между общественным мнением и средствами массовой информации³. Оба — Липман и Луман — способствовали стиранию колеи исторической преемственности. Луман пишет: «То, что разумная вера и тем самым вера в критически контролирующий, изменяющий господство потенциал общественного мнения не могла быть сохранена, подтверждает экскурс в историю...»⁴ Но кто пробудил эту веру? Не Локк, не Юм, не Руссо, не Токвиль.

Ничто в современных сочинениях об общественном мнении не заставило бы меня заинтересоваться ими, если бы не странное событие происшедшее летним утром 1964 г. в Берлине. В то время я проводила свои выходные здесь, чтобы подготовиться к лекциям в понедельник в Свободном университете. Чувство прощальной грусти не покидало меня — осенью я собиралась переехать в Университет г. Майнца, где мне предложили работу в должности профессора публицистики. Итак, в то воскресное утро, еще до завтрака, меня вдруг словно осенило — без всякой связи с демоскопией, которой я за-

нималась, без связи с темой моих занятий, которую я наметила себе как задание на день, вообще без какой-либо понятной связи. Подбежав к столу, я записала на листке бумаги: «Общественное мнение и социальный контроль». И сразу поняла, что это за название: спустя полтора года под таким названием я прочитала свою официальную вступительную лекцию в Майнце⁵.

Именно этот листочек бумаги с коротким названием натолкнул меня на мысль вернуться к теме общественного мнения и заняться поисками исторических следов. Почему, собственно, разрабатываемая столетиями тема изучения восприимчивой социальной природы человека, его зависимости от одобрения или неодобрения окружения стала вдруг старомодной? Это не соответствует самосознанию современного человека? Или противоречит замечательным достижениям эмансипации? Если так, то нетрудно представить себе неудовольствие, которое вызовет приводимое ниже сравнение человеческого и животного сообществ.

Проблема страха человека перед изоляцией никем не изучалась досконально, тогда как применительно к поведению животных страх часто становился предметом анализа. Исследователи поведения животных в силу предрассудков торопятся упредить возражения относительно сравнения поведения животных и людей. «Конечно, — пишет Эрик Зимен в своей книге «Волк», — мы должны быть очень осторожны, когда сравниваем поведение людей и животных. Кажущееся похожим поведение может иметь различные функции, в то время как различные по форме и происхождению проявления его могут выполнять сходные функции... И все же сравнительные наблюдения за людьми и животными могут быть толчком или стимулом к новым размышлениям, которые потом будут проверены в наблюдениях или экспериментах. Особенно если исследуются такие социально очень сходно организованные типы, как волк и человек»⁶.

Во всяком случае, в этом выражении образно говорится о том, что можно сказать иначе: «С волками выть...». Впрочем, можно сказать «С собаками выть...». Вой «хором» у собак — такое же распространенное явление, как и у волков, вой «хором» встречается также и у шимпанзе⁷.

Единогласие как предпосылка для совместных действий

Как объясняет Эрик Зимен, волки воют преимущественно перед началом вечерней охоты или рано утром, подавая сигнал к утренней активности. «Для волков вой другого волка — сильный побудитель завывать самому... Но не всегда вой отдельного волка вызывает «хоровое» вытье. Так, первоначальный вой волка низшего ранга, например, редко вызывает «хор» по сравнению с воем волка высшего ранга»⁸. Не участвуют в вое все угнетенные, отторгнутые или отбившиеся от стаи волки. Сходство положения угнетенных, отторгнутых волков и волков низшего ранга показывает, насколько важно не оказаться в изоляции и участвовать в «хоровом» вое, «the friendly get together» (дружеской компании), по выражению американского исследователя волков Адольфа Мюри⁹. Быть отторгнутым волком — значит многое потерять, ведь отторгнутому не позволяют участвовать в совместной охоте¹⁰.

Какова функция воя? Вот что пишет по этому поводу Э. Зимен: «Ограничение собственной стаей позволяет предположить, что речь идет о поведении, которое укрепляет стаю. Волки, так сказать, взаимно подтверждают свое дружеское корпоративное настроение. Время выступления позволяет предположить, что эта церемония служит синхронизации, одновременному включению активности. Таким образом, после сна они одновременно приходят в одно и то же настроение, которое делает возможным одновременное начало действий»¹¹.

Поведение толпы

Синхронизацию, возможность совместных действий наблюдал также Конрад Лоренц в эксперименте с галками, которые, слыша звуковые сигналы, регулировали свое поведение в стае. «Стая галок, днем вылетающая в поле на кормежку и вечером направляющаяся в лес на ночевку, криками отдельных особей настраивается на единое действие как целый организм. Если утром или вечером намерения отдельных особей рассогласованы, то можно наблюдать, как стая какое-то время летает туда сюда: если

крики “дьяк” преобладают над криками “дьок”, то стая летит в направлении к лесу или наоборот. Это продолжается достаточно долго, пока вдруг все птицы не издадут один общий звук, и вся стая, как целое, летит либо в лес, либо в поле. Таким образом, стая готовится к определенному действию путем согласования целей — искать корм или ночлег. Тогда царит общее настроение или нечто вроде общей эмоциональности. Стая галок — республика, построенная на согласовании»¹².

В книге «Так называемое зло» у К. Лоренца имеется глава «Анонимная стая», где описано поведение стаи рыб¹³. «Первоначальная форма общества в широком смысле этого слова — анонимная стая, примером которой являются объединения рыб в мировом океане. Внутри стаи нет каких-либо сформированных структур, лидеров или ведомых, лишь мощное скопление одинаковых элементов. Конечно, они влияют друг на друга, конечно, есть определенные простые формы “взаимопонимания” между особями, составляющими стаю. Если один элемент ощущает опасность и начинает движение, это заражает других, кто может воспринимать его страх, тем же настроением... Чисто количественное, в известном смысле очень демократическое воздействие такого типа передачи настроения приводит к тому, что, чем больше особей в стае, тем труднее решение, чем больше стая, тем сильнее стадность. Если рыба неизвестно по каким причинам начинает плыть в определенном направлении, она не может не оказаться вскорости вне стаи, в свободной воде, и одновременно она подвергается воздействию всех тех раздражителей, с помощью которых удастся снова вернуть ее в стаю»¹⁴.

Изоляция, потеря контакта со стаей могут означать для особи смертельную опасность. Таким образом, поведение в стае оказывается вполне действенным, благоприятным для особи и для стаи в борьбе за выживание.

Что происходит, если индивиду незнакомо чувство страха перед изоляцией? К. Лоренц рассказывает об эксперименте с рыбой из породы карпов, выведенной Э. фон Хольстом: «Одной рыбке этого вида он (Хольст. — *Ред.*) удалил часть переднего мозга, где находятся, по крайней мере у этих рыб, центры, управляющие стайным поведением, “принадлежностью” к стае. Оперированная рыбка

видит, ест и плавает, как все нормальные рыбы. Единственное отличие ее поведения состояло в ее “равнодушии” к тому, что, когда она выплывала из стаи, за ней не следовал никто из других особей. То есть у нее отсутствовала осмотрительность нормальной рыбы, которая при быстром продвижении в определенном направлении обычно сразу начинает “оглядываться”, и дальнейшее поведение зависит от того, плывет ли кто-нибудь за ней и сколько у нее последователей... Если рыбка видела корм или почему-то стремилась в другое место, она решительно плыла туда — *и вся стая следовала за ней*. Лоренц комментирует это следующим образом: «Оперированное животное стало... лидером из-за своего дефекта»¹⁵.

Современные исследователи человеческого мозга утверждают, что в нем также имеется определенная зона, контролирующая связь между «я» и внешним миром¹⁶. Следовательно, есть зоны, которые могут подвергнуться насилию и выйти из строя. «Мы более уязвимы, чем думаем»¹⁷, — сказал однажды исследователь групповых отношений людей Хорст Рихтер, имея ввиду нашу ранимость под влиянием суждений о нас и ее последствия. Должен ли человек действительно стыдливо скрывать свою социальную природу?

«Разум человека, вообще человек, боязлив и осторожен, когда чувствует, что он *один*, и становится сильнее и *надежнее* в той мере, в какой верит, что *многие* другие думают так же, как он»¹⁸, утверждал Дж. Мэдисон. Это высказывание совпадает с мнением французского социолога А. Эспина, который в своей книге «Общества животных» («Les sociétés animales», 1877) писал (опираясь на отчет об исследовании биолога О. Фореля «Социальная жизнь муравьев»): «Мужество каждого муравья возрастает в четкой зависимости от числа его друзей и товарищей и убывает соответственно после отделения от них. Любой обитатель муравейника гораздо храбрее муравья из небольшого семейства. Рабочая особь, которая десять раз даст себя убить, если она окружена товарищами, становится чрезвычайно боязливой и будет избегать малейшей опасности, если она одна, находясь всего в двадцати метрах от своего гнезда. То же относится и к осам»¹⁹.

Должны ли мы обсуждать научный вымысел о критически настроенном «общественном мнении», потому что действительные силы, которые могут сплотить человеческое общество, не согласуются с нашим идеальным представлением о себе?

Примечания

- ¹ Luhman N. Öffentliche Meinung. — In: Langenbucher W. R. (Hg.). Politik und Kommunikation. Über die öffentliche Meinungsbildung. München—Zürich, 1979, S. 9.
- ² См.: Lipman W. Public Opinion. New York, 1965.
- ³ См. гл. XVIII наст. изд.
- ⁴ Luhmann N. Op. cit., S. 11.
- ⁵ См.: Noelle E. Öffentliche Meinung und Soziale Kontrolle (Rect und Staat, Heft 329.). Tübingen, 1966.
- ⁶ Zimen E. Der Wolf. Mythos und Verhalten. Wien/München, 1978, S. 42.
- ⁷ См.: Alverdes F. W. Tiersoziologie; Forschungen zur Völkerpsychologie und Soziologie. Hg. Richard Thurn. Bd. 1. Leipzig, 1925, S. 108; см. также: Лавик Гудолл Дж. в тени человека. М., 1974.
- ⁸ Zimmen E. Op. cit., S. 67.
- ⁹ См.: Murie A. The Wolves of Mount McKinley. Washington, 1944. — U.S. Nat. Park. Serv., Fauna Ser. 5.
- ¹⁰ Zimmen E. Op. cit., Der Wolf, S. 221.
- ¹¹ Ibid., S. 71.
- ¹² Цит. по: Uexküll Th. von. Grundfragen der psychosomatischen Medizin. Reinbek, 1964, S. 174.
- ¹³ См.: Lorenz K. Das sogenannte Böse. Zur Naturgeschichte der Agresion. Wien, 1963, S. 197—212.
- ¹⁴ Ibid., S. 206 f.
- ¹⁵ Ibid., S. 208 f.
- ¹⁶ См.: Pribram K. Sehen, Hören, Lesen — und die Folgen im Kopf. Informationsverarbeitung im Gehirn — Vortrag auf der gemeinsamen Fachtagung der Deutschen Lesegesellschaft e. V., der Stiftung in Medias res und der Deutschen Gesellschaft für Publizistik und Kommunikationswissenschaft — Medienökologie — ein Zukunftsproblem unserer Gesellschaft. Auf dem Weg zum vollverkabelten Analphabeten? am 27. April 1979 in Mainz.
- ¹⁷ Richter H. E. Flüchten oder Stadthalten. Hamburg 1976, S. 34.
- ¹⁸ Madison J. The Federalist, № 49, February 2, 1788 — Cooke J. E. The Federalist. Middletown, 1961, p. 340.
- ¹⁹ Цит. по: Reiwald P. Vom Geist der Massen. Handbuch der Massenpsychologie. Zürich, 1948, S. 59.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ И ОСТРОВАХ ТИХОГО ОКЕАНА

В своей книге «Лесные люди»¹ посвященной жителям леса, поселившимся вдоль берегов реки Конго, этнолог Колин М. Тёнбул подробно рассказывает нам о радостях лагерной жизни пигмеев: совместных вечерних песнопениях мужчин и утренней побудке криками молодых людей, о ритуальных танцах вокруг лагеря, во время которых мужчины и женщины исполняют охотничью песню, хлопая в ладоши, поворачиваясь из стороны в сторону, как бы высматривая добычу и высоко подпрыгивая, имитируя животных, которых они надеются убить во время охоты...

На фоне этой пасторали происходят драматические конфликты. Ранее всеми уважаемый Сепху, глава пяти семей, преследуемый неудачами на охоте, а потому вынужденный держаться теперь в стороне, нарушает обычай солидарности и во время охоты в джунглях тайком ставит свои сети впереди сетей других охотников. Вечером того же дня никто в лагере уже не разговаривает с Сепху, ему даже не предлагают место на традиционном сборище мужчин; один молодой охотник не подчиняется его требованию уступить место, другой издевательски поет о том, что Сепху вовсе не человек, а животное. Вне себя от такого унижения Сепху предлагает мясо из своей охотничьей сумки. Предложение принимается, соплеменники направляются к стоящим неподалеку хижинам его семей, обыскивают каждый уголок и забирают все съестное, вплоть до готовящегося на огне мяса. Чуть позже один из родственников приносит Сепху и его людям полный кот-

лок мяса с грибным соусом. Ночью Сепху можно снова видеть среди мужчин у догорающего костра — он вновь принят в круг своих².

В одиночку не проживешь

Тёнбул описывает также случай с молодым человеком, которого застали с кузиной в момент кровосмешения. Преследуемый сверстниками, вооруженными мечами и копьями, юноша убежал в лес, потому что никто не захотел его приютить. Как объясняет один из членов этого племени: «Его прогнали в лес, где он должен будет жить один. После того, что он совершил, никто не захочет принять его к себе. И он умрет: в лесу один не выживешь. Лес его убьет». Затем, замечает Тёнбул, послышался подавленный смешок говорившего пигмея, который в характерной для этого народа манере, похлопав себя руками, заключил: «Это длилось уже несколько месяцев. Глупо, что он позволил обнаружить себя...»³ Стало ясно, что эта глупость значила для пигмеев больше, чем само кровосмешение.

В ту же ночь загорелась хижина, где жила семья молодого человека, между семьями юноши и девушки возникла ссора, но о кровосмешении, не было и речи в общей перепалке. На следующее утро мать опозоренной девушки усердно помогала соорудить новую хижину для семьи нарушителя, а спустя три дня молодой человек ночью прокрался в лагерь, присоединившись к холостякам. Сначала с ним никто не разговаривал, но затем какая-то женщина послала к нему маленькую девочку с миской еды; дело было улажено⁴.

С окружающим миром шутки плохи — быть презируемым все равно, что быть высмеянным

В каждом из случаев, описываемых Тёнбулом, имел место конфликт, которому предшествовало всеобщее обсуждение в лагере. На этом судилище не было ни судьи, ни суда, ни присяжных. Никакой формальной процедуры, никакого совета, принимающего решения. Поступали так каждый раз, чтобы не нарушить целостность группы. Сообщество, живущее охотой, должно в первую очередь позабо-

тяться о сохранении способности к сотрудничеству. Любой член сообщества подчинялся дисциплине, устанавливаемой с помощью двух средств, которых пигмеи боялись больше всего бы то ни было: быть презируемым или быть высмеянным. Вспоминается данная Россом характеристика общественного мнения как социального контроля: заглядывающее в каждый уголок, оно намного неотвратимей, чем суд, и к тому же гораздо дешевле.

Маргарет Мид: три способа создать общественное мнение

«Механизмы формирования общественного мнения у примитивных народов» — так озаглавила свою работу, выпущенную в 30-х годах, американский этнограф Маргарет Мид. Автор описала три типа механизмов формирования общественного мнения у примитивных народов⁵. Общественное мнение эффективно, если кто-нибудь выступает как нарушитель заповедей, если нет уверенности относительно толкования заповедей, или в случае конфликта, или если необходимо принять решение относительно будущих действий. Для таких случаев требуется сделать определенные шаги, принять меры по обеспечению согласия. По мнению М. Мид, механизмы общественного мнения необходимы, чтобы сохранить сообщество дееспособным.

Первый из описываемых типов соответствует процедуре, наблюдаемой у пигмеев; он функционирует в относительно небольших группах, насчитывающих от 200 до 400 человек. В качестве примера Мид приводит племя арапеш из Новой Гвинеи: минимум твердых правил, многие предписания краткосрочны, они забываются, едва возникнув. Сообщество существует почти бессистемно: отсутствуют высокие авторитеты и политические институты, нет судей и судов, нет священников и медиков, нет столь важной для племени касты вождей⁶.

Совместная трапеза

Разрешение конфликта М. Мид описывает на примере обыденного случая — поведения арапеша, в саду которого хозяйничает чужая свинья. Хозяин сада действует очень

осмотрительно, не допуская ничего случайного. Несомненно одно: он убьет свинью — так принято. При этом он непременно проконсультируется — пока свинья роется в саду или сразу же после ее умерщвления, куда течет кровь, — призвав на помощь друзей, сверстников, братьев, шуринов. Вопрос заключается в том, следует ли ему — первая возможность — отослать свинью хозяину, который по крайней мере будет иметь мясо и сможет оплатить долг. Или же ему лучше — вторая возможность — оставить мясо себе в качестве возмещения за причиненный ущерб? Если приглашенные советуют пойти по пути примирения — отдать свинью хозяину, — то владелец сада так и поступает. Если же они сторонники более рискованного поведения, то привлекаются советчики старшего поколения: отец, дядя и т.п. Если последние также считают, что следует оставить мясо себе, тогда спрашивают совета у особо уважаемого человека. Если же и он советует оставить свинью, то мясо съедают все участники совета — как знак того, что при возникновении затруднений они совместно будут отстаивать принятое решение и готовы разделить с хозяином сада неприятные последствия решения — будь то черная магия или враждебность со стороны владельца свиньи и его сторонников.

В отсутствие правил,
или изменчивые правила требуют
большой осторожности от индивида

Как поступить, чтобы не оказаться в изоляции, — к решению этого вопроса следует приступать с особыми предосторожностями, поскольку нет четких правил на сей счет. Обстоятельства меняются, и каждый в одиночку должен принять решение «за» или «против». Когда же решение принято, индивид вместе со своими единомышленниками готов отстаивать его до конца. С другой стороны, подобные объединения быстро распадаются. В новом конфликте группировки могут быть иными.

Несомненно, здесь речь идет о формировании общественного мнения. Налицо все составляющие этого феномена: противоречие, два лагеря, попытка действовать, избегая изоляции, эмоции, вызванные осознанием своей

правоты. Но действительно ли налицо элемент общности? Конечно, хотя не в том смысле, в каком в современном массовом обществе понимается общность с точки зрения индивида: анонимность, публичность, когда индивид находится в неконтролируемом сообществе других, чьи имена, лица, воззрения ему неизвестны. Арапеш знает членов своей общины. Но для него также существует общность в смысле «все», в смысле той принадлежности к сообществу, от которого он ни в коем случае не хочет быть отделен, отторгнут, изолирован.

Двойная система, настрой группировок

Второй тип формирования механизмов общественного мнения М. Мид описывает на примере охотничьего племени иатмулов⁷ в Новой Гвинее. С арапешами их объединяет отсутствие централизованной власти в лице вождя. Несмотря на это, они способны принимать решения, т.е. действовать, хотя и не путем поиска индивидом мнения большинства. У них развита двойная система разрешения конфликтов: племя по формальным критериям делится на два лагеря и оба лагеря, партии, принимают решение по спорному вопросу. Мид считает, что эта процедура необходима в больших объединениях (племя иатмулов насчитывает около 1000 человек), чтобы достичь консенсуса. Индивид принимает решение не самолично, а в соответствии с мнением своей группы. Образование группы и формирование ее состава, по всей видимости, дело случайное. Могут противостоять друг другу группа родившихся зимой и группа родившихся летом, или сообщества людей, проживающих севернее и южнее кладбища, или группировки, объединяющие семьи по материнской линии, где запрещается есть орлов или попугаев, или принадлежащие по отцовской линии к клану А или клану Б, или же входящие в одну из двух соседних возрастных групп. Система функционирует лишь потому, что эти группы многократно пересекаются, так что сегодняшние противники завтра оказываются союзниками. Таким образом, племенная общность не раскалывается, хотя про-

цессы формирования общественного мнения часто предполагают разделение на два лагеря — «за» и «против».

Решения принимаются не большинством голосов. Наиболее заинтересованные в решении какого-то вопроса люди ищут его, а члены формальных групп присоединяются к неформально предложенным паролем «да» или «нет». Мид полагает, что в современном обществе многие вопросы решаются путем использования такой двоичной системы, когда сторонники партий, союзов, региональных групп, страстно оспаривая друг друга, в действительности озабочены не аргументацией, а принадлежностью к своему лагерю. Итоговые решения зависят от силы, продемонстрированной сторонниками позиций. Современный политический жаргон обнаруживает непосредственную связь механизмов формирования общественного мнения с сегодняшним днем. Ключевое слово «поляризация» указывает на двоичность его формирования, когда, взвешивая альтернативы, люди приходят к решению. Современное выражение «взгляды лагерей» обозначает то, что описала М. Мид на примере племени иатмулов.

Бессилие одиночки.

Формализм на Бали

Третий тип сплочения общества Маргарет Мид описывает на примере полинезийцев⁸.

Нашим глазам предстает жесткий церемониальный порядок полинезийцев. Все спорные вопросы разрешаются здесь с юридической тонкостью. В совет старейшин входят все взрослые здоровые мужчины; со временем они продвигаются на более высокие посты, занимая «должности», обязывающие их тщательно соблюдать предписываемые правила. Автор подробно останавливается на одном характерном эпизоде из жизни этого народа. После свадьбы возникли подозрения в кровосмешении. Муж и жена оказались двоюродными братом и сестрой, но в смещении на два поколения: генеалогически жена являлась бабушкой молодого мужа. А браки между двоюродными родственниками первой степени были запрещены среди полинезийцев. Что в данном случае имеет решающее зна-

чение: родство первой степени или смещение в два поколения? В неимоверном напряжении проходит день: заседает совет, старейшины проверяют целый ряд аргументов, но так и не находят ответа. Присоединившихся ни к той, ни к другой группировке нет, у заинтересованной стороны нет адвоката, не предпринимаются попытки выяснить «господствующее» мнение. Наконец эксперт по календарным знамениям высказывает приговор: первая степень родства налицо, брак является нарушением правил. Нарушителя надлежит изолировать, что тут же и осуществляется. Дом виновных переносят за пределы деревни, на юг, в штрафную зону, и все население участвует в этом действии. Супруги отторгнуты; они не имеют права принимать участие в каких бы то ни было мероприятиях в деревне, кроме похорон.

Идет ли здесь речь о механизме общественного мнения при разрешении конфликта? Перед нами, пожалуй, скорее скользящий переход к другим формам социального контроля. Э. Росс ни в коем случае не относил понятие социального контроля к общественному мнению, но судопроизводство он все же явно включил в социальный контроль. Пример с полинезийцами напоминает судебный процесс, хотя там нет ссылок на существующие законы и отсутствует институт адвокатов. Божий завет, формальное право и закон мнения — триединство, согласно Локку, — сливаются и при определенных обстоятельствах лишают индивида свободы действий, направленной на то, чтобы воспротивиться изоляции, проявив осторожность или объединив вокруг себя сторонников.

М. Мид обосновывает пользу исследований общественного мнения у примитивных народов тем, что у них в незамутненном виде существует то, что в современных обществах уже перепуталось. Предписания в племенах арапшей, иатмулов, полинезийцев различны, если сравнивать степень участия индивида (может или должен участвовать) в достижении или сохранении согласия. Арапши требуют от индивида большой наблюдательности — правила изменчивы: то, что сегодня верно, завтра оказывается неверным и можно вдруг стать отверженным. У иатмулов индивид все же сохраняет известную значимость как сторонник одной из двух партий. У полинезийцев, где правила наиболее закостеневшие, индивид полно-

стью обезличен. Высокой чувствительности арапеша противостоит глубокий фатализм полинезийца. Квазистатистический механизм оценки окружения в таких условиях не срабатывает.

Контроль соседей

Изменчива комбинационная модель общественного мнения у племени цуни, которую описывает М. Мид⁹. Здесь за каждым индивидом неотступно наблюдают соседи, поэтому общественное мнение постоянно воспринимается как негативная санкция. Это ведет к тому, что тормозится всякая деятельность и многие поступки вообще не совершаются. Аналоги же из современности показывают, что подобный контроль со стороны соседей не только не тормозит действия, но и провоцирует некоторые поступки, как, например, демонстративное вывешивание постельных принадлежностей каждое утро из окна как знак соблюдения норм гигиены. О четком функционировании в различных культурах механизмов общественного мнения по типу цуни говорят и другие обычаи, в частности, привычка не задергивать вечером гардины на окнах, чтобы с улицы можно было заглянуть в освещенную комнату, нежелание ставить забор в качестве символической защиты от соседей или запирать двери в комнату — в доме или в офисе.

Примечания

¹ См.: Turnbull C. M. *The Forest People. A Study of the Pygmies of the Congo*. New York, 1961.

² Ibid., p. 94—108 (глава «The Crime of Cephu, the Bad Hunter»).

³ Ibid., p. 112.

⁴ Ibid., p. 113.

⁵ См.: Mead M. *Public Opinion Mechanisms among Primitive Peoples*. — *Public Opinion Quarterly*, vol. 1, July 1937, p. 5—16.

⁶ Ibid., p. 8 f.

⁷ Ibid., p. 10—12.

⁸ Ibid., p. 12—14.

⁹ Ibid., p. 15 f.

ШТУРМ БАСТИЛИИ: ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ПСИХОЛОГИЯ ТОЛПЫ

Опасаясь того, что рассказанные ею истории про жителей Новой Гвинеи или полинезийцев могут быть неправильно истолкованы — как отчеты об экзотических путешествиях, — М. Мид ищет новые параллели, чтобы показать общее в процессах общественного мнения. В качестве современного аналога процедуре предписаний у арапешей она выбирает то, что понятней американскому читателю, — пример линчующей толпы. В обоих случаях, по ее мнению, индивиды действуют спонтанно, ситуативно, т.е. поступают так, как им кажется правильным, без согласования с какой-либо группой или партией. И таким образом достигались определенные политические результаты.

Странно, что М. Мид не видит колоссальных различий в ситуации осторожного арапеша, в чей сад забрела соседская свинья, и отдельного индивида в сутолоке линчующей толпы. Ни в коем случае арапеш не прибегает к спонтанным действиям, которые кажутся ему в данный момент правильными, «in forms of his own feeling on the subject» (как он сам ощущает)¹. Он поступает чрезвычайно осмотрительно: подвергаясь социальному контролю, арапеш имеет все основания для того, чтобы в своих действиях попытаться заручиться поддержкой влиятельных соседей, друзей и т.п. Не в последнюю очередь он достигает этого приглашением на совместную трапезу.

**Конкретная толпа: индивид ощущает
общность и освобожден от наблюдения извне**

Участник линчующей толпы, наоборот, не обращает внимания на соблюдение осторожности, ведь он не находится под строгим контролем других, осуждающих или отверга-

ющих его поведение. Он полностью растворился в анонимной массе и, таким образом, освободился от социального контроля, без которого он не может сделать ни шагу в иных условиях — пока находится в поле зрения публики.

В качестве современного примера М. Мид выбирает ситуацию, именуемую спонтанной, явной толпой, или конкретной толпой (Л. фон Визе)², т.е. массой людей в условиях физического или по крайней мере зрительного контакта, которая какое-то время выступает как целое. Это, несомненно, не прямая аналогия рассмотренным действиям арапеша. При решении проблемы с чужой свиньей согласие было достигнуто единодушно, хотя каждый участник спора сохранил свое лицо, имел определенную роль. Линчующая толпа как разновидность коллективного человеческого поведения привлекала внимание ученых и интеллектуалов со времен штурма Бастилии в период Французской революции. Огромное количество очерков и книг по психологии толпы в XIX и XX вв. было посвящено этим загадочным проявлением человеческой натуры. Однако это не способствовало лучшему пониманию процессов общественного мнения, а скорее затруднило его. Ощущалась диффузная связь (у М. Мид — идентичность) между всплесками массовой психологии и общественным мнением, но такие представления затушевывали характерные черты социально-психологического феномена общественного мнения, который был уже довольно четко разработан авторами XVII—XVIII вв.

В какой связи друг с другом находятся общественное мнение и вспышка психологии толпы? В поисках ответа на этот вопрос полезно вспомнить в качестве примера штурм Бастилии в описании французского историка И. Тэна:

«Каждый район города — центр, а Пале-Рояль — самый большой из них. От одного к другому идет круговорот поручений, обвинений, депутатий, одновременно с этим поток людей выплескивается вперед, руководимый лишь собственной прихотью и случайностью движения. Толпа собирается то здесь, то там: ее стратегия — толкать и быть подталкиваемой. Ее представители попадают внутрь лишь там, где их впускают. Если они врываются к инвалидам, то лишь благодаря помощи солдат. С Бастилии стреляют с

10 часов утра до 5 часов пополудни, огонь идет со стен высотой 40 и шириной 30 футов, и случайно один из выстрелов попадает в инвалида на костылях... Толпу оберегают, как детей, чтобы ей причинили возможно меньше вреда: по первому требованию пушки отодвинуты с огневого рубежа, первую депутацию начальник гарнизона приглашает на завтрак, уговаривает солдат гарнизона не стрелять, если на них не нападают. Наконец он отдает приказ стрелять — ввиду крайней необходимости, чтобы защитить второй мост, при этом предупреждает, что будет стрелять. Короче, его терпение безгранично — что совершенно соответствует понятию человечности в ту эпоху. Люди фанатично пробиваются в условиях абсолютно неожиданной для них атаки и сопротивления, через пороховой дым, увлекаемые напором атаки; они не знают ничего, кроме броска на этот каменный массив, их подручные средства соответствуют уровню их тактики... Некоторые полагают, что захватили дочь начальника гарнизона, и хотят ее заживо сжечь, чтобы заставить ее отца сдаться. Другие поджигают солому на выступе здания и тем самым преграждают себе дорогу. “Бастилию не взяли силой, — говорит храбрый Эли, один из бойцов, — она сдалась еще раньше, чем ее вообще атаковали”.

Это была капитуляция в ответ на обещание, что никому не причинят страданий. У гарнизона не хватило духу стрелять по живым мишеням из неплохого укрытия, к тому же солдаты пребывали в смятении от вида ужасающей толпы. Наступало лишь восемь-десять сотен человек... Но площадь перед Бастилией и прилегающие улицы заполнили толпы зевак, которые хотели видеть спектакль. Среди любопытных, по свидетельству очевидца, можно было видеть элегантных красивых женщин, которые оставили свои коляски в отдалении. С высоты бруствера ста двадцати солдатам гарнизона могло казаться, будто весь Париж против них. Это они опустили подъемный мост и впустили врага: все потеряли голову — осажденные и осаждаемые, последние, опьяненные победой, пожалуй, в большей степени. Ворвавшись в Бастилию, штурмующие начали все крушить, опоздавшие открыли стрельбу по тем, кто пришел первым, просто так. Каждый стреляет, не глядя, куда и в кого. Внезапное ощущение всемогущества и свобода убивать — слишком крепкое вино для человеческой природы: от него

кружится голова, все видится в красном свете и все заканчивается диким бредом.

...Французские гвардейцы, знакомые с законами войны, пытаются что-то сказать. Но толпа позади них не знает, в кого она метит, и бьет наугад. Она щадит стрелявших в нее швейцарцев, считая тех заключенными — из-за голубой униформы, — и считает инвалидов, открывших путь в Бастилию. Того, кто помешал начальнику гарнизона взорвать крепость, проткнули двумя ударами кинжала, одним сабельным ударом ему отсекали кисть, и руку, спасшую целый квартал Парижа, с триумфом пронесли по улицам...»³

Такая массовая сцена сильно отличается от данных эмпирического и исторического анализа общественного мнения: привязанных к определенному месту и времени аффективно окрашенных мнений и поступков, которые *нужно* публично обнаруживать в определенной сфере фиксированных взглядов, чтобы не оказаться в изоляции, или *можно* публично выражать в сфере изменяющихся воззрений или во вновь возникших зонах напряженности.

Имеют ли что-то общее вспышки психологии толпы и общественное мнение? Для ответа на этот вопрос существует простой критерий. Все проявления общественного мнения объединяет их связь с угрозой изоляции для индивида. Там, где индивид не может свободно высказываться или поступать по собственному усмотрению, а должен учитывать воззрения своего окружения, чтобы не оказаться в изоляции, мы всегда имеем дело с проявлениями общественного мнения.

С этой точки зрения не вызывают сомнений действия конкретной полустихийной толпы. Участники штурма Бастилии или бродившие по улицам жадные до сенсаций зрители точно знали, как они должны себя вести, чтобы не оказаться в изоляции, — проявлять одобрение. Они знали также, какое поведение подвергнет их изоляции с опасностью для жизни, — отвержение, неприятие, критика толпы. Однозначность острой угрозы изоляции для всякого уклонявшегося от буйствующей толпы учит нас, что, по сути, здесь одна форма проявления общественного мнения. Вместо штурма Бастилии мы легко можем привести пример из современной нам жизни, например возмущение решением судьи или действиями команды на фут-

больном поле, разочарование болельщиков. Или дорожно-транспортное происшествие; скажем, иностранный автолюбитель наехал на ребенка: здесь не имеет значения, по своей ли вине ребенок оказался под колесами автомобиля, или водитель виноват; любому из собравшейся толпы будет ясно, что нельзя принять сторону водителя. Таковы по своей сути и события во время демонстрации по поводу смерти студента Бенно Онезорга: невозможно защищать полицейского Курраса*.

Если в обычных условиях индивид с трудом ориентируется, какое поведение одобряется, в массовой сцене это ясно как день. При этом согласие, которого достигают участники толпы, может иметь различные источники и соответственным образом характеризовать массовые сцены.

Очевидно, существуют временные и вместе с тем сильно зависящие от текущего момента источники, указывающие на объединяющий элемент взбудораженной толпы. В связи с этим вспоминаются твердые и жидкие агрегатные состояния, по Тённису. Вневременной является общность, обусловленная инстинктивными реакциями: голодные бунты, защита маленького беспомощного ребенка, раненного автоводителем, объединение против чужака, иностранца, выступление за свою команду, в защиту своей нации. На этой основе легко организовать толпу в спортивном зале: «Хотите тотальной войны?»

Вневременным или по крайней мере не зависящим от актуальных событий может быть общее возмущение нарушением традиций, обычаев. Но связанными со временем являются массовые демонстрации, основанием для единства которых в условиях смены ценностей («жидкое агрегатное состояние») служат новые ценностные представления. Здесь верх берут силы, преобразовывающие тяжело идущий процесс смены убеждений дисперсных латентных масс — здесь они овладевают скоплением людей как существенный ускоритель, демонстративно устанавливающий новый порядок, в симпатиях к которому можно без опаски публично признаться. Тем самым обусловленная временем конкретная толпа, масса, единство

* Речь идет о жертве инцидента в рядах демонстрантов во время студенческих волнений 1968 г. — *Прим. перев.*

которой определяется актуальными идеями, является типичным проявлением революционных эпох. Таким образом, можно рассматривать конкретную толпу как чрезвычайно усиленное общественное мнение.

Положение индивида в конкретной толпе совершенно иное, чем в скрытой массе. В спонтанной толпе вообще не требуется обычная тщательная проверка индивидом, что можно или нужно публично обнаруживать: основная пружина — страх перед изоляцией — выключена, индивид чувствует себя частью целого и может не бояться контрольной инстанции.

Раздраженное общественное мнение воплощается в спонтанной толпе

Чтобы понять связь между спонтанной толпой и общественным мнением, можно рассмотреть процесс и с другой стороны — не с точки зрения остерегающегося изоляции индивида или же индивида в конкретной толпе, свободного от страха перед изоляцией, а с точки зрения общества, которое с помощью процессов общественного мнения, управляемых авангардистами, добивается согласия, если речь идет об обусловленных временем темах. Нам представляется, что спонтанная толпа возникает как разрядка напряженной обстановки между общим согласием, с одной стороны, и отдельным индивидом или группой (меньшинством) — с другой, которые упорно противодействуют нормам, или инстинктивным реакциям, или новым ценностным установкам. Этот процесс может также соответствовать двуликости общественного мнения, т.е. его воздействию вниз, на индивида, и вверх, на правительство, как атаке на какой-либо институт или правительство, принципы и поведение которых нарушают согласие или не могут выполнить требование измениться. Социологи систематически измеряют такого рода напряженность в репрезентативных опросах, чтобы предсказать возникновение революционных беспорядков. В этих целях используют серии вопросов относительно важных сфер жизни, с помощью которых выясняется представление населения о *желаемом* и *действительном* положении вещей. Если расхождение между ними выше нормы, это предвещает опасность⁴.

В отличие от конкретной толпы «латентная», или абстрактная, масса индивидов (существует единство чувств и мыслей, но нет единства места) создает благоприятные условия для возникновения конкретной, «действенной» (по Теодору Гайгеру) толпы. Леопольд фон Визе, говоря о «тайной общности», приводит следующий пример: «В августе 1926 г. в Париже имели место два различных выступления против чужаков. После известного затишья снова произошла серьезная стычка. Заполненный иностранцами автобус был остановлен полицией недалеко от бушевавшего пожара с предписанием — ввиду возможного распространения огня — следовать другим путем. Толпа, вероятно полагавшая, что чужаки приехали поглазеть на пожар, сразу же настроилась против них... и, прежде чем полиция смогла помешать, на пассажиров автобуса обрушился град камней, от которых многие пострадали. Лишь благодаря энергичным действиям стражей порядка удалось освободить иностранцев. Среди арестованных оказался... известный парижский художник, который, как говорят, активно участвовал в бомбардировке камнями... Имелась ли здесь изначально абстрактная масса? Конечно — тайная общность тех, кто был возмущен использованием условий инфляции иностранцами. Существовала неорганизованная толпа людей, ненавидевших иностранцев, но сосчитать поголовно эту массу было невозможно»⁵.

Толпа с переменчивым настроением нетипична для общественного мнения

Роль эмоционально заряженной толпы в процессе общественного мнения (этот процесс всегда нацелен на осуществление какой-то ценности) становится еще более ясной, если речь идет об «организованной толпе» (Мак-Дугалл)⁶, которая в отличие от массы примитивной, спонтанной, неорганизованной представляет собой устойчивое образование с определенной целью, имеющее одного или нескольких руководителей, которые образцово создали или образцово повторили создание конкретной «действенной» толпы. Напротив, можно представить себе примитивную, спонтанную, неорганизованную толпу, сформировавшуюся без какой-либо цели под влиянием обстоятельств, с

самоцелью достичь эмоциональной кульминации, которая обеспечивается участием в спонтанных действиях толпы: чувство общности, интенсивное возбуждение, нетерпение, ощущение силы и неодолимой власти, гордость, разрешение на нетерпимость, нервозность, потеря чувства реальности, безответственные поступки — все кажется возможным, во все можно верить без тщательного обдумывания, никаких требований к выдержке, терпению. Характерным для такой толпы является полная непредсказуемость перехода от одной цели к другой, подверженность влияниям.

Рассказы о переменчивой толпе производят такое сильное впечатление, что остаются накрепко в памяти, как будто это — нормальное состояние для развития мнений больших масс людей. И здесь непредсказуемы быстрые колебания воззрений. Но ни сумма индивидуальных мнений в результате демокопических опросов, ни оценка индивидами климата мнений не отражают того непостоянства, которого ожидают от «человека толпы». Абстрактная, латентная масса и конкретная, действенная толпа действуют по разным законам; это люди, испытывающие и не испытывающие страха перед изоляцией. В конкретной толпе настолько сильна общность, что индивиду не нужно стремиться обезопасить себя — знать, как говорить, как действовать. В такой тесной связи возможны и драматические перемены.

Примечания

¹ Mead M. Public Opinion Mechanisms among Primitive Peoples. — *Public Opinion Quarterly*, vol. 1, July 1937, p. 7.

² См.: Wiese L. von. System der Allgemeinen Soziologie als Lehre von den sozialen Prozessen und den sozialen Gebilden der Menschen (Beziehungslehre). Berlin, 1955, S. 424.

³ Taine H. Les origines de la France contemporaine. III. La Révolution l'Anarchie. Vol. 1. Paris, 1916, p. 66—69.

⁴ См.: Crespi L. Mündlicher Bericht auf der 24. Jahrestagung der AAPOR in Lake George, 1969.

⁵ Wiese L. von. Op. cit., S. 424.

⁶ См.: McDougall W. The Group Mind. Cambridge, 1921, part I, chapt. III, p. 48 ff.

МОДА — ЭТО ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Человека волнует ощущение того, что он движется в одном направлении с другими, это воодушевляет его. Средства демоскопии сегодня позволяют наблюдать накал зрительских симпатий во время Олимпийских игр или чемпионатов мира по футболу, демонстрации многосерийного детектива по телевизору, когда пустеют улицы, или же восторженное настроение населения, с интересом следящего за триумфальной поездкой по стране английской королевы. Даже предвыборная борьба в бундестаг каждый раз вызывает всеобщее оживление.

Что это — чувство общности, корни которого в историческом племенном прошлом, или состояние безопасности, или способность противостоять, действовать; освобожден ли индивид — хотя бы на какое-то время — от страха перед изоляцией?

Квазистатистический орган
как связующее звено
между индивидуальным и коллективным

«Никогда не удавалось выявить, как следует понимать соотношение между индивидуальным и коллективным сознанием»¹, — писал английский социальный психолог У. Мак-Дугалл в своей книге «Групповой разум» (1920). Зигмунд Фрейд называл бесполезными конструкциями

представления о коллективных образованиях типа «группового разума» или противопоставления индивида и общества. С одной стороны, индивид, с другой — общество — это, по Фрейду «разрыв естественной связи». Речь не идет о большой массе людей, одновременно воздействующих на индивида. Человек не связан с этим множеством, его мир ограничен немногими значимыми репрезентативными личными связями с отдельными людьми. Эти отношения определяют аффективную установку индивида, его поведение по отношению к целостности. Поэтому для Фрейда «социальная психология» как особое научное поле — научная выдумка.

То, что мы сегодня познаем средствами демоскопии — способность квазистатистического органа воспринимать частотные распределения и изменчивость мнений своего окружения с высокой долей чувствительности, — это, в представлении Фрейда, объяснить невозможно. Своеобразие этих восприятий среды, оценок мнения большинства людей заключается в том, что они практически во всех группах населения резко меняются одновременно². Здесь должно существовать нечто помимо личных связей индивида — дар восприятия, благодаря которому мы можем постоянно наблюдать за большой массой людей одновременно, т.е. за сферой, которую называют «общественность». Мак-Дугалл явно исходил из предположения о существовании сознания общественности, чему мы находим все больше свидетельств: человек, по словам Мак-Дугалла, действует в условиях публичности, зная общественное мнение³.

Квазистатистический орган человека — связующее звено между индивидуальным и коллективным. Имеется в виду не таинственное коллективное сознание, а способность индивида в связи с людьми, их поступками и идеями воспринимать отношения одобрения или неодобрения, отверженности в среде, а также малейшее их изменение, усиление или снижение и соответственно способность реагировать на подобные изменения, т.е. по возможности не обособляться. По мнению Мак-Дугалла, мотивом для этого служит то обстоятельство, что «индивидуальность в известном смысле означает изоляцию, которая вызывает у каждого из нас чувство подавленности, хотя

оно не полностью осознается; ко времени образования толпы индивидуальность растворяется»⁴.

XIX и XX века отмечены противоборством двух взглядов: согласно одному из них, в человеке преобладает чувство стадности как инстинктивного поведения; другой утверждал разумные реакции на опыт взаимодействия с действительностью, и такая позиция лучше согласовывалась с гуманистическим идеалом. С исторической точки зрения можно сказать, что бихевиоризм поглощает обе теории инстинкта (английского биолога Уилфрида Троттера⁵ и вышеупомянутого Мак-Дугалла). Смешению благоприятствует то обстоятельство, что важный и, несомненно, человеческий способ поведения — подражание — имеет два различных корня, два различных мотива, внешне нераспознаваемых. Мы возвращаемся здесь к различию между подражанием как учебой, подражанием с целью познания, подражанием апробированным способом поведения, чтобы перенять опыт и знание других или позаимствовать аргументы из предположительно умного суждения, предположительно хорошего вкуса, с одной стороны, и подражанием из желания быть похожим на других, подражанием из страха перед изоляцией — с другой. Научные школы, делающие акцент на разумность человека, объявляли подражание целесообразным поведением в обучении, а поскольку эти школы одержали победу над различными теориями инстинктов, то и подражание из-за страха перед изоляцией стало непопулярной темой для изучения.

Почему мужчины должны носить бороду?

В мире всегда появлялось нечто, что бросалось в глаза, что выглядело достаточно загадочным и могло направить внимание в нужное русло. Но это нечто было в то же время слишком привычным, и потому не многим казалось загадочным. Андрэ Мальро в одной из бесед с де Голлем незадолго до его смерти сказал: «Я никогда не мог понять, как я отношусь к моде... Веками мужчинам нужно носить бороду, веками они должны быть гладко выбриты...»⁶

Учеба, приобретение знаний как мотив подражания, как мотив носить бороду или бриться? Мальро мог бы от-

ветить на этот вопрос так: мода — это способ поведения, который, пока он нов, *можно* обнаружить публично, не оказавшись в изоляции, или, спустя одну фазу, *нужно* демонстрировать публично, если не хочешь оказаться в изоляции. Таким способом человеческое общество может удостовериться в своей сплоченности и достаточной готовности индивида на компромисс. Можно быть уверенным, что мода на бороду никогда не меняется без более глубокой причины — готовности людей в какой-то период времени к существенным переменам.

Стрижку, ношение одежды и обуви, физический облик человека Сократ причислял к неписаным законам, на которых основывается общность, в такой же мере, как и тип музыки⁷. Следует остерегаться вводить новую музыку, это может быть опасным для целостности. Ибо не удастся поколебать основ музыки, не покачнув при этом важные законы государства... В способ игры и под видом, что ничего злого не происходит, вкрадывается новое — так рассуждал Сократ в беседе с Адимантом; ничего и не происходит, вторит своему учителю ученик, кроме того, что новое укрепляется и постепенно — исподтишка принимается за обычаи и занятия, выходит наружу, проявляясь в общении людей, а затем от общения с великой дерзостью переходит к законам и государственным установлениям, пока, наконец, не перевернет все в личных и общественных отношениях⁸.

Учитывая игровой характер моды, легко ошибиться относительно ее большой серьезности, значимости как механизма интеграции в общество. При этом не имеет значения, утверждает ли общество свою сплоченность при наличии или в отсутствие разработанного статуса о рангах, т.е. используются ли одежда, обувь, прическа или борода для обозначения ранговых различий или, наоборот — как, например, в американском обществе, — предпринимаются попытки создать внешнее впечатление, что таковые отсутствуют. Известно, что игровые средства моды особенно пригодны для маркировки ранга. Это обстоятельство привлекло гораздо больше внимания — мода как выражение стремления к дифференциации и престижу (точка зрения Юма: «love of fame» — «любовь к славе», Т. Веблена: «the theory of the leisure class» — «теория праздного класса») по сравнению с более распространенным

давлением в сторону конформности, на котором упорно настаивал Дж. Локк, когда называл закон мнения «законом репутации, или моды».

Тренировка способности к компромиссу

Недовольство модой как дисциплинирующим средством обнаруживается во многих речевых оборотах негативного характера: «капризы моды», «дьявол моды», «денди», «модный франт»; с модой ассоциируются понятия «внешняя», «поверхностная», «быстротечная»; подражание становится передразниванием.

Всегда трогательно наблюдать при проведении демо-скопического анализа рынка, как потребительницы на вопрос, что их волнует больше всего при покупке нового платья, с жаром отвечают: «Оно должно быть вне времени». Здесь нам изливаются потоки гнева против «потребительского принуждения», гнева по поводу необходимости компромисса между собственными склонностями и требованиями моды, чтобы не быть огородным пугалом, напавшим платьем устаревшего фасона, и не подвергнуться осмеянию в современном обществе, а то и вовсе оказаться отверженным. Но все мы заблуждаемся относительно причин этого «потребительского принуждения». Вопреки представлениям рассерженных потребительниц не производители инсценируют и направляют тенденции моды, куда им заблагорассудится. Если дела их идут успешно, то их можно сравнить с хорошим парусником, который умело использует попутный ветер. Чрезвычайно легко доступная наблюдению одежда, которую мы носим, — публично используемая одежда — прекрасное средство для выражения духа времени, информирующее также о том, что индивид послушен, что он умсет включиться в общность.

В известной антологии Бендикса и Липсета «Класс, статус и власть» неодобрительно говорится о том, что в словаре социальных наук мода толкуется чересчур расширительно, что это «излишне генерализированный термин»⁹. В качестве примера приводится автор, у которого понятие «мода» применяется по отношению к живописи, архитектуре, философии, религии, моральным поступ-

кам, одежде, а также в естественных науках и социальных учениях, а также соотносится с языком, литературой, едой, танцевальной музыкой, свободным времяпрепровождением; она применима ко всем элементам социальной и культурной сферы. Ядром столь широкого употребления слова «мода» является понятие «переменчивость». «...Мало вероятно, однако, — рассуждают далее авторы, — чтобы структуры поступков в таких различных социальных полях и вытекающая отсюда динамика изменений были одинаковы. “Мода” слишком многогранна; она объединяет, по сути, совершенно различные социальные способы поведения»¹⁰.

Жесткий образец

Совершенно различные способы поведения? Если вдуматься в это, то везде в основе просматривается то, что Локк обозначил неписаным законом мнения, или репутации, или моды. Он во всем находит тот жесткий образец, который, по его мнению, оправдывает понятие закона, потому что награды и порицания раздаются не по заслугам — так можно испортить желудок безмерной едой, — а в зависимости от одобрения или неодобрения в определенном месте в определенное время. Если так подходить к существу вопроса, то понятие «мода» окажется не бесполезным, а весьма пригодным для того, чтобы разобраться в нем в общих чертах. Относительно всех тех сфер, которые были названы ранее как не связанные друг с другом, человек может оказаться «внутри» или «снаружи»; и он должен внимательно следить за любыми изменениями в своей сфере, чтобы не оказаться в одиночестве. Угроза изоляции существует повсюду, где оценки пробивают себе дорогу в качестве господствующих мнений. Мода — выдающееся средство интеграции. Только ролью моды — добиваться интеграции в обществе — можно объяснить, почему столь незначительные вещи, вроде формы каблука или воротничка, влияют на содержание общественного мнения, становятся сигналом «внутри» или «снаружи». При этом оказывается, что все те различные сферы, в которых как-то проявляется мода, как раз взаимосвязаны между собой. Конечно, синхронизация их пока мало ис-

следована. Но, следуя Сократу, можно предположить связь между изменениями в музыке или причёске и не заблуждаться относительно серьёзности того, что этим движением ниспровергаются законы.

Примечания

- ¹ М с D o u g a l l W. The Group Mind. Cambridge, 1921, p. 30.
- ² См. рис. 11—13; см. также гл. XXIV наст. изд.
- ³ См.: М с D o u g a l l W. Op. cit., p. 39 f.
- ⁴ Ibid., p. 24.
- ⁵ См.: T r o t t e r W. Instincts of the Herd in War and Peace. London, 1916.
- ⁶ M a l r a u x A. Les chênes qu'on abat... Paris, 1971, p. 182 f.
- ⁷ См.: П л а т о н. Государство, кн. 4, 425 А-Д.
- ⁸ См. там же, 424 В-425 А.
- ⁹ См.: B a r b e r B., L o b e l L. S. Fashion in Women's Clothes and the American Social System. — In: B e n d i x R. and L i p s e t S. M. (Eds.). Class, Status and Power. A Reader in Social Stratification. Glencoe, Ill., 1953, p. 323—332.
- ¹⁰ Ibid, p. 323 f.

ПОЗОРНЫЙ СТОЛБ

Применение наказаний у многих народов жестоким образом сказалось на социальной природе человека. Речь идет не только о наказаниях, которые трудно скрыть от общест-венности, когда за кражу, например, отрубали правую руку, а при ее повторении — левую ногу (в соответствии с Кораном) или выжигали на коже клеймо, но также о на-казаниях, наносящих ущерб достоинству (так называемые суды чести), в результате которых у человека в принципе волос с головы не упадет. Мы не утруждаем себя, чтобы разобраться, в чем дело, когда речь заходит о позорном столбе¹. Эти наказания применялись во все времена и во всех культурах (у нас — начиная с XII в.)², что свидетель-ствует о постоянстве человеческой натуры. Пигмеи знали больное место человека: он особо уязвим, когда над ним смеются или его презируют, причем на виду у всех³.

Социальная кожа человека чувствительна к суду чести

Цитируя Цицерона: «Nihil habet natura praestantius, quam honestatem, quam laudem, quam dignitatem, quam decus» («На свете нет ничего лучше справедливости, похвалы, уважения и чести»), Дж. Локк добавляет, что Цицерон, ве-роятно, знал, что все перечисленное, по сути, название од-ного и того же⁴. Смысл наказания, затрагивающего честь человека, — отнять у него лучшее, его авторитет, его честь. Позорный столб, согласно бытовавшему в средневековые мнению, «роняет честь мужчины»⁵. Это наказание воспри-

нималось настолько болезненно, что с первыми ростками гуманизации его не применяли к юношам моложе 18 лет и (по закону в Турции) пожилым мужчинам старше 70 лет⁶.

Публичность у позорного столба обеспечивалась весьма искусно: последний — в самых разнообразных вариантах — устанавливался на рыночной площади или на перекрестке оживленных улиц. Осужденного приковывали к позорному столбу железным ошейником в самое оживленное время суток — в дни ярмарки утром или по выходным, по праздникам; бывало, что его со связанными ногами приковывали к дверям церкви. Шум для привлечения публики обеспечивался барабанным боем, звоном многочисленных колокольчиков и бубенцов; для лучшей видимости позорный столб красили, например, в красно-коричневый цвет, украшали изображениями «нечистых» животных. На шею осужденному вешали табличку с указанием имени и провинности. Толпа вокруг — те, кто издевался над ним, обзывая его бранными словами или бросая в него комья грязи (отвлечемся здесь от забрасывания камнями, ибо это не соответствует характеру наказания), — анонимна, вне социального контроля, идентифицирован он один, наказание человека «позорным столбом» до сих пор отражает потерю им достоинства в глазах других людей, социальное унижение.

Наказанию у позорного столба подвергали не за грубые и жестокие действия, а за такие, в которых трудно было уличить и к которым именно поэтому следует привлечь внимание публики: например, за обман обвешивающего пекаря, ложное банкротство, проституцию, сводничество, оскорбление, клевету — кто отнимает честь у другого, должен сам ее потерять⁷.

По сплетням судят о правилах чести в обществе

Клевета — это более чем сплетня, распространяющая недобрительные сведения о ком-то отсутствующем. Клевета — это антипод чести, позор. Из-за плохой молвы рушится чья-то репутация, а может произойти даже самоубийство⁸ или убийство; с человеком, который приобрел

дурную славу, опасно показываться в обществе — вспомним 1782 г. и некую госпожу де Воланж, предостерегавшую своего адресата — молодую даму — не встречаться с любовником, у которого была плохая репутация: «...ведь общественное мнение будет по-прежнему против него, и разве этого недостаточно для того, чтобы руководить вашим поведением?»⁹

Убийство из-за плохой молвы, дискредитация, презрение — язык изобилует социально-психологическими или терминами, когда индивид предстает беззащитным, брошенным на произвол судьбы. «Кто это сказал?» — требует он ответа, когда его ушей достигают обрывки сплетни, но сплетня анонимна. Американский ученый Джон Бёрд Хэвиленд первым обратился к сплетне как к предмету научного исследования. Задавшись этой целью, он какое-то время провел среди жителей племени цинакантеко, пытаясь изучить через сплетню как источник, как научный материал правила чести племени, общества. Он наблюдал, как сплетня распространялась, обрастала подробностями, пока наконец не выявлялась ошибка. Наказанием чести сродни позорному столбу служит для супружеской пары племени, нарушившей обет верности, обязанность обоих супругов выполнять тяжелую работу во время празднеств¹⁰. Племя весьма изобретательно использует изоляцию. В обыденности тяжелый труд не роняет чести и достоинства человека, но в одиночку, на виду у веселящихся соплеменников он как нельзя лучше выражает отвержение пары.

Сколько идей родилось у людей, чтобы публично обозначить позор! Провинившегося выставляли на обозрение толпы в невероятно высоком бумажном колпаке, намазывали смолой и перьями, девушку заставляли шествовать с наголо обритой головой — вспомним, как дразнили несчастного Сепху у пигмеев: «Ты не человек, ты животное».

Даже короля могла унижить презирующая толпа, общественность. В 1609 г. во время пребывания Рудольфа II в Праге ремесленники и поставщики напрасно ждали оплаты своих счетов, потому что богемские сословия прекратили выплату королю налогов, положившись на голос общественности, который — с помощью первой в мире газеты *Авизо* — был услышан далеко за пределами Праги.

По сообщению *Авизо* от 27 июня 1609 г., перед резиденцией короля, который как раз сидел за вечерней трапезой, собралась огромная толпа, раздавались крики и свист, люди выли, как собаки, волки и кошки. Король несколько не был шокирован...¹¹

Даже в детских садах или в школьном классе есть свой позорный столб, когда детей в качестве наказания ставят в угол.

Позорный столб, эта красно-коричневая «трибуна» позора на ярмарочной площади, может казаться сегодня призраком прошлого, столь же далеким, как «железная дева» в средневековой камере пыток, и все же он с нами ежедневно. Человека в конце XX в. приговаждают к позорному столбу в прессе, на телевидении. И начала современному позорному столбу были заложены именно в *Авизо*.

Лишившись смысла более чем в 50 различных своих дефинициях, в XX в. общественное мнение сохраняет свое первоначальное значение в немецком законодательстве, § 186 и 187 которого гласят: наказуемым является плохой отзыв или клеветническое утверждение без оснований, если они причиняют ущерб достоинству человека в глазах общественного мнения. О правилах чести можно узнать не только из сплетен, но и из материалов судебных разбирательств по делам об оскорблениях. В качестве примера сошлемся на процесс в земельном суде Маннгейма от 23 ноября 1978 г. (номер дела VIII QS 9/78), резюме которого было воспроизведено в *Нойе юристише вохенширифт*: «Если женщина свой иск мотивирует тем, что ее называют “ведьмой”, то прекращение дела оправдано ввиду незначительности вины обвиняемой не только потому, что участницы конфликта — иностранки (в данном случае турчанки), а сегодня вера в ведьм на Ближнем Востоке очень распространена. Такого рода основание требует в защиту истицы длительного наказания обвиняемой средствами судебного постановления». В своем решении суд, в частности, указывает: «Несомненно, вера в ведьм на Ближнем Востоке чрезвычайно распространена в настоящее время... Но и у нас дела обстоят не намного лучше. Согласно последнему опросу на данную тему (1973), 2% жителей ФРГ твердо верят в существование ведьм и 9% допускают их существование. В Южной Германии, по оценкам экспертов, не найдется ни одной деревни, где бы не было женщи-

ны, которую считают ведьмой... Поэтому нет оснований те же самые суеверные представления "там, далеко в Турции" оценивать по-другому или более мягко. Как справедливо объясняет полномочный представитель истицы на суде, подозрение иностранной работницы турецкой национальности в том, что она "ведьма", наносит сильный удар по ее репутации, что в глазах суеверных окружающих обвиняемой может постепенно привести к ее презрению, отчуждению, постоянной враждебности и преследованию, а порой и к плохому обращению с ней или даже убийству, если не будут вовремя приняты действенные и решительные меры пресечения клеветы»¹².

Примечания

- ¹ См. об этом подробнее: N a g l e r J. Die Strafe: Eine juristisch-empirische Untersuchung. Aalen, 1970; B a d e r - W e i s s G., B a d e r K. S. Der Pranger: Ein Strafwerkzeug und Rechtswahrzeichen des Mittelalters. Freiburg, Jos. Waibel'sche Verlagsbuchhandlung 1935; H e i t i g H. v o n. Die Strafe. Frühformen und kulturgeschichtliche Zusammenhänge. Berlin — Göttingen — Heidelberg, 1935, 1954—1955.
- ² См.: B a d e r - W e i s s, G. B a d e r K. S. Op cit., S. 2.
- ³ См. гл. XI наст. изд.
- ⁴ См.: Л о к к Д ж. Опыт о человеческом разуме. М., 1898.
- ⁵ F e h r H. Folter und Strafe im alten Bern, S. 198. Цит. по: B a d e r - W e i s s, G. B a d e r K. S. Op cit., S. 83.
- ⁶ См.: B a d e r - W e i s s, G. B a d e r K. S. Op. cit., S. 130.
- ⁷ Ibid., S. 122.
- ⁸ См.: S t r o s s B. Gossip in Ethnography. — *Reviews in Anthropology*, 1978, p. 181—188. Б. Стросс дискутирует в данном случае с Хэвилендом (H a v i l a n d J. B. v o n. Gossip, Reputation, and Knowledge in Zinacantan. Chicago, 1977).
- ⁹ Л а к л о III. де. Опасные связи. М., 1990, с. 59.
- ¹⁰ См.: H a v i l a n d J. B. v o n. Op cit., p. 63.
- ¹¹ См.: S c h ö n e W. *Der Aviso des Jahres 1609*. Факсимильное переиздание с послесловием. Leipzig, 1939, S. 2 f.
- ¹² *Neue Juristische Wochenschrift*, № 10, 1979, S. 504.

ПРАВО И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

В *Нойе цюрихер цайтунг* от 6 мая 1978 г. был помещен комментарий по поводу судебного решения о ночном ограблении в Цюрихе (Альтштадт): «Верховному суду следовало бы проверить, соответствует ли его сравнительно нестрогая практика наказаний за такие правонарушения представлениям населения и общественному мнению». Должны ли законы, практика судов совпадать с общественным мнением, должны ли они приспосабливаться к общественному мнению? В каком отношении к сфере законодательства находится общественное мнение?

Итак, первый и настоятельный вопрос: в какой мере три закона Дж. Локка — божественный закон, закон государства и закон общественного мнения — могут быть противоречивы? Локк рассматривал этот вопрос в условиях своего времени и своей страны на примере дуэли. В ФРГ 70—80-х годов XX в. конфликт можно рассмотреть на примере аборта. Церковнослужители рассматривают аборт как убийство и присоединяются к мнению врачей, сравнивающих массовость абортотворчества с массовыми убийствами в концентрационном лагере Аушвиц. Закон государства разрешает аборт, говорит кардинал, но *он* все же называет это «убийством»¹. Это не спор о правильном названии; здесь два непримиримых воззрения. Мнение церковнослужителя в данном случае своего рода фасад, за которым скрываются совсем другие современные ощущения, и они очень распространены. Различные мнения относительно оценки аборта весьма заразительны. Христианскому воззрению, согласно которому надо защищать жизнь, в том числе и еще не родившуюся, противостоят не менее сильные в эмоциональном плане представления «гражданской религии», по выражению Руссо², — посю-

сторонней гражданской религии, где наивысшей ценностью является эмансипация, право женщины на самоопределение и решение вопросов относительно собственного тела. Речь идет об одном из противоречий, которые побуждают человека избегать в своем общении тех кругов, где думают иначе.

Поляризация как расколотое общественное мнение

Отстраняясь от инакомыслящих, люди теряют свою квазистатистическую способность правильно оценивать воззрения окружающих. В этом случае употребимо понятие американской социологии «pluralistic ignorance», невежество относительно того, как думают «другие». Это — состояние поляризации. Общество раскалывается, и здесь правомерно говорить о расколовшемся общественном мнении. Признаком такого раскола является переоценка себя со стороны каждого лагеря. Статистически его можно измерить: чем дальше в обоих лагерях расходятся оценки относительно того, как думает большинство, тем сильнее поляризация по этому вопросу, сторонники различных взглядов не общаются друг с другом и потому ошибаются. Таблицы 16—19 представляют данные исследований 70-х годов. Иногда незнание бывает односторонним; один лагерь правильно оценивает свое окружение, а другой сильно себя переоценивает. Такая констелляция указывает на то, что в конце концов интеграция завершится в пользу тех, кто себя переоценивает.

Образцом подобной ситуации может служить дискуссия по поводу новой восточной политики в начале 70-х годов (см. табл. 17). Побеждающий лагерь — сторонники восточной политики — представлен здесь блоком, составившим 70% опрошенных: «Большинство думает, как мы». Противники производили впечатление разрозненных одиночек: они не знают, что большинство «за» восточную политику, но в то же время и не верят в свое большинство, давая уклончивый ответ, «серединка на половинку». Для прогнозиста, анализирующего состояние общественного мнения, симметрия и асимметрия оценок окружения — весьма важные показатели. Если преобладает симметрия, большая поляризация мнений, когда каждый лагерь, ка-

ПОЛЯРИЗАЦИЯ МНЕНИЙ О ФЕДЕРАЛЬНОМ КАНЦЛЕРЕ
В. БРАНДТЕ В ЯНВАРЕ 1971 Г., %

Оба лагеря — сторонники и противники В. Брандта — в своих оценках мнений большинства сильно различаются. Это объясняется расхождением групп, они больше не вступают в диалог и поэтому совершенно по-разному оценивают климат мнений.		
<i>Вопрос: «Как Вы полагаете, большинство людей хочет сохранить Вилли Брандта на посту федерального канцлера или оно предпочло бы другого канцлера?»</i>		
	Сторонники федерального канцлера В. Брандта	Противники федерального канцлера В. Брандта
Большинство людей		
хочет оставить В. Брандта федеральным канцлером	59	6
предпочитает другого федерального канцлера	17	75
затрудняются ответить	24	19
$n =$	100 473	100 290
<i>Расхождение в оценках среды, по Осгуду, Зуси, Танненбауму</i> $D =$	78,7	

Источник: Алленсбахский архив, опрос Института демоскопии 2068.

жется, считает себя сильнее, — дело идет к серьезной дискуссии. При асимметрии с большим перевесом на одной стороне, уклонениями от оценок (мнения разделились, мнения трудно оценить) защитная сила преобладающего лагеря невелика. Инструмент измерения дистанции, применяемый в нижеприводимых таблицах, разработан американскими социальными психологами Осгудом, Зуси и Танненбаумом³.

Это формула:

$$D = \sqrt{\sum_i d_i^2},$$

где $D = \sqrt{\sum_i d_i^2}$ означает различие между двумя сравниваемыми группами.

ПОЛЯРИЗАЦИЯ МНЕНИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО
ВОСТОЧНЫХ ДОГОВОРОВ В МАЕ 1972 Г., %

В оценке Восточных договоров сторонники и противники значительно расходятся — знак сильной поляризации.		
<i>Вопрос: «Отвлекаясь от Вашего собственного мнения, как Вы полагаете, большинство людей в ФРГ выступает “за” или “против” Восточных договоров?»</i>		
	Сторонники Восточных договоров	Противники Восточных договоров
Большинство выступает		
«за» Восточные договоры	70	12
«против» Восточных договоров	3	30
затрудняются ответить	27	58
<i>n =</i>	100 1079	100 293
<i>Расхождение в оценках среды, по Осгуду, Зуси, Танненбауму D =</i>	71,1	

Источник: Алленсбахский архив, опрос Института демоскопии 2082.

Две крайности: барьеры на пути социальных изменений и поспешное приспособление к модным тенденциям

Вместо устаревшего словаря Дж. Локка с его тремя законами современная социология предлагает более точные определения. То, что у Локка называлось божественным законом, представляется ныне нравственным идеалом, нравственностью, главными ценностями; акцент — на идеале, дистанция с действительным поведением часто весьма существенная. Локковский закон мнения, репутации, моды, более точно определявший реальное поведение, в современном социологическом словаре употребляется для обозначения обычаев и общественной морали.

Определяемое государством право колеблется и в ту, и в другую сторону, пишет Рене Кёниг в своем сочинении

Таблица 18

ОТСУТСТВИЕ ПОЛЯРИЗАЦИИ МНЕНИЙ ПО ВОПРОСУ О ТОМ,
МОЖЕТ ЛИ КОММУНИСТ БЫТЬ СУДЕЙ, АПРЕЛЬ 1976 Г., %

Сторонники и противники дают одинаковые оценки мнениям большинства.		
<i>Вопрос: «Отвлекаясь от Вашего собственного мнения, что Вы думаете относительно мнения большинства по этому поводу? Большинство немцев в ФРГ выступают за то, чтобы член коммунистической партии мог быть судьей, или большинство против?»</i>		
	Может ли член коммунистической партии быть судьей?	
	«за»	«против»
Большинство выступает		
за предоставление возможности работать судьей коммунистам	6	1
против судей-коммунистов	79	88
затрудняются ответить	15	11
<i>n =</i>	100 162	100 619
<i>Расхождение в оценках среды, по Ос- гуду, Зуси, Танненбауму D =</i>	11,0	

Источник: Алленсбахский архив, опрос Института демоскопии 3028.

«Право в контексте социальных нормативных систем»⁴. Стражи нравственности ожидают от государства, что оно средствами закона поставит барьер веяниям времени. Напротив, выразители общественного мнения, общественной морали требуют, чтобы право и закон «совершенствовались» соответственно чувству времени. Они действительно выдвигают убедительные аргументы. Если процесс общественного мнения, наблюдаемый в разных культурах, понимать как средство интеграции, как средство, сохраняющее дееспособность общества, тогда нельзя позволять законам и правопорядку как угодно долго противостоять общественному мнению. Несомненно, фактор времени играет весьма существенную роль. По соображениям гарантии правовой защищенности в обществе не сле-

Таблица 19

СРЕДНЯЯ СТЕПЕНЬ ПОЛЯРИЗАЦИИ ПО ВОПРОСУ ОБ АБОРТАХ
ПО НРАВСТВЕННЫМ И МАТЕРИАЛЬНЫМ СООБРАЖЕНИЯМ,
ОКТАБРЬ 1979 Г., %

<i>Вопрос: «Как Вы считаете, большинство людей в ФРГ выступает “за” или “против” разрешения аборт по нравственным и материальным соображениям?»</i>		
	Отношение людей к прерыванию беременности по нравственным и материальным соображениям	
	«за»	«против»
Большинство выступает		
за разрешение аборт по нравственным и материальным соображениям	48	19
против разрешения аборт	17	44
затрудняются ответить	35	37
<i>n =</i>	100 1042	100 512
<i>Расхождение в оценках среды, по Осгуду, Зуси, Танненбауму D =</i>	39,7	

Источник: Алленсбахский архив, опрос Института демоскопии 3074.

дует слишком торопиться уступать тенденциям моды. Рейнгольд Циппелиус описывает данное обстоятельство в книге «Потеря уверенности в ориентирах?». «В частном аспекте права, — говорит он, — обнаруживается потребность в надежных, нормативно обеспеченных поведенческих структурах как потребность в правовой защищенности... Потребность в правовой защищенности означает, во-первых, интерес к выявлению того, какие вообще нормы определяют отношения между людьми... Этот интерес дополняется, во-вторых, интересом к непрерывности права. Только такая непрерывность обеспечивает надежность ориентиров в будущем и тем самым создает основу для планирования и диспозиции. Требование максимально возможной стабильности нормативного порядка и последовательности в развитии права оправдано еще и по дру-

гой причине: существующее право выдержало испытание на свою пригодность. Поэтому нельзя, как говорит Радбрух, с легкостью изменять право, подвергать его случайным преобразованиям, допускающим беспрепятственное превращение частного случая в форму закона»⁵.

Цель различных политических кампаний состоит именно в том, чтобы, не дав времени на спокойное обдумывание решения, так подстегнуть общественное мнение, чтобы возбуждение не спадало до тех пор, пока цель не будет достигнута и желаемое урегулирование не будет легализовано, пока оно не станет обязательной для исполнения правовой нормой. Никлас Луман описывает этот процесс в книге «Общественное мнение». Дискуссия по вынесенной на обсуждение темы «достигает кульминационного пункта. Противники вынуждены прибегать к тактике проволочек, выигрыша во времени, признания с оговорками, уступок. Сторонники должны закрепить свои достижения в бюджете или программах действий администрации. Времени для этого в обрез. Очень скоро могут проявиться первые признаки усталости, сомнений, отрицательный опыт... Если с темой дискуссии ничего не происходит, это может быть симптомом предстоящих трудностей — тема теряет свою привлекательность»⁶.

Данное описание касается совершенно определенного, кратковременного, модного типа кампаний общественно-го мнения. Но иногда они длятся годами, десятилетиями, столетиями, как, например, очень точно подмеченное Токвилем движение за предоставление равенства для всех, наблюдавшееся не одну тысячу лет. Но отдельные этапы в развитии большой темы могут быть описаны по образцу Лумана.

Примером того, как общественное мнение «социальная точка зрения», «тенденциозная точка зрения в обществе» может быть поспешно подхвачена и взята на вооружение судьями и административными чиновниками, служит кампания против курения в присутствии некурящих. Это случай прерванного развития кампании, скрытые причины которого, по материалам демоскопии, описаны в гл. III. Тем не менее сама кампания оказалась весьма результативной: к 1975 г. министерские указы уже рекомендовали служащим сферы общественного управле-

ния отказываться от курения в присутствии некурящих или даже обязывали это делать. В 1974 г. компания «ОЛГ Штуттгарт» — в отличие от прежних своих решений — заявила, что курение пассажира в такси является неуважением по отношению к водителю. Кульминацией движения против курящих (к 1975 г.) стало заявление компании «ОВГ Берлин», что курильщик — нарушитель общественного порядка. Комментируя этот случай, юрист из Фрейбурга Йозеф Кайзер отметил: «Тем самым недолго думая курильщика отнесли к категории людей, весьма четко выделяемой полицейскими правилами, т.е. несущих ответственность за конкретную опасность. Таким образом, курильщик подвергается однозначной неодобрительной реакции согласно полицейским предписаниям и, соответственно, санкциям. Получается, что сам факт курения является достаточным доказательством конкретной угрозы некурящему со стороны курильщика»⁷. Создание правовых оснований без компетентной проработки вопроса — весьма характерный процесс формирования общественного мнения; комментатор, естественно, подбирает соответствующую терминологию, когда говорит, что защищать некурящих — «en vogue»^{*}.

Право должно подкрепляться обычаем

И наоборот, возникает критически острое положение, когда «социальные воззрения», общественное мнение далеки от правовых норм и законодатели не реагируют на это. Такая ситуация складывается прежде всего в тех случаях, когда правовые нормы согласуются с нравственными ценностями, однако растет понимание, что обычаи, общественная мораль далеки от этого. Сегодня демоскопия ускоряет данный процесс, это один из ее неоспоримых результатов. В 1971 г. иллюстрированный журнал *Штерн* опубликовал результаты одного алленсбахского исследования: 46% населения старше 16 лет требовали облегчения операции аборта. Повторное исследование через 5 месяцев дало скачок поддерживающих это требование с 46 до 56%⁸. То была одна из ситуаций, которую имел в ви-

^{*} Модно (франц.). — Прим. ред.

ду Токвиль, когда говорил о «фасаде»: некоторые воззрения в общественном мнении еще сохраняются, хотя стоящие за ними ценностные убеждения, которые должны их укреплять, уже давно перебрадили и выдохлись⁹. Пока это не заявлено публично, фасад стоит. Но он рухнет, если пустота — сегодня часто с помощью демоскопии — вдруг обнаружится. Это может обернуться несовместимой с правовой повседневностью демонстрацией, когда женщины публично признавались в конкретном нарушении права: «Я делала аборт»¹⁰.

Закон долго не устоит, если его не поддерживает обычай. Страх людей перед изоляцией, боязнь неодобрения со стороны окружения или другие подобные скрытые сигналы влияют на поведение более действенно, чем эксплицитное формальное право. То, что Локк называл «законом мнения», а Э. Росс, спустя два столетия, определил как «социальный контроль», в XX в. получает экспериментальное подтверждение социальных психологов. Один из таких экспериментов касался светофоров. Проводилось наблюдение, сколько пешеходов переходят улицу на красный свет в зависимости от трех различных обстоятельств: 1) когда никто не подает плохой пример; 2) если улицу на красный свет переходит человек, принадлежащий, судя по одежде, к нижним слоям общества; 3) если это делает хорошо одетый человек из высших слоев общества. Роль представителей низших и высших слоев взяли на себя ассистенты. В эксперименте участвовали 2100 пешеходов. В результате были получены следующие данные: лишь 1% пешеходов переходили улицу, не имея перед глазами образца; если красный свет игнорировал пешеход из простых слоев, ему следовали 4%; если нарушителем оказывался человек из высших слоев общества, за ним следовали 14%¹¹.

Законами можно изменять общественное мнение

Между правом и общественным мнением может существовать и обратная связь. Законы можно издавать или изменять, чтобы тем самым оказать влияние на общественное мнение, подтолкнуть его в желательном направлении.

Альберт В. Дайси в лекциях «Связь закона и общественного мнения в Англии XIX в.» (1905)¹² высказал мысль, позднее получившую подтверждение с помощью средств демоскопии: уже само принятие закона усиливает согласие с ним. Своеобразие, специфичность этого процесса заметны с первого взгляда, и тем более удивительно, что Дайси установил его без всяких эмпирических вспомогательных средств, хотя ему было трудно объяснить его. Сегодня же, вооруженные представлением о «спирали молчания», мы сказали бы так: страх перед изоляцией убывает тогда, когда что-то одобряется, вызывает согласие, когда что-то уже стало законом. Эта тенденция отражает чуткую связь между общественным мнением и легитимацией, исходя из которой Дайси формулирует принцип: законы опоняют и создают мнение¹³.

Вызывать общественное мнение, формируя законы в желательном направлении, — использование таких рычагов может показаться сомнительным; ведь это не что иное, как приглашение к манипуляции общественным мнением, эксплуатация политического мандата господствующим большинством. Достаточен ли в таком случае эффект согласия, когда закон принят, не окажется ли излишней интеграция, позволяющая обществу сохранить его дееспособность?

Реформа уголовного права ФРГ 1975 г., а также принятый в 1977 г. Закон о разводе показали, что они далеко превзошли в законодательном регулировании требования общественного мнения. В необходимости принятия закона по новому регулированию родительской опеки, укреплению права ребенка как более слабого по отношению к более сильному взрослому, даже среди 17–23-летних мало кто был убежден. На вопрос: «Считаете ли Вы, что государство с помощью законов должно заботиться о том, чтобы молодые люди получили больше прав по отношению к своим родителям, или Вы не видите в этом необходимости?» — 64% юношей ответили: в этом нет необходимости, и лишь 22% указали, что это необходимо сделать¹⁴. Новое законодательство о разводе раскололо общество, заставив его сделать выбор между правом и моралью. Алленсбахский опрос в июле 1979 г. обнаружил возрастание чувства нравственной вины человека и его долга осознавать эту вину. Вместе с тем новый закон о разводе наста-

ивал на том, что при разводе вопрос вины не играет роли и, следовательно, не должен иметь финансовых последствий. Большинство населения не могло с этим согласиться. Среди четырех представленных на обсуждение законодательных реформ именно закон о разводе чаще всего называли самым неудачным (см. табл. 20)¹⁵.

Таблица 20

О СООТНОШЕНИИ
ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И ПРАВА. %

<i>Пример: Реформа законодательства о разводе</i>	
<i>Вопрос: «Верите ли Вы в моральную вину, т.е. что можно быть виноватым по отношению к другому человеку, или мысль о виновности уже устарела?»</i>	
	Население старше 16 лет
Существует вина	78
Мысль устарела	12
Не знаю	10
<i>n</i> =	100 1015
<i>Вопрос: «Два человека (прилагается картинка) беседуют о том, должен ли человек вообще иметь чувство вины. Прочитайте, пожалуйста. С кем из них Вы скорее согласитесь?»</i>	
	Население старше 16 лет
«Человек должен иметь чувство вины, иначе ему ничего не стоит обидеть или сделать несчастным другого».	72
«Считаю, что у человека не должно быть чувства вины, оно делает его несчастным и несвободным, и от этого никому не легче».	18
Затрудняюсь ответить	10
<i>n</i> =	100 1016

Источник: Алленсбахский архив, опрос Института демоскопии 3071, июль 1979 г.

<i>Вопрос:</i> «При разводах в настоящее время не имеет значения, кто виноват в распавшемся браке. Как Вы считаете, это хорошо или плохо?»	
	Население старше 16 лет
Считаю, что это хорошо	24
Считаю, что это плохо	57
Затрудняюсь ответить	19
<i>n</i> =	100 495

<i>Вопрос:</i> «Довольны ли Вы реформой законодательства о разводах?»	
	Население старше 16 лет
Отношение к реформе законодательства о разводах (распад брака вместо вины как принцип)	
очень довольны	7
весьма довольны	20
не очень довольны	23
совсем недовольны	35
затрудняются ответить	15
<i>n</i> =	100 2033

Источник: Алленсбахский архив, опрос Института демоскопии 3062, ноябрь—декабрь 1978 г.

В этой связи вспоминается высказывание Руссо, подметившего связь между правом и общественным мнением: «Подобно тому как архитектор, прежде чем построить большое здание, изучает и зондирует почву, чтобы узнать, может ли она выдержать тяжесть здания, так и мудрый законодатель не начинает с написания хороших законов, а исследует предварительно, сможет ли народ, для которого он эти законы предназначает, вынести их»¹⁶. Для Руссо законы не что иное, как «подлинные акты общей воли»¹⁷. Совершенно в духе принципа Д. Юма, согласно которому

«все правительства основываются на мнении», Руссо говорит: «Мнение — царица земли — никоим образом не подчинена власти королей; последние служат ей как ее первые рабы»¹⁸.

Примечания

- ¹ См.: *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, № 224, 26. September 1979, S. 1, и № 233, 6. Oktober 1979, S. 5.
- ² См.: Руссо Ж. - Ж. Об общественном договоре. М., 1938, с. 119, 120.
- ³ См.: Osgood Ch.E., Suci G.J., and Tannenbaum P.H. The Measurement of Meaning. Urbana, Ill., 1964.
- ⁴ См.: König R. Das Recht im Zusammenhang der sozialen Normensysteme. — In: Hirsch E.E., Reh binder M. (Hg.). — Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, Sonderheft 11, Studien und Materialien zur Rechtssoziologie, 1967, S. 36—53.
- ⁵ Zippelius R. Verlust der Orientierungsgewissheit? — In: Kaulbach F. Krawietz W. (Hg.). Recht und Gesellschaft. Festschrift für Helmut Schelsky zum 65. Geburtstag. Berlin, 1978, S. 778 f.
- ⁶ Luhmann N. Öffentliche Meinung. — In: Politische Planung. Aufsätze zur Soziologie von Politik und Verwaltung. Opladen, 1971, S. 19.
- ⁷ Kaiser J. H. Sozialauffassung, Lebenserfahrung und Sachverstand in der Rechtsfindung. — *Neue Juristische Wochenschrift*, 1975, № 49, S. 2237.
- ⁸ См.: Stern, № 46, 4. November 1971, S. 260.
- ⁹ См.: Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992, с. 464—466.
- ¹⁰ См.: Stern, № 24, 3. Juni 1971, S. 16—24.
- ¹¹ См.: Blake R. R., Mouton J. S. Present and Future Implications of Social Psychology for Law and Lawyers. — *Journal of Public Law*, 1954, vol. 3, p. 352—369.
- ¹² См.: Dicey A. V. Lectures on the Relations Between Law and Public Opinion in England During the Nineteenth Century. London, 1905.
- ¹³ См.: Dicey A. V. Law and Public Opinion in England. London, 1962, p. 41.
- ¹⁴ См.: *Allensbacher Archiv*, IfD-Umfrage 1299, August 1979, n = 843.
- ¹⁵ См. там же, IfD-Umfrage 3062, November—Dezember 1978, n = 2033. На обсуждение были вынесены следующие вопросы: улучшение обучения учеников, налоговая реформа 1979 г., равноправное участие рабочих и предпринимателей при принятии решения об образовании больших компаний, реформа закона о разводе.
- ¹⁶ Руссо Ж. - Ж. Указ. соч., с. 37.
- ¹⁷ Там же, с. 78.
- ¹⁸ Rousseau J - J. Lettre à M.D.'Alembert sur les Spectacles. Paris, 1967, p. 154.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ СПЛАЧИВАЕТ

Обсуждая вопрос о результативности, действенности общественного мнения и, соответственно, о том, каким должно быть соотношение общественного мнения и права, мы лишь бегло коснулись проблемы интеграции. Достаточно ли ясно это понятие, чтобы столь вольно обращаться с ним?

Отставание эмпирических исследований

В 1950 г. в США была опубликована статья, вопросы и выводы которой и сегодня не устарели: «Со времени Конта и Спенсера социологи пытались выяснить, как объединяются малые социальные единицы, образуя социальное целое... Чем отличается группа от суммы индивидов? В каком смысле группу можно назвать целостностью? Какова эта целостность?.. Можно ли измерять сплоченность? При каких условиях усиливается социальная сплоченность и при каких она ослабевает? Каковы последствия высшей степени сплоченности и что происходит, когда сплоченность низкая? Социология нуждается в фундаментальных исследованиях, где решаются такого рода проблемы»¹.

Среди известных теоретиков, работавших над проблемой интеграции и ее ролью в системах человеческих обществ, процитированный выше Вернер С. Ландекер интересен прежде всего тем, что именно он в отличие от господствующей школы XX в., впервые предложил различные масштабы процедур измерения и получил эмпириче-

ски подтвержденные результаты. Мы слишком мало знаем о социальной сплоченности, говорит Ландекер, поэтому не можем предложить простое общепринятое измерение. Под знанием Ландекер понимает эмпирически подтвержденные сведения. Он выделяет четыре типа сплоченности и, соответственно, четыре способа ее измерения.

1. Культурная сплоченность: позволяет ли ценностная система общества последовательно осуществлять ее в жизни и в какой степени, или насколько противоречивы — не логически, а практически — требования к членам общества? В качестве примера противоречивых требований в западных обществах Ландекер приводит альтруизм и готовность участвовать в соревновании¹.

2. Нормативная сплоченность: в какой мере противоречат друг другу поведенческие предписания общества и действительное поведение членов общества?

3. Коммуникативная сплоченность: какова степень разобщенности между подгруппами общества в силу незнания, негативной оценки, предубеждений и насколько они связаны общением, т.е. существуют ли между ними коммуникативные связи?

4. Функциональная сплоченность: в какой степени члены общества вследствие разделения труда, профессиональной отчужденности зависят от взаимопомощи, сотрудничества?²

В данном обзоре не затронута проблема интеграции, сплоченности людей, которая возникает вследствие совместных переживаний: на чемпионате мира по футболу, при просмотре многосерийного фильма, собирающего у экранов телевизоров добрую половину населения, или — обращаясь к событиям 1965 г. — всеобщее воодушевление и чувство национальной гордости во время визита в страну английской королевы. Не рассматривалась в обзоре мода как средство сплочения.

Сплоченность по Рудольфу Сменду

Совсем иначе подходит к теме сплоченности юрист Рудольф Сменд, предложивший в конце 20-х годов свой вариант «учения об интеграции»³, т.е. сплоченности: «Процесс сплочения в значительной мере неосознаваем, он

протекает благодаря ненамеренной правомерности или "хитрости разума". Поэтому он чаще всего не является предметом сознательного конституционного регулирования... и потому лишь в качестве исключения оказывается предметом теоретических размышлений... *Личной* является интеграция, обусловленная влиянием лидера, владыки, монарха, разного рода общественных активистов... В качестве *функциональной* сплоченности выступают очень различные коллективизирующие формы жизни: от примитивного эмоционального согласования совместной деятельности или совместных движений до... более развитых, опосредованных форм сотрудничества, например выборов... смысл которых в первую очередь осознается при достижении определенных решений... менее осознанно, но по крайней мере так же настоятельно осуществляется... при установлении политической общности путем формирования мнений, групп, партий большинства... *Деловой* сплоченности способствуют все аспекты государственной жизни, обычно считающиеся целями государства, которые, таким образом, выступают как средства сплоченности, воплощают общность... Поэтому здесь уместна теория символов политической ценностной системы, флагов, гербов, глав государств, политических церемоний, национальных праздников... факторов политической легитимации»⁴.

«Сплоченность» так же непопулярна, как и «приспособление»?

Несмотря на попытки Сменда внедрить свое «учение о сплоченности», а также публикации Ландекера, настаивающего на эмпирическом характере исследований по проблемам интеграции, прогресс в этой области не был замечен, что, конечно, не случайно. Не лучше обстояли дела и с исследованием проблемы страха индивида перед изоляцией. В очерке Э. Росса о социальном контроле содержалось, правда, замечание, позволяющее сделать вывод, что в конце XIX в. понятие «сплоченность» было столь же непопулярным, как сегодня понятие «приспособление»⁵. Социальные науки в XX в. больше тяготели к общим теоретическим построениям в поисках ответа на вопрос, каким

образом сплочение способствует стабилизации человеческих обществ, углубляясь в структуру и функции этого понятия; в этом свете эмпирические исследования представлялись второсортными. Однако то, что мы встречаем в эмпирически ориентированных социологических исследованиях, посвященных интеграционным процессам (более подробное изложение должно включать прежде всего Э. Дюркгейма), не только не противоречит предположению, что у общественного мнения есть функция сплочения, но подкрепляет его.

В терминологии Ландекера четко просматривается связь между нормативной сплоченностью и ролью общественного мнения в качестве «стража нравов», как ее понимали в течение многих столетий: настаивать на том, чтобы норма и фактическое поведение согласовывались и чтобы отклонение от нормы наказывалось изоляцией.

Дух времени как следствие сплоченности

Говоря о коммуникативной сплоченности, уместно обратиться к Токвилю, который считал, что общественное мнение возникает после разложения феодального общества: пока продолжается разделение на сословия, всеобщая коммуникация отсутствует. Квазистатистическая способность, обнаруживаемая в современном западном обществе, — способность надежно регистрировать рост или спад одобрения и неодобрения идей или индивидов — может расцениваться как признак высокой коммуникативной сплоченности. И наконец, собственно энтузиазм, который нетрудно зафиксировать эмпирически накануне всеобщих выборов, увязывается с мыслью Сменда, что выборы наряду с явной функцией принятия решения имеют также скрытую функцию — сплочения. Каковы последствия высокой степени сплоченности? — спрашивал Ландекер. Вероятно, она заряжает большинство людей энтузиазмом. Но не всех. Кого не вдохновляет? Скорее всего, авангардистов. Мы однажды вплотную подошли к этому вопросу, обратившись к беседе между Сократом и Адемантом о меняющемся характере музыки, которая может служить признаком изменения времени (время здесь — нечто большее, чем то, что измеряется часами и календа-

рем). Общественное мнение пронизано чувством времени, и то, что обычно называют «духом времени», можно считать крупным достижением сплоченности. Последняя включает в себя процессы типа спирали молчания, что, похоже, весьма достоверно описал Гёте: «Когда одна сторона становится особо заметной, овладевая массой и укрепляя свои силы настолько, что противоположная вынуждена потихоньку забиться в угол, укрыться от взглядов, то это преобладание называют духом времени, который потом какое-то время выражает его суть»⁶.

Первым измерением сплоченности Ландекер называет культурную сплоченность. Эта тема актуальна в периоды распадающихся или вновь создаваемых ценностных систем, когда новые и старые требования к человеку невообразимо смешиваются. Имеют ли тогда силу процессы общественного мнения?

Когда общество в опасности, общественное мнение набирает силу

Опросы в исследованиях процессов развития общественного мнения пока еще не имеют долгой традиции. Однако существует индикатор, выявляющий усиленное давление в сторону конформизма. Вспомним характеристику американской демократии Токвиля, в частности его трогательную жалобу на царящую там тиранию общественного мнения, объясняемую автором господством веры в равенство, снизившимся авторитетом власти, которая всегда задает ориентиры. Поэтому, считает он, всегда следует цепляться за мнение большинства. Но острота механизмов общественного мнения, которую наблюдает Токвиль в Америке, может объясняться смешением различных культур в американском обществе. При незначительной культурной интеграции, которую вполне допустимо предположить в обществе, похожем на плавильную печь, потребность в сплоченности должна быть очень высокой. Если говорить о современном мире, то и сегодня ввиду изменений ценностных систем может иметь место низкий уровень культурной интеграции и связанная с этим высокая потребность в сплоченности; отсюда соответствующая привлекательность узды общественного мнения, острота

угрозы индивиду изоляцией. В некоторых обстоятельствах воздействие общественного мнения особенно заметно: как уже отмечалось ранее, все важные открытия в этой области были сделаны в революционные времена.

Размышления о связи между сплоченностью и общественным мнением привели нас к совершенно неисследованной области. Когда С. Милгрэм, следуя экспериментам Эша, попытался измерить (об этом говорилось в гл. III) степень конформности других народов по сравнению с американцами, он выбрал для своих исследований страны с противоположными ценностными ориентациями: Францию, где особо почитаем индивидуализм, и Норвегию, где предполагался высокий уровень сплоченности⁷. Хотя и в той и в другой стране у испытуемых в равной степени преобладал страх перед изоляцией, на более сплоченном населении Норвегии сильнее отражалось давление в сторону конформности. Это наблюдение подтверждало выводы Токвиля: чем больше одинаковости, тем сильнее давление общественного мнения. Тем не менее его интерпретация выглядит несколько искусственной: в условиях преобладающей одинаковости придерживаются мнения большинства, потому что отсутствуют другие основания, чтобы найти лучшее суждение (например, ранговый порядок). Как показывают современные эмпирические средства измерения общественного мнения, давление исходит не столько от чисто арифметического большинства, сколько от агрессивной уверенности одной стороны и страха перед изоляцией в сочетании с боязливым наблюдением за окружением другой стороны.

Мы не можем рассчитывать на простую связь степени интеграции и давления общественного мнения. «Одинаковость» ли норвежского общества усиливает давление в сторону конформизма или, наоборот, имея другие корни, именно оно и привело к одинаковости общества? Может ли немилосердная природа так же воздействовать на сплоченность общества, как влияет опасность на племя, живущее в джунглях охотой? Может быть, именно в опасности для общества (все равно какого рода: внешней или внутренней) лежит ключ к решению — высокая степень опасности требует высокой степени сплоченности, а последняя усиливает реакцию общественного мнения.

Примечания

- ¹ L a n d e c k e r W. S. Types of Integration and Their Measuremment. — *American Journal of Sociology*, 1950, vol. 56, p. 332. Переиздано в: L a z a r s f e l d P. F., R o s e n b e r g M. The Language of Social Research. A Reader in the Methodology of Social Research. New York—London, 1955, p. 19—27.
- ² Ibid., p. 333—339.
- ³ С м.: S m e n d R. Verfassung und Verfassungsrecht. München, 1928.
- ⁴ S m e n d R. «Integrationslehre». Handwörterbuch der Sozialwissenschaften, Bd. 5. Stuttgart—Tübingen—Göttinge. Gustav Fischer, J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), Vandenhoeck & Ruprecht, 1956, S. 299—300.
- ⁵ С м.: R o s s E. A. Social Control. A Survey of the Foundations of Order. Cleveland—London, 1969, p. 294.
- ⁶ G o e t h e J. W. Werke, Briefe und Gespräche, Gedenkausgabe, hg. von Ernst Beutler. Bd. 14. — Schriften zur Literatur, Kap. «Weltliteratur, Homer noch einmal». Zürich—Stuttgart, 1964, S. 705.
- ⁷ С м.: E c k s t e i n H. Division and Cohesion in Democracy. A Study of Norway. Princeton, N.J., 1966.

ЯЗЫЧНИКИ, АВАНГАРДИСТЫ, СТОРОННИЕ НАБЛЮДАТЕЛИ — ПОБУДИТЕЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Общественное мнение описывается в данной главе как социально-психологический процесс, корни которого — в страхе индивида перед изоляцией. Является ли оно давлением в целях конформности? Объясняет ли спираль молчания лишь то, как общественное мнение пробивает себе дорогу и укрепляет свои позиции, а не то, как изменяется общественное мнение?

Общественное мнение может изменить тот, кто боится изоляции

Если до сих пор круг наших интересов ограничивался людьми опасливыми и осторожными, испытывающими страх перед изоляцией, то теперь мы обратимся к тем, кто не боится изоляции либо больше считается с чем-то другим. Речь идет о проводниках новых направлений в музыке, о художниках, подобных Шагалу, у которого корова с четырьмя рогами (картина «Хлев», 1917) проламывает крышу дома и всматривается в небо. Это может быть ученый, как, например, Дж. Локк, утверждавший, что люди вряд ли заботятся о четырех заповедях Господа и законах государства: они лишь вынужденно следуют закону общественного мнения. Выскажи он подобные мысли несколько раньше, его отправили бы на костер. Именно в этом кругу мы найдем язычника — обусловленную своей эпохой и тем не менее вневременную фигуру человека, образующую коррелят с четко очерченным общественным мнением. Это человек отклоняющегося, девиантного поведения. Уместно вспомнить здесь название работы аме-

риканского исследователя Клаппа «Герои, злодеи и дураки как агенты социального контроля»¹. Однако связь между конформными элементами общества и сторонними наблюдателями не следует понимать лишь как акцентирование нарушителями ценностной системы и действующих в обществе правил и их пригвождение к позорному столбу.

Концепция спирали молчания оставляет возможность изменить общество для тех, кто не испытывает страха перед изоляцией или может его преодолеть. «Я должен учиться переносить насмешки и порицания», — говорил Руссо². Высокая степень согласия — источник счастья, защищенности для большинства людей — означает для авангардистов, прокладывающих дорогу в будущее, для художников, ученых, реформаторов угрозу. Фридрих Шлегель так описал это «чудовище» в 1799 г.: «Оно казалось наполненным ядом, прозрачная кожа отсвечивала всеми красками, видно было, как внутренности извивались, словно черви. Достаточно большое, чтобы нагнать страху, оно без конца двигало клешнями, расположенными вдоль туловища; оно то прыгало, как жаба, то ползало с отвратительной проворностью на бесчисленных маленьких ножках. Я в ужасе отвернулся: оно намеревалось преследовать меня, но я, собрав все свое мужество, мощным толчком отбросил его, перевернув на спину, и тотчас понял, что это не более чем мерзкая жаба. Я поразился увиденному, но мое удивление еще больше усилилось, когда я неожиданно услышал чей-то голос за своей спиной: «Это — общественное мнение...»»³

Можно привести обратный пример — граждане справедливо пугались, сталкиваясь в 60-е годы с длинноволосыми молодыми людьми: кто не боится изоляции, может нарушить порядок.

Первопроходцы реагируют на общественность так же слабо, как и лунатики

Любая типология новаторов, будь то художники, ученые, прокладывающие дорогу новому, должна учитывать отношение к общественности. Их мало волнует вопрос о том,

вызовут ли их деяния отклик у людей или они столкнутся с враждебностью общества.

По-другому обстоит дело с реформаторами, которые хотят изменить мышление людей и общественные условия: они мирятся с враждебной общественностью, чтобы иметь возможность выполнять свою миссию, и страдают от этого. Вероятно, существует и второй тип реформаторов — большого и малого масштаба, — для которого провоцирование общественного мнения является самоцелью, стимулятором существования. Так по крайней мере привлекаешь внимание: ведь возмущение общественности лучше, чем отсутствие внимания. Благодаря средствам массовой коммуникации, значительно раздвинувшим границы публичности в XX в., мы имеем достаточно тому примеров. Так, израильская секретная служба охарактеризовала арабского террориста Вади Хадада следующим образом: Хадад испытывает почти мистическое удовлетворение по поводу того, что он изолирован от остального мира, и потому у него свои правила и законы⁴. А режиссер Р.В. Фасбиндер так высказался об одном из своих фильмов: «Я должен иметь право реализовать себя так, как того требуют мои слабости и мои сомнения. Мне нужна свобода, чтобы отразить себя самого в общественности»⁵.

Речь в данном случае идет об одобрении или неодобрении — важно само обжигающее возбуждение от контакта с общественностью, выход за рамки индивидуального существования. Одурманивание общественностью, общественность как наркотик: что возбуждает? Здесь, возможно, таится опасность — знать, насколько небезопасным может оказаться общение индивида с общественностью, насколько опасно для жизни быть вытолкнутым из сообщества.

Жить и страдать в обществе само по себе опасно

Примеры этого в равной мере обнаруживает и современность, и XVI век. Так, Мартин Лютер и Томас Мюнцер резко отличались друг от друга своим отношением к публичному мнению. Лютер, явно страдая из-за общественного непонимания, не видел иного пути, кроме противо-

стояния общественному осуждению. Он смело смотрел в лицо опасности, которой не мог избежать. «Если кто-то и будет меня презирать... другие ничего не скажут. — говорил Лютер. — Даже потому, что они молчат, я сделаю свое дело». Описывая скорость, с которой распространилось его послание: «...за четырнадцать дней облетела весть всю Германию», — и другие связанные с ним детали, Лютер чистосердечно признается: «Слава была мне нежеланна, потому что (как сказано) я сам не знал, каково будет отпущение грехов, и песня была слишком высока для моего голоса»⁶.

Противоположна в этом плане позиция Томаса Мюнцера. Он тоже зорко наблюдает за процессом общественного мнения: «В стране беспорядок, нет его и в мыслях людей... Навести порядок. С чего начать? С моды, которая выводит наружу то, что внутри. Если стало обычным делом менять свое мнение, подобно рубашке, то проще запретить смену рубашек и юбок, тогда, возможно, мы избавимся от нежелательной смены мнений».

Каждому из нас хорошо известно: никому не удастся сдержать новую музыку. Точно так же и Томас Мюнцер, если внимательно прислушаться к тону его высказывания, вполне был уверен, что смена рубашек и юбок произойдет независимо от того, желательна она или нет. В отличие от Лютера он не страдает от общности, он ее любит, не забывая, однако, об опасности: «Страх перед Богом должен быть чистым, без примеси страха перед людьми или иными созданиями... Потому что время опасное и дни злые»⁷. Для человека с либидным отношением к общности характерно стремление выявить дух времени, заставить его говорить, но сам он не решится выдвинуть конструктивную программу. Историки приходят к заключению, что Томас Мюнцер мог действовать только разрушительно⁸.

Типология отношения к общности пока что не разработана. И поэтому пестрые общественные группировки, не боящиеся изоляции или преодолевающие страх перед ней, остаются без эмпирических исследований, как голая схема. Несомненно лишь то, что они подстегивают общество к изменениям и что тем, кто не опасается изоляции, на пользу спираль молчания. Если для тех, кто страшится изоляции, общественное мнение —

это давление в сторону конформности, то для того, кто не испытывает подобного страха, последнее есть рычаг изменений.

Почему и когда меняется музыка?

Что витает в воздухе, откуда дует ветер общественного мнения, напору которого невозможно воспротивиться, «a tidal volume and sweep», согласно характеристике Эдварда Россса⁹: язык подсказывает нам, что речь идет о судьбоносных движениях, о мощи сил природы. Но на вопрос, где начинается новое, мы затрудняемся ответить. Попытаемся обозначить его источники с помощью Никласа Лумана и его сочинения об общественном мнении: это кризисы или симптомы кризисов¹⁰, когда, например, обычно чистая вода в реке становится вдруг мутной. Аналогичным образом обстоит дело и с общественным мнением. Вначале мы имеем дело с испугом человека, затем о кризисе предупреждает книга — уже самим своим названием «Тихая весна»¹¹; по Луману: толчок к переменам, угроза или нарушение ценностей, имеющих особые приоритеты. Радикальное выступление общественного мнения против правительства Аденауэра в августе 1961 г. после возведения Берлинской стены было непредсказуемым, потому что игнорировалось значение ценности «нация». Источником формирования общественного мнения послужили неожиданные события — новое таит в себе особую значимость. Страдания или их цивилизованные суррогаты служат толчком этому процессу. Луман называет и другие его источники: «...обесценение денег, сокращение бюджета, потеря места, особенно если их можно измерить и сравнить...»¹²

Но ни финансово-экономический кризис, ни угроза ценностям не объясняют, почему женская эмансипация стала столь актуальной темой общественного мнения в 60–70-е годы.

Почему и когда меняется музыка?

Примечания

¹ См.: K l a p p O. E. Heros, Villains, and Fools as Agents of Social Control. — *American Sociological Review*, 1954, vol. 19, № 1, p. 56–62.

- ² Цит. по: H a r i g L. Rousseau sieht das Weisse im Auge des Königs. Ein literatur-historischer Rückblick. — *Die Welt*, № 17, 25. März 1978.
- ³ S c h l e g e l F. Lucinde. Berlin, 1799, S. 40 f.
- ⁴ См.: *Die Welt*, № 189, 1976, S. 8.
- ⁵ Цит. по: L i m m e r W. Wem schrei ich um Hilfe? — *Der Spiegel*, 1976, № 41, S. 237.
- ⁶ Цит. по: P e t z o l t D. Öffentlichkeit als Bewußtseinszustand. Versuch einer Klärung der psychologischen Begabung. Magisterarbeit im Institut für Publizistik der Johannes Gutenberg-Universität. Mainz, 1979.
- ⁷ Цит. по: S t r e l l e r S. Hutten — Müntzer — Luther. Werke in zwei Bänden. B. 1. Berlin—Weimar, 1978, S. 186.
- ⁸ См.: D ü l m e n R. von. Reformation als Revolution: Soziale Bewegung und religiöser Radikalismus. München, 1977: Deutscher Taschenbuchverlag, dtv-Wissensch. Reihe 4273.
- ⁹ См.: R o s s E. A. Social Control. A Survey of the Foundations of Order. With an introduction by Julius Weinberg, Gisela J. Hinkle and Roscoe C. Hinkle. Cleveland—London, 1969, p. 104.
- ¹⁰ См.: L u h m a n n N. Öffentliche Meinung. — *Politische Planung*. Aufsätze zur Soziologie von Politik und Verwaltung. Opladen, 1971; перепечатано в: L a n g e n b u c h e r W. R. (Hg.). Zur Theorie der politischen Kommunikation. München, 1974, S. 27—54, 311—317; L a n g e n b u c h e r W. R. (Hg.). Politik und Kommunikation. Über die öffentliche Meinungsbildung. München—Zürich, 1979, S. 29—61.
- ¹¹ См.: C a r s o n R. Silent Spring. Boston, 1962.
- ¹² L u h m a n n N. Op. cit., S. 17.

СТЕРЕОТИП КАК СРЕДСТВО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: УОЛТЕР ЛИПМАН

В середине XX в., когда вкус к изучению общественного мнения окончательно пропал, появляются две работы аналогичного названия. Автор одной из них — многократно нами цитированный Н. Луман¹, другая опубликована в 1922 г. Уолтером Липманом². Оба исследователя «раскопали» неизвестные примеры воздействия общественного мнения, обратив внимание на связь между общественным мнением и журналистикой.

У Липмана не было предшественников. Однако книга его, несмотря на название, странным образом не соотносилась с проблемой общественного мнения. Определение Липманом этого феномена можно отнести к небольшому числу слабых мест в книге. Он пишет: «Общественным мнением являются представления людей о самих себе, о других людях, об их потребностях, намерениях и отношениях. Представления, служащие основанием групповой деятельности или основанием деятельности индивидов, выступающих от имени групп, — это Общественное мнение с большой буквы»³. Таким образом, прочитав и эту работу, по-прежнему трудно понять, что такое общественное мнение.

Книга разоблачений

В чем особенность сочинения, которое спустя 50 лет после своего выхода в свет публикуется в Германии карманным изданием (1964) и почти одновременно карманным изда-

нием в США (1965)? Не претендуя на сенсационность, книга в действительности содержит разоблачения, которые, однако, противоречат естественному отношению людей к самим себе. Это противоречие настолько сильно, что длительное время после выхода в свет книга оставалась новинкой и практически не затронула сознание интеллигенции. Липман вскрывает рационалистический самообман людей относительно того, как они получают информацию в современном обществе, как формулируют суждения и действуют на их основании: сознательно и терпимо наблюдая, размышляя и рассуждая как ученые, в неизменном стремлении объективно понять действительность, используя поддержку средств информации.

Противопоставляя этой иллюзии совершенно иную реальность — обстоятельства, в которых люди формируют свои представления, воспринимают сообщения, перерабатывают их и передают дальше, — Липман «на одном дыхании» рассказывает о явлениях, которые лишь спустя десятилетия будут доказаны эмпирической социальной психологией и коммуникативными исследованиями. Я не нашла в книге Липмана ни одной идеи относительно функционирования коммуникации, которая позднее не получила бы подтверждения в кропотливых лабораторных исследованиях или работах в полевых условиях.

Грозовые облака на небосклоне мнений

При этом Липман вовсе не замечает того, что он описывает как общественное мнение в связи со спиралью молчания. Он ничего не говорит о роли давления в сторону конформизма, чтобы добиться консенсуса, о боязни изоляции и о том, что человек с опаской наблюдает за окружением. Но под мощным влиянием событий первой мировой войны Липман открывает важнейший элемент общественного мнения — кристаллизацию представлений и мнений в эмоционально окрашенных стереотипах⁴. Он употребляет это выражение, заимствуя его из техники газетопечатания, которая хорошо ему знакома как журналисту: текст отливается в застывшие формы стереотипа, чтобы затем быть тиражированным много раз. Стереотипы — это «запрет на профессию» при проверке на верность кон-

ституции претендентов на рабочие места государственных чиновников; это — регулярное упоминание с именем политика, выступающего за смертную казнь, приставки «голову долой», до тех пор пока не становится привычным упоминание одной этой приставки и уже не требуется называть само имя, — такие «монеты» необходимы процессу общественного мнения, иначе оно не могло бы распространяться, так как приверженцы какого-либо дела или идеи не могли бы узнать друг друга и публично продемонстрировать свою силу, напугать противников.

«Человек, забывающий о смертном приговоре» — этот стереотип возник в ходе кампании против Филбингера, который более десяти лет успешно занимал пост премьер-министра земли Баден-Вюртемберг, но затем в срочном порядке был вынужден подать в отставку. В обращение вошла вторая «монета»: суд утвердил решение, и бывшего премьер-министра публично стали называть «ужасным юристом»⁵. Можно представить себе, чего это стоило человеку уважаемому, в течение 12 лет возглавлявшему правительство, стремившемуся быть образцом для нации и ориентировавшему свою жизнь на публику, общественность. Липман пишет: «Тот, кто овладевает символами, определяющими в настоящий момент общественные чувства, в значительной мере завладевает дорогой в политику»⁶.

Подобно грозovým облакам, стереотипы заполняют атмосферу мнений в какой-то момент, а чуть погодя могут бесследно исчезнуть, их никто уже не увидит. Поведение людей, политиков, поддавшихся давлению грозových облаков, будет необъяснимым для тех, кто их сменит. Даже испытавший это давление не всегда сможет впоследствии описать его и будет искать дополнительные объяснения.

В своей книге У. Липман не просто рассказывает о стереотипах, посредством которых распространяется общественное мнение, «как воздух, присутствует везде, в укромных уголках и на ступенях трона», по меткому выражению Иеринга⁷. Будучи сам свидетелем того, насколько тесно после первой мировой войны образы общественного мнения переплетались с конкретными обстоятельствами времени и места, Липман сумел показать это читателю. Сначала он объясняет это на примере формирования

положительных и отрицательных стереотипов. «Помимо восхваления героев, — пишет Липман, — существует еще и изгнание дьявола. Один и тот же механизм возвеличивает героя и создает дьявола. Если все хорошее пришло от Жоффре, Фоха, Вильсона или Рузвельта, то все плохое произошло от кайзера Вильгельма, Ленина и Троцкого»⁸. Далее он продолжает: «Вспомним о том... как быстро в 1918 г. после прекращения огня пал столь ценный... символ единения союзников и вследствие этого почти тотчас же переживают упадок символические образы каждой отдельно взятой нации: Великобритании — как защитницы общественного права, Франции — как судьи на границе свободы, Америки — как крестоносца... А затем утрачивают свой глянец и символические портреты руководителей — и именно по мере того, как один за другим (Вильсон, Клемансо, Ллойд Джордж) перестают воплощать надежды людей и превращаются всего лишь в партнеров по переговорам и управляющих разочарованным миром»⁹.

Образцы в нашей голове — это псевдомир, в реальности которого мы клянемся

Липман значительно опередил других авторов XX в., также писавших об общественном мнении, благодаря своему реализму, своим реалистическим предположениям относительно человеческого разума и человеческих чувств. Ему очень помогла профессия журналиста, позволяющая четко различать оригинальное восприятие человека и то, что он узнает от других людей или через средства массовой информации; видеть, как это различие стирается, потому что люди его не осознают, усваивая опосредованно узнанное и согласовывая его со своими представлениями таким образом, что все спрессовывается в нечто неразделимое, одним словом, когда влияние средств массовой информации становится также неосознаваемым. «Мир, с которым мы имеем дело в политическом отношении, лежит за пределами нашего видения, нашего духа. Его нужно сначала исследовать, описать и представить себе. Но человек не аристотелевский бог, который может охватить все существование. Он является созданием, способным постичь лишь порцию действительности, достаточную для того, чтобы обеспечить его жизнь и выхватить себе с

весов времени несколько мгновений познания и счастья. Но именно это создание изобрело методы, с помощью которых можно видеть то, что недоступно глазу, и слышать то, что недоступно уху, с помощью которых можно взвешивать чрезвычайно большие и чрезвычайно малые меры, подсчитывать и разделять количество предметов, неподвластное одному индивиду. Духом своим человек научается “видеть” огромные части мира, которые он прежде никогда не видел, не мог к ним прикоснуться, понюхать их, услышать или удержать в памяти. Так за пределами доступного он, сообразно своему вкусу, постепенно создает в своей голове картину мира»¹⁰.

Липман заставляет читателя задуматься над тем, сколь ничтожна доля непосредственных наблюдений по сравнению с данными средств массовой информации. И это — лишь начало той цепи обстоятельств, которые в какой-то степени искажают картину мира в головах людей. Составить себе действительную картину мира — бесперспективное занятие: «Реальное окружение настолько обширно, сложно и изменчиво, что его невозможно охватить непосредственно. Человек недостаточно вооружен, чтобы воспринимать такую точность, такое разнообразие, такие превращения и комбинации. И поскольку приходится действовать в этом мире, мы сначала реконструируем его в более упрощенной модели, прежде чем иметь с ним дело»¹¹. Спустя 50 лет Липман продолжил работу над этой темой, назвав ее «Редукцией сложности».

Единые правила отбора у журналистов

Как происходит эта реконструкция? Строгий отбор того, что сообщать, что должен знать потребитель, организуется в потоке, содержащем много шлюзов. Именно этот поток имел в виду социальный психолог Курт Левин, когда в конце 40-х годов ввел название «вахтер» (gatekeeper)¹² для журналистов. «Вахтеры» решают, что пропустить для общественности, что задержать. Липман пишет: «Всякая газета, приходящая к читателю, есть результат целой серии фильтров...»¹³ Вынуждает к этому обстоятельству крайняя нехватка времени и внимания¹⁴. По данным самого Липмана об исследованиях читательской аудито-

рии, ежедневно читатель уделяет своей газете 15 минут¹⁵. Чутье журналиста — более чем за десять лет до основания американского Института Гэллапа — подсказывает Липману, сколь значимы будут репрезентативные опросы¹⁶. Упреждая одно из главных направлений исследований в коммуникационной науке 50–70-х годов, он объясняет, что журналисты при отборе допускают в качестве «ценных новостей»¹⁷: ясное содержание, которое можно передать без противоречий, чрезвычайные события, конфликты, неожиданности, то, с чем читатель может отождествить себя (т.е. то, что ему близко с точки зрения психологической и географической), личная заинтересованность (то, что может иметь для читателя последствия)¹⁸.

Поскольку критерии отбора у журналистов в значительной мере совпадают, то их сообщения согласуются, что производит на читателя впечатление подтверждающихся известий. Формируется, по словам Липмана, «псевдомир» («pseudo-environment»)¹⁹. Автор, не обвиняя ни публику, ни журналистов, лишь объясняет, откуда берется псевдодействительность, или «промежуточный мир», как его позднее назвал Арнольд Гелен²⁰.

Люди с разными представлениями видят одно и то же по-разному

Наряду с вынужденной редукцией сложности существует «селективное восприятие», разрабатываемое социальной психологией и наукой о коммуникациях с середины 40-х годов в качестве центрального понятия²¹. Селективное восприятие и стремление человека избежать когнитивного диссонанса, т.е. создать непротиворечивое представление о мире, представляют собой второй неизбежный источник искажений в восприятии действительности и искажений в сообщениях. «Я утверждаю, что стереотипная модель в центре нашего кодекса в значительной мере предопределяет, какие группы фактов мы видим и в каком свете мы должны их видеть. Именно по этой причине при наилучших намерениях известия в газете подкрепляют взгляды издателя; капиталист видит одни факты и определенные аспекты человеческой жизни, в то время как его социалистический противник замечает другие факты и

другие аспекты, причем каждый считает другого неразумным и недалеким, хотя действительное различие между ними состоит в различии восприятий»²².

Липман описывает все это, опираясь лишь на собственные наблюдения за прессой. Насколько достовернее были бы его описания в век телевидения, благодаря которому во много раз возрос — по сравнению с оригинальными самостоятельными наблюдениями²³ — объем опосредованно воспринимаемой людьми информации об окружающем мире, пропущенной сквозь призму собственных представлений! Эмоциональные компоненты — что нравится и что не нравится — неотделимые слагаемые изображения и звука: эмоциональные впечатления, вызывающие протест, задерживаются в памяти, если долго отсутствует их рациональное объяснение²⁴, как пишет Липман. Запоздалая дискуссия после выборов 1976 г. в бундестаг развернулась по вопросу о том, способно ли телевидение влиять на климат мнений в течение предвыборной кампании. В данном случае речь не шла о манипуляции мнением: журналисты сообщают о том, что они действительно *видели*; противодействовать же одностороннему воздействию действительности на средства массовой информации можно было, представив публике журналистов различных политических направлений.

Итак, дискуссия 1976 г. оказалась запоздалой, поскольку она могла бы быть развернута до появления книги Липмана. Спустя же 50 лет после выхода в свет этой книги она воспринималась не иначе, как игнорирование Липмана и всех других свидетельств его правоты в коммуникационных исследованиях. «Мы лишь отражаем то, что есть» — эти слова, которыми журналисты обычно объясняют свою деятельность, по сути, невозможны сегодня. Известному лозунгу *Нью-Йорк таймс* «Новость — это то, что можно опубликовать» есть только историческое оправдание. По мнению журналистов, время от времени нужно, чтобы, аналогично известной картинке для выявления психологии восприятия фигуры и фона*, сообщаемые

* Речь идет о восприятии картинки, где изображена то фигура без фона, то фон без фигуры, но в обоих случаях предлагается к осмыслению самостоятельный образ (например, фигура — молодая женщина, фон — старуха). — *Прим. перев.*

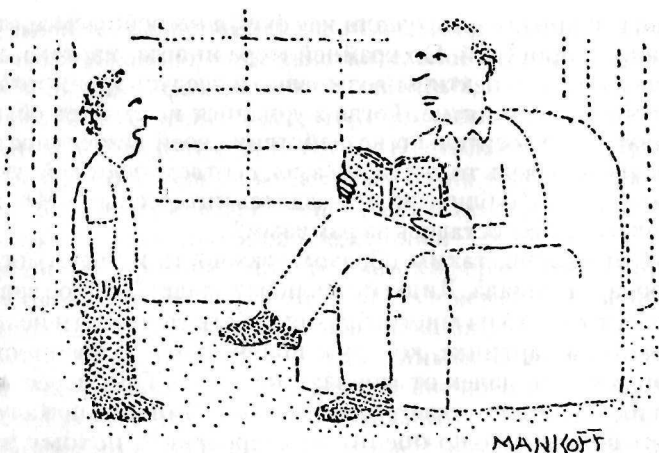
факты и мнения выступали как фон, а несообщаемое становилось фигурой. По крайней мере иногда, изредка, такая смена перспективы возможна, и следует тренировать подобное восприятие. Тогда журналист не сможет обманываться относительно воздействия своей деятельности, говоря: «Но ведь то, что я показал, соответствует действительности», «Публике это показалось интересным». Что же в таком случае осталось за рамками?

Обнаружив, таким образом, важность и значимость отбора материала, Липман заключает далее: многое зависит от того, что из многообразия действительности не показано на картинке, которую получает общественность. При этом он далек от морализирования. При пересказе его идей часто опускают одну деталь — Липман, пожалуй, даже положительно оценивает стереотип²⁵, потому что лишь сильное упрощение позволяет человеку распределить свое внимание на несколько тем, не довольствуясь узким горизонтом.

О чем не сообщают, того не существует

Однако затем Липман настойчиво пытается разъяснить последствия отбора: то, какие упрощенные картины действительности возникают в результате отбора, и *есть* действительность людей, «картинки в нашей голове»²⁶ и *есть* наша реальность. Какова действительность на самом деле, не имеет значения, в расчет берутся лишь наши *предположения* о действительности, лишь они определяют наши ожидания, надежды, устремления, чувства, поступки. В свою очередь наши поступки, будучи реальными, создают новую действительность. Тогда может иметь место так называемое самореализующееся пророчество: предсказание или ожидание осуществляется собственным действием — это одна возможность. Вторая возможность — коллизия: исходящее из ложных предположений действие вызывает совершенно непредсказуемые последствия в необозримой реальности, действительность снова вступает в свои права, и затем — с запозданием и затянувшимся риском — происходит вынужденная коррекция «картин в нашей голове».

«Стереотипы», «символы», «образы», «фантазии», «стандартные версии», «привычные схемы размышле-

«Папа, если в лесу упало дерево, но с телевидения никого не было, чтобы заснять это, упало ли дерево на самом деле?»

(Рисунок Роберта Манкоффа, воспроизведено из «Сатедей Ревью».)

ний» — подобными выражениями Липман осыпает читателя, чтобы объяснить, из какого материала строится то, что он называет «псевдомиром», — блоки, образовавшиеся в результате мощных процессов кристаллизации. «Фантазиями» я называю не ложь²⁷, говорит он. Липман с восхищением подхватывает марксистское понятие «сознание»²⁸. Журналисты могут сообщать о том, что есть в их сознании, читатели могут воссоздать и объяснить мир с помощью сознания, в значительной мере сформированного при участии средств массовой информации. Тот, кто сегодня при сообщении: «Телевидение повлияло на климат мнений в выборах 1976 года» — слышит только то, что журналисты лгали, журналисты манипулировали мнением, остался, в понимании средств массовой информации, на пороге столетия. Нужно, однако, признать следующее: то, что Липман описал мимоходом, коммуникационная наука постигает и разрабатывает постепенно, шаг за шагом, с преодолением препятствий.

«Папа, если в лесу упало дерево, но с телевидения никого не было, чтобы заснять это, упало ли дерево на самом деле?» Эта карикатура в *Сатедей ревью* — отец читает книгу, сидя в кресле, а сын отвлекает его своими вопросами — показывает, что коммуникационные исследования и со-

знание образованных людей сближаются и постепенно достигают уровня, требуемого У. Липманом.

То, о чем не сообщают, не существует, или выскажемся несколько осторожнее: шансы несообщаемого стать частью действительности, воспринимаемой современниками, минимальны.

Объективная реальность, существующая вне нашего сознания, и воспринимаемая, представляемая «псевдореальность» Липмана отражены в названии книги Ганса Маттиаса Кепплингера (1975) в виде понятийной диады: «Real Kultur und medien Kultur» («Реальная культура и культура средств массовой коммуникации»). Культура средств массовой коммуникации — это отбор мира глазами средств массовой информации, и если мир находится вне досягаемости, вне поля зрения человека, то реальность средств массовой информации остается единственным миром человека.

Общественное мнение можно передать лишь с помощью стереотипов

Почему Липман назвал свою книгу «Общественное мнение»? Подсознательно он, как и многие журналисты, убежден, что *опубликованное* мнение и *общественное* мнение по сути одно и то же. По крайней мере в его описаниях границы между ними размыты. Однако где-то в середине своего изложения он обращается к первоначальному значению общественного мнения, дополняя расплывчатое, неясное определение последнего во вводной главе²⁹ новым: «Старая теория утверждает, что общественное мнение представляет собой моральное суждение относительно ряда фактов. Теория, которую я представляю, напротив, говорит, что при современном состоянии воспитания общественное мнение преимущественно является морализированным и кодифицированным вариантом фактов»³⁰. Моральная природа общественного мнения — одобрение и неодобрение — по-прежнему занимает центральное место в его рассуждениях. Но он отходит от традиционного способа ее рассмотрения и предлагает новый подход, который его так увлекает: восприятие фактов фильтруется в моральном отношении через селективный

взгляд, направляемый стереотипами. Видят то, что ожидают увидеть, моральной оценкой руководит эмоционально окрашенный стереотип, символ, фантазия. Усеченное видение, с которым живет каждый человек, — ведущая тема для Липмана. Для нас же высшее достижение Липмана состоит в том, что он показал, как опосредуется общественное мнение, как оно навязывается людям через положительный или отрицательный стереотип, настолько экономичный и однозначно воспринимаемый, что каждый сразу понимает, когда ему надо говорить, а где следует и промолчать. Стереотипы неизбежны, чтобы дать толчок процессам конформизма.

Примечания

- ¹ См.: L u h m a n n N. Öffentliche Meinung. — *Politische Planung*. Aufsätze zur Soziologie von Politik und Verwaltung. Opladen, 1971: Westdeutscher Verlag [Erstveröffentlichung: Politische Vierteljahresschrift, 11. Jg. 1970, Heft 1, S. 2–28; перепечатано в: L a n g e n b u c h e r W. R. (Hg.). Zur Theorie der politischen Kommunikation. München, 1974, S. 27–54, 311–317; L a n g e n b u c h e r W. R. (Hg.). Politik Kommunikation. Über die öffentliche Meinungsbildung. München—Zürich 1979, S. 29–61].
- ² См.: L i p p m a n n W. Public Opinion. New York, 1922. (Далее отсылки даются на переиздание этой работы 1965 г.)
- ³ L i p p m a n n W. Public Opinion. New York, 1965, p. 18.
- ⁴ Ibid., p. 85–88, 66.
- ⁵ См.: *Der Spiegel*, № 19, 22 vom 8. und 29. Mai 1978.
- ⁶ L i p p m a n n W. Op. cit., p. 133.
- ⁷ I h e r i n g R. v o n. Der Zweck im Recht. 2. Band. Leipzig, 1883, S. 180.
- ⁸ L i p p m a n n W. Op. cit., p. 7.
- ⁹ Ibid., p. 8.
- ¹⁰ Ibid., p. 18.
- ¹¹ Ibid., p. 11.
- ¹² См.: L e w i n K. Group Decision and Social Change. — In: N e w c o m b T h. M., H a r t l e y E. L. (Eds.). Redings in Social Psychology. New York, 1947, p. 330–344.
- ¹³ L i p p m a n n W. Op. cit., p. 223.
- ¹⁴ Ibid., p. 59.
- ¹⁵ Ibid., p. 37.
- ¹⁶ Ibid., p. 95–97.

- ¹⁷ Ibid., p. 220; см. также: Schulz W. Die Konstruktion von Realität in den Nachrichtenmedien. Eine Analyse der aktuellen Berichterstattung (Alber-Broschur-Kommunikation, B. 4). Freiburg, 1976.
- ¹⁸ См.: Lippmann W. Op. cit., p. 223, 224, 230.
- ¹⁹ Ibid., p. 16.
- ²⁰ См.: Gehlen A. Zeit-Bilder. Zur Soziologie und Ästhetik der modernen Malerei. Frankfurt—Bonn, 1965, S. 190 f.
- ²¹ См.: Lazarsfeld P. F., Berelson B., Gaudel H. The People's Choice. How the voter makes up his mind in a presidential campaign. New York, 1968; Heider F. Attitudes and Cognitive Organization. — *The Journal of Psychology*, 1946, vol. 21, p. 107–112; Festinger L. A Theory of Cognitive Dissonance. Evanston, Illinois, 1957.
- ²² Lippmann W. Op. cit., p. 82.
- ²³ См.: Roeggele O. B. Massenmedien und Regierbarkeit. — In: Hennis W., Kielmansegg P. G., Matz U. (Hg.). Regierbarkeit. Studien zu ihrer Problematisierung, B. II. Stuttgart, 1979, S. 187.
- ²⁴ Правильность этих наблюдений подтверждена и другими исследователями, см., в частности: Sturm N. S., Haebler R. von, Helmreich R. Medienspezifische Lerneffekte. Eine empirische Studie zu Wirkungen von Fernsehen und Rundfunk (Schriftenreihe des Internationalen Zentralinstituts für das Jugend- und Bildungsfernsehen, H. 5). München, 1972.
- ²⁵ Ibid., S. 42—44.
- ²⁶ Ibid., p. 3.
- ²⁷ Ibid., p. 10.
- ²⁸ Ibid., p. 16.
- ²⁹ Ibid., p. 18.
- ³⁰ Ibid., p. 81—82.

ТЕМАТИЗАЦИЯ КАК ДОСТИЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: НИКЛАС ЛУМАН

Трудно, однако, представить, почему от внимания Липмана ускользнуло то, что Луман впоследствии разрабатывал под названием «общественное мнение», ведь, по сути, оба занимались одним и тем же: изучали процессы согласования мнений в обществе, рассуждали о редукции сложности, возможности коммуникации и действия. По существу, сходства в их разработках так много, что они зачастую различаются лишь терминологически: вместо стереотипов Луман говорит о необходимости найти «слова» — «формулы», чтобы дать толчок процессу формирования общественного мнения¹. Внимание наше быстротечно², лица или темы жестко конкурируют за место в нем; средства массовой информации воспроизводят «псевдокризисы» и «псевдоновости»³, чтобы победить конкуренцию других тем.

Важна оперативность, непосредственная связь с моментом, сиюминутная и безотлагательная — таков процесс общественного мнения. Близость к моде проявляется в использовании большого количества модных слов, утверждение новой темы⁴ подобно созданию нового фасона рукава: впоследствии она исчерпывает себя и устаревает, как может устареть фасон. Кто носит старую модель, тот не идет в ногу со временем. Как и в реальности, модные слова вводят в заблуждение относительно серьезности происходящего.

Доступность темы обсуждения

Луман намного опередил своих предшественников, исследовавших процессы общественного мнения, — Макиавелли, Дж. Локка, Дэвида Юма, Жан-Жака Руссо, а также Липмана. Его не интересует моральный аспект проблемы — одобрение или неодобрение общества. Стереотипы, по его мнению, используются не для того, чтобы четко выявить добро и зло. Они необходимы, чтобы сделать тему «доступной для обсуждения»⁵ предметом дискуссий. Для Лумана функция общественного мнения заключается именно в этом. Система, общество не могут одновременно заниматься обсуждением большого числа тем. С другой стороны, для самого общества жизненно важно обратиться к тем темам, которые стали актуальными, к которым приковывает внимание процесс общественного мнения. За этот короткий период, когда на актуальную тему направлено все внимание, и должно быть найдено ее решение с учетом быстрой смены предметов коммуникации⁶.

Согласно Луману, именно утверждение темы, «тематизация» является достижением общественного мнения. Оно осуществляется по определенным поддающимся анализу «правилам внимания»: сначала тема оглашается «на повестке дня» и становится доступным — благодаря стереотипам — предметом обсуждения, затем вокруг тех или иных взглядов формируются различные позиции, которые, если процесс протекает гладко, окончательно «отшлифовываются» в дискуссиях⁷. Луман предполагает, что «политическая система, базирующаяся на общественном мнении, едина не относительно правил принятия решений, а относительно правил принятия во внимание»⁸, диктующих, что попадает в повестку дня, а что нет.

Такое понимание общественного мнения охватывает лишь кратковременные процессы, жидкие агрегатные состояния, как их обозначил Тённис. «Вязкие» процессы — длящиеся десятилетиями или даже столетиями, по Токвилю, типа стремления людей к равенству или их отношения к смертной казни, к наказанию вообще — здесь не затрагиваются. «Когда все сказано, тема исчерпана»⁸, — пишет Луман. Журналисты сказали бы: тема умерла. Однако это весьма устойчивое в среде журналистов представление: «Когда все сказано...» — вовсе не соответствует тому

участию, которое принимает в процессе общественного мнения инертное население.

Монографические исследования общественного мнения показали бы, что описанный Луманом размеренный порядок — сначала актуальная тема предлагается общему вниманию, затем формируются точки зрения — явление редкое. Гораздо чаще тема проталкивается в социальное поле силами партии. Этот процесс Луман неодобрительно именуется «манипуляцией», считая, что он возможен в результате *односторонней* коммуникации, специально технически обусловленной средствами массовой коммуникации⁹. Слияние темы и мнения — когда в какой-то период времени *можно* иметь только *одно* мнение по определенной теме — Луман назвал «общественной моралью»¹⁰. Это выражение применимо к тем мнениям, которые, согласно нашей концепции, мы должны высказывать публично, если не хотим оказаться в изоляции. Луман наполняет общественное мнение иным, выводимым из системной теории содержанием.

Средства массовой информации определяют повестку дня

Нетрудно определить значение стереотипов У. Липмана в качестве основы общественного мнения в нашем понимании. Точно так же, исходя из представления Лумана о функциях общественного мнения в системе, мы можем оценить его вклад в понимание этого феномена. Он открывает нам глаза на важную фазу структурирования внимания — «тематизацию» — в процессе формирования общественного мнения и тем самым не оставляет сомнений в значении средств массовой информации, способных обеспечить эту тематизацию лучше.

К аналогичному результату, но совершенно иными путями и независимо от Лумана пришли американские исследователи, изучавшие влияние средств массовой коммуникации на распространение общественного мнения¹¹. Сравнивая хронологически тематические акценты в средствах массовой коммуникации, действительные статистически зафиксированные изменения и взгляды населения относительно актуальных задач политики, они выя-

вили, что средства массовой информации, как правило, «наталкивались» на темы и выдвигали их на повестку дня, опережая события во времени. Американские исследователи называли это явление «agenda-setting function», что означает: функция средств массовой информации в определении повестки дня.

Примечания

- ¹ См.: L u h m a n n N. Öffentliche Meinung. Politische Planung, Aufsätze zur Soziologie von Politik und Verwaltung. Opladen, 1971, S. 18 [Erstveröffentlichung: Politische Vierteljahresschrift, 11. Jg., 1970, Heft 1, S. 2–28; перепечатано в: L a n g e n b u c h e r W. R. (Hg.). Zur Theorie der politischen Kommunikation. München, 1974, S. 27–54, 311–317; L a n g e n b u c h e r W. R. (Hg.). Politik und Kommunikation. Über die öffentliche Meinungsbildung. München—Zürich, 1979, S. 29–61, S. 9–34].
- ² См.: L i h m a n n N. Öffentliche Meinung, S.
- ³ Ibid., S. 25.
- ⁴ Ibid., S. 18.
- ⁵ Ibid., S. 24.
- ⁶ Ibid., S. 18–19.
- ⁷ Ibid., S. 12.
- ⁸ Ibid., S. 16.
- ⁹ Ibid., S. 13–14.
- ¹⁰ Ibid., S. 14.
- ¹¹ См.: M c C o m b s M. E., S h a w D. L. The Agenda-Setting Function of Mass Media. — *Public Opinion Quarterly*, 1972, vol. 36, p. 176–187; F u n k h o u s e r G. R. The Issues of the Sixties: An Exploratory Study in the Dynamics of Public Opinion. — *Public Opinion Quarterly*, 1973, vol. 37, p. 62–73; M c L e o d J. M., B e c k e r L. B., B y r n e s J. E. Another Look at the Agenda-Setting Function of the Press. — *Communication Research*, 1974, 1, p. 131–166; B e n i g e r J. R. Media Content as Social Indicators. The Greenfield Index of Agenda-Setting. — *Communication Research*, 1978, 5, p. 437–453; K e p p l i n g e r H. M., R o t h H. Kommunikation in der Ölkrise des Winters 1973/74. — *Publizistik*, 1978, Jg. 23, Heft 4, S. 377–428; K e p p l i n g e r H. M., H a c h e n b e r g M. The Challenging Minority. A Study in Social Change. Lecture at the annual conference of the International Communication Association. Philadelphia, May 1979; K e p p l i n g e r H. M. Kommunikation im Konflikt. Gesellschaftliche Bedingungen kollektiver Gewalt. Mainzer Universitätsgespräche. Mainz, 1980.

ПРИВИЛЕГИЯ ЖУРНАЛИСТОВ — ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПУБЛИЧНОСТИ

«Со спиралью молчания я сталкивалась в своем клубе», «наблюдала это явление в спортивном клубе», «на нашем предприятии дело обстоит так же» — подобные слова одобрения или согласия с концепцией спирали молчания можно услышать часто на самых различных дискуссиях. Действительно, существует немало возможностей наблюдать за конформным поведением человека. Опыт малых групп, с которыми имеет дело каждый человек, — это составная часть процесса формирования общественного мнения; совпадающий опыт в различных группах позволяет предположить, что «все» думают так. Но при этом каждый раз сохраняется момент неповторимости: поскольку спираль молчания развивается *публично*, силу, неодолимость процессу дает участие в нем общественности. Элемент же публичности наиболее эффективно приносят в него средства массовой информации, олицетворяя собой общественность — широкую, анонимную, неприступную, не поддающуюся влиянию.

Чувство бессилия по отношению к средствам массовой коммуникации

Коммуникацию можно классифицировать как одностороннюю или двустороннюю (разговор, например, — двусторонняя коммуникация), прямую или опосредованную (разговор — разновидность прямой), публичную или час-

тную (разговор, как правило, частная коммуникация). Средства массовой коммуникации — это односторонняя, опосредованная, публичная коммуникация. Массовая коммуникация противоположна естественной человеческой коммуникации — разговору. Вот почему индивид бессилен перед средствами массовой информации. Когда население спрашивают, кто в современном обществе обладает слишком большой властью, на одно из первых мест всегда выдвигаются средства массовой коммуникации¹. Это бессилие вызывается двумя способами. Во-первых, когда какое-то лицо пытается привлечь к себе общественное внимание, в понимании Лумана, однако средства массовой информации не предоставляют ему трибуны в ходе отбора. То же самое происходит, когда общественное внимание стремятся сфокусировать на какой-то идее, сообщении, перспективе. В таких случаях бессилие человека иногда дает о себе знать в отчаянных выходах перед теми, кто преграждает доступ к общественности: в картинной галерее Мюнхена заливают чернилами картину Рубенса, в Амстердаме безжалостно уродуют кислотой полотно Рембрандта или, скажем, угоняют самолет, чтобы привлечь внимание к своему заявлению.

Во-вторых, средства массовой коммуникации могут выступить в роли позорного столба: индивид, «преподнесенный» в негативном свете печатью или телевидением, выставлен на обозрение огромной безликой общественности. Он не может ни защитить себя, ни оказать достойное сопротивление; при «негативном освещении» индивид предстает слабым, неуклюжим по сравнению с убедительными сообщениями позитивного характера профессионалов. И поэтому, если человек, не принадлежащий к тесному кругу журналистской братии, добровольно решается выступить в телевизионном ток-шоу^{*} или дать интервью, он заведомо «кладет свою голову в пасть тигру».

* Ток-шоу (talk-show) — телевизионная развлекательная передача, организованная в форме беседы двух или нескольких человек на интересующую многих тему. — *Прим. перев.*

Новый подход в исследованиях эффективности средств массовой коммуникации

Общественность узнаваема с двух позиций: с позиции индивида, испытавшего ее воздействие в позитивном или негативном плане, как это было описано выше, и в развитии коллективного события, когда сотни тысяч, миллионы людей, наблюдая за своим окружением, соответственным образом проявляли себя (отмалчивались или высказывали свою точку зрения) и тем самым создавали широкомасштабный климат мнений, общественное мнение. Информация о последнем поступает к нам из двух источников: индивидуальных непосредственных оригинальных наблюдений за своим окружением и образов среды, сформированных средствами массовой коммуникации, сегодня в первую очередь телевидением, в распоряжении которого больше возможностей — по сравнению с другими коммуникационными механизмами — донести до зрителя собственное мнение тележурналистов и опосредованное наблюдение за средой в ярких картинах и звуках. «Добрый вечер», — говорит метеоролог в начале телевизионной сводки погоды. «Добрый вечер», — говорили мне незнакомые люди в гостинице, где я жила во время своего отпуска.

Вопрос о влиянии средств массовой информации на процесс формирования общественного мнения долгое время обсуждался вслепую. Как правило, исследователи предпочитали усматривать прямую связь между выступлениями коммуникационных средств и их воздействием на массы, т.е. между высказыванием в печати, по ТВ и т.п. как причиной, побудившей к обмену взглядами, и изменением или усилением мнения у читателей, слушателей, зрителей — как следствием. При этом нам обычно воспроизводят знакомую процедуру беседы между двумя ее участниками: один собеседник что-то говорит, другой соглашается с ним или возражает ему. Однако реальность воздействия средств массовой коммуникации намного сложнее, она весьма далека от модели простой беседы. Об этом и говорит в своей книге У. Липман, показывая, как средства массовой коммуникации путем многократных повторов «чеканят» стереотипы — своего рода строительный

материал при возведении «промежуточного мира» между людьми и объективным внешним миром, а именно «псевдодействительности». Особая роль в этом процессе отводится функции формулировке «повестке дня», которую выполняет общественное мнение, вооружившись средствами массовой информации: четко сформулировать, что актуально, к какому вопросу привлечь всеобщее внимание.

Благодаря средствам массовой информации мы можем проследить, как они влияют на представления индивида, и сделать вывод, что можно говорить и делать, не подвергаясь изоляции. Кроме того, с их помощью мы наглядно воспринимаем то, как произносятся слова. Это возвращает нас к исходной точке анализа спирали молчания — к «железнодорожному» тесту как ситуативной модели формирования общественного мнения малой группы, ячейки общества, путем участия в разговоре и отмалчивания. Попытаемся установить прежде всего, как индивид из средств массовой коммуникации узнает о климате мнений.

Публичность расширяет границы приемлемого

Каждый из тех, кому довелось в свое время прочитать публикацию «Мескалеро-Нахруфс» или ее многочисленные репринты по поводу убитого террористами в 1977 г. федерального прокурора Бубака или слышал об этом на шумевшем убийстве, знал, что речь, собственно, шла не просто об ознакомлении с документами людей из лучших побуждений — дать им возможность самим судить о деле. Благодаря перепечаткам удалось значительно расширить аудиторию читателей анонимно опубликованного текста — он стал известен массам. Ощутимые слова неодобрения, звучащие в нем, лишь слегка замаскированные, сигнализировали, что можно публично выразить тайную радость от известия об убийстве федерального прокурора, не оказавшись в изоляции.

Так бывает всегда, когда достоянием общественности становится неодобряемое по разным причинам поведение без признаков приговора к позорному столбу — последний обычно всегда легко заметить. Нарушающее нор-

мы поведение, которому придается широкая огласка без атмосферы осуждения, становится «приемлемым»: все видят, что такое поведение не приводит к изоляции. Усердие же, с которым пытаются завоевать «понимание» у публики относительно нарушений правил, как правило, обосновывается в таких случаях ослаблением общепринятой нормы.

Примечание

- ¹ См.: *Allensbacher Archiv*, IfD-Unaragen, 2173 (Januar 1976) und 2196 (Februar 1977). «Просмотрите, пожалуйста, этот список. Какое из указанных средств массовой информации оказывает, по Вашему мнению, наибольшее влияние на политическую жизнь ФРГ?» Соответственно 31 и 29% опрошенных отдали телевидению третье место в обоих опросах. Газеты оказались в этом перечне на девятом и десятом местах (соответственно 21 и 22% опрошенных).

СРЕДСТВА МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Весной 1976 г., за полгода до выборов в бундестаг, был впервые разработан инструментарий для демоскопического исследования, позволявший в соответствии с теорией спирали молчания наблюдать за развитием климата мнений и формированием избирательских намерений. Он включал в себя: повторное интервьюирование репрезентативной выборки избирателей, так называемый панельный опрос; нормальные репрезентативные опросы для текущего наблюдения, а также два репрезентативных опроса журналистов и видеозапись политических передач двух телевизионных программ. Исследование осуществлялось Алленсбахским институтом демоскопии совместно с Институтом публицистики Майнцкого университета. Здесь описывается лишь небольшой его фрагмент — организация эмпирического исследования с помощью спирали молчания¹.

Самыми важными вопросами, с которых и началась наша работа в 1965 г. перед выборами в бундестаг, мы считали вопросы, позволяющие выявить намерения и позицию респондентов: кто победит на выборах? Готов ли опрашиваемый публично признаться в своих партийных симпатиях? Интересуется ли он политикой? Каковы его контакты со средствами массовой информации? Как часто он читает газеты и журналы, смотрит программы ТВ, особенности политические передачи?

Выборы 1976 г. — климат мнений резко изменился

В июле 1976 г. во время летних отпусков Алленсбахский институт демоскопии получил анкеты второго опроса «панели» из 1000 репрезентативно выбранных избирателей. Вспоминаю буйство зелени виноградников — в те безоблачные погожие дни я находилась в Тессине (Швейцария), — контрастирующей с гранитным столом с установленным на нем компьютером и разложенными повсюду таблицами — за несколько месяцев до выборов не время прерывать работу. Одно было ясно: важнейший вопрос измерения климата мнений — вопрос о наблюдениях за окружением («Никто не может знать этого заранее, но кто, по Вашему мнению, победит на предстоящих выборах в бундестаг, кто наберет больше голосов — ХДС/ХСС или СПГ/СвДП?») — выявил драматическое ухудшение климата мнений для ХДС/ХСС. В марте 1976 г. участники панельного опроса предсказывали победу ХДС/ХСС с преимуществом в 20%. Теперь же настроения избирателей резко изменились: разрыв в шансах на победу между ХДС/ХСС и СПГ/СвДП сократился до 7%. Чуть позже СПГ/СвДП уже опережали бывших лидеров опроса (см. табл. 21).

Таблица 21

ВЕСНОЙ 1976 Г. — В ГОД ВЫБОРОВ В БУНДЕСТАГ — КЛИМАТ МНЕНИЙ ДЛЯ ХДС/ХСС ИЗМЕНИЛСЯ В ХУДШУЮ СТОРОНУ, %

<i>Вопрос: «Никто этого не может знать заранее, но все же кто, по Вашему мнению, победит на предстоящих выборах в бундестаг, кто наберет больше голосов: ХДС/ХСС или СПГ/СвДП?»</i>			
	март 1976 г.	июль 1976 г.	сентябрь 1976 г.
ХДС/ХСС	47	40	36
СПГ/СвДП	27	33	39
Затрудняются ответить	26	27	25
<i>n =</i>	100 1052	100 925	100 1005

Источник: Алленсбахский архив, опросы Института демоскопии 2178, 2185, 2189. Отражены ответы населения старше 18 лет, включая Западный Берлин.

Таблица 22

ИЗ СОБСТВЕННЫХ НАБЛЮДЕНИЙ ЗА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ
НЕ СКЛАДЫВАЛОСЬ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОБ ОСЛАБЛЕНИИ
ГОТОВНОСТИ ДЕМОНСТРИРОВАТЬ СВОИ СИМПАТИИ У
СТОРОННИКОВ ХДС/ХСС (ВЕСНА—ЛЕТО 1976 Г.), %

<i>Вопрос: «Если бы Вас спросили о Вашем желании и готовности поддержать партию, которая Вам ближе всего по Вашим убеждениям, например что-нибудь из того, что перечислено на этих карточках (предъявляется набор карточек с вариантами ответов), что бы Вы выбрали?»</i>				
	Сторонники ХДС/ХСС		Сторонники СПГ	
	март	июль	март	июль
Принял бы участие в собрании партии	53	47	52	43
Принял бы участие в дискуссии на партийном собрании, если бы это было важно для меня	28	25	31	23
Приклеил бы картинку с символикой партии на машину	18	25	26	24
Позицию этой партии отстаивал бы на собраниях других партий	22	20	24	16
Носил бы значок партии	17	17	23	22
Помог бы в распространении пропагандистских материалов	17	16	22	14
Пожертвовал бы деньги в кассу партии на проведение предвыборной кампании	12	12	10	11
Участвовал бы в уличной дискуссии и агитировал бы за эту партию	14	11	19	15
Пошел бы расклеивать плакаты этой партии	11	9	13	10
Наклеил бы плакат этой партии на своем доме или вывесил бы в окне	10	9	8	6
Ходил бы по домам и агитировал людей за эту партию	4	4	5	3
Не делал бы ничего из перечисленного	38	39	34	43
<i>n =</i>	224 468	234 444	267 470	230 389

Источник: Алленсбахский архив, опрос Института демоскопии 2178, 2185.

Сначала я предположила, что сторонники ХДС/ХСС вели себя так же, как в 1972 г., — молчали в условиях публичности, не обнаруживая своих позиций до начала предвыборной борьбы. Я знала, что руководители предвыборных кампаний всех партий, в том числе и ХДС/ХСС, пытались объяснить своим сторонникам необходимость и важность обнародования их симпатий, но, как говорится, человек пуглив и осторожен... По телефону я запросила из Алленсбаха данные о готовности респондентов к публичному признанию своих симпатий. Итог оказался загадочным, он не соответствовал теории. В июле активность сторонников СПГ упала по сравнению с мартом. На вопрос, что они сделали бы для своей партии, будь у них такая возможность, «ничего из предложенного» — так они ответили (в марте — 34%, в июле — 43%), в то время как данные по сторонникам ХДС/ХСС практически не изменились за этот период (в марте ничего не собирались предпринимать 38% избирателей, в июне — 39%). «Убывающая» готовность обнародовать свои симпатии у сторонников ХДС/ХСС не могла объяснить изменившийся климат мнений (см. табл. 22).

Глазами телевидения

Вспомнив о двух источниках наблюдения за формированием общественного мнения — непосредственном наблюдении индивида за действительностью и наблюдении за окружающими с помощью средств массовой информации, — я запросила в Алленсбахе данные о динамике изменений общественного мнения в зависимости от того, много или мало газет читают респонденты, как часто они смотрят телевизионные передачи. Когда результаты оказались на моем рабочем столе в Тессине, все выглядело довольно просто, как в учебнике. Именно те, кто чаще наблюдал за действительностью «глазами телевидения», ощутили смену климата мнений (см. табл. 23).

Неоднократные проверки подтвердили наши предположения, что телевидение, фильтруя действительность, изменило климат мнений в выборном 1976 г.² Но вопрос о том, как создается впечатление об изменившемся климате мнений, по-прежнему остается практически мало исследованной областью.

В СООТВЕТСТВИИ СО ВТОРЫМ ИСТОЧНИКОМ
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ —
ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ ТЕЛЕЗРИТЕЛЯ — ПРИ РЕГУЛЯРНОМ
ПРОСМОТРЕ ТЕЛЕПРОГРАММ КЛИМАТ МНЕНИЙ
ДЛЯ ХДС/ХСС УХУДШИЛСЯ. ЛЮДИ, КОТОРЫЕ РЕДКО СМОТРЯТ
ТЕЛЕПЕРЕДАЧИ, НЕ ЗАМЕЧАЮТ УХУДШЕНИЯ КЛИМАТА
ДЛЯ ХДС/ХСС (ЗА ПЕРИОД ВЕСНА — ЛЕТО 1976 Г.), %

Вопрос: «Никто этого не может знать заранее, но кто, по Вашему мнению, победит на предстоящих выборах в бундестаг, кто наберет больше голосов — ХДС/ХСС или СПГ/СвДП?»				
	Люди, которые часто смотрят политические передачи по телевидению		Люди, которые редко или никогда не смотрят политические передачи по телевидению	
Всего	март	июль	март	июль
ХДС/ХСС	47	34	36	38
СПГ/СвДП	32	42	24	25
Затрудняются ответить	21	24	30	37
	100	100	100	100
n =	175		178	
Политически заинтересованные				
ХДС/ХСС	49	35	26	44
СПГ/СвДП	32	41	26	17
Затрудняются ответить	19	24	48	49
	100	100	100	100
n =	144		23	
Политически не заинтересованные				
ХДС/ХСС	39	26	39	37
СПГ/СвДП	32	45	23	26
Затрудняются ответить	29	29	38	37
	100	100	100	100
n =	31		95	

Источник: Алленсбахский архив, опрос Института демоскопии
2178/2185.

Журналисты не манипулируют сознанием, они сами заблуждаются

Чтобы приблизиться к решению этой загадки, были проанализированы опросы журналистов и видеозаписи политических телепередач в выборном году. Если исходить из тезисов У. Липмана, тот факт, что активные телезрители заметили «убывающие» шансы ХДС/ХСС, совсем не удивляет. Журналисты действительно не видели шансов для победы ХДС/ХСС; в мире, который они отражали на основании своих убеждений, практически отсутствовала возможность победы ХДС/ХСС на выборах в бундестаг в 1976 г. В реальности оба политических лагеря были почти уравновешены в силах. В день выборов 3 октября 1976 г. ХДС/ХСС могла бы выиграть, если бы 350 тыс. из 38 млн. избирателей отдали свои голоса этой партии вместо СПГ и СвДП. При объективно правильной оценке обстоятельств на вопрос: «Кто, по Вашему мнению, победит на выборах?» — журналисты, скорее всего, должны были бы ответить: «Пока что неясно». Но более 70% из них ответили, что победит коалиция СПГ/СвДП, и лишь 10% ожидали успеха ХДС/ХСС. Окружающее воспринималось ими совершенно иначе, и если прав Липман, то журналисты могли показать мир таким, каким его видели сами. Это означает, что население получило два различных взгляда на действительность — «собственные впечатления о ней и увиденное с помощью телевидения. Возник завораживающий феномен — двойной климат мнений» (см. табл. 24).

Почему население и журналисты представляли арену предвыборной борьбы столь по-разному? Избиратели летом 1976 г. считали более вероятной победу ХДС/ХСС, чем успех СПГ/СвДП.

Причина такого расхождения в оценках шансов на победу состоит в том, что журналисты значительно отличались от населения в целом по своим партийным пристрастиям, которые и определяли точку зрения, как это описывал Липман. Приверженцы СПГ и СвДП находили больше признаков победы своих партий, сторонники ХДС/ХСС — своих. Такая расстановка сил справедлива для всех категорий избирателей в 1976 г.: и для населения, и для журналистов. Поскольку симпатии населения рас-

Таблица 24

ЖУРНАЛИСТЫ ВИДЯТ
ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ ИНАЧЕ,
ЧЕМ НАСЕЛЕНИЕ. ПОВЛИЯЛО ЛИ ИХ СОБСТВЕННОЕ
ВОСПРИЯТИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
НА ЕЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ
СРЕДСТВАМИ ТЕЛЕВИДЕНИЯ?, %

Вопрос: «Этого никто не может знать заранее, но кто, по Вашему мнению, победит на предстоящих выборах в бундестаг, кто наберет больше голосов — ХДС/ХСС или СПГ/СвДП?»				
	июль 1976 г.			
	Население старше 16 лет		Аллесбахский опрос журналистов	
ХДС/ХСС	40		10	
СПГ/СвДП	33		76	
Затрудняются ответить	27		14	
$n =$	100 1265		100 100	
	август 1976 г. Население		июль 1976 г. Журналисты	
Намерение голосовать за				
ХДС/ХСС	49		21	
СПГ	42	50	55	79
СвДП	8		24	
Другие партии	1		x	
$n =$	100 1590		100 87	

Источник: Алленсбахский архив. Верхняя часть таблицы — опросы Института демоскопии 2185, 2187. Параллельный опрос журналистов, проведенный совместно с Институтом публицистики Университета в Майнце, дал 73% ожидающих победу СПГ/СвДП, 15% — ХДС/ХСС, 12% затруднились ответить. База: 81 случай. Нижняя часть таблицы: опросы Института демоскопии 3032 и 2187. Представлены ответы респондентов с определенными партийными предпочтениями; x — менее 0,5%.

пределились поровну между ХДС/ХСС и СПГ/СвДП, а у журналистов они вылились в соотношение 1:3, то и те и другие, естественно, видели преимущества этих партий по-разному.

Расшифровка языка «экран-сигнал»

Так началось наше исследование неизведанной области — передачи зрителям журналистского восприятия действительности через экран и звук. Мы внимательно изучили подходы к решению этой проблемы исследователями коммуникаций в Америке и Англии, Швеции, Франции, но не нашли там ответа. С этой же целью мы организовали семинар для студентов, профессоров и ассистентов, одновременно проверяя самих себя. Мы просматривали телевизионные записи (партийных съездов, интервью с политиками) и, не обмениваясь информацией друг с другом, сразу же заполняли вопросники о том, какое впечатление на нас производили увиденные сцены, отдельные их участники. Если наши мнения по дешифровке таких «визуальных посланий» во многом совпадали, мы пытались выяснить, какие образы, знаки создали определенное впечатление. Наконец, пригласив известных исследователей средств массовой информации (Перси Танненбаума из Университета Беркли, Калифорния, Курта Ланга и Глэдис Энжел Ланг из Университета Стоуни Брук в Нью-Йорке) в Институт публицистики Майнцского университета, мы показали им видеозаписи политических передач по телевидению в 1976 г., попросив их прокомментировать увиденное. П. Танненбаум предложил опросить операторов — какие средства визуального наблюдения они используют для достижения определенного эффекта, другими словами: как они оценивают возможности воздействия различной съемочной техники на создание впечатления? Эта исследовательская идея была осуществлена в 1979 г. Чуть больше половины опрошенных нами операторов (мы получили обратно 151 анкету, что соответствовало 51% откликнувшихся на наш вопрос) ответили следующим образом: 78% операторов считали «вполне возможным» и 22% «возможным», что «чисто оптическими средствами они могут добиться особо положительного или особо от-

рицательного впечатления о том или ином человеке». Как это достигается?

Одинаковые ответы были получены в одном случае: две трети операторов стали бы снимать политика, которого они высоко ценят, на уровне глаз (фронтальная съемка), потому что, по их мнению, это вызывает «симпатию» и создает впечатление «спокойствия», «непринужденности». Однако никто не стал бы снимать его «со строго вертикальной позиции сверху» («перспектива птичьего полета») или «строго горизонтально снизу» («перспектива лягушки»), так как это вызовет скорее «антипатию», создаст впечатление «слабости», «пустоты».

После этого рабочая группа Института публицистики Майнцского университета во главе с профессором Г.М. Кепплингером проанализировала отчеты двух телевизионных программ ARD и ЦДФ о выборах — с 1 апреля по 3 октября 1976 г. О результатах этого исследования Г.М. Кепплингер доложил на Конгрессе политологов в Аугсбурге осенью 1979 г.³, который проходит ежегодно. «На экране Шмидт выглядел лучше, чем Коль» — так называлось сообщение о докладе, опубликованное 1 ноября 1979 г. во *Франкфуртер рундшау*. В нем, в частности, говорилось:

«Анализ сообщений по обеим телевизионным системам... показал... что политики коалиции чаще появлялись на экране, чем лидеры оппозиции; использовался практически одинаковый тип камеры при съемках всех политиков: в большинстве случаев — фронтальная съемка, иногда перспектива “лягушки” и “птичьего полета”.

Иначе обстояло дело со съемками двух главных кандидатов — Гельмута Шмидта (СПГ) и Гельмута Коля (ХДС). Съемки производились каждый раз под новым ракурсом. Так, Г. Шмидт был показан 31 раз в «перспективе лягушки» или в «перспективе птичьего полета», т.е. показан камерой с нижней или верхней точки, Г. Коль — 55 раз.

Ученые Майнцского университета попытались выяснить, кто отвечает за выбор ракурса камеры. Проведенный Вилли Лодерхозе опрос операторов показал, что, по словам почти каждого второго из них (46%), он сам выбирал ракурс показа, но 52% признались, что решали этот вопрос совместно с ответственным за выпуск передачи журналистом»⁴.

Далее *Франкфуртер рундшау* сообщала своим читателям: «Исследовалось оптическое и акустическое изображение реакций публики — жесты, аплодисменты, выкрики, другие спонтанные проявления внимания и интереса публики...»

АРД и ЦДФ в своих передачах гораздо чаще показывали публику, отвергающую кандидата оппозиции, чем оппонентов, т.е. тех, кто выступает против коалиции...

При экранной передаче реакции публики решающее значение имеет выбор соответствующего ракурса — своего рода «картинки», посредством которой можно усилить или ослабить впечатление (например, эффект аплодирующей публики). Можно дать общий план публики, показать какую-то ее часть, маленькие группы или отдельные лица. Чем больше людей на экране, тем сдержаннее передаваемое впечатление, чем меньше людей в «картинке», тем интенсивнее впечатление.

Майнцское расследование, согласно Кешплингеру, выявило, что оба телевизионных агентства чаще показывали аплодисменты публики за кандидата коалиции полуобщим и крупным планом, чем аплодисменты сторонников кандидата оппозиции.

В 1989 г. (10 лет спустя) исследование неизведанной области — передачи зрителям восприятия тележурналистов через изображение и звук — продолжалось, но уже в более спокойной обстановке: улеглось возмущение тем, что операторы и монтажеры стали объектом научного эксперимента. Публикации результатов этих исследований не позволяют сомневаться в том, что операторская работа и монтаж отснятого материала влияют на представление зрителей о действительности; но они были изложены в декларативно-официальном тоне и не вызвали особых эмоций⁵.

Ни одни выборы в бундестаг не оказались столь скупы на результаты, как выборы 1976 г. Об эффективности средств массовой информации в воздействии на климат мнений вспоминают с горькими сетованиями лишь тогда, когда любое, даже незначительное его изменение имеет решающее значение для завоевания нескольких сотен тысяч голосов избирателей. Исход выборов в бундестаг 1980 г., когда развернулась борьба между кандидатами Гельмутом Шмидтом и Францем Йозефом Штраусом,

был предreshен с самого начала. Для коммуникационных исследований, пытающихся расшифровать воздействие изобразительного языка телевидения на зрителя, отсутствие общественного интереса к передачам оказалось благоприятным. Одно из них было выполнено Михаэлем Остертагом, посвятившим свой диплом⁶, а затем и диссертацию, успешно защищенную в Майнцском институте публицистики, изучению феномена влияния партийных симпатий журналистов на политиков, у которых они берут телеинтервью, и впечатления, которое политики производят на публику. Главное внимание при этом он сконцентрировал на изобразительном языке ТВ. В эксперименте с 40 телеинтервью во время предвыборной кампании 1980 г., участниками которых были Г. Шмидт, Г. Коль, Ф.Й. Штраус и Ф. Геншер, Остертаг и его коллеги приглушали звук, желая избежать влияния аргументации выступавших кандидатов, а также невербальных компонентов их речи (тональность, интонации, паузы). Для них важно было только видимое.

Чтобы зафиксировать «язык тела» — мимику, жесты, осанку — все то, что воздействует на человека на расстоянии, потребовались новая методика и инструментарий. В этом плане можно было опираться на разработки психологов (Филиппа Лерша⁷) 50-х годов, использовать заметки пантомима Сэми Моляхо⁸, работы Зигфрида Фрея и других исследователей⁹ 70–80-х годов, а также результаты исследований американских ученых. Исходя из своих задач, Остертаг сравнил мимику и жестикуляцию четырех видных политиков в зависимости от того, журналист какой политической ориентации их интервьюировал: близкой или противоположной им по своим взглядам и интересам.

Оказалось, что типичная мимика и жестикуляция четырех крупнейших политиков оставались неизменными в основных чертах. Изменялась интенсивность проявления некоторых особенностей частного характера: ритмичное раскачивание из стороны в сторону во время произнесения речи, отчетливый взгляд, устремленный на собеседника или куда-то в сторону, которые камера оператора фиксировала несколько дольше. Эти усиления, по всей видимости, были несимпатичны зрителям.

Остертаг выявил, что политик производит менее благоприятное впечатление, когда беседует с журналистом иной политической ориентации. Все участвующие в этом эксперименте политики, независимо от того, о ком из четверых конкретно шла речь, у которых, по-видимому, сложились хорошие отношения с интервьюером-журналистом, производили более благоприятное впечатление, чем те, кто спорил с интервьюером¹⁰.

Напротив, на мнениях зрителей о журналистах не сказываются допущенные ими противоречия в интервью; противоречить и наступать входит в роль журналиста. Кроме того, политики, беседовавшие с журналистом одной политической ориентации¹¹, в целом производили на зрителей более благоприятное впечатление, чем при интервью журналисту из другого политического лагеря. Всем своим видом они подчеркивали свою отчужденность: оттопыренные локти, взгляд, избегающий собеседника, закинутая нога на ногу, как бы образовавшая некий барьер перед ним...¹² Таким образом, М. Остертагу удалось выявить некоторые моменты, влияющие на наше мнение о политике, которому мы внимаем с экрана телевизора. Однако они не дали полной картины того, как климат мнений передается через телевидение.

Примечания

¹ См.: Noelle - Neumann E. Das doppelte Meinungsklima. Der Einfluss des Fernsehens im Wahlkampf 1976 — Politische Vierteljahresschrift, 18, 1977, № 2—3, S. 408—451; перепечатано в: Wahlentscheidung in der Fernsehdemokratie. Freiburg—Würzburg, 1980, S. 1980, S. 77—115; Noelle - Neumann E. Kampf um die öffentliche Meinung. Eine vergleichende sozialpsychologische Analyse der Bundestagswahlen 1972 und 1976. — In: Just D., Röhrig P. (Hg.). Entscheidung ohne Klarheit: Anmerkungen und Materialien zur Bundestagswahl 1976 (Schriftenreihe der Bundeszentrale für politische Bildung, B. 127). Bonn, 1977, S. 125—167; Kepplinger H. M. Ausgewogen bis zur Selbstaufgabe? Die Fernsehberichterstattung über die Bundestagswahl 1976 als Fallstudie eines kommunikationspolitischen Problems. — Media Perspektiven, 1979, Heft 11, S. 750—755; Kepplinger H. M. Optische Kommentierung in der Fernsehberichterstattung über der Bundestagswahlkampf 1976. — In: Ellwein Th. (Hg.). Politikfeld-Forschung, 1979. Opladen, 1980, S. 163—179.

² См.: Noelle - Neumann E. Das doppelte Meinungsklima, S. 408—451; S. 77—115; Noelle - Neumann E. Kampf um die öffentliche Meinung, S. 125—167.

- ³ CM.: Kepplinger, H. M. Ausgewogen bis zur Selbstaufgabe? Die Fernsehberichterstattung über die Bundestagswahl 1976 als Fallstudie eines kommunikationspolitischen Problems. — *Media Perspektiven*, 1979, Heft 11, S. 750–755; Kepplinger H. M. Optische Kommintierung., S. 163–179.
- ⁴ Mreschar R. I. Schmidt war besser im Bild als Kohl. Universität analysierte Kameraarbeit bei der TV-Berichterstattung vor der Bundestagswahl 76. — *Frankfurter Rundschau*, 1979, № 255, 1. November 1979, S. 26.
- ⁵ CM.: Kepplinger H. M. Darstellungseffekte. Experimentelle Untersuchungen zur Wirkung von Pressefotos und Fernsehfilmen. Freiburg, München, 1987; Kepplinger H. M. Nonverbale Kommunikation: Darstellungseffekte. — *Fischer Lexikon Publizistik — Massenkommunikation*, hg. von Elisabeth Noelle-Neumann, Winfried Schulz, Jürgen Wilke. Frankfurt/Main, 1989, S. 241–255.
- ⁶ CM.: Ostertag M. Nonverbales Verhalten im Fernseheninterview. Entwicklung eines Instruments zur Erfassung und Bewertung nichtsprachlicher Äußerungen von Politikern und Journalisten. Magisterarbeit. Mainz, 1986.
- ⁷ CM.: Lersch Ph. Gesicht und Seele. Grundlinien einer mimischen Diagnostik. München, Basel, 1951.
- ⁸ CM.: Molcho S. Körpersprache. München, 1983.
- ⁹ CM.: Frey S, Hirsbrunner H. - P., Pool J., Daw W. Das Berner System zur Untersuchung nonverbaler Interaktion. — In: Winkler P. (Hr.). *Methoden der Analyse von Face-to-Face-Situationen*. Stuttgart, 1981.
- ¹⁰ CM.: Ostertag M. Op. cit., S. 721.
- ¹¹ Ibid., S. 121.
- ¹² Ibid., S. 126.

ДВОЙНОЙ КЛИМАТ МНЕНИЙ

Американский ученый-политолог Дэвид П. Конрадт в своей книге «Германия в опросах. Выборы 1976 года в бундестаг» (1978)¹ заинтриговал американцев, интересующихся политикой, своим сообщением: «Стратеги Союза (ХДС/ХСС. — *Ред.*)... пытались заставить работать спираль молчания в свою пользу в 1976 г. На гамбургском съезде ХДС в 1973 г. руководство партии ознакомили с фактами, подтверждающими ее действенность. В 1974 г. упрощенная версия спирали молчания была изложена партийным функционерам. И решение ХДС начать основную фазу избирательной кампании в 1976 г. раньше СПГ основывалось на тезисах спирали молчания, которые предписывали, в частности, необходимость укрепить свои позиции в обществе прежде, чем наберет полную силу избирательная кампания СПГ»².

Борьба против спирали молчания

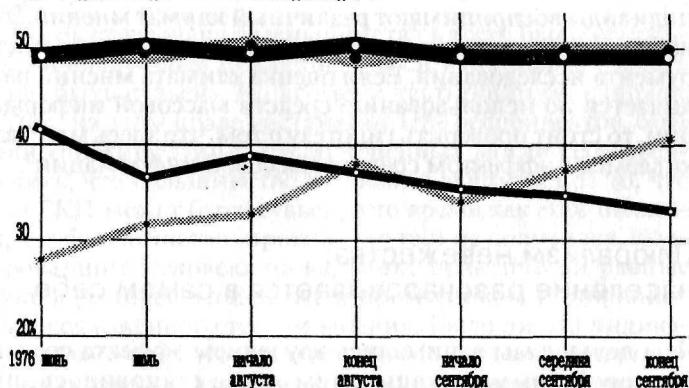
В действительности в 1976 г. дела обстояли иначе, чем в 1972 г., — спираль молчания не развивалась. Сторонники ХДС/ХСС публично высказывали свои убеждения, носили значки, приклеивали партийную символику на стекла машин, они дискутировали всюду, где их только могли услышать, агитировали за свои взгляды не меньше, чем сторонники СПГ. Через пять-шесть недель после выборов на вопрос, сторонники какой партии активнее участвовали в предвыборной кампании, 30% опрошенных ответили «ХДС/ХСС», 18% отдали предпочтение СПГ.

Выборы в бундестаг 1976 г.: никакого «эффекта попутчика» Рис. 22
в направлении ожидаемой победы

Означало ли это успех сознательной общественной борьбы с учетом противодействия спирали молчания?

Намерение голосовать: ХДС/ХСС — сплошная линия, СПГ или СвДП — пунктир

Ожидания: ХДС/ХСС победит — толстая сплошная линия, СПГ/СвДП победит — толстая пунктир

Источник: Аккумулятивный эффект, опросы Института демографии 3030, 3031, 3032, 3033/I, 3033/II, 3034/I, 3035/I.

Столь очевидная публичная активность ХДС/ХСС говорила в пользу ее способности удержать неуверенных, мало интересующихся политикой избирателей от того, чтобы в заключительной фазе избирательной кампании они поддержали климат мнений, преобладавший в средствах массовой информации. Вероятно, впервые в современной предвыборной кампании сознательно была побеждена спираль молчания. Несколько месяцев политические противники шли на равных в предвыборном марафоне (см. рис. 22). Вечером 3 октября 1976 г., когда подсчитывались голоса, это соотношение еще сохранялось, и лишь затем выяснилось, что СПГ/СвДП финишировала в этой борьбе с небольшим отрывом. Нам потребовался некоторый дополнительный опыт, прежде чем мы могли сказать, выиграла ли бы ХДС/ХСС, если бы климат мнений в средствах массовой информации был в ее пользу. Двойной климат мнений — этот ослепительный феномен, действующий возбуждающе, как необычная погода, двойная радуга или северное сияние, — может возникнуть лишь в особых условиях, когда климат мнений населения и преобладающее мнение журналистов расходятся. В

1976 г. это произошло где-то в промежутке весна — лето и к осени разрешилось в двухступенчатом потоке коммуникации. «Двойной климат мнений» означает, что в зависимости от используемых средств массовой информации индивиды воспринимают различный климат мнений. Это наблюдение привело к разработке ценного научного инструмента исследования. Если оценка климата мнений различается по использованию средств массовой информации, то стоит проверить гипотезу о том, что здесь мы сталкиваемся с эффектом средств массовой информации³.

Плюрализм невежества:
население разочаровывается в самом себе

Чем дольше мы занимались изучением эффекта средств массовой коммуникации, тем яснее становилось, насколько это трудная задача. Он достигается не как результат *единичного* побуждения, а, как правило, накапливается по поговорке «вода камень точит». Ведь сообщения средств массовой коммуникации постоянно передаются в разговорах между людьми, в результате чего уже через короткий промежуток времени не ощущается разница в их восприятии как на месте прямого приема сообщения, так и в отдалении от него. Люди не осознают данного эффекта, а, наоборот, как показал У. Липман, склонны неразрывно соединять собственные восприятия и восприятия «глазами средств массовой коммуникации», как будто это их собственные мысли и впечатления. В большинстве случаев это процесс опосредованный: индивид «наблюдает глазами средств массовой коммуникации» и ориентирует таким образом свое поведение. Все эти обстоятельства требуют систематического изучения. И проводником на этом пути может послужить понятие, предложенное американскими социологами⁴, — *pluralistic ignorance* — население заблуждается относительно населения.

Требуют его осмысления и другие наши наблюдения, сделанные на ранних этапах исследований общественного мнения. Речь идет о неудачном тесте-картинке (см. рис. 20. — *Ред.*), где изображена группа сидящих за столом мужчин, причем один из них — на некотором расстоянии от остальных. Предлагая этот тест, мы хотели выяснить,

осознают ли люди связь между двумя переменными — «разделять мнение меньшинства» и «быть в изоляции», — т.е. осознается ли это настолько, что можно без труда мнение меньшинства приписать индивиду, явно изолированному.

В качестве мнения меньшинства в тесте было использовано следующее суждение: «Член ГКП должен иметь право быть судьей». Ко времени тестирования, в апреле 1976 г., на этом праве настаивали 18% респондентов, 60% были «против». Лишь 2% опрошенных могли себе представить, что большинство населения выступает за то, что член ГКП может быть судьей, в то время как 80% полагали, что большинство «против». Но тест не получился. Изолированного человека на картинке практически равные группы респондентов называли противником и сторонником предложенного тестом мнения. Было ли это индикатором двойного климата мнений? Может быть, одни приписывают изолированному индивиду мнение, отвергаемое большинством населения, а другие видели его «глазами средств массовой коммуникации», т.е. наделяли мнением, которое в то время нередко подавалось средствами коммуникации как крайне консервативное, резко антилиберальное?

Примечания

¹ См.: Conradt D. P. The 1976 Campaign and Election: An Overview. — In: Cerny K. H. Germany at the Polls. The Bundestag Election of 1976. Washington, 1978, p. 29–56.

² Ibid., p. 41 ff.

³ См.: Noelle-Neumann E. Das doppelte Meinungsklima. Der Einfluss des Fernsehens im Wahlkampf 1976. — *Politische Vierteljahresschrift*, 18. Jg., 1977, Heft 2–3, S. 408–451; перепечатано в: Noelle-Neumann E. Wahlentscheidung in der Fernsehdemokratie. Freiburg—Würzburg, 1980, S. 77–115.

⁴ См.: Merton R. K. Social Theory and Social Structure. Toward the Codification of Theory and Research. New York, 1949; Fields J. M., Schuman H. Public Beliefs about the Beliefs of the Public. — *Public Opinion Quarterly*, 1976, vol. 40, p. 427–448; O'Gorman H., Garry S. L. Pluralistic Ignorance — A Replication and Extension. — *Public Opinion Quarterly*, 1976, vol. 40, p. 449–458.

ФУНКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ТОТ, КТО НЕ НАХОДИТ СВОЕГО МНЕНИЯ В МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ, ТОТ БЕЗМОЛСТВУЕТ

Должна признать, что ученые — пугливые люди. Впервые получив результаты «железнодорожного» теста с вопросом о судье — члене ГКП, я не поверила своим глазам. Они полностью опровергали спираль молчания. Сторонники мнения большинства, зная, что за ними большинство, предпочли молчать. Более 50% представителей мнения меньшинства были готовы участвовать в дискуссии (см. табл. 25).

Крепкий орешек

Уже в самых ранних тестах спирали молчания, в 1972 г., обнаружилось, что существуют исключения из правила. Важная часть эмпирической проверки теории состоит в установлении ее границ — нахождении случаев, в которых теория не подтверждается. Первые результаты «железнодорожного» теста показали, что меньшинство, выступавшее в начале 70-х годов за Франца Йозефа Штрауса, оказалось более разговорчивым, чем подавляющее большинство противников Штрауса (см. табл. 26)¹.

Именно тогда мы впервые столкнулись с крепким орешком — тем меньшинством, которое «подставляет лоб» всем угрозам изоляции и не исчезает под давлением спирали молчания. Крепкий орешек, в известном смысле

Таблица 25

БОЛЬШИНСТВО, КОТОРОЕ ЗНАЕТ, ЧТО ОНО БОЛЬШИНСТВО, БЕЗМОЛВСТВУЕТ. МЕНЬШИНСТВО, КОТОРОЕ ЗНАЕТ, ЧТО ОНО МЕНЬШИНСТВО, ОЧЕНЬ РАЗГОВОРЧИВО. МОЖЕТ БЫТЬ, БОЛЬШИНСТВУ НЕДОСТАЕТ АРГУМЕНТОВ, ПОСКОЛЬКУ ОНИ РЕДКО ЗВУЧАТ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ?, %

	<i>Большинство</i> люди, которые «против» коммунистов в качестве судей, в купе поезда встречаются с человеком, который	
	думает не так, как они, т.е. выступают «за» судей-коммунистов	разделяет их мнение, т.е. выступает «против» судей-коммунистов
Во время поездки в поезде участвовать в разговоре о коммунистах-судьях		
очень хотят	27	5
не хотят	57	67
не ответили	16	8
<i>n</i> =	100 169	100 217
	<i>Меньшинство</i> люди, которые «за» коммунистов в качестве судей, в купе поезда встречаются с человеком, который	
	разделяет их мнение, т.е. тоже выступает «за» судей-коммунистов	думает не так, как они, т.е. выступает «против» судей-коммунистов
Во время поездки в поезде участвовать в разговоре о коммунистах-судьях		
очень хотят	52	52
не хотят	40	42
не ответили	8	6
<i>n</i> =	100 48	100 54

Источник: Алленсбахский архив, опрос Института демоскопии 3028, апрель 1976 г.

СПИРАЛЬ МОЛЧАНИЯ ФОРМИРУЕТ КРЕПКИЙ ОРЕШЕК,
КОТОРЫЙ НЕ БОИТСЯ ИЗОЛЯЦИИ ВСЛЕДСТВИЕ
СВОИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ, %

Вопрос: «Предположим, Вам предстоит пять часов ехать в поезде и кто-то во время беседы в Вашем купе выступает за то (в каждом втором интервью — против того), чтобы Франц Йозеф Штраус стал более влиятельной политической фигурой. Вы бы охотно поддержали беседу с таким человеком или не придали бы этому особого значения?»

	1972 г.	
	Большинство противники Штрауса	Меньшинство сторонники Штрауса
Охотно побеседовал бы	35	49
Не придал бы этому значения	56	42
Не ответили	9	9
<i>n</i> =	100 1136	100 536

Источник: Алленсбахский архив, опрос Института демоскопии 2087/I + II, октябрь—ноябрь 1972 г.

родственный авангардистам, мирится с изоляцией. В отличие от авангардистов он может повернуться спиной к общественности, полностью закрыть себя, как в капсуле, для незнакомых, отгородиться от мира, подобно секте, чьи помыслы обращены в прошлое или очень далекое будущее. Другая возможность — крепкий орешек чувствует себя как авангард; и тех и других можно узнать по их готовности поддержать разговор, высказать мнение. Крепкий орешек рассчитывает на будущее и вдохновляется обстоятельством, существование которого эмпирически подтвердил американский социальный психолог Гэри И. Шульман²: по мере роста рядов большинства его представители утрачивают со временем способность аргументировать свои убеждения, не сталкиваясь с носителями иных взглядов. Полную растерянность проявили сторонники Шульмана, считавшие, что нужно чистить зубы ежедневно, когда неожиданно столкнулись с противоположной точкой зрения.

Во всяком случае, сторонники Штрауса не отвернулись от общественности, не замкнулись, как в скорлупе, от мира, превратившись в подобие секты, не отказались от надежды в ближайшем будущем обрести твердую почву под ногами. Они были крепким ядром, рассматривавшим себя как авангард, готовый всегда отстаивать свое мнение, несмотря на малую поддержку.

Если это не идет от средств массовой коммуникации, то не находятся нужные слова

В случае с тестом о судье — члене ГКП дело обстояло по-другому. Сторонники положительного решения этого вопроса не проявили должного единодушия, да и большая часть противников не дремала, подстегиваемая страхом перед экспансией коммунизма. Если многие респонденты предпочли молчать в «железнодорожном» тесте, не поддерживав ни противников судьи-коммуниста, ни сторонников, это должно иметь причину, которая пока неизвестна. Вероятно, им не хватило слов, потому что в средствах массовой информации, в частности на телевидении, позиция против судьи — члена ГКП едва ли была сформулирована.

Здесь появляется еще одна гипотеза о способах воздействия средств массовой информации: о формулирующей функции средств массовой информации, предоставляющих людям слова, с помощью которых они могут защитить свою позицию. Ибо человек, не находя для описания своей позиции каких-то общепринятых формулировок, замыкается в молчании, остается «немым».

В 1898 г. Габриэль Тард написал эссе «Le public et la foule»³, заключительные строки из которого мы и процитируем здесь, завершая раздел об общественном мнении и воздействии на него средств массовой коммуникации. «Личная телеграмма главному редактору вызывает сенсационное сообщение, которое, распространившись в мгновение ока, взбудоражило население всех крупных городов континента; из этой рассеянной массы людей, весьма удаленных друг от друга и все же находящихся в близком контакте, вызванном осознанием одновременности и общности реакций на сообщение, газета формирует гигантскую, абстрактную и суверенную массу, которую нарекают

“мнением”. Тем самым газета завершает древнее дело, которое началось разговором, было продолжено перепиской, каждый раз застывая в состоянии слегка намеченных пунктиром очертаний — личные мнения превратить в локальные мнения, далее в национальные и в *мировые*, грандиозное создание единого общественного сознания, общественного духа... Возникает, таким образом, чудовищной мощи сила, которая может возрастать, потому что потребность быть вместе с общественностью, частью которой человек является, думать и действовать в соответствии с общим мнением, становится тем сильнее и непреодолимее, чем масштабнее эта общественность, чем мощнее принуждение со стороны общего мнения и чем чаще удовлетворяется эта потребность. Не следует удивляться терпимости наших современников по отношению к потоку мнений и не стоит сразу делать вывод, что люди стали слабее характером. Когда тополя и сосны ломает буря, то не потому, что они выросли слабыми, а потому, что буря сильнее их⁴. Что сказал бы Тард во времена телевидения?

Примечания

¹ См.: Noelle - Neumann E. Die Schweigespirale. Über die Entstehung der öffentlichen Meinung. — Fousthoff E., Hörstel R. (Hg.). Standorte im Zeitstrom. Festschrift für Arnold Gehlen zum 70. Geburtstag am 29. Januar 1974. Frankfurt/Main, 1974, S. 299–330; перепечатано в: Noelle - Neumann E. Öffentlichkeit als Bedrohung. Beiträge zur empirischen Kommunikationsforschung (Alber-Broschur Kommunikation, Bd. 6). Freiburg—München, 1977, S. 169–203.

² См.: Schulman G. I. The Popularity of Viewpoints and Resistance to Attitude Change. — *Journalism Quarterly*, 1968, vol. 45, p. 86–90.

³ См.: Tarde G. Le public et la foule. — *La Revue des Paris*, 1898, vol. 4.

⁴ Цит. по: Clark T. N. Gabriel Tarde on Communication and Social Influence. Selected Papers (ch. 17, «Opinion and Conversation»). Chicago, London, 1969. p. 318.

VOX POPULI — VOX DEI

«Элизабет, — скептически сообщила своим гостям моя подруга, — теперь ходит от дома к дому и спрашивает: “Вы согласны с Аденауэром или нет?”»

На эту вечеринку интеллектуалов в Мюнхене зимой 1951/52 г. я попала случайно. «Заходи», — пригласила подруга по телефону. Наше знакомство длилось со школьных лет. Когда мы виделись в последний раз? В 1943 или 1944 г. на Лимоненштрассе в Берлин-Далеме, в Ботаническом саду, расположенном в юго-западной части города, откуда на город заходили бомбардировщики, направлявшиеся с запада. Развалившийся дом, щели в стенах, полустая комната — ни мебели, ни ковров, ни картин.

Исследование общественного мнения: чего оно стоит? Невозможно это объяснить кружку литераторов, художников и ученых, даже если бы был не столь поздний час, даже если бы публика не оказалась навеселе в комнате, окутанной клубами сигаретного дыма, где трудно дышать...

Да, задавая именно этот вопрос: «Довольны ли Вы в целом политикой Аденауэра или нет?» — я столкнулась зимой 1951/52 г. с властью феномена, который постепенно научилась понимать как общественность и общественное мнение. Тогда, в Алленсбахе, я регулярно проверяла наши вопросники, прежде чем разослать их сотням интервьюеров по всей стране. В числе респондентов зачастую оказывалась и молодая жена железнодорожного зрителя; я уже знала ее ответ на повторяющиеся вопросы: примерно восемь раз она ответила, что не согласна с политикой Аденауэра. Но чтобы зафиксировать устойчивость этого мне-

ния, нужно проверить все интервью, и я добросовестно, строго следуя правилам опроса, спросила в очередной раз: «Согласны ли Вы с Аденауэром... или нет?» «Согласна», — ответила моя респондентка. Я попыталась скрыть свое удивление: ведь интервьюер ничему не должен удивляться. Позднее, спустя четыре недели, на моем письменном столе лежали результаты нового опроса: в течение месяца, с ноября по декабрь, число согласных с политикой Аденауэра возросло по стране на 8%, достигнув 31%, хотя довольно продолжительное время этот показатель удерживался на уровне 24 или 23%. Впоследствии он все возрастал и достиг 57% в 1953 г.¹ — «a tidal volume and sweep», как выразился Росс². Каким образом волна общественного давления в ФРГ настигла жену железнодорожного зрителя? И чего стоило такое мнение?

Не разум, а судьба

Vox populi — vox Dei? Если попытаться отыскать следы этого высказывания в прошлом, то они обнаруживаются уже в 1329 г. среди поговорок³. В 798 г. англосаксонский ученый Алкуин в письме Карлу Великому ссылается на это высказывание как на общеизвестный речевой оборот; в конце концов поиски привели нас в VIII в. до н.э. — к пророку Исае, который говорит: «...*vox populi de civitate vox de templo. Vox domini reddentis retributionem inimicis suis*» («Вот, шум из города, голос из храма, голос Господа, воздающего возмездие врагам Своим»⁴).

И тысячелетиями слышится то презрение, то выражение почтения в голосах тех, кто разгадывает эту формулу. В своей книге «Психология общественного мнения» (1949) Хофштеттер заявляет: «Голос народа — голос Бога — богохульство»⁵. Немецкий рейхсканцлер фон Бетман-Хольвег полагал, что правильнее было бы сказать так: «*Vox populi — vox Rindvieh*» («Голос народа — голос стада»), копируя своим высказыванием ученика Монтеня Пьера Шаррона, предложившего формулу: «*Vox populi, vox stultorum*» («Голос народа — голос тупости»). Источник, которым пользовался Шаррон, — эссе Монтеня о славе, где он говорит о неспособности толпы оценить великие достижения, великих людей, их характеры. «Не бессмыс-

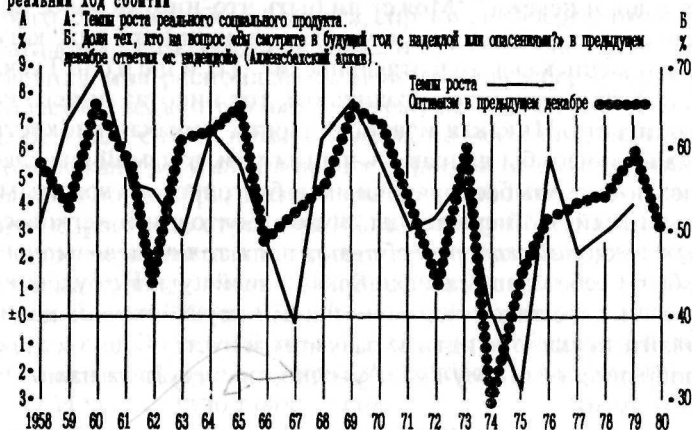
ленно ли жизнь мудреца ставить в зависимость от суда глупцов и невежд? “Может ли быть что-нибудь более нелепое, чем придавать значение совокупности тех, кого презираешь каждого в отдельности?” (Ц и ц е р о н. Туск., V, 36). Кто стремится угодить им, тот никогда ничего не достигнет... Никакая изворотливость, никакая гибкость ума не могли бы направить наши шаги, вздумай мы следовать за столь беспорядочным и бестолковым вожатым; среди всей этой сумятицы слухов, болтовни и легковесных суждений, которые сбивают нас с толку, невозможно избрать себе мало-мальски правильный путь. Не будем же ставить себе такой переменчивой и неустойчивой цели; давайте неуклонно идти за разумом, и пусть общественное одобрение, если ему будет угодно, последует за нами на этом пути»⁶.

В том же духе высказался в 798 г. упоминавшийся выше Алкуин, обращаясь к Карлу Великому: «Не следует слушать тех, кто привык говорить, что голос народа — это глас Божий. Ведь рев толпы граничит с сумасшествием»⁷.

Таково мнение тех, кто на протяжении многих столетий переводил «vox Dei» как «голос разума» и кто напрасно искал в общественном мнении, в «голосе народа» голос разума.

Существует и совершенно иная оценка. «Вот, шум из города, голос из храма, голос Господа, воздающего возмездие врагам Своим», — говорил пророк Исайя. Около 700 г. до н.э. Гесиод в поэме «Труды и дни» охарактеризовал общественное мнение — естественно, не в этой терминологии более позднего времени — как некую моральную инстанцию, как социальный контроль и как судьбу. «Действуя, избегай грязной молвы. Грязная молва пагубна: легко и без твоей помощи настигает тебя, а снести ее больно и трудно смыть с себя. Дурная молва никогда не проходит бесследно, ибо люди разносят ее. Поэтому иногда ее называют “Божий суд”»⁸.

Почтительно относился к мнению римский философ Сенека, считавший, что «голос народа священен» (*Controversiae*, 1. 1. 10). Спустя почти полтора тысячелетия Сенека вторит Макиавелли: «Не без причины голос народа называют голосом Бога, ибо una opinione таким чудесным образом предсказывает универсальные собы-

Источник: Steinbuch K. Über die Tragkraft der Voraussagen. 1979. Доклад на годовичном собрании Немецкого транспортно-научного общества в Гамбурге 14.06.1979 г.

тия, что можно предположить скрытую силу предсказания добра и зла»⁹.

Не разум отличает общественное мнение, но, наоборот, именно присущий последнему иррациональный элемент — элемент будущего, судьбы. «Quale fama, o voce, o opinione fa, che il popolo comincia a favorire un cittadino?» («Какая репутация, какой голос, какое движение мнений вызывает поворот народа к одному гражданину?»)¹⁰ Эту цитату Макиавелли приводит в своей работе Лотар Бухер «О словах политического искусства» (1887), попутно замечая при этом, что «первопроходец Макиавелли» был близок к тому, чтобы найти выражение «общественное мнение»¹¹.

Свою интерпретацию: «Голос народа — голос судьбы» — предложил Карл Штейнбух, сопоставив по итогам года результаты проводимого Алленсбахом опроса: «Вы встречаете будущий год с надеждами или опасениями?» — с экономическим индексом следующего года — развитием валового национального продукта. Не рост или снижение надежд в конце года коррелирует с подъемом или спадом в экономике, а рост или снижение надежд до начала года коррелирует с последующим экономическим развитием (см. рис. 23).

Промежуточное положение между двумя полюсами мнений — «Голос народа, голос стада» и «Глас народа священен» — занимал Гегель, считавший, что общественное мнение заслуживает как *уважительного*, так и *презрительного* отношения, в зависимости от конкретного восприятия и выражения, от формирующего базиса, который, будучи не всегда ясным, высвечивает конкретное. Поскольку общественное мнение не содержит критериев для различения и не может возвысить субстанциальную сторону до определенного знания в себе, то независимость от него является первым формальным условием для достижения великого и разумного (как в действительности, так и в науке). В свою очередь можно быть уверенным, что это великое и разумное в этой же последовательности воспримет общественное мнение, признаёт его и сделает одним из своих предрассудков. При этом Гегель *дополнительно* разъясняет, что поскольку в общественном мнении сосуществует как все фальшивое, так и все настоящее, то отыскать в нем настоящее — великое дело. Кто говорит и поступает, как того требует время, тот великий человек. Он делает то, что является сутью времени, он осуществляет эту сущность, а кто не умеет презреть общественное мнение, которое он слышит постоянно, тот никогда не станет великим¹².

В конце XVIII столетия выражение «общественное мнение» становится популярным в Германии благодаря «Разговорам с глазу на глаз» Виланда, в частности 9-му — «Об общественном мнении» (1798), где два собеседника ведут между собой такой диалог:

Эгберт: Всякое проявление разума имеет силу закона, и для этого ему не нужно стать сначала общественным мнением.

Синибальд: Скажите лучше, *должно бы* иметь силу закона и, несомненно, приобретет такую силу, как только заявит о себе как о мнении большинства.

Эгберт: Это обнаружит себя в XIX веке¹³.

Лотар Бухсер, который спустя почти 100 лет цитирует Виланда в своем сочинении, заключает: «Синибальд и Эгберт адресовали свою беседу о взаимозависимости разума

и общественного мнения XIX в.; предоставим же XX в. завершить их размышления»¹⁴. А мы в свою очередь не передадим ли это XXI в.?

Определения, которые могут стать основой эмпирических исследований общественного мнения

Если задуматься над тем, сколько сил и времени было затрачено на определение общественного мнения, то следует все же объяснить, почему в данной книге предложен такой скудный выбор дефиниций. Избыток последних, «дебри» из более чем 50 определений, приведенных Г. Чайлдзом, — эта мешанина описаний, свойств, функций, форм, процессов возникновения, способов воздействия, смыслов — побудили меня к поискам нового экономного определения, которое, однако, позволило бы осуществлять эмпирическую проверку в отличие от обескураживающего арсенала определений Чайлдза. Требовалось операциональное определение, с помощью которого можно планировать исследования и из которого можно выводить эмпирически проверяемые положения. Такой цели соответствовало, на наш взгляд, следующее определение: общественное мнение — это мнения, способы поведения, которые нужно выражать или обнаруживать публично, чтобы не оказаться в изоляции; в противоречивых, меняющихся обстоятельствах или в возникших зонах напряжения можно выразить свою позицию, не опасаясь изоляции. Оно поддается проверке методами представительных опросов и наблюдений. Все ли заповеди, нравы, традиции поколеблены в наше время настолько, что в этом смысле уже не существует общественного мнения, что можно все говорить или делать, не опасаясь изоляции? Мы обсуждали этот вопрос на одном из майнцских семинаров. Кто-то из участников семинара в качестве иллюстрации привел такой пример: стоит только прийти в красном костюме на похороны, и тебе тут же дадут понять, что общественное мнение на этот счет существует и сегодня. Демоскопическое интервью позволяет описывать способы поведения или мнения респондентов и выяснять, какие черты, манеры и т.п. у другого человека раздражают настолько, что с

ним не захотят жить в одном доме, встречаться на вечеринке, работать рядом. Известно немало способов поведения и мнений, которые вызывают изоляцию, что и обнаруживает демоскопический тест.

Существует и второе определение, с которым можно работать эмпирически и из которого выводятся эмпирически проверяемые положения: «Общественное мнение — это согласие между представителями одной человеческой общности по вопросу, имеющему важное эмоциональное или ценностное значение, которое должны уважать и индивид и правительство под угрозой быть отвергнутым или свергнутым — по крайней мере в виде компромисса в публичном поведении». В этом втором определении больше подчеркивается коррелят страха перед изоляцией — общественное согласие.

Оба определения содержат положения о значимости ситуаций, когда говорят или отмалчиваются, о сигнальном языке человека, который требует систематической расшифровки (мы это делаем интуитивно); о наблюдательной способности человека — этом квазистатистическом органе, который обычно бывает «усыплен» в периоды стабилизации и становится весьма бдительным в нестабильные, меняющиеся времена; об остроте угрозы изоляции, усиливающейся с опасностью этих перемен, в условиях которых общество должно укрепить себя. Многие определения касаются других особенностей общественного мнения: воздействия средств массовой коммуникации, которые обеспечивают публичность и облекают аргументы в слова или, наоборот, отказывают им в чеканных формулировках, лишая тем самым возможности распространения и внесения темы в «повестку дня»; двух источников общественного мнения, обуславливающих появление «двойного климата мнений». На основании всех этих дефиниций разрабатывается инструментарий, в частности демоскопические вопросы для измерения изоляции или аффективной напряженности в обществе, одобрения или неодобрения кого-то или чьей-то позиции, сигналов к публичной защите своих убеждений или, наоборот, отмалчиванию, оценки показателей поляризации мнений.

«Новое платье» короля: Обусловленность общественного мнения местом и временем

Когда многочисленные определения общественного мнения завели в тупик, что стало очевидным в первой половине XX в., все громче стали раздаваться голоса о том, что понятие устарело и от него следует отказаться. Однако ничего подобного не произошло, и, несмотря на всю свою расплывчатость, понятие употреблялось даже чаще, как с удивлением отмечал У.Ф. Дэвисон в своей статье об общественном мнении, написанной специально для «Международной энциклопедии социальных наук» (1968).

Вступительную лекцию в Майнцском университете в декабре 1965 г. «Общественное мнение и социальный контроль» (это название неожиданно осенило меня в одно из летних воскресений 1964 г. в Берлине) я начала так: «Понятие “общественное мнение” таинственным образом сохранило свою силу, при том что судьба литературных и научных заметок, авторы которых отважились обратиться к этому понятию, однозначно свелась к тому, чтобы разочаровывать читателя или слушателя. Они неубедительны, когда доказывают, что “общественное мнение” не существует, что речь идет о фикции. “Это понятие неистребимо”, — жалуется Довифат...

Что же означает это упорство, с которым цепляются за данное понятие, и это ощущение разочарования, когда разбираешься в его определениях? Это означает, что понятие “общественное мнение” соответствует некоторой действительности и что определения понятия еще не затронули эту действительность¹⁵.

Казалось бы, эта фраза «соответствует некоторой действительности» — ничего не дает; необходимо определить действительность. Потом вдруг мы неожиданно обнаруживаем в языке следы этой действительности — всего лишь простые слова, не имеющие смысла, — до тех пор пока мы, не идеализируя себя, начинаем осознавать, что наша социальная кожа чувствительна. «Потерять лицо»... Где можно потерять лицо, опростоволоситься, воспринимать что-то как досадное, унижать кого-то, клеймить, как не в обществе? Не столкнувшись лицом к лицу с этой действительностью, как мы сможем понять, что имел в виду Макс Фриш, заявивший в речи по случаю открытия Фран-

кфуртской книжной ярмарки: «Публичность — это одиночество на виду»¹⁶? Здесь — индивид, там — многие под маской анонимности вершат свой суд над ним — так описал этот феномен Руссо, назвав его общественным мнением.

Мы должны уловить эту действительность общественного мнения — феномен, специфичный по времени и месту. Иначе каждый может возомнить, что не молчал бы, как все, когда король явил себя народу в своем «новом платье». Такова суть сказки Андерсена об общественном мнении, обусловленном конкретным местом. Случись увидеть эту сцену чужаку — он не смог бы удержаться от изумления.

Что касается времени: как последующее поколение, мы несправедливо будем осуждать людей средневековья, невежественно и варварски судивших о причинах болезней. Слова и дела прошлого мы будем расценивать с позиции нашего времени и окажемся невеждами, не ведающими об устремлениях духа времени. Представитель министра культуры в Швеции по делам прессы сказал: «Мы хотим, чтобы школьное обучение выглядело как ухоженный зеленый газон. Нам не нравится, когда отдельные цветы нарушают общую картину, — все должно быть ровно подстрижено»¹⁷. В подобных ситуациях дух времени, по словам Липмана, уплотнен в формулу, а формулы, по его мнению, со временем распадаются и становятся непонятны потомкам. Вероятно, и эта сентенция о подстриженном газоне когда-нибудь будет звучать непонятно.

Обострить чувство времени — достойная цель, наряду с постижением общественного мнения. Что означает «быть современником», что понимать под «своевременным», почему Гегель особо подчеркнул временной элемент: «Кто говорит и поступает, как того требует время, — тот великий человек»? О необходимости идти в ногу со временем пишет и Тухольски: «Ничего нет труднее и ничто не требует больше характера, чем быть в явном противоречии со своим временем и громко сказать «нет»»¹⁸. Джонатан Свифт откровенно высмеивал подобный взгляд еще в октябре 1706 г.: «Рассуждая о прошедших событиях — войне, интригах, — мы остаемся равнодушными к этому. Нам все это безразлично до такой степени, что мы удивляемся, как это люди могут столь усердно предаваться вещам преходящим; если же мы думаем о настоящем,

то обнаруживаем то же отношение, но вовсе не удивляемся этому»¹⁹. А вот другое его высказывание: «Проповеди не слушают, пока не придет время, дающее ход и направление нашим мыслям, которые прежде старшие тщетно пытались вложить в наши головы».

Когда в октябре 1979 г. случайная, казалось бы, фраза лауреата Нобелевской премии Матери Терезы мгновенно облетела весь мир, я спросила себя, не становится ли наше время более восприимчивым и уважительным по отношению к чуткой социальной природе человека. Вот эта фраза: «Худшая болезнь не проказа и не туберкулез, а чувство, что тебя никто не уважает, не любит, что ты одинок». Может быть, пройдет совсем немного времени и станет непонятно, почему столь обычная фраза заслужила такого внимания?

Общественное мнение — наша социальная кожа

Быть презируемым, отвергнутым — это тема прокаженного. Отвергнуть человека можно разными способами: физически, духовно, индивидуально и даже социально. В процессе постижения общественного мнения понятнее становится социальная природа бытия человека. Тому, кто боится социальной изоляции, мы не будем постоянно предъявлять требования противиться всякому конформизму, следовать за толпой. Может быть, больше понимания вызовут вопросы социального психолога Марии Ягоды²⁰: насколько независимым должен быть индивид? Насколько независимым мы действительно хотели бы видеть человека в обществе? Пренебрегать ли ему суждением других, принесет ли абсолютная независимость индивида благо обществу? Это нормально в принципе или следует предположить умственную болезнь, когда человек абсолютно независим? М. Ягода считает, что независимое, неконформное поведение можно признать гражданской добродетелью лишь в том случае, когда индивид обнаруживает также и способность к конформизму. Нельзя обвинять общество в нетерпимости, отсутствии либерализма, если оно защищает общие убеждения, угрожая изоляцией по отношению к индивиду с отклоняющимся поведением.

Оба эти аспекта имеются в виду, когда мы говорим, что общественное мнение и есть наша социальная кожа. С одной стороны, наше общество сохраняет его единство — потому что общественное мнение, как кожа, обволакивает эту целостность. С другой стороны, отдельный индивид, страдающий от общественного мнения, ощущает его своей социальной кожей. Как метко заметил Жан-Жак Руссо, общественное мнение — это враг индивида, но защита общества.

Примечания

- ¹ См.: Neumann E. P., Noelle E. Umfragen über Adenauer. Ein Porträt in Zahlen. Allensbach—Bonn, 1961, S. 44 f.
- ² См.: Ross E. A. Social Control. Cleveland and London, 1969.
- ³ См.: Boas G. Vox Populi. Essays in the History of an Idea. Baltimore, 1969, p. 21; Gallacher S. A. Vox populi — vox Dei. — *Philological Quarterly*, vol. XXIV, January 1945, p. 12–19.
- ⁴ Ис., 66:6.
- ⁵ Hofstätter P. R. Die Psychologie der öffentlichen Meinung. Wien, 1949, S. 96.
- ⁶ Монтень. Опыты. М., 1991, с. 260.
- ⁷ Цит. по: Boas G. Vox Populi. Essays in the History of an Idea, p. 9.
- ⁸ Hesiod. Sämtliche Werke. Deutsch von Thassilo von Scheller. Wien, 1936, S. 736 ff.
- ⁹ Цит. по: Bucher L. Über politische Kunstaussdrücke. — *Deutsche Revue*, XII, 1887, S. 77.
- ¹⁰ Ibidem.
- ¹¹ Ibidem.
- ¹² См.: Hegel G. W. F. Werke in zwanzig Bänden. B. 7. Frankfurt/M., 1970, S. 485 f., § 318.
- ¹³ Bucher L. Op. cit., S. 76.
- ¹⁴ Ibid., S. 80.
- ¹⁵ Noelle E. Öffentliche Meinung und Soziale Kontrolle. — *Recht und Staat*, H. 329. Tübingen, 1966, S. 3.
- ¹⁶ Frisch M. Öffentlichkeit als Partner. Frankfurt/Main, 1976, S. 56; см. также S. 63, 67.
- ¹⁷ *Die Welt*, № 239, 12. Oktober 1979, S. 6.
- ¹⁸ Tucholsky K. Schnipsel. Hg. von Mary Gerold-Tucholsky, Fritz J. Raddatz. Reinbek, 1975, S. 67.
- ¹⁹ Swift J. Thoughts on Various Subjects. — In: *Prose Works*, vol. 1. A Tale of a Tub. Oxford, 1965, p. 241.
- ²⁰ См.: Jahoda M. Conformity and Independence. A Psychological Analysis. — *Human Relations*, 12, 1959, p. 99–120.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Знал ли Эразм Роттердамский Макиавелли? В предметно-именном указателе первого издания «Спирали молчания» (1980) имя Эразма не встречается. Но весной 1989 г., готовясь к лекциям в Чикаго, я начала расследовать этот вопрос, как детектив.

Горизонт времени тянется в прошлое

В двух словах этого не объяснишь. Говорят, что ученому, чтобы добыть новое знание, помимо заслуг требуется еще и удача. Удача сопутствовала мне в первые годы работы над теорией общественного мнения. На мое счастье, я нашла точное — сродни ботаническому — описание спирали молчания у Токвиля и у Тённиса¹. Удачей было и то, что Курт Ройманн, работавший тогда научным сотрудником в Алленсбахе, принес мне малоизвестную в кругу специалистов 28-ю главу «On other relations» («О других отношениях») из второй книги Джона Локка «Опыт о человеческом разуме» с описанием закона мнения, репутации, моды. Но нельзя постоянно уповать на удачу. Необходимо было систематизировать поиск важных текстов.

В Институте публицистики Майнцкого университета под моим руководством разрабатывался вопросник, который был ориентирован на работу не с людьми, а с книгами. Студенты использовали его в семинарских занятиях, чтобы установить, упомянуто ли в той или иной книге общественное мнение — дословно или через синонимический ряд, в какой связи, со ссылкой на наших авторов и

т.п. — всего 21 вопрос. С его помощью впоследствии было изучено 250 авторов — мы искали любое упоминание об общественном мнении². Так, например, после выхода в свет книги «Спираль молчания» с подзаголовком «Общественное мнение — наша социальная кожа» (1980) мы узнали, что Эрнст Юнгер еще в 1951 г., задолго до нашей публикации, писал об общественном мнении как о «коже времени»³, что Макс Фриш на открытии книжной ярмарки во Франкфурте в 1958 г. сказал: «Публичность — это одиночество на виду»⁴. Эти слова послужили ключом к пониманию страха перед изоляцией, который может овладеть индивидом на людях. Спустя годы, когда Михаэль Халлеманн, изучавший чувства досады и сожаления у человека, доказал, что эти ощущения усиливаются по мере роста публичности, я снова вспомнила Макса Фриша и подумала, что поэты своими образами предвосхищают научные открытия.

Вернемся, однако, к Эразму. В летний семестр 1988 г. Урсула Кирмайер обработала с помощью вопросника общественного мнения три текста Эразма Роттердамского, в том числе и его «Воспитание христианского государя», написанное в 1516 г., как пособие для 17-летнего Карла Бургундского, будущего императора Карла V.

При чтении ответов на вопросник, подготовленный Урсулой Кирмайер, мне бросилось в глаза сходство с сочинениями Макиавелли. С помощью этого же вопросника тексты Макиавелли проанализировал в своей дипломной работе Вернер Эккерт⁵. Оба — и Макиавелли, и Эразм Роттердамский — поучали своих высокопоставленных адресатов, что они не смогут управлять народом вопреки общественному мнению. Когда я писала в «Спирали молчания», что шекспировский герой — король Генрих IV — знал, что с общественным мнением шутить нельзя: «Мнение мне помогало на пути к короне»⁶, — я подумала, что здесь не обошлось без влияния Макиавелли. И не ошиблась в своих предположениях. Эразм писал, что власть регента опирается прежде всего на «*consensus populi*». Согласие народа делает короля. «Поверь мне: кто лишился благосклонности народа, тот потерял важного соратника»⁷. Меня поразил тот факт, что тексты Макиавелли и Эразма были похожи до мелочей. Даже опасности, которые угрожали регенту, перечислялись в той же после-

довательности: сначала называлась ненависть подданных, а затем презрение.

Оба мыслителя подчеркивали, что для правителя прежде всего важно *казаться* великим и добродетельным. Однако в одном пункте они все же отличались. Макиавелли считал, что будущему государю нет необходимости обладать этими доблестями — достаточно впечатления, что он их имеет. Эразм, убежденный христианин, придерживался обратного мнения. Если даже государь обладает всеми этими добродетелями, не запятнан никакими преступлениями, одного этого недостаточно — эти качества он должен *явить* подчиненным⁸.

Были ли лично знакомы Макиавелли и Эразм или они знали друг друга только по рукописям? Я установила, что они родились почти одновременно: Эразм — в Роттердаме в 1466 или 1469 г., Макиавелли — в 1469 г. неподалеку от Флоренции. Но жизненные обстоятельства складывались для них по-разному. Эразм всю жизнь страдал из-за неблагородного — по понятиям его времени — происхождения: он был сыном священника и дочери врача. Рано лишившись родителей, он поступает в монастырь и еще в молодости делает карьеру, пройдя путь от секретаря епископа до ученого Сорбонны. Но ни в одном университете Эразм не мог получить докторской степени из-за своего происхождения. Наконец ему удается защитить диссертацию в Университете Турина в Северной Италии.

Любой ученый, занимавшийся проблемой угрозы для индивида со стороны общественного мнения, испытал в своей жизни социальную изоляцию. Возможно, лишь такие переживания и делают давление общественного мнения осознаваемым. «Король гуманистов», Эразм, для которого вся Европа была домом, имел большой опыт в умении переносить изоляцию. Его даже как-то обвинили в одном памфлете, что он якобы *homo pro se*, человек самодостаточный, который не нуждается в других.

Макиавелли, достигнув высокого чина члена городского совета во Флоренции, был низвергнут на самое дно, подвергнут пыткам по обвинению в измене и затем сослан в свое нищее поместье под Флоренцией.

Какой же текст более ранний — «Государь» Макиавелли или «Воспитание христианского государя» Эразма? Сочинение Макиавелли было написано в 1513—1514 гг., а на-

печатано в 1532 г. Эразм, написавший свое пособие для будущего государя в 1516 г., опубликовал его сразу после передачи Карлу Бургундскому.

Загадка неожиданно разрешилась: оба автора — Макиавелли и Эразм — имели один источник — текст аристотелевской «Политики»⁹. Вероятно, Макиавелли и Эразм не встречались друг с другом лично. По крайней мере таков был вывод небольшого авторского коллектива, подметившего — и небезосновательно — близость текстов Эразма и Макиавелли¹⁰. В своих поисках я была похожа на путешественника, который в отдаленных местах неожиданно обнаруживает следы недавнего пребывания людей.

И я уже не была столь удивлена, обнаружив в сочинении «Поликратик» (1159) английского схоласта Йоханнеса фон Солсбери дважды употребленное им латинское выражение «*publica opinio*» и «*opinio publica*». Во всяком случае, английский издатель, готовя тексты к публикации в 1927 г., с восхищением подчеркнул, что употребление этого выражения в рукописи XII столетия весьма примечательно¹¹. Трудно было не восхититься этим: Й. фон Солсбери, представитель раннего гуманизма, читал классиков античности и от них воспринял идею о власти «*opinio publica*». Следовательно, наша тема — общественное мнение — прослеживается в западном мышлении с возникновением письменности.

Правители знакомы с общественным мнением

В Библии, в Ветхом Завете, само понятие «общественное мнение» не встречается, но интуитивно суть этого феномена понимали уже тогда. По свидетельству Библии, царь Давид обладал врожденным умением обращаться с общественным мнением: «разодрав одежды свои, и рыдал, и плакал, и постился до вечера» в знак траура по убитому могущественному сопернику, хотя есть достаточно оснований подозревать его самого в организации или одобрении этого убийства. Все это символические действия, которые лучше всяких слов завоевывают общественное мнение.

Величественный спектакль «с восклицаниями и трубными звуками», сопровождаемый игрой на «цитрах, тим-

панах, систрах и кимвалах», разыгранный Давидом при переносе в Иерусалим древней святыни (Ковчега Завета. — *Ред.*), не имевшей доселе определенного местопребывания, чтобы выделить совместный сакральный центр обоих управляемых им государств Израиля и Иудеи не что иное, как мастерски организованный акт объединения. Роль, которую играл сам Давид, участвуя в шумной процессии: «скачущий и пляшущий пред Господом», одетый лишь «в льняной ефод» (верхнюю одежду первосвященника, состоящую из двух кусков материи, соединенных на плечах. — *Ред.*), — недвусмысленно показывает, насколько он был свободен в обращении с общественным мнением, выходя за рамки пышного ритуала. Жена Давида, царская дочь Мелхола, выйдя встречать мужа, язвительно заметила: «Как отличился сегодня царь Израилев, обнажившись... пред глазами рабынь рабов своих, как обнажается какой-нибудь пустой человек!»¹² И царь Давид ответил дочери Саула: «И я еще больше унижусь, и сделаюсь еще ничтожнее в глазах моих, и перед служанками, о которых ты говоришь, я буду славен». Конечно, другими стилистическими средствами, но весьма сходными по своей сути пользуется политический лидер нашего времени, принимающий «душ в окружении людей».

Ответ царя Давида своей жене недвусмысленно говорит о том, что он знал, что делал и чего хотел. Историю двух посланников Давида в Аммон со свидетельствами его горя по поводу смерти царя аммонитов прежние интерпретаторы не связывали с общественным мнением, хотя в ней речь шла именно об умении обращаться с ним. Новый царь аммонитов Аннон рассердился, заподозрив обоих послов в шпионаже, «взял слуг Давидовых и обрил каждому из них половину бороды, и обрезал одежды их наполовину, до чресл, и отпустил их». В Библии говорится далее: «Когда донесли об этом Давиду, то он послал к ним навстречу, так как они были очень обесчещены. И велел царь сказать им: оставайтесь в Иерихоне, пока отрастут бороды ваши, и *тогда* возвратитесь»¹³. Давид прекрасно понимал, каковы были бы последствия, если бы его послы вернулись домой с позором, отверженными, сопровождаемые насмешками и презрением толпы. Он знал также, что эти последствия коснулись бы не только его послов, но и сказались бы на престиже царя, который их снарядил¹⁴.

Эрих Ламп, проанализировав проявления публичности и общественного мнения в Ветхом Завете¹⁵, справедливо отметил, что в литературе на эту тему не найти ни единого высказывания относительно значения некоторых событий, описанных в Библии. Конечно, если разработанная теория общественного мнения вообще приносит какую-то пользу, то последняя должна заключаться в том, чтобы в новом свете видеть и лучше понимать проявления общественного мнения. Так, царь Давид намного увереннее обращается с общественным мнением, чем его предшественник царь Саул или его последователь царь Соломон, не говоря уже о столь неудачливом наследнике последнего Ровоаме. Может быть, стоит изучать опыт преуспевших государственных деятелей и политиков с точки зрения достоверности и надежности их суждений об общественном мнении?

В этом плане интересно мнение об Александре Великом уже упоминавшегося выше английского схоласта Й. фон Солсбери, для которого не было более убедительного свидетельства того, что Александр действительно великий государственный деятель, чем поведение самого полководца в тот момент, когда военный суд вынес свой вердикт не в его пользу. Александр поблагодарил судей за то, что вера в справедливость была для них важнее, чем власть царя¹⁶. Самым же великим среди всех языческих римских цезарей Солсбери считал Траяна, руководствуясь в своей оценке тем же понятием «*opinio publica*», которое он хорошо усвоил: когда Траяна упрекали за его близость к народу, он обычно отвечал, что хотел бы быть таким царем для частных лиц, о каком он мечтал, когда сам являлся частным лицом¹⁷. Очевидно, в отношении общественного мнения к великим правителям смешиваются два противоположных элемента: харизма и в то же время доступность, близость.

Зви Яветц в своей работе о Юлии Цезаре и общественном мнении обращает внимание на то, как свободно чувствовал себя Юлий Цезарь в общении с широкими народными массами и как он раздражался, общаясь с сенаторами. Современные исторические исследования, считает Яветц, пренебрегают значением слова *existimatio*, которое словари переводят как «репутация», «оценка». Данное понятие, согласно Яветцу, употребляли уже римляне, когда

речь шла о том, что сейчас называют общественным мнением¹⁸. *Existimatio* предполагает также некую статистическую оценку, отдаленно связанную с идеей квазистатистического смысла в теории спирали молчания.

Мой профессиональный опыт подсказывает мне, что преуспевающие политики отличаются способностью оценивать общественное мнение без демоскопии. Это наводит на мысль писать историю и с этой перспективы — портреты государственных деятелей с точки зрения их отношения к общественному мнению. На майнцском семинаре вопросник для анализа литературы по общественному мнению мы начали применять к государственным деятелям. Мы проанализировали таким образом Ришелье. В «Политическом завещании», адресованном Людовику XIII, Ришелье (1585—1642) описывает власть правителя в виде дерева с четырьмя ветвями — войском, текущими доходами, общим капиталом и репутацией. Эта четвертая ветвь — репутация — важнее трех других. Государь с хорошей репутацией одним своим именем добивается большего, чем другие, менее уважаемые, с помощью армий. Ришелье поясняет, что при этом он имеет в виду хорошее мнение у народа. Корень власти государя — корень дерева — образуется «сокровищницей сердца» («le trésor des sœurs») его подданных. Но Ришелье в своем «Завещании» ведет речь и о мировой общественности «смехе всего мира» («la risée du monde»), который является нежелательным. Касаясь политических решений — добиться наконец запрета дуэлей или покончить с продажностью ведомств, — Ришелье приводит точку зрения общественного мнения — данные «за» и «против» указанных мер. Оказалось, что меньшую значимость имеют соображения разума; по его представлениям, это скорее вопрос морального воздействия — именно «смех всего мира»¹⁹. В борьбе со своими противниками Ришелье успешно использует и новое публицистическое оружие — первые газеты, которые начали выходить в 1609 г., — «*Mércure Français*», а позднее и собственную — «*La Gazette de France*».

Бернд Нидерманн, автор реферата о Ришелье, выступая на семинаре в Майнце, предложил: «Мы должны с помощью своего вопросника изучить Наполеона, Меттерниха, Бисмарка!»

Тот не король, кто роняет себя в общественном мнении (Аристотель)

Вполне возможно, что Цезарь не был бы убит, если бы не утратил чутья относительно общественного мнения. Почему, спрашивает Зви Яветц, он распустил свою испанскую охрану? Явись он в сенат в ее сопровождении, убийцы не решились бы напасть на него. Может быть, слишком долгое пребывание Цезаря за границей притупило его ощущение общественного мнения? На мартовские иды — как оказалось впоследствии, после своей смерти — он намерчал объявить войну с парфянами. Вспоминаются предостережения Аристотеля и Эразма: Эразм предупреждает государя не задерживаться подолгу за границей, чтобы не утратить связь с общественным мнением. Человек, подолгу живущий за рубежом, становится слишком непохожим на свой народ. Успешное же господство основывается на некотором чувстве семейного родства между правителем и его народом. Эразм даже предостерегает от распространенной в его время политики династических браков: жена из чужой царствующей семьи отдаляет от собственного народа.

Изменился бы ход событий Французской революции, если бы Людовик XVI не женился на австрийке Марии Антуанетте? Ей, восторженно приветствуемой первоначально ликующими уличными толпами, пришлось пережить и иные минуты, когда люди, заведя карету королевы, поворачивались к ней спиной.

По меньшей мере четыре года поисков ушло на то, чтобы восстановить истинный смысл жестоких слов Марии Антуанетты: «Если у людей нет хлеба, почему они не едят пирожки?» Я всегда говорила, что не верю, будто на самом деле все обстояло так, как нам это описывают. Однажды вечером в Майнце ко мне пришла Вильтруд Циглер и радостно сообщила, что выяснила исторические обстоятельства, связанные с этим эпизодом. Он разыгрался в один из тех голодных 80-х годов, которые нередко выпадали в тот период на долю Франции. На площади перед королевским дворцом собралась толпа голодных людей, которые, обратив взоры к окнам дворца, просили о хлебе. Мария Антуанетта, которая в это время ужинала, огляделась в столовой и, не увидев хлеба, спросила, указывая на стол с пирожка-

ми: «Если нет хлеба, почему мы не дадим бедным людям эти пирожки?»²⁰

Перефразирование слов Марии Антуанетты не в ее пользу было исполнено мастерски. Я никогда не засомневалась бы в аутентичности этого слуха-высказывания, не будь у меня за плечами многолетнего опыта изучения общественного мнения, обогатившего мою восприимчивость. Если общественное мнение стало вдруг таким враждебным — что тут можно поделывать? Ведь любой шаг, каждое слово легко превратить в оружие.

Гомерический смех

Мне могут сказать, что мое изложение скачкообразно. И правда, оно хронологически не упорядочено. Порядок, однако, состоит в том, что феномен общественного мнения рассматривается с разных сторон. И теперь, после принятых мною размышлений над Ветхим Заветом, я возвращаюсь к самым ранним документам письменности. К древнейшим литературным текстам Запада сегодня относят «Илиаду» и «Одиссею». В качестве легенд они издавна передавались устно, прежде чем Гомер записал их в VIII в. до н.э. Тассило Циммерман проанализировал «Илиаду» с помощью майнцского вопросника по общественному мнению²¹. Его дипломную работу я и изложу здесь вкратце.

Циммерман обратился к типичной сцене. Во второй песне «Илиады» Гомер описывает, как Агамемнон, созвав воинов, хочет проверить их боевой дух и произносит провокационную речь. Он начинает перечислять все аргументы за то, чтобы прервать долгую, растянувшуюся почти на девять лет войну вокруг Трои и возвратиться «в драгое отечество наше». В ответ на его слова в войске творится что-то невообразимое. Конрад Лоренц описывает его как стаю галок, которая с громкими криками «дьяк», «дъёк» — «Вставайте — и в лес!», «Вставайте — и в поле!» — мечется туда-сюда, пока наконец один из вожаков стаи не одерживает верх и птицы не улетают в одном направлении²².

Ахейцы вскочили, «с криком ужасным / Бросились все к кораблям; под стопами их прах, подымаясь, / Облаком

в воздухе стал; вопиют, убеждают друг друга / Быстро суда захватить и спускать на широкое море; / Рвы очищают; уже до небес подымались крики / Жаждающих в дома; уже кораблей вырывали подпоры». Одиссею удастся остановить их: «К каждому он подходил и удерживал кроткою речью... / Если ж кого-либо шумного он находил меж народа, / Скиптром его поражал и обуздывал грозною речью». Сумел он усмирить и главного виновника антивоенных настроений в стане ахейцев — Терсита, на которого можно излить всю ярость: «Муж безобразнейший... / Был косоглаз и хромоног: совершенно горбатый сзади / Плечи на персях сходились; глава у него подымалась / Борода вверх острием и была лишь редким усеяна пухом».

Что выкрикивает, ругаясь, Терсит, то думает большинство. Но Одиссей откровенно издевается над ним, «обуздав велеречье» «ругателя буйного»; гомерический смех подхватывают воины — «все... от сердца над ним рассмеялись»²³. Терсит осмеян и наказан — он одинок, войско ахейцев снова сошло на сушу, приняв решение продолжать осаду Трои.

Гомер нигде ни слова не говорит об общественном мнении. Но он описывает роль смеха как угрозы изоляции, которая имеет решающее значение для процесса общественного мнения. Французский медиевист Жак Ле Гофф, который посвятил проблеме смеха одну из своих работ, писал, что в древнееврейском и греческом языках существовали два различных слова: для позитивного, дружелюбного, вызывающего сплочение смеха и для негативного, злого, обособливающего смеха, высмеивания. Лишь у бедных в языковом отношении римлян оба слова редуцировались в одно — «смех»²⁴.

Итак, мы подошли к вопросу о средствах для выражения угрозы изоляции. Как индивид узнаёт, что он отклонился от единодушия в общественном мнении и ему следует преодолеть это отклонение, чтобы не быть вытолкнутым из дружеского сообщества, не оказаться в изоляции? Есть много сигналов, предупреждающих об этой угрозе, но особую роль здесь играет смех. Мы еще вернемся к этому положению в последней главе, когда будем обсуждать работы по теории общественного мнения.

Неписанные законы

Греки воспринимали воздействие общественного мнения как нечто само собой разумеющееся и обычное. Отсюда — столь непосредственное отношение у них к неписанным законам. Этой проблеме посвящена дипломная работа Аннэ Екель «Неписанные законы в свете социально-психологической теории общественного мнения», главу 2 которой я попытаюсь здесь вкратце изложить. Первое упоминание о неписанных законах мы находим в многотомной «Истории» Фукидида (460—400 до н.э.), посвященной Пелопоннесской войне, а именно в речи Перикла, в уста которого Фукидид вкладывает идею величия Афин, павших в первый год войны (431—430 до н.э.). Вот этот отрывок:

«При таком бережном обращении человека с человеком мы не допускаем в государстве, даже из страха, нарушений закона, непослушания по отношению к ежегодно сменяемым чиновникам и по отношению к законам, преимущественно к тем, которые существуют на пользу и в защиту преследуемых, а также по отношению к неписанным законам, которые по общему приговору могут обречь на позор»²⁵.

В других отрывках у греческих авторов также идет речь о «неписанных законах»²⁶. Однако все, что следовало бы здесь сказать, уже сказано Периклом. Неписанные законы не существуют в письменной форме. Но от этого они не становятся менее принудительными, чем письменно зафиксированные, скорее наоборот, мотив принуждения в них звучит даже сильнее, на что впоследствии обратил внимание Джон Локк, описывая три типа законов²⁷.

Неписанные законы — это не просто право, основанное на привычках. Привычка не может так сильно воздействовать на индивида, принуждая его к выполнению предписаний. Это происходит лишь там, как заметил Дж. Локк, где за нарушение закона следует болезненно ощутимое наказание. Но наказания в тексте закона нигде не оговариваются. Кто из этого делает вывод, что мы их не ощущаем в действительности, тот не знает человеческой природы, предупреждает Дж. Локк. Позор, о котором говорит Перикл, потеря чести, уважения сограждан, «налагающих штраф» силой своего общего мнения, — это самое тяжкое, что может случиться с каждым, считал Фукидид.

Неписанные законы содержат моральные нормы, их нарушение ведет к общественному презрению морального характера. Платон объясняет, что соотношение между писаными и неписаными законами можно сравнить с соотношением души и тела. Неписанные законы — это не просто дополнение к письменно зафиксированным законам, они являются фундаментом самих законов.

Согласно Периклу, нарушение неписанных законов приносит, по общему суждению, позор. Выражение «общее суждение», считает А. Екель, неточно передает значение греческого оригинала, который следовало бы перевести как «общественное мнение». В контексте всего предложения, как указывается в немецком варианте перевода, «общее суждение — странный образ»²⁸. И действительно, у Платона в оригинале написано, что оно имеет «*dynamis*», т.е. «влияние», «власть», «воздействие». Вот откуда в английском переводе появляется фраза: «Общественное мнение имеет поразительное влияние...»²⁹

В главе, которую я пересказала, Аннэ Екель, исследуя дискуссии филологов древности о понятии «неписанные законы», постоянно возвращается к греческим текстам. Поэтому можно утверждать, что связь между общественным мнением и вынужденным молчанием у Платона была действительно выражена, а не приписана ему позднее его многочисленными интерпретаторами. «В рассматриваемом отрывке из “Законов” Платон не только указывает на то, что влияние общественного мнения порождает и поддерживает неписанные законы, но и уточняет, как оно воздействует на людей: общественное мнение заставляет замолчать несогласные с ним мнения, потому что никто не отваживается даже “выдохнуть” позицию, противоречащую неписаным законам»³⁰.

Общественная и частная жизнь:

Мишель Монтень

На семинарских занятиях студенты упорно настаивали на том, что общественное мнение в древности было делом элиты, высших слоев общества. Но уже Монтень в своих «Опытах» (1588) доказывал, что это не так.

«Опыты» заслуживают внимания потому, что они содержат ответ на вопрос, который, как правило, занимает студентов гораздо больше, чем теория общественного мнения: как можно изменить общественное мнение?

Монтень дает совет. Точнее говоря, он цитирует Платона, используя при этом французское выражение *l'opinion publique*. В конце XVI в. оно звучало настолько непривычно, что мы длительное время полагали, что именно Монтень впервые употребил понятие общественного мнения. К такому выводу пришел Мишель Раффель³¹, исследовавший Монтеня с помощью вопросника по общественному мнению, и мы согласились с ним. Впоследствии, когда нам удалось обнаружить более ранние примеры его употребления, Раффелю с грустью пришлось расстаться с этим предположением.

Многих удивлял тот факт, почему мы придаем такое значение первому появлению понятия. Конечно, не из педантичности. Мы полагали: чтобы разгадать сущность этого понятия, важно узнать, как оно употреблялось первоначально, в каком контексте и т.п.

И наши предположения подтвердились. В своих «Опытах» Монтень дважды употребил *l'opinion-publique*. Первый раз — когда объяснял, почему так много цитирует античных авторов: «Я иногда намеренно не называю источник тех соображений и доводов, которые я переношу в мое изложение и смешиваю с моими мыслями, так как хочу умерить пылкость поспешных суждений, которые часто выносятся по отношению к недавно вышедшим произведениям еще здравствующих людей, написанным на французском языке, о которых всякий берется судить, воображая себя достаточно в этом деле сведущим»³². Второй раз — и это позволяет сделать важные выводы — он употребляет выражение «общественное мнение», рассматривая вопрос о «привычке, а также о том, что не подобает без достаточных оснований менять укоренившиеся законы». «Платон, — говорил Монтень, — добиваясь искоренения противоестественных видов любви, пользовавшихся в его время распространением, считает всемогущим и основным: добиться, чтобы общественное мнение решительно осудило их, чтобы поэты клеймили их, чтобы каждый их высмеивал»³³. В начальной фазе оно может противоречить мнению большинства населения, но на втором этапе,

представленное как господствующее, общественное мнение будет одинаково принято и рабами, и свободными, и детьми, и женщинами — всеми гражданами. Позаимствуем у Платона мысль о том, что общественное мнение можно изменить, если выдающиеся люди дадут этому толчок, лучше всего — художники, поэты. Но чтобы за ними последовали другие, их голос должен быть настолько силен, чтобы новое мнение приняли за мнение большинства или по крайней мере за мнение, которое скоро привлечет большинство на свою сторону. Это мнение, добавляет потом Платон, если оно действительно будет приведено в действие авторитетными людьми, распространится среди всех граждан.

Итак, Платон знал, что обычай, ценность, приличие, если они действительно общепризнаны, если они укоренились в обществе и от этих норм нельзя отклоняться, не подвергаясь опасности изоляции, не могут быть ограничены элитарными кругами или слоем высокообразованных людей. Лишь время и место могут иметь границы. В определенном месте, в конкретное время такие нормы должны действовать безгранично, распространяясь на всех.

Эта мысль Платона произвела на Монтеня столь огромное впечатление не без причины. Монтень трижды в своей жизни (1533—1592) сталкивался с силой общественного мнения.

Первым был опыт в своей семье. В период средневековья прочное и устойчивое сословное общество пришло в движение: сформировавшаяся новая группа богатых граждан неблагородного происхождения пыталась добиться признания наравне с аристократией. Это была борьба за знаки и символы, подчеркивающие общественный статус, за эталоны в одежде, диктующие, какой мех, какое украшение, какого рода ткань разрешалось носить человеку определенного ранга, — одним словом, борьба за публично признаваемые жизненные условия. Монтень наблюдал эти процессы непосредственно — в своей семье. Его отец разбогател, торгуя красками и вином, купил себе замок Монтень и потому к родовому имени прибавил столь почитаемую в обществе частицу «де» — «де Монтень». Острое внимание к знакам, символам, новым способам поведения, которые сопровождаются, дополняются

в «Опытах» многочисленными комментариями, было привито у Монтеня родительским домом.

Более ощутимым по своим последствиям оказался опыт перемены веры в период религиозных войн между католиками и протестантами, причиной которых послужили тезисы Лютера, провозглашенные им во Франции в 1517 г. и спровоцировавшие, в частности, войну с гугенотами (1562—1598). Монтень жалуется, что его родной город Бордо, парламент которого он представлял, стал местом особенно беспокойным, подверженным острым столкновениям в условиях гражданской войны. Приходилось внимательно следить за бушующими вокруг страстями, постоянно оценивать силу противостоящих лагерей и учитывать все это в своем поведении. В Варфоломеевскую ночь, с 23 на 24 августа 1572 г., в Париже было убито от трех до четырех тысяч протестантов, а во всей Франции — еще 12 тысяч.

Эти обстоятельства побудили Монтеня в 38-ю годовщину рождения, а именно 28 февраля 1571 г., покинуть высший свет. Над входом в библиотеку, расположенную в башне замка, Монтень велел повесить табличку, гласившую, что здесь он желает в спокойствии и уединении провести оставшиеся дни. Главным итогом этого уединения стали его знаменитые «Опыты». Впоследствии он снова возвращается к светской жизни. В 1581 г. Монтень становится мэром Бордо и в качестве члена парламента (с 1582 по 1586 г.) много путешествует по Европе с дипломатической миссией. В его сознании особенно четко запечатлелись контраст между общественной и частной жизнью, равно как и различные убеждения людей в разных странах, которые каждый раз претендовали на то, чтобы быть истиной. «Существует ли такое мнение, каким бы нелепым оно нам ни казалось... существуют ли такие, непостижимые для нас, взгляды и мнения, которых она (привычка. — *Ред.*) не насадила бы и не закрепила в качестве непреложных законов в избранных его по своему произволу странах?»³⁴ Так для Монтеня открывается обусловленное местом и временем господствующее мнение, которое приобретает характер социальной реальности, действующей в определенных временных рамках. Свое единственное законное обоснование он обретает в том, что представляет себя безальтернатив-

ным и обязательным для исполнения. «Так как мир предстает перед нами с первого же нашего взгляда таким, каким оно ими (предписаниями. — *Ред.*) изображается, нам кажется, будто мы самым своим рождением предназначены идти тем же путем. И поскольку эти общераспространенные представления, которые разделяют все вокруг, усвоены нами вместе с семенем наших отцов, они кажутся нам всеобщими и естественными»³⁵.

Переходы от светского образа жизни к затворническому и наоборот сделали Монтеня великим открывателем «публичности», «одиначества в толпе», «трибунала», который судит об индивиду, действующем на виду у других. Он сознательно расщепляет свое существование, когда замечает, «что мудрец должен внутренне оберегать свою душу от всякого гнета, дабы сохранить ей свободу и возможность свободно судить обо всем, — тем не менее, когда дело идет о внешнем, он вынужден строго придерживаться принятых правил и форм»³⁶.

Публичность для Монтеня — пространство, в котором доминирует враждебное индивиду единодушие. «Среди тысячи наших привычных поступков мы не найдем ни одного, который мы совершали бы непосредственно ради себя»³⁷.

Для обостренно воспринимаемого им пространства публичности Монтень изобретает уйму новых понятий. Он вводит — насколько мы сегодня можем это утверждать — слово «le public» («публичность») и наряду с понятием «l'opinion publique» («общественное мнение») — мы не знаем, прочитал ли он его у Цицерона³⁸, у испанского епископа-еретика Присцилиана³⁹ или у Йоханнеса фон Солсбери, — он говорит о «l'opinion commune» («общем мнении»), «l'approbation publique» («общественном одобрении»), «reverence publique» («общественном уважении»).

Почему понятие «l'opinion publique» не пробило себе дорогу, после того как Монтень многократно использовал его, и мы лишь полтора столетия спустя снова встречаем его у Руссо? Вот что думает по этому поводу Мишель Раффель: «Может быть, здесь поможет письмо Этьена Паскера: "... Паскер жалуется, что Монтень нередко позволяет себе использовать неупотребительные слова", которые, если я не ошибаюсь, ему нелегко будет сделать модны-

ми»⁴⁰. Действительно, к середине XVIII в. — накануне Французской революции — понятие «l'opinion publique» вошло в моду.

С тех пор о нем не забывали. Но в течение последующих двухсот лет оно оставалось своего рода неким бесхозным трофеем — вплоть до 1965 г., когда Г. Чайлдс включил его в свою коллекцию из 50 определений общественного мнения, опубликованную в *Public Opinion*. Ни в одной из этих дефиниций, однако, не подчеркивалось, что речь идет о силе, которой никто не может противодействовать безнаказанно, о чем, впрочем, знали уже древние греки.

Общественное мнение в «Песни о Нибелунгах»

Подобно тому как прочесывают лес в поисках заблудившегося, так и мы на майнцском семинаре «прочесывали» тексты с помощью вопросника об общественном мнении. Следующей нашей находкой, где описывалось воздействие общественного мнения, была «Песнь о Нибелунгах» — письменно зафиксированный памятник, появившийся спустя 2000 лет после Гомера.

Слово «общественный» встречается в «Песни о Нибелунгах» единственный раз. Но это единственное упоминание касается сцены, ставшей ключевым моментом для понимания смысла всей трагедии. Это «14-е приключение» — спор королев Кримхильды и Брунхильды за право первой пройти у церковного портала. Действие происходит на площади перед церковью, заполненной толпой (возможно, она и сегодня была бы переполнена, если бы предоставился случай увидеть там сразу двух королев). Во вспыхнувшей по этому поводу перепалке Брунхильде нанесено тяжкое оскорбление: якобы свою первую брачную ночь она провела с Зигфридом, а не с законным мужем Гюнтером. Королева Кримхильда заявила об этом «при всем народе», говорится в «Песни о Нибелунгах», т.е. публично⁴¹. Кто осмелится утверждать после этого, что репутация, общественное мнение в прежние времена были делом элиты, высших слоев?

Карикатура 1641 г.

Аналогичное высказывание мы обнаружили и у Д. Юма: «Правительство основывается не на чем ином, кроме как на мнении». В действительности же Юм повторил то, что за 2000 лет до него сформулировал Аристотель, а затем воспроизвели усердно проштудировавшие его «Политику» Макиавелли и Эразм Роттердамский.

Для Д. Юма мысль о господстве общественного мнения после всего, что свершилось во время двух английских революций в XVII в., была сама собой разумеющейся. В 1641 г., за восемь лет до казни короля Карла I, в Англии появляется карикатура под названием «Мир управляется мнением»⁴². Эта карикатура — своего рода путеводитель в мире общественного мнения.

«Что означает этот хамелеон у твоих ног, который может принимать любой цвет, кроме белого?» — спрашивает помещик у общественного мнения, персонифицированного в образе кроны дерева. И слышит ответ: «МНЕНИЕ может меняться во всех направлениях, но не может стать ИСТИНОЙ».

«Что означают эти многочисленные ростки, рвущиеся из твоих КОРНЕЙ?» — спрашивает знатный господин. «Из одного мнения произрастают — чтобы пропагандировать его — многие отдельные, пока мнение не распространится повсеместно», — говорится в ответ.

«Что означают эти плоды — газеты и книги, — которые с каждым порывом ветра срываются с твоих ветвей, к тому же у тебя завязаны глаза — ты слепой?»

Последний ответ подтвердил уже знакомое нам высказывание Платона, считавшего, что общественное мнение охватывает всех граждан — рабов и свободных, детей и женщин. Эти плоды общественного мнения — газеты и книги — дело не только высшего слоя общества. Их можно встретить везде — на улицах, в витринах магазинов. В последнем вопросе-ответе диалога подчеркивается именно эта мысль: мы находим их в каждом доме, на каждой улице — повсюду.

Почему же общественное мнение — столь серьезная вещь — доверено «sillie foole» (глупцам), и они подпитывают дерево? Да, именно глупцы вливают в него настоящую

жизнь, оживляют его. Представить себе современных глупцов, «подпитывающих» общественное мнение, — это уже дело нашей фантазии.

THE WORLD IS RULED & GOVERNED by OPINION.

Visor Who art thou Lady that dost art sit
In state Maiestique this faire Spreading
Upon thine head a Turre-like Coronet,
The Worldes whole Compasie being thy base
Opinio I am OPINION who the world do raise
Wherefore I beare it on my head that
Is BABELS meaning my confuted waite
The Tree so chagrin, my unfilled Bourne
Visor What meaneth that Charactron on thy feet
That can asume all Cullowes saving white
Opinio OPINION thus can everie wate chare list
Transforme her selfe into TRUTH to say
Visor And Ladies whole the Truth, which from to be
Is shaken of with everie little wind
Like Bachel and paper thy amethyst nose
Beside these Gemmes (tried) to be blind
Opinio To true I cannot as cleare IUDGMENTS see
Through self CONCEIT and haughtie PRIDE
The fruiste that idle boches and libells be
In everie strait, on everie still you find

Visor Cannot OPINION remedie the same
Opinio Ah no then should I perishe in the throng
Of gildes Vulgar, without feare or shame
Who confute all things, bee they right or wrong
Visor But Ladies deere whither came all first to mee
O why doth WISDOME suffer it to grow
And whate the reason the fawne reaching
Is watered by a little Foole below
Opinio Because that FOLLIE giveth life to these
That retails the fruiste of idle Awe
Sith now all Humours utter what they feele
Teth loathing loading of each Mord and foole
Visor And why these saplings from the roots that are
In such abundance of OPINIONS tree
Cause one Opinion many death devils
And propagate till infinitie they bee
Visor Alas sweete Ladies till againe we meete
Opinio But where shall that againe bee I wote Ladies meete
Opinio Opinions found in everie house and street
And going over never in her weete

VIRI CLA. D. FRANCISCO PRIVILANO D. MEDICO. OMNIUM BONARVM AR.
tium et elegantiarum Tautori et Admiratori summo. D. D. D. *Marius Paganus*

Мнение правит миром и воспитывает его.

Гравюра В.Холлера, 1641.

Британский музей, каталог сатирических рисунков, 272.

Haller William. Tracts on Liberty in the Puritan Revolution 1638 — 1647.
Vol. 1. Commentary. New York: Octagon Books Inc., 1965.

Долго немцам,
далеким от политики,
недоставало нужного понятия

Немецкая политическая культура долгое время не обращала особого внимания на общественное мнение. Впервые понятие «общественное мнение» появляется в немецком языке гораздо позднее, чем в английском, французском, итальянском, да при том еще как прямой перевод с французского. Одно время мы полагали, что первым его употребил Клопшток в своей оде «К общественному мнению» (1798). Затем, по окончании работы над «Спиралью молчания», мы обнаружили один из самых ранних фрагментов «Разговора с глазу на глаз» Виланда под названием «Об общественном мнении» (1798). И лишь потом мы открыли Йоханнеса фон Мюллера, который в 1777 г. впервые по-немецки употребил выражение «общественное мнение»⁴³.

Й. фон Мюллер, швейцарский историк и правовед (сегодня мы назвали бы его политологом и публицистом), был страстным оратором, он выступал с лекциями в разных уголках Германии, часто получал приглашения в качестве политического советника и, вероятно, способствовал распространению понятия «общественное мнение».

Чтобы все видели и слышали

Проблемы с переводом понятия существуют и сейчас. Например, при переводе «Спирали молчания» на английский язык трудно было передать социально-психологическое значение понятия «общественность», т.е. публичность как состояние, когда индивида видят все и судят о нем, когда на карту поставлено его имя и популярность, одним словом, общественность выступает как трибунал. Социально-психологический смысл понятия «общественность» можно уловить лишь опосредованным языковым употреблением. Оборот «на виду у *всей* общественности...» произошло то-то и то, показывает нам, о чем идет речь. Никто не скажет, что концерт состоялся «на виду у

общественности". Уже в латинском языке имелся оборот с таким же оттенком значения — «*coram publico*».

Современник Эразма, которого мы изучали на семинаре в Майнце с помощью вопросника, французский гуманист и автор романов Франсуа Рабле, с большей уверенностью говорил «перед людьми», «перед всем миром», используя понятие «*publicquement*»⁴⁴. Какой неожиданностью было обнаружить в XX в., что именно это понятие — «*publicquement*» («при всей общественности») невозможно перевести на английский язык. Недели уходили на поиск решения; я обратилась за помощью к коллегам и студентам в Чикаго. Безрезультатно. Но вот однажды я ехала в такси в Нью-Йорк. Водитель включил радио. Я почти не слушала. Диктор уже заканчивал свое сообщение: «*The public eye has its price*». Я подскочила: перевод был найден. «На виду у общественности» — «на глазах у публики» («*the public eye*»). Выражение точно передавало социально-психологическое значение немецкого понятия «публичность»: каждый может видеть.

Участник майнцского семинара Гуннар Шанно обнаружил корни этого выражения у Эдмунда Бурке (1791)⁴⁵. Бурке говорил не только о «*public eye*» («глазе общественности»), но и о «*public ear*» («ухе публики»), которое мы переводим как «чтобы все слышали». Сказано метко и точно. Интересно, в какой связи? Бурке говорил о том, что характерно для истинного аристократа: например, сизмальства привыкать к критической оценке публики — *the public eye* («с раннего возраста учитывать мнение публики»), «*to look early to public opinion*». Этому учили государей уже Эразм и Макиавелли: нельзя прятаться от публики, надо всегда быть на виду⁴⁶.

Ницше — вдохновитель Уолтера Липмана

Вероятно, большая часть того, что немецкие авторы XIX в. писали об общественном мнении и социальной природе человека, пока еще неизвестна. Практически случайно Курт Браатц обнаружил у Г. Чайлдса ссылку на немецкого автора середины XIX в., который в Германии почти забыт. Ни ведущий теоретик общественного мнения первой по-

ловины XX в. Ф. Тённис, ни известный историк Вильгельм Бауэр его не упоминали в своих работах.

Речь шла об опубликованной в 1846 г. рукописи Карла Эрнста Августа Фрайхера фон Герсдорффа, пожизненно-го члена Прусского дома, доктора философии, под названием «О понятии и сущности общественного мнения. Опыт исследования». Вероятно, Чайлдс познакомился с этой рукописью во время учебы в Германии в 30-е годы, но упомянул о ней только в середине 60-х годов в своей книге «Общественное мнение». И лишь потому, что Браатц особенно интересовался Ницше, ему бросилось в глаза сходство с именем его друга и секретаря Карла фон Герсдорффа.

В ходе дальнейших поисков выяснилось, что молодой человек, помогавший Ницше в его работе над «Несвоевременными размышлениями» (1872—1873), был сыном автора рукописи об общественном мнении. И если Ницше никогда не упоминал ни это сочинение, ни имя его автора, все же примечателен тот факт, что он начал в эти годы усиленно интересоваться проблемой общественного мнения и часто упоминает о нем в своих работах. Чтобы удостовериться, что Ницше имел особый интерес к феномену общественного мнения, Браатц обратился к работникам Веймарского архива Ницше, где хранится его личная библиотека, и попросил проверить, выделены ли места, посвященные теме общественного мнения, в книгах ряда авторов, имеются ли заметки на полях. Из Веймара пришел утвердительный ответ. Досконально изучив рукопись старшего фон Герсдорффа и сравнив его суждения с высказываниями Ницше об общественном мнении, Браатц смог показать, что Ницше перенял многие близкие к социальной психологии идеи Герсдорффа⁴⁷. Фон Герсдорфф описывает общественное мнение в сегодняшнем его значении: «Общественное мнение, как я его понимаю, должно всегда существовать в духовной жизни людей... пока люди живут в сообществе... следовательно, оно не может отсутствовать, или временно исчезать, или быть уничтоженным, оно всегда и везде есть». Оно не подлежит никакому ограничению в теме, и его «лучше всего обозначить как общность оценок народом социальных объектов своей жизни, лежащую в основании обычаев и истории, образующуюся, утверждаю-

щуюся и меняющуюся в процессе жизненных конфликтов». «Наконец, общественное мнение, как известно, является общим достоянием всего народа»⁴⁸.

Изучая высказывания Ницше об общественном мнении, Браатц попытался обнаружить все, что так или иначе было связано с этим понятием и что нам еще не было известно при подготовке «Спирали молчания». В частности, он установил, что понятие «социальный контроль» впервые употребил Герберт Спенсер в «Принципах этики» в 1879 г. и лишь позднее — благодаря работам Эдварда Росса — оно получило широкий научный резонанс.

Отдавая дань заслуженному успеху книги У. Липмана «Общественное мнение» (1922), все же заметим, что многие ее выводы навеяны взглядами Ницше. Это касается роли стереотипа как оси общественного мнения, а также ведущего положения о прямой зависимости наблюдений от позиции самого наблюдателя, которое у Ницше звучит так: «Есть только перспективное видение, только перспективное “познание”»⁴⁹. Но непристойную практику различать *Общественное Мнение* с большой буквы и *общественное мнение* с маленькой буквы также придумал не сам Липман, а заимствовал у Ницше.

Примечания

¹ См.: Tönnies F. Kritik der öffentlichen Meinung. Berlin, 1922, S. 394.

² См.: Literaturstudien zur öffentlichen Meinung. Leitfaden zur Textanalyse. Siehe Anhang, S. 352—354.

³ См.: Jünger E. Der Waldgang. Frankfurt/Main, 1962, S. 363.

⁴ Frisch M. Öffentlichkeit als Partner. Frankfurt/Main, 1979, S. 63; см. также S. 56, 67.

⁵ См.: Eckert W. Zur öffentlichen Meinung bei Machiavelli — Mensch, Masse und die Macht der Meinung. Magisterarbeit. Mainz, 1985.

⁶ Henri IV. Teil 1,3. Akt; vgl. in diesem Buch S.94.

⁷ Erasmus von Rotterdam (1516), 1968; Fürstenerziehung. Institutio Principes Christiani. Die Erziehung eines christlichen Fürsten. Einführung, Übersetzung und Bearbeitung von Anton J. Gail. Paderborn: Schöningh, 1968, S. 89, 107, 149, 185, 213; см. также: Erasmus von Rotterdam in Selbstzeugnissen und Bildokumenten dargestellt von Anton J. Gail. Reinbek, Rorohlt, 1981, S. 62 ff.

⁸ См.: Erasmus von Rotterdam. Op. cit., S. 149 ff., 183, 201; Machiavelli N. Der Fürst. Übersetzt und hg. von Rudolf Zorn. Stuttgart, 1978, ch. 18, 19.

- ⁹ Приведенные пассажи совпадают с аристотелевскими рассуждениями. — См.: Аристотель. Политика, 1312b 18—20; 1313a 14—16; 1314a 38—40; 1314b 14—19, 38—39.
- ¹⁰ См.: Geldner F. Die Staatsauffassung und Fürstenlehre des Erasmus von Rotterdam. Historische Studien, H. 191. Berlin, 1930, S. 161. К вопросу о том, был ли Эразм знаком с трудами Макиавелли, см., например, работы: Machiavellis möglicherweise kannte, vgl. beispielsweise Renaudet A. Erasme et l'Italie. Genève, 1954, p. 178; Weiland J. S., u.a. (Eds.). Erasmus von Rotterdam. Die Aktualität seines Denkens. Hamburg, 1988, S. 71.
- ¹¹ См.: The Statesman's Book of John of Salisbury. Being the Fourth, Fifth, and Sixth Books, and Selections from the Seventh and Eighth Books, of the Policraticus. Translated into English with an Introduction by John Dickinson (1927). New York, 1963, p. 39, 130, XXII.
- ¹² 2 Цар. 6: 20.
- ¹³ Там же, 6: 22.
- ¹⁴ Там же, 10: 4, 5.
- ¹⁵ См.: Lamp E. Öffentliche Meinung im Alten Testament. Eine Untersuchung der sozialpsychologischen Wirkungsmechanismen öffentlicher Meinung in Texten alttestamentlicher Berlieferung von den Anfängen bis in babylonische Zeit. Diss. phil. Mainz, 1988.
- ¹⁶ См.: The Statesman's Book of John of Salisbury..., p. 130.
- ¹⁷ Ibid., p. 38.
- ¹⁸ См.: Yavetz Z. Caesar in der öffentlichen Meinung. (Schriftenreihe des Instituts für Deutsche Geschichte, Universität Tel Aviv, Bd. 3.). Düsseldorf, 1979, S. 186 ff.
- ¹⁹ См.: Richelieu A. du Plessis Cardinal de. Testament Politique. Edition critique publiée avec une introduction et des notes par Louis André et une préface de Leon Noel. Paris, 1947, p. 220, 236 ff., 373 f., 450; понятие «мировая общественность» ассоциируется с использованием понятий «мировая репутация» («reputation du monde», p. 104) и «мнение самой большой партии мира» («l'opinion de la plus grande partie du monde», p. 112); см. также: Albertini R. von. Das politische Denken in Frankreich zur Zeit Richelieus. (Beihefte zum Archiv für Kulturgeschichte, H. 1). Marburg, 1951, S. 185.
- ²⁰ Цит. по: Ziegler W. Beschreibung im Brief vom 15. August 1989.
- ²¹ См.: Zimmermann T. Das Bewusstsein von Öffentlichkeit bei Homer. Magisterarbeit. Mainz, 1988, S. 72—83.
- ²² См.: Uexküll T. von. Grundfragen der psychosomatischen Medizin. Reinbek, 1964, S. 174.
- ²³ См.: Le Goff J. Kann denn Lachen Snde sein? Die mittelalterliche Geschichte einer sozialen Verhaltensweise. — *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, № 102, 3.5.1989, № 3.
- ²⁴ Гомер. Илиада. М., 1986, песнь вторая, ст. 149—154; 189; 198—199; 216—219; 270.
- ²⁵ Thukydides. Geschichte des Peloponnesischen Krieges. Hg. und übertragen von Georg Peter Landmann. München, 1981, S. 140 f.

- 26 Ibid., S. 139. См. также: Noelle - Neumann E. Das Bundesverfassungsgericht und die ungeschriebenen Gesetze — Antworten Ernst Benda. Die öffentliche Verwaltung 35, 1982, H. 21, S. 883—888.
- 27 См.: Локк Дж. Опыт о человеческом разуме. СПб., 1898.
- 28 См.: Platon. Sämtliche Werke. Hg. von E. Loewenthal. Köln, 1969, Olten, B. 3, S. 488 f.
- 29 Platon. Laws. London, 1961, p. 159.
- 30 Jäckel A. Ungeschriebene Gesetze im Lichte der sozialpsychologischen Theorie öffentlicher Meinung. Magisterarbeit. Mains, 1988, S. 46.
- 31 См.: Raffel M. Der Schöpfer des Begriffs «Öffentliche Meinung». Michel de Montaigne. — *Publizistik*, 29, 1984, S. 49—62; Ders. Michel de Montaigne und die Dimension Öffentlichkeit. Ein Beitrag zur Theorie der öffentlichen Meinung. Diss. phil. Mainz, 1985.
- 32 Монтень М. Э. Опыты. Книга вторая. М., 1991, с. 223.
- 33 Монтень М. Э. Опыты. Книга первая. М., 1991, с. 93.
- 34 Там же, с. 85.
- 35 Там же, с. 91.
- 36 Там же, с. 94.
- 37 Там же, с. 180.
- 38 См.: Цицерон. Письма к Аттику (Cicero ad Atticum VI.1, 18, 2).
- 39 См.: Priscillianus. Opera. Priscilliane quae supersunt. Maximem partem nuper detexit adiectisque commentariis criticis et indicibus primus edidit Georgius Schepss. Praegae, Vimdobonae. F. Tempsky/Lipdiae, 1889, S. 92.
- 40 Pasquer E. Lettres XVIII. Choix des lettres. Hg. von Thickett, S. 42—44; цит. по: Donald M. F. Montaigne. A Biography. New York, 1965, p. 310.
- 41 См.: Das Nibelungenlied. In der Übersetzung von Felix Genzmer. Stuttgart, 1965, S. 138.
- 42 См.: Haller W. Tracts on Liberty in the Puritan Revolution 1638—1647, vol. 1, Commentary. New York, 1965. Я весьма признательна Дитеру Рейгберу, архивному работнику Алленсбахского института демоскопии, который обратил мое внимание на эту карикатуру.
- 43 См.: Müller J. von. Zuschrift an alle Eidgenossen. — Sämtliche Werke. Siebenundzwanzigster. Theil. (Nachlese kleiner historischer Schriften). Hg. von Johann Georg Müller. Tübingen, 1977, S. 41.
- 44 См.: Rabelais F. Œuvres complètes. Texte établi et annoté par Jacques Boulenger. Ed. rev. et compl. par Lucien Scheler. Paris, 1955, p. 206, 260, 267.
- 45 См.: Burke E. An Appeal from the New to the Old Whigs. — The Works of the Right Honourable Edmund Burke. New York, 1975, vol. IV, p. 66.
- 46 См.: Erasmus von Rotterdam. Op. cit., S. 201; Machiavelli N. Der Fürst, Kap. 18.

- ⁴⁷ CM.: Braatz K. Friedrich Nietzsche — Eine Studie zur Theorie der öffentlichen Meinung. (Monographien und Texte zur Nietzsche-Forschung, Bd. 18). Berlin—New York, 1988.
- ⁴⁸ Gersdorff C. E. A. von. Über den Begriff und das Wesen der öffentlichen Meinung. Ein Versuch. Jena, 1846, S. 10, 12, 5.
- ⁴⁹ Nietzsche F. Zur Genealogie der Moral. — Dritte Abhandlung: Was bedeuten asketische Ideale? § 12. Ders., Werke. Kritische Gesamtausgabe. Hg. von Giorgio Colli, Mazzino Montinari. Berlin—New York, 1967, VI, S. 383.

НА ПУТИ К ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

В середине 30-х годов мир напряженно следил за тем, выдержит ли испытание метод репрезентативных опросов населения в прогнозах выборов американского президента в 1936 г. А через несколько месяцев вышел в свет первый номер нового ежеквартальника *Public Opinion Quarterly* со вступительной статьей Ф.Г. Олпорта «На пути к науке об общественном мнении». 20 лет спустя, в 1957 г., *Public Opinion Quarterly* опубликовал исследование Г.Г. Хаймана со столь же обнадеживающим названием — «На пути к теории общественного мнения».

В следующий раз — уже в 1970 г., когда ключевое слово снова появилось на страницах *Public Opinion Quarterly*, — напряжение сменилось нетерпением. В публикации речь шла о протоколе 25-й ежегодной конференции Американской ассоциации исследований общественного мнения, включавшем материалы заседания «На пути к теории общественного мнения», на котором выступили два профессора Чикагского университета — психолог Брустер Смит и политолог Сидней Верба. Психолог говорил о том, что исследователи «еще не занимались серьезно вопросом о том, как индивиды выражают свое мнение, чтобы вызвать социальные и политические последствия. Проблема формулирования, часть любой концепции общественного мнения... для политической науки и для социологии имеют непреложное значение»¹. Политолог же заявил: «Большая часть исследований политических мнений не имеет значения для развития макрополитической теории, которая занимается соотношением массовых установок и

массового поведения и важными политическими результатами. Это связано преимущественно с тем, что опросы концентрируются чаще всего на индивидах как единицах анализа...»².

В принципе оба выступавших хотели получить ответ на вопрос: «Как, собственно, сумма индивидуальных мнений, выявленных эмпирическим социальным исследованием, превращается в мощную политическую силу, называемую “общественное мнение”?»

Никакого понятия об общественном мнении

Вопрос долгое время оставался без ответа, потому что никто не увязывал его с сильной политической властью. Среди 50 определений общественного мнения, собранных Г. Чайлдсом во второй части его знаменитой книги «Общественное мнение», много оказалось таких, где, образно говоря, барометр путали с погодой: «Общественное мнение состоит из реакций людей на высказывания или вопросы в фиксированной формулировке в условиях интервью»³. Или: «Общественное мнение не обозначение для чего-то, а классификация целого ряда “чего-то”, который при статистическом упорядочении в соответствии с частотными распределениями обнаруживает состояния или соотношения величин, которые вызывают интерес или привлекают внимание»⁴.

Частотные распределения при статистической упорядоченности — как они могут свергнуть правительство или нагнать страху на кого-то?

Спираль молчания не соответствует демократическим идеалам

Первое представление теории спирали молчания на Международном психологическом конгрессе в Токио в 1972 г. не было воспринято как прогресс на пути к теории общественного мнения; так же была воспринята спираль молчания в 1980 г. с выходом моей книги в Германии и в 1984 г. — ее переводом на английский язык. И этого следовало бы ожидать — в ней не просматривался гражданин,

этот политический идеал демократической теории. Страх перед правительством и страх индивида не учитывались классической теорией демократии. Социальная природа человека, социальная психология и проблема сохранения сплоченности человеческого общества — этими темами теория демократии не занималась.

Немецко-американский исследовательский коллектив (Вольфганг Донсбах из Майнцкого университета и Роберт Л. Стивенсон из Университета Северной Каролины в Чэпел-Хилле) проверили гипотезу о спирали молчания в вопросах Института коммуникационных исследований при Университете Северной Каролины и получили подтверждение тенденции к отталчиванию одного лагеря в противоречивом вопросе о легализации абортс. В то же время они пришли к совершенно пессимистическому выводу относительно того, какими научными средствами можно защитить спираль молчания. Теория, как известно, состоит из длинной цепи тезисов, цепи причинных связей. «Эта цепь, — писали Донсбах и Стивенсон, — начинается с социально-психологической переменной — страха перед изоляцией, — а заканчивается тенденцией к разговорчивости и отталчиванию — на микросоциологическом уровне — и интеграцией системы общества — на макросоциологическом»⁵. Каждое звено в этой цепи уязвимо. Кроме того, теория объединяет тезисы из совершенно различных областей, которые традиционно рассматриваются наукой как отдельные, в частности как гипотезы о поведении и установке, гипотезы из теории коммуникаций, гипотезы из теории общества⁶. Может быть, Донсбах и Стивенсон действительно правы, утверждая, что существует разрыв в теории спирали молчания: она не учитывает границы между различными дисциплинами. Однако ученые очень часто не придают значения диалогу со смежными дисциплинами.

Что нужно знать, чтобы анализировать общественное мнение

Прогресс в развитии теории общественного мнения, возможен при условии четкого представления, что означает общественное мнение и каковы условия для его эмпирического изучения.

Для облегчения этой задачи был составлен список из шести вопросов-рекомендаций⁷, ответы на которые дали бы информацию, необходимую для проверки теории общественного мнения, в названии которой использовались ключевые слова — «спираль молчания».

1. Выяснить путем обычного опроса, как распределяются мнения населения на заданную тему.
2. Выяснить, каковы оценки климата мнений: «Что думает об этом большинство людей?» Часто эти оценки дают совершенно иную картину.
3. Спрогнозировать дальнейшее развитие контroversы: какая сторона победит, какая — ослабит свои позиции.
4. Измерить готовность высказаться и тенденцию отмалчиваться, особенно при публичном обсуждении этого вопроса.
5. Проверить эмоциональную окрашенность темы, насыщенность ее моральными суждениями. По вопросам, не содержащим морально-эмоциональных оценок, давление общественного мнения не ощущается, т.е. не возникает спираль молчания.
6. Определить генеральную линию средств массовой информации в этом вопросе. Какую сторону поддерживают влиятельные средства массовой информации? Они являются одним из двух источников формирования суждений о климате мнений. Кроме того, влиятельные средства массовой информации вооружают других журналистов и приверженцев поддерживающей их стороны необходимыми словами и аргументами и, таким образом, оказывают влияние на процесс общественного мнения, на готовность высказаться и тенденцию отмалчиваться.

Молчаливое большинство не опровергает спирали молчания

Чтобы упростить научный поиск, некоторые исследователи, проверявшие спираль молчания, предложили не учитывать по крайней мере средства массовой коммуника-

ции⁸. Но если пойти по этому пути, то в вопросах, по которым проводимая средствами массовой информации линия и мнение населения сильно расходятся, тезисы спирали молчания не подтверждаются. Спираль молчания, противоречащую проводимой средствами массовой информации линии, мы до сих пор не обнаруживали. Готовность высказаться усиливается при ощущении поддержки со стороны средств массовой информации. Достаточно вспомнить в этой связи приводимый нами пример об отношении к судье — члену коммунистической партии⁹.

Меньшинство, поддерживавшее это мнение, знало, что оно меньшинство, и тем не менее проявило гораздо большую готовность говорить, чем превосходившее его по численности большинство молчавших. Ибо последние чувствовали отсутствие поддержки со стороны средств массовой коммуникации, а потому предпочли молчать. Английский карикатурист 1641 г. был прав, изобразив «дерево» общественного мнения, увешанное газетами и книгами¹⁰. Пример с судьей-коммунистом вряд ли кому будет понятен через 10—20 лет. Давление общественного мнения рассеивается, подобно грозovým облакам. Углубившись в пожелтевшие газеты тех лет, мы вряд ли ощутим линию, проводимую средствами массовой информации в вопросе о так называемом «Указе о радикалах», который запрещал прием на работу государственных чиновников-коммунистов.

Процесс общественного мнения: ядерная энергия

Шесть вопросов из приведенного выше списка помогают организовать монографическое исследование и спрогнозировать ситуацию. Когда речь заходит о том, что волнует население, например ядерная энергия, моральный аспект этого вопроса — угроза безопасности будущих поколений — и проводимая средствами массовой коммуникации линия¹¹, можно ожидать, что противники ядерной энергии на публике проявят готовность высказаться по этой проблеме, а сторонники ядерной энергии охотнее предпочтут молчать и что в климате мнений противники ядерной энергии будут представлены гораздо шире, чем

это имеет место в действительности; это предположение подтвердила Сабине Матес в своей дипломной работе¹². Лишь когда из числа сторонников останутся представители твердого ядра (*hard core*¹³ — твердый орешек), можно ожидать, что они будут более напористыми и разговорчивыми на публике, чем их противники.

На какие предположения опирается теория

Какая теория лежит в основе этого монографического исследования? Еще раз вкратце изложим ее.

Теория спирали молчания исходит из того, что общество — не только знакомые друг с другом группы — угрожает изоляцией, отторжением индивидам, отклоняющимся от консенсуса, и что, с другой стороны, индивиды обладают — часто неосознанным, вероятно, генетически укорененным — страхом перед изоляцией. Этот страх побуждает их постоянно выяснять, какие мнения и способы поведения одобряются, утверждаются или не одобряются, постоянно искореняются в их окружении. Теория подтверждает квазистатистический смысл выносимых людьми оценок, оказывающих влияние на их речь и поведение. Если люди считают, что соответствуют консенсусу общественного мнения, они более уверены в себе и участвуют в разговоре, частном или публичном, демонстрируют свои убеждения, например значками, наклейками, одеждой и другими доступными для публичного обозрения символами. Если же люди убеждены, что их меньшинство, они становятся осторожными и молчаливыми, усиливая у общественности впечатление слабости своего лагеря, пока этот лагерь действительно не сократится до малого твердого ядра, которое крепко держится за прежние ценности, или пока не будет объявлено табу на него.

Проверка нашей теории сложна, поскольку она базируется на четырех отдельных предположениях и подкрепляется пятым, касающимся взаимосвязи первых четырех. Суть этих предположений в следующем:

1. Общество применяет угрозу изоляции по отношению к отклоняющемуся индивиду.

2. Индивиды постоянно испытывают страх перед изоляцией.
3. Из страха перед изоляцией индивиды постоянно пытаются оценить климат мнений.
4. Результат такой оценки влияет прежде всего на их публичное поведение, в частности, оно проявляется в демонстрации или утаивании мнений, т.е., в предпочтении высказаться или отмолчаться.

Пятое предположение сочетает четыре вышеперечисленных и объясняет на этой основе формирование, отстаивание, поддержание и изменение общественного мнения.

Чтобы эмпирически проверить эти предположения, их следует перевести в наблюдаемые индикаторы, т.е. в ситуации, поддающиеся демоскопическому интервью.

Проверка угрозы изоляции

Исходит ли от общественного мнения угроза изоляции? Защищается ли общественное мнение угрозой изоляции по отношению к инакомыслящим? Находит ли себе дорогу новое общественное мнение с помощью угрозы изоляции?

Мы считали себя либеральным обществом. «Либеральный» звучит симпатично, так считают 52% опрошенных¹⁴, «терпимость» и есть то качество, которое 64% современных родителей хотели бы воспитать у своих детей¹⁵.

Угрожать изоляцией тому, кто думает иначе, чем принято в общественном мнении, — это, несомненно, проявление нетерпимости. Поэтому трудно задавать подобный вопрос в демоскопическом интервью. Тем не менее некоторые формы угрозы изоляции уже были описаны нами, например случаи прокола шин у автомобиля с символической отвергаемой партией¹⁶. Во время избирательной кампании мы использовали тест, в котором приехавшему в незнакомый город автомобилисту не хотят ответить на вопрос: «Как проехать...?» — поскольку у него на пиджаке красовался значок партии. «Как Вы думаете, какой?» — так заканчивался вопрос теста¹⁷. Мы задавали вопрос, плака-

ты каких партий особенно часто оказывались испачканными или разорванными, и рассматривали такие действия как публичную угрозу изоляции сторонников этой партии¹⁸.

Но мы ошибались В «Спирали молчания» издания 1980 г. об этом сказано достаточно подробно¹⁹.

В Майнце мы начали серьезно заниматься этой темой. Сабина Холицки подготовила дипломную работу «Угроза изоляции — социально-психологические аспекты публицистско-научной концепции»²⁰. Ангелика Альбрехт посвятила свой диплом другой проблеме: «Смех и улыбка — изоляция или интеграция?»²¹ Вспомнили мы и об акустических сигналах, который изобретательный С. Милгрэм использовал в качестве угрозы изоляции²², — уничижительный свист, шум, высмеивание. Однако прошло немало времени, пока наконец в 1989 г. искомый тест не был найден. Он был совсем простой. Нам следовало придерживаться сигналов к конформному поведению, описанных в специальной научной литературе (преимущественно по социальной психологии), несмотря на то что в ней не упоминалось общественное мнение²³.

Мы сразу же опробовали тест на теме ядерной энергии, сначала с использованием индикатора освистывания, а затем — при сменяющих друг друга темах — на индикаторы шума и высмеивания. В первом варианте вопрос звучал так: «Хочу рассказать Вам недавний случай, имевший место во время публичной дискуссии по проблемам ядерной энергии, собравшей огромную аудиторию. Выступали два основных докладчика. Один говорил в защиту ядерной энергии, другой — против. Одного из выступавших публика освистала. Как Вы думаете, кого освистали: того, кто “за” ядерную энергетику, или того, кто “против”?» Большинство — 72% опрошенных — считало, что освистали защитника ядерной энергетики, 11% полагали, что освистан противник. Менее 1/5 населения не имело мнения своего по этому вопросу²⁴. (см. табл. 27).

Не было никакого сомнения в том, что угроза изоляции существует и население знает, за какие взгляды. Несколько недель спустя тест был опробован в Англии. Наш коллега Роберт Дж. Выброу из британского Института Гэллапа включил его в многотемный опрос (из 1000 интервью) и вскоре сообщил о своих результатах. В Англии

ТЕСТ НА УГРОЗУ ИЗОЛЯЦИИ В ГЕРМАНИИ И АНГЛИИ
НА ТЕМУ «АТОМНАЯ ЭНЕРГИЯ», %

<i>Вопрос: «Хочу рассказать Вам недавний случай, имевший место во время публичной дискуссии по проблемам ядерной энергии. Выступали два основных докладчика. Один говорил в защиту ядерной энергии, другой — против. Одного из выступавших публика освистала. Как Вы думаете, кого освистали: того, кто “за” ядерную энергетику, или того, кто “против”»?</i>		
	февраль 1989 г. ФРГ	март 1989 г. Великобритания
«За»	72	62
«Против»	11	25
Не ответили	17	13
	100	100

Источники: Германия — Институт демоскопии, Алленсбах, опрос 5016, вопрос № 38, 2213 опрошенных.

Великобритания — Институт социальных исследований (Гэллага), 1000 опрошенных.

сторонники ядерной энергии тоже составили меньшинство в климате мнений, но не столь малочисленное. Сомнений не было — враждебный климат мнений будет сказываться на склонности публично высказаться, говорить или молчать. Важен был тот факт, что англичане приняли вопрос. Теория общественного мнения перешагнула границы. Она, безусловно, должна учитывать национальные особенности, но и истинность ее должна подтверждаться международно.

Поэтому тесты должны быть сформулированы так, чтобы их можно было применить в разных культурах. Я вспомнила об изысканном стиле обращения друг с другом в Японии и не сомневалась, что новый тест на угрозу изоляции будет вполне пригоден для использования в этой стране. Даже американские студенты не остались равнодушными, когда я ознакомила их с тестом о проколотых шинах в машине с символикой отвергаемой партии.

На семинаре в Чикагском университете я обсуждала этот вопрос с японским студентом. Хироаки Минато отверг предложение применить наш тест в Японии. Мы пе-

репробовали много вариантов, и примерно часа через два он сказал: «Этот тест подойдет». Вопрос скорректирован следующим образом: «Встретившись, соседи заговорили о ядерной энергии. Один из них высказался “за” ядерную энергетику, другой — “против”. Позднее до одного из участников разговора дошел слух, что никто не разделяет его мнения. Как Вы думаете, о ком из двоих шла речь?»

Тест на страх перед изоляцией

Существует ли страх перед изоляцией? Эксперименты Эша и Милгрэма²⁵ доставили огорчение многим американцам. Милгрэм повторил — слегка модифицировав — свои эксперименты во Франции и Норвегии, желая узнать, только ли американцы склонны проявлять конформизм или он свойствен и европейским нациям.

Предположение, что американцы тоже могут испытывать чувство страха перед изоляцией, так обидело однажды аудиторию на лекции в Чикагском университете, что многие слушатели покинули зал. Было ясно, что в интервью нельзя напрямую спрашивать: «Бойтесь ли вы изоляции?» Хотя во время тестирования спирали молчания этот вопрос однажды был задан в Америке. Мне часто говорили, что в концепции спирали молчания я слишком подчеркиваю иррациональные и эмоциональные моменты в конформизме, что равнозначно было обвинению в недооценке хороших, рациональных оснований для конформизма. Естественно, это было продолжением старого спора между европейскими и американскими социальными учеными. У американцев давние традиции предпочтения рациональных объяснений человеческого поведения.

Как следовало бы тестировать страх перед изоляцией? Один из возможных вариантов описан выше, в гл. III (см. с. 73), где говорится о курении в присутствии некурящих. Тест угрозы — предъявление курильщику листка с картинкой, один из персонажей которой с возмущением говорит: «Я считаю, курильщики — бесцеремонные люди. Они вынуждают других вдыхать вредный дым», — однозначно напугал курильщиков. Но он не приблизил нас к тому, чего требовали наши американские коллеги, — добиться измерения страха перед изоляцией²⁶.

Мы обратились к исследованиям, предпринятым еще в середине XIX в. (во времена Ч. Дарвина), которые, имея иные исходные позиции, в 40—50-е годы дали расцвет особой области исследований, названной групповой динамикой²⁷. Нас заинтересовали прежде всего вопросы, связанные с групповой сплоченностью, например что объединяет группы людей, что обеспечивает их существование? Что предпринимает группа, если отдельные члены нарушают правила и тем самым грозят ей разрушением? С. Холицки открыла эти работы, собирая материалы по проблеме страха перед изоляцией²⁸.

Она обнаружила, что групповая динамика в своих экспериментах проходит три стадии. В первой фазе отклоняющегося, нарушающего правила индивида группа пытается убеждениями и дружелюбностью вернуть в группу. Если это не удастся, во второй фазе отклоняющемуся индивиду угрожают исключением из группы. Если и это не помогает, наступает третья фаза: «Группа заново определяет свои границы» (в понятиях групповой динамики), — из чего следует, что отклоняющийся индивид исключен из группы²⁹.

Подобное групповое давление мы встречали уже у Эдварда Росса: пока индивид не уйдет из жизни и общества³⁰. Одно лишь странно: представители групповой динамики, изучая, что поддерживает единство группы, почему-то не сделали следующего шага в этом направлении — не попытались выяснить, что поддерживает единство общества. Тогда бы они непременно натолкнулись на феномен общественного мнения в смысле социального контроля.

Но ключевые слова «общественное мнение» нигде не упоминаются во всех этих работах по групповой динамике. Нет их и у Ирвинга Гоффмана, который, систематически занимаясь социальными исследованиями, в 50—60-е годы пришел к тому же выводу, который 350 лет назад сформулировал Мишель Монтень в своих «Опытах», опубликованных в 1588 г.: человек должен вести себя предельно осторожно в условиях публичности. Индивид не один, писал Гоффман, пока рядом находится хоть один человек, а если его окружают многие — тем скорее он меняется, помня о том, что другие люди формируют мнение о нем.

Гоффман прорывает завесу научной слепоты относительно социально-психологического смысла понятия «общественность», игнорируемого исследователями. Лаконично и емко название его основополагающего труда — «Поведение в общественных местах»³⁰. Впрочем, название любой из работ Гоффмана, опубликованных в 1955—1971 гг., выражает его понимание социальной природы человека и все горькие последствия, обусловленные именно его социальной природой³¹. В ходе исследований поведения индивида Гоффман обнаруживает у Дарвина описание многих физических признаков социальной природы человека. Нам повезло, что в поисках доказательств страха перед изоляцией мы можем сослаться на книгу Дарвина «Проявления эмоций у человека и животных» (1873). В гл. 13, касаясь темы «неприятных ощущений», Дарвин описывает ряд телесных проявлений социальной природы человека — покраснение, побледнение, потливость, заикание, нервные движения, дрожь в руках, сдавленный, прерывающийся, неестественно высокий или низкий голос, подобие улыбки, отсутствующий взгляд, который Дарвин прокомментировал следующим образом: человек, пытаясь избежать наблюдений со стороны других, даже ограничивает свой визуальный контакт³².

Дарвин разрабатывает положение о пороге между индивидом, ориентированным вовне, и индивидом, ориентированным внутрь: ориентированный вовне индивид следует своей социальной природе, и такой объективный признак, как покраснение — не характерный для зверей, — подтверждает социальную природу человека. Он разграничивает чувство вины, стыдливость и сожаление: человек может испытывать внутренний стыд из-за небольшой лжи не краснея, но, как только у него создается впечатление, что кто-то обнаружил его ложь, он краснеет. Боязливость, по словам Дарвина, ведет к покраснению. Но боязливость — это не что иное, как восприимчивость относительно представления о том, что думают обо мне *другие*.

Дарвин никогда не употреблял понятия «общественное мнение». Он не говорил о страхе перед изоляцией, но его наблюдения однозначно приводят к заключению, что человек — социальное существо, которое думает о мнении других людей, представляет себе, как выглядит в глазах других, и надеется, что никто не указывает на него паль-

чем — наяву или мысленно. Даже если хорошим поступком человек привлекает к себе всеобщее внимание, большинство все же испытывает при этом чувство замешательства.

В противоположность этому Ирвинг Гоффман предполагал, что испытываемое человеком чувство замешательства — это всего лишь слабое наказание, с помощью которого общественность заставляет человека вести себя как полагается³³. Михаэль Халлеман (Майнц) отверг это предположение, показав в своей докторской диссертации, что сожаление не просто слабое наказание, а реакция на ситуации, в которых человек чувствует себя изолированным (даже если это герой, спасший ребенка, и к нему приковано всеобщее внимание³⁴ (см. ниже, табл. 28).

Все началось с открытия экспериментов над собой, описанных Сабиной Холицки. На одной из конференций она узнала из выступления ван Зуурена³⁵ о группе молодых ученых из Голландии, проводивших эксперименты над собственным ощущением сожаления. Так, например, участники эксперимента останавливались на оживленной улице посреди мощного потока пешеходов, чтобы узнать, что будут испытывать под их злыми взглядами; в полупустом кафе они подсаживались к столику, за которым уже сидела влюбленная парочка, и проверяли свои ощущения при таком нарушении правил поведения; в одном и том же магазине они дважды покупали одну и ту же вещь через короткий промежуток времени; в чужом высотном доме поднимались на лифте на самый верхний этаж и там оставались какое-то время. Одна из участниц эксперимента рассказывала, что еще у входа в дом она со страхом начинала думать, как ответить, если спросят, что ей понадобилось там, наверху. «Мне вдруг стало ясно, сколь смешно я должна выглядеть в своей розовой блузке и розовых брюках».

Эксперименты над собой показали, что прежде всякого социального контроля существует некий внутренний контроль — предчувствие, ожидание угрозы изоляции извне. Сама мысль о том, насколько неприятна *будет* подобная ситуация, помогает индивиду исправить свое поведение, нарушающее правило или не совпадающее с общественным мнением, прежде чем коллектив, социальный конт-

роль извне, вмешивался в ситуацию или вообще замечал планируемое индивидом нарушение.

Многие голландцы — участники экспериментов над собой — рассказывали, что им хотелось отказаться от запрограммированного поступка. Эта область исследований привлекла и Дж. Г. Мида из Чикагского университета, написавшего работу по «символическому интеракционизму». «Символическое взаимодействие», считал Дж. Г. Мид, представление о том, что подумают другие, как они будут реагировать, влияет на индивида с такой силой, как если бы это происходило в действительности. Но социологи того времени были настолько далеки от этого мира беззвучного внутреннего диалога человека и его боязливой социальной природы, что Мид не смог при жизни опубликовать другие свои книги. Главный труд Мида, который нам сегодня доступен и который мы изучали на семинарах по общественному мнению в Майнце³⁶, восставили его студенты по записям во время лекций³⁷.

Социальная природа проявляется в чувстве сожаления

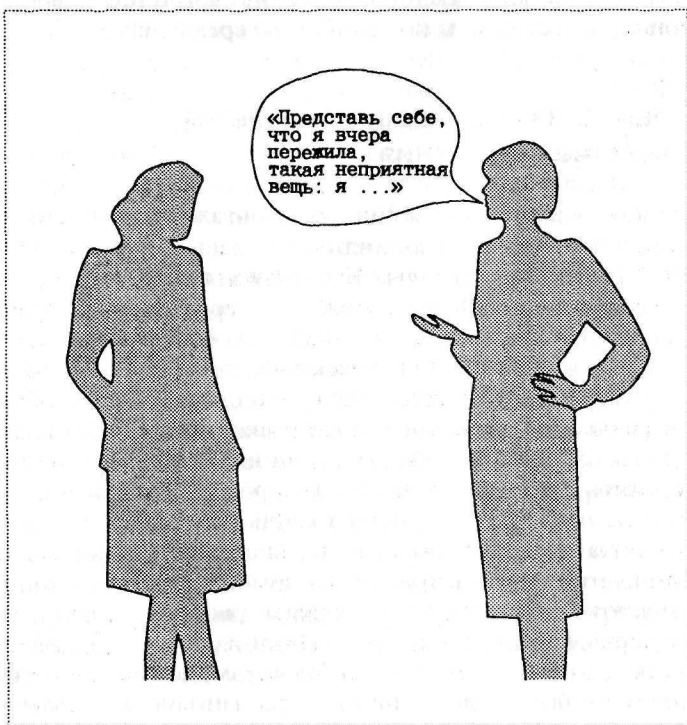
В школе-семинаре в Майнце мы работали над концепцией спирали молчания. Как индивид узнаёт об угрозе изоляции? Каковы ее сигналы? Как индивид переживает страх перед изоляцией? Как его можно измерить? Одна из рабочих групп решила провести опыт над собой. Как известно, карнавал в Майнце «ночь бочек» — великое событие. Можно с уверенностью утверждать, что существует всеобщее согласие по этому поводу. И вот на оживленной улице студенты соорудили киоск, вывесили плакат, призывающий вступить в новый союз, цель которого — бороться с бессмысленной тратой денег на «ночь бочек». В листовках, стопки которых лежали на полке киоска, объяснялось, что лучше эти деньги потратить на помощь «третьему миру». Студенты раздавали их прохожим для сбора подписей в поддержку своего начинания. Один из студентов снимал происходящее на пленку, чтобы потом можно было проанализировать поведение всех участников эксперимента³⁸.

В эксперименте приняли участие и владельцы небольших магазинчиков, расположенных на прилегающих улицах. Они пытались отвести прохожих, желавших приблизиться к киоску, недвусмысленными жестами показывая, что студенты у киоска — помешанные.

Ощущения человека, которому в ответ на его вопрос, не говоря ни слова, показывают спину или которого, заведя издалека, обходят стороной, так поразили М. Халлемана, что он решил продолжить работу над этой темой, завершившейся впоследствии защитой докторской диссертации³⁹.

Выявление неприятных ситуаций

Рисунок к тесту с незамеченной фразой в психоаналитическом интервью, который помогает респонденту ассоциироваться в неприятной ситуации путем проецирования себя на место изображенной на картине фигуры ввиду необходимости закончить начатую фразу.

Нам помогал и Алленсбахский институт. В одном из опросов мы предложили респондентам рисунки: мужчинам — картинку с двумя беседующими мужчинами, женщинам — с изображением двух беседующих женщин. Один (одна) из беседующих говорил(а) другому (другой): «Представь себе, что я вчера пережила, такая неприятная вещь: я...» Здесь интервьюер говорит: «К сожалению, мужчину/женщину перебили. Как Вы думаете, чем мог бы закончиться рассказ, что пережил собеседник/собеседница?»

Исходя из ответов 2000 респондентов, Халлеман разработал 30 ситуаций. В следующем алленсбахском опросе они были изложены на отдельных карточках и предложены респондентам в качестве задания: «Здесь на карточках описаны ситуации, в которых может оказаться каждый. Пожалуйста, разделите эти карточки на две группы — в зависимости от того, кажется ли Вам ситуация неприятной или нет»⁴⁰.

Ниже (см. табл. 28) приведены предложенные для опроса ситуации вместе с полученными по ним результатами по ФРГ, Испании, Корее. Как видно из таблицы, причины, вызывающие неприятные ощущения у человека, могут быть выявлены. Спустя несколько лет, в июне 1989 г., мы повторили опрос с этой серией вопросов⁴¹. Повтор дал почти те же результаты, что и в первый раз. Это позволило нам сделать вывод, что интенсивность неприятных ощущений и объект или причина, которые их вызвали, в значительной мере зависят от культурных традиций. Такую же закономерность обнаруживают сравнительные исследования по Германии, Испании и Корее (см. табл. 28). В то же время удивляет, что в них очень много общего. Социальная природа человека другой культуры явила нам лицо, которое кажется уже знакомым.

Таблица 28

ВОСПРИЯТИЕ НЕПРИЯТНЫХ СИТУАЦИЙ В ГЕРМАНИИ,
ИСПАНИИ И ЮЖНОЙ КОРЕЕ — СРАВНЕНИЕ, %

Вопрос: «Здесь на карточках описаны ситуации, которые могут произойти с каждым. Пожалуйста, разделите карточки на две группы: ситуации, которые Вы считаете неприятными, и те, которые, на Ваш взгляд, такими не назовешь. Карточки с ситуациями, по которым у Вас нет определенного мнения, просто отложите в сторону». (Предлагаются карточки и листки по категориям: «Мне было бы неприятно», «Мне не было бы неприятно».)

Мне было бы неприятно	ФРГ	Испания	Южная Корея
У всех на виду Вам дали пощечину	79	83	92
Работник магазина самообслуживания несправедливо обвинил Вас в краже	78	89	88
В универмаге Вы нечаянно роняете дорогую вещь из хрусталя, и она разбивается	76	84	92
В ресторане Вы проливаете себе на брюки суп	70	73	74
С тележкой, полной покупок, Вы останавливаетесь у кассы в супермаркете и обнаруживаете, что у Вас нет денег	69	65	84
Вы пришли на спектакль с насморком, и у Вас не оказалось носового платка	68	66	41
Со своим знакомым Вы идете на концерт. Ваш знакомый засыпает и храпит	63	59	63
Вы стоите в группе людей, к разговору которых незаметно прислушивался какой-то человек и потом подошел к говорящим	56	51	64
Кто-то в присутствии других насмехается над Вами	56	68	76
Посреди оживленной улицы Вы неожиданно поскользнулись и растянулись во весь рост	56	76	75
Вы открываете дверь туалета в поезде и обнаруживаете, что он занят: кто-то забыл закрыть за собой дверь	55	71	88
Вы обращаетесь к человеку, неправильно назвав его имя	52	37	65
У друзей или знакомых Вы нечаянно заходите в комнату, где кто-то как раз переодевается	50	73	94

Мне было бы неприятно	ФРГ	Испания	Южная Корея
Вы встречаете старого знакомого, радостно улыбаетесь ему, а он не устаивает Вас взглядом	49	46	64
Вы встречаете старого знакомого и не можете вспомнить его имя	45	41	66
После работы Вы чувствуете, что пахнете потом, но прежде, чем принять душ, вынуждены идти за покупками	44	44	22
Вы хотите вместе со знакомыми провести отпуск. Приехав на место, Вы обнаруживаете, что пляж — для nudists	43	59	—
В поезде к Вам подходит контролер, а Вы не можете найти билет	—	—	92
В кругу друзей или знакомых Вы рассказываете анекдот, над которым никто не смеется	40	41	46
Приходит слесарь, а у Вас не убрана квартира	36	43	36
Вы слишком поздно затеяли стирку, и на Пасху (для Кореи — на Новый год) у Вас на веревке еще висит невысохшее белье	33	17	28
Вы вынуждены вести важный разговор из телефона-автомата, где собралась уже очередь из 2—3 человек, а разговор затягивается	31	49	69
На улице к Вам обращается репортер телевидения с включенной камерой	28	39	74
По счастливой случайности Вы спасли утопающего малыша, и репортер местной газеты хочет Вас непременно сфотографировать	27	37	62

Мне было бы неприятно	ФРГ	Испания	Южная Корея
В выходной у Вас не оказалось ни масла, ни маргарина, и Вам приходится идти к соседям просить займы	27	27	40
В полдень Вы обнаруживаете, что ходите в нечищенных ботинках	26	25	11
В номере гостиницы через тонкую перегородку Вы слышите все, что происходит в соседней комнате	24	33	35
На улице Вы встречаете знакомого человека и не знаете, здороваться ли с ним	23	37	48
В полупустом вагоне поезда один из Ваших соседей по купе начинает разговаривать сам с собой	15	31	23
По телефону Вам говорят, что Вы ошиблись номером	12	16	26
Обращаясь к Вам, перепутали Ваше имя	12	18	28
<i>n</i> =	1343 2009	1498 1499	1766 352

Знак «—» означает, что вопрос не задавался.

Источники: ФРГ — Институт демоскопии, Алленсбах, опрос 4031, август 1983 г. Опрошено население старше 16 лет.

Испания — DATA, S. A., июнь 1984 г. Опрошено население старше 15 лет.

Южная Корея — Токиоуа, сентябрь 1986 г. Опрошено население старше 20 лет.

Гоффман писал: если хочешь побольше узнать о социальной природе человека, изучай, что доставляет ему неприятные ощущения⁴². Поскольку мы не можем прямо спросить человека о его социальной природе (охотнее всего мы игнорировали бы свою социальную природу; немцы, к примеру, часто отвечают: «Мне все равно, что обо мне думают другие»), то нужно, как объяснил в свое время

Э. Дюркгейм в книге «Правила социологического метода» (1895) (рус. перев. — «Метод социологии», 1899 г. — *Ред.*) искать ее индикаторы. Индикаторы не идентичны тому, что мы можем предполагать, но они позволяют судить о том, что мы исследуем.

Измеритель страха перед изоляцией

После публикации «Спирали молчания» посыпались вопросы, на которые трудно было ответить. Поскольку с 30-х годов групповая динамика находилась в центре внимания социальных исследований, стали раздаваться критические голоса, что группы, в которых действуют люди, гораздо важнее неопределенной публичности, о которой так много говорится в «Спирали молчания». Человек придает гораздо более важное значение мнению соседей, коллег по работе, друзей, референтных групп (*reference groups*), чем мнению неизвестно кого, анонимной общественности.

Донсбах и Стивенсон попытались разобраться с этим возражением⁴³. Они утверждали, что спираль молчания не детерминистская теория, которая рассматривает определенную причину — например, страх перед изоляцией со стороны общественности — как единственное воздействие на поведение человека и одинаковое для разных людей, а как одно из многих воздействий, определяющих процесс общественного мнения. Влияние референтных групп при этом несколько не умаляется. Они ссылались при этом на мнение голландского ученого Харма т'Харта, согласно которому в противоречивых вопросах молчание и ответ респондента зависят от того, совпадает ли давление на него первичной группы и общественного мнения или группы, в которых респондент участвует, защищают более слабую позицию⁴⁴.

После десятилетий успешной работы в русле групповой динамики влияние групп на процесс формирования мнения казалось исследователям фактом самоочевидным. И поскольку до появления работ Гоффмана исследователи групповой динамики попросту ограничивались изучением группы, не принимая во внимание элемент публичности, этот вопрос оказался весьма актуальным, ибо здесь лежал ключ к пониманию понятия «обще-

ственное мнение». Не представляя четко, что означает публичность для социальной природы человека — инстанция, выносящая суждение о ней, трибунал, — нельзя понять феномен общественного мнения.

Предложенный Халлеманом индикатор чувства сожаления позволяет обнаружить значение анонимной общестственности. Если неприятные ощущения спонтанны, их редко испытывают в узком кругу знакомых, 21% вызывается в условиях немногочисленной и 46% — в условиях широкой анонимной общестственности⁴⁵.

Халлеман разделил разработанные им 30 тестовых ситуаций, которые для решения предлагались респондентам на карточках, на три группы — среда знакомых, немногочисленная общестственность и широкая общестственность. Результаты показали: чем шире круг общестственности, тем выше доля людей, которые указанную на карточке ситуацию ощущают как досадную⁴⁶.

Этот вывод звучит вполне логично: неприятная ситуация среди знакомых должна восприниматься как более досадная, чем среди людей, которых не знаешь и больше никогда не увидишь, — в анонимной общестственности. Но результаты тестов опровергают логику, и, несомненно, для этого есть основания. Среди знакомых можно попытаться сгладить досадную ситуацию, но у ярлыка, который получаешь на людях, нет автора, перед которым можно извиниться, которому можно что-то объяснить, — урон репутации нанесен на неограниченное время.

Халлеман ближе, чем кто-либо прежде из исследователей, подошел к задаче измерения страха перед изоляцией. Исходя из ситуаций, которые респондент воспринимает как заслуживающие сожаления, вызывающие досаду, он определил ранги восприимчивости социальной природы и страха перед изоляцией: очень высокая, высокая, средняя, небольшая, весьма ограниченная восприимчивость социальной природы и, соответственно, чрезмерный, относительный и незначительный страх перед изоляцией. Затем он проверил готовность респондентов высказаться или промолчать. Он установил, что люди с ярко выраженной чувствительностью к восприятию неприятной ситуации — мы добавим: с чрезмерным страхом перед изоляцией — при обсуждении противоречивых тем чаще предпочитают отмалчиваться. И не потому, что они в целом

более боязливы или вообще скупы на слова; при обсуждении неопасных тем, где нет угрозы конфликтов, они так же охотно высказывают свое мнение, как среднестатистические респонденты⁴⁷.

Тест квазистатистического смысла

Существует ли вообще такое понятие, как квазистатистический смысл, как это утверждается в теории общественного мнения? Могут ли люди воспринимать климат мнений?

Во всех странах, где применялись наши тесты, мы без затруднений получали ответ на вопросы: «Как думает большинство?», «Большинство “за” или “против”?», «Сколько процентов населения выступает “за”? “против”?». Собственно, сами респонденты должны были бы спросить нас: «Почему Вы *меня* спрашиваете? Ведь это *Вы* изучаете мнения!» Но они этого не говорили. Готовность дать оценки можно рассматривать как показатель того, что люди постоянно стремились оценить мнения других самостоятельно, независимо от интервью.

Но зачастую эти оценки неправильные. Установки, отражаемые средствами массовой коммуникации, часто переоцениваются. Появился даже термин «множественное невежество» (*pluralistic ignorance*)⁴⁸. Население заблуждается относительно населения. «Пере- и недооценка собственного лагеря и доля людей, которые оценку силы своего лагеря выражают ответами “затрудняюсь”, “и так, и так” или “поровну”, — все эти оценки свидетельствуют о борьбе в общественном мнении»⁴⁹. Но население в целом, независимо от собственной позиции, замечает — и это подтверждается данными демоскопии, — какие мнения изживаются, а какие распространяются⁵⁰, как замечают похолодание и потепление. Как иначе это объяснить, если не человеческой способностью воспринимать эти частотные распределения? Неудивительно, что уже с давних времен — независимо от социальных исследователей — предпринимаются попытки повлиять на это восприятие.

Тест на проверку готовности высказаться или промолчать

Жаль, что существует не много стран с хорошо развитой сетью железных дорог. Со времени первых публикаций о спирали молчания для проверки готовности высказаться или промолчать использовался «железнодорожный» тест⁵¹. Но когда теория перешагнула границы страны, посыпались жалобы на то, что нельзя применить этот тест: поездка по железной дороге 5—6 часов — мероприятие не столь привычное для массы респондентов. Мы несколько изменили тест: «Предположим, Вы едете 5 часов на автобусе, в пути делается остановка, и все пассажиры выходят из автобуса. Завязывается беседа, и кто-то начинает разговор, чтобы поддержать ее... или прервать. Захотите ли Вы поговорить с этим человеком, чтобы узнать его точку зрения, или предпочтете не делать этого?» Донсбах и Стивенсон предложили новый вопрос — телерепортер просит прохожих на улице дать интервью на неоднозначную тему. В этом случае, естественно, границы публичности расширяются. По данным Халлемана, страх перед изоляцией возрастает с расширением публичности. Телевидение формирует сегодня самую широкую публичность, какая только может быть.

При проверке теории не следует делать слишком большой упор на отмачивание или разговорчивость респондентов. Все-таки существует много других публичных проявлений согласия индивида с мнением общественности; к ним можно, в частности, отнести прически, бороды, красные или белые ленточки на антенне автомашины, используемые в качестве символов в Европе и Америке.

Крепкий орешек: ответ из «Дон Кихота»

При проверке теории возникали и некоторые недоразумения. Главы о еретиках, авангардистах⁵² и крепком орешке⁵³ оказались в издании 1980 г. слишком короткими. Об авангардистах мы и сегодня знаем не больше, чем Платон, попытавшийся добиться — с помощью поэтов — изменения ценностей⁵⁴.

Некоторые исследователи, ознакомившись с моей книгой, пришли к выводу, что в главе о крепком орешке речь идет о людях, которые имеют твердые убеждения или очень постоянны в своем поведении как избиратели. Кроме того, меня критиковали за то, что я специально придумала понятие «крепкий орешек» как оправдание для тех случаев, которые не подтверждают теорию о спирали молчания.

И здесь мне неожиданно пришла на помощь Мария Элиза Хулиа-Родриго. С тех пор как она закончила свою работу на звание магистра «Общественное мнение в романе Сервантеса “Дон Кихот”», трудностей с объяснением, что означает «крепкий орешек», у нас заметно поубавилось.

Если читать роман Сервантеса глазами теоретика общественного мнения, открывается система ценностей общества, которую впитал Дон Кихот благодаря чрезмерному увлечению рыцарскими романами, и его страстное желание бороться за эти ценности и быть вознагражденным, «быть в чести и уважении у всего света». Но все, что он делает, — даже его одежда и доспехи — принадлежит эпохе, миновавшей два столетия назад. Дон Кихот, видя, что он изолирован, осмеян, побит, сохраняет тем не менее верность ценностям рыцарства на протяжении всего романа⁵⁵.

Авангардист связывает себя с ценностями будущего, поэтому он, упреждая время, неизбежно оказывается в изоляции. Крепкий орешек связан с ценностями прошлого, он остается им верен, отсюда его изоляция нашим временем. Конечно, представители крепкого орешка, «твердого ядра», которых мы сегодня выявляем с помощью демоскопических методов исследования, не так далеки от сегодняшней системы ценностей, как Дон Кихот. Но этот пример объясняет, что имеется в виду, когда мы говорим о крепком орешке.

Как сумма индивидуальных мнений превращается в общественное мнение

Выступая на конференции Американской ассоциации исследований общественного мнения в 1970 г., политолог Сидней Верба заявил, что исследования политического

мнения не добились прогресса на пути к теории общественного мнения, потому что они «концентрируют внимание в большинстве случаев на индивиде как единице анализа»⁵⁶. Но он был не прав. Развитию теории препятствовал не индивид как единица анализа, а пренебрежение социальной природой индивида в опросах. Вопросы при изучении мнений неизбежно обращены к мнению, поведению и знаниям индивида: «Согласны ли *Вы*...?», «Интересуетесь ли *Вы*...?», «Беспокоит ли *Вас*...?», «Предпочитаете ли *Вы*...?» и т.д.

И по сей день в анализ мнений, и в частности в анализ избирательной кампании, не включаются вопросы, учитывающие наблюдение индивида за своим окружением, т.е. вопросы относительно социальной природы человека: «Как думает *большинство*?», «Кто победит?», «Какие мнения *распространяются*, какие нет?», «Обсуждая какие вопросы, можно даже рассориться с лучшими друзьями?», «Кого высмеивают?», «Чье мнение не разделяют?».

Нельзя сказать, что социальной природой человека совсем пренебрегли в опросах. Еще Ф.Г. Олпорт в известном сочинении «Навстречу науке об общественном мнении» в качестве примера выражения общественного мнения привел очистку тротуаров от снега⁵⁷. П.Р. Хофштеттер в «Психологии общественного мнения» (1949) писал: «Публичность мнения отличает странная на первый взгляд особенность — выражение мнения сопровождается неясным, вероятно даже ложным, знанием о мнениях других членов группы... Современное определение, согласно которому общественное мнение представляет собой картину распределения индивидуальных мнений, несовершенно: публичность должна непременно включать собственные представления индивида, локализованные в том или ином фрагменте картины распределения имеющихся мнений»⁵⁸. Но эти слова остались незамеченными. Поэтому не было ответа на актуальнейший вопрос: как из суммы индивидуальных мнений, которую исследователи выражают в процентах, формируется мощное образование, называемое общественным мнением, которое пугает правительства, убеждает их в необходимости политических действий, «вызывает социальные и политические потрясения» (как сказал психолог Б.М. Смит на конференции в 1970 г.)? Одним словом, формируется такая сила, которая

вынуждает индивида, если он не разделяет мнения общест-венности, по крайней мере молчать (Дж. Брюс)⁵⁹.

Превращение суммы индивидуальных мнений в общественное мнение, насколько мы можем судить об этом сегодня, происходит благодаря взаимодействию, которое неизменно осуществляется между людьми вследствие их социальной природы. Угроза изоляции, страх перед изоляцией, постоянное наблюдение за климатом мнений и оценка соотношения сил решают в конечном итоге — молчать или говорить.

Процессы общественного мнения, которые требуют большого напряжения сил, выбор темы публичных дискуссий, защита общественного мнения, изменения общественного мнения, отказ от прежних ценностей вплоть до введения игровых вариантов моды — все это обеспечивает интеграцию общества и его жизнеспособность.

С этой точки зрения 50 определений общественного мнения, собранные Г. Чайлдсом, уже не пугают. Все определения, за исключением тех случаев, когда инструмент перепутали с тем, что он должен измерять, можно разделить на две группы: к первой относятся те определения, где общественное мнение трактуется как интеграция, скоординированность, согласие объединяющее всех, опирающееся на большинство населения, обеспечивающее необходимую сплоченность; ко второй — те определения, где общественное мнение рассматривается как мнение элиты, мнение верхушки общества.

Как считает Чайлдс, нужно выбрать либо одно, либо другое определение — концепцию интеграции либо концепцию элиты. Но это не так. Теория общественного мнения не достигнет прогресса, если нельзя будет определить эффективность элиты в процессе формирования общественного мнения. Вряд ли кто-нибудь всерьез рискнет предположить, что элита не определяет в значительной мере процесс общественного мнения, не играет первостепенной роли при его формировании. Однако нужно расстаться с представлениями об элите как о единственном носителе общественного мнения, которые были распространены в XIX и XX вв.: готовые принять на себя ответственность, хорошо информированные, способные формировать суждения люди, к взглядам которых должно было прислушиваться правительство⁶⁰.

В свете того, что мы знаем сегодня о теории общественного мнения, на процесс формирования общественного мнения влияют лишь те члены элиты, которые имеют прямую связь с общественностью и которые действительно публично выступают, не боясь выставить себя на всеобщее обозрение («вытащить себя на площадь», как говорил Сервантес⁶¹). Мы бы предпочли, чтобы это было не так. Нам бы хотелось, чтобы выдающиеся люди, творчески уединившись в тишине кабинетов, влияли бы на общественное мнение просто тем, что они есть. Однако эмпирические социальные исследования показывают, что нельзя таким образом воздействовать на общественное мнение⁶². Как писал Эдмунд Бурке, выдающийся человек должен заранее научиться стоять под взглядами общественности и выстоять.

Примечания

- ¹ Smith B. Some Psychological Perspectives on the Theory of Public Opinion. — *Public Opinion Quarterly*, 1970, 34, p. 454.
- ² Verba S. The Impact of the Public on Policy. — Там же, p. 454.
- ³ Цит. по: Warner L. The Reliability of Public Opinion Surveys. — *Public Opinion Quarterly*, 1939, 3, p. 377.
- ⁴ Цит. по: Beyle H. C. Identification and Analysis of Attribute-Cluster-Blocs. Chicago, 1931, p. 183.
- ⁵ Donsbach W., Stevenson R. L. Herausforderungen, Probleme und empirische Evidenzen der Theorie der Schweigespirale — *Publizistik*, 1986, 31, S. 14; см. также S. 7.
- ⁶ Ibid., S. 8 f.; см также: Deisenberg A. M. Die Schweigespirale — Die Rezeption des Modells im In- und Ausland. München, 1986.
- ⁷ См.: Noelle-Neuman E. Advances in Spiral of Silence Research. — *KEIO Communication Review*, 1989, 10, p. 20.
- ⁸ См.: Glynn B., Carroll J., McLeod J. M. Implications of the Spiral of Silence Theory for Communication and Public Opinion Research. — Sanders K. R., Kaid L. L., Nimmo D. (Eds.). *Political Communication Yearbook 1984*. Carbondale, Edwardsville, 1985, p. 44.
- ⁹ См. гл. XXII наст. изд., с. 241.
- ¹⁰ См. гл. XXV наст. изд., с. 275—276.
- ¹¹ См.: Kepplinger H. M. Künstliche Horizonte. Folgen, Darstellung und Akzeptanz von Technik in der Bundesrepublik Deutschland. Frankfurt/Main, 1989. Ег о же. Die Kernenergie in der Presse Eine Analyse zum Einfluss subjektiver Faktoren auf die Konstruktion von Realität. — *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 1988, 40, S. 659—683.

- ¹² См.: M a t h e s S. Die Einschätzung des Meinungsklimas im Konflikt um die Kernenergie durch Personen mit viel und wenig Fernsehnutzung. Magisterarbeit. Mainz, 1989.
- ¹³ См. с. 306—307 наст. изд.
- ¹⁴ См.: Allensbacher Archiv, IfD-Umfrage 4005, Frage 21, Februar 1982.
- ¹⁵ См.: Allensbacher Archiv, IfD-Umfrage 5013, Frage 20B, November 1988.
- ¹⁶ См. гл. III наст. изд., с 91—92.
- ¹⁷ См. там же, с. 92.
- ¹⁸ См. там же.
- ¹⁹ См.: N o e l l e - N e u m a n n E. Die Schurigespirale. Öffentliche Meinung — unsere soziale Hant. München—Zürich, 1980. наст. изд.
- ²⁰ См.: H o l i c k i S. Isolationsdrohung — Sozialpsychologische Aspekte eines publizistikwissenschaftlichen Konzepts. Magisterarbeit. Mainz, 1984.
- ²¹ См.: A l b r e c h t A. Lachen und Lächeln — Isolation oder Integration? Magisterarbeit. Mainz, 1983.
- ²² См. гл. III наст. изд., с. 76.
- ²³ См.: N o s a n c h u k T. A., L i g h t s t o n e J. Canned Laughter and Public and Private Conformity. — *Journal of Personality and Social Psychology*, 1974, 29, p. 153—156; B e r l y n e D. E. Laughter, Humor, and Play — L i n d z e y G., A r o n s o n E. (E d s.). The Handbook of Social Psychology. Second Edition, t. 3. Reading, Mass., Addison-Wesley Publishing Company, 1969, p. 795—852.
- ²⁴ См.: Allensbacher Archiv, IfD-Umfrage 5016, Frage 38, Februar 1989.
- ²⁵ См. гл. III наст. изд., с. 76.
- ²⁶ См.: G l y n n B., C a r r o l J., M c L e o d J. M. Op. cit., p. 47 f., 60.
- ²⁷ Из работ, посвященных исследованию этой проблемы на ранних этапах, см., например, работы 30-х годов: M o r e n o J. L. Who Shall Survive? Foundations of Sociometry, Group Psychotherapy and Sociodrama. Rev. ed. Beacon. N.Y., 1953 (впервые опубликована в 1934 г.); L e w i n K. Resolving Social Conflicts. Selected Papers on Group Dynamics. — In: L e w i n G. W. (e d.). A publication of the University of Michigan Research Center for Group Dynamics. New York, 1948 (впервые издана в 1935—1946 гг.); S h e r i f M. The Psychology of Social Norms. New York, 1965 (первая публикация — в 1936 г.).
- ²⁸ См.: H o l i c k i S. Op. cit., S. 82 ff.
- ²⁹ См.: C a r t w r i g h t D., Z a n d e r A. (E d s.). Group Dynamics. Research and Theory. 3rd ed. New York, Evanston, London, 1968, p. 145.
- ³⁰ См.: гл. IX наст. изд., с. 141.
- ³¹ См.: G o f f m a n E. Behavior in Public Places. Notes on the Social Organization of Gatherings. New York, 1963.
- ³² См.: G o f f m a n B. Embarrassment and Social Organization. — *The American Journal of Sociology*, 1956, v. 62, p. 264—271; е р о ж е. Stigma. Notes on the Management of Spoiled Identity. Englewood Cliffs, N.Y., 1963.

- 33 CM.: Darwin Ch. The Expression of the Emotions in Man and Animals. London, 1873, p. 330.
- 34 CM.: Goffman E. Embarrassment and Social Organization, p. 265, 270 f.
- 35 CM.: Zuurén F. J. van. The Experience of Breaking the Rules. Paper presented at the «Symposium on Qualitative Research in Psychology» in Perugia, Italy, August 1983. Dept. of Psychology, University of Amsterdam. — *Revesz-Bericht*, № 47.
- 36 CM.: Schlarb A. Die Beziehung zwischen öffentlicher Meinung und symbolischem Interaktionismus. Seminararbeit. Mainz, 1984—1985.
- 37 CM.: Mead G. H. Geist. Identität und Gesellschaft aus der Sicht des Sozialbehaviorismus. Frankfurt/Main, 1968. (Titel der Originalausgabe: Mind, Self, and Society. From the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago, University of Chicago Press, 1934.)
- 38 CM.: Ewen W., Heininger W., Holicki S., Hopbach A., Schlüter E. Selbstexperiment: Isolationsdrohung. Seminararbeit. Mainz, 1981—1982.
- 39 CM.: Hallemann M. Peinlichkeit als Indikator. Theorie der Peinlichkeit — demoskopische Analyse — Bezüge zur Publizistikwissenschaft unter besonderer Berücksichtigung des Phänomens Öffentlichkeit. Magisterarbeit. Mainz, 1984; см. также: ег о ж е. Peinlichkeit. Ein Ansatz zur Operationalisierung von Isolationsfurcht im sozialpsychologischen Konzept öffentlicher Meinung. — *Publizistik*, 1986, 31, S. 249—261.
- 40 Allensbacher Archiv, IfD-Umfrage 4031, August 1983.
- 41 CM.: Allensbacher Archiv, IfD-Umfrage 5021, Juni 1989.
- 42 Goffman E. Embarrassment and Social Organization, p. 270.
- 43 CM.: Donsbach W., Stevenson L. Herausforderungen, Probleme und empirische Evidenzen der Theorie der Schweigespirale, p. 10 ff.
- 44 CM.: T'Hart H. People's Perceptions of Public Options. Paper presented to the International Society of Political Psychology. Mannheim, 1981.
- 45 CM.: Hallemann M. Peinlichkeit, S. 135, Tab. 14.
- 46 Ibid., S. 137, Tab. 15.
- 47 Ibid., S. 178 ff.
- 48 CM.: Noelle-Neumann E. Die Theorie der Schweigespirale als Instrument der Medienwirkungsforschung. — In: Kaase M., Schulz W. (H g.). Massenkommunikation. Opladen (Sonderheft 30 der Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie), 1989; Katz E. Publicity and Pluralistic Ignorance. Notes on «The Spiral of Silence». — In: Baier H., Kepplinger H. M., Reumann K. (Hg.). Öffentliche Meinung und sozialer Wandel. Public Opinion and Social Change. Für Elisabeth Noelle-Neumann. Opladen, 1981, S. 28—38.
- 49 Наст. изд., гл. III, с. 88, гл. XV, с. 179, гл. XXII, с. 240.
- 50 CM.: Allensbacher Archiv, IfD-Umfragen 2081, 4030, 4099/I + II.
- 51 CM. гл. II наст. изд., с. 48.
- 52 CM. гл. XVII наст. изд., с. 198—202.

- ⁵³ См. гл. XXIII наст. изд., с.242.
- ⁵⁴ См. гл. XXV наст. изд., с. 271.
- ⁵⁵ См.: Chuliá - Rodrigo M. E. Die öffentliche Meinung in Cervantes' Roman «Don Quijote von der Mancha». Magisterarbeit. Mainz, 1989.
- ⁵⁶ *Public Opinion Quarterly*, 1970, vol. 34, p. 455.
- ⁵⁷ См. гл. IX наст. изд., с.141.
- ⁵⁸ Hofstätter P. R. Die Psychologie der öffentlichen Meinung. Wien, 1949, S. 53.
- ⁵⁹ См. гл. VIII наст. изд., с.137; см. также: Tönnies F. Kritik der öffentlichen Meinung. Berlin, 1922, S. 138.
- ⁶⁰ См. гл. IX наст. изд., с. 140; см. также: Hennis W. Meinungsforschung und repräsentative Demokratie. Zur Kritik politischer Umfragen. Tübingen, 1957, S. 19 ff.
- ⁶¹ Chuliá - Rodrigo M. E. Op. cit., S. 38.

ЯВНАЯ И СКРЫТАЯ ФУНКЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ИТОГИ*

Теории мнения — это сложная, специфическая отрасль знания. Это область, перегруженная штампами когда-то весьма преуспевающего частного теоретизирования. Это поле обильно пробившегося молодняка с созревшими на нем — в самых неожиданных местах — плодами терминологических диспутов и загадочной порослью, полное психологических описаний.

Уильям Альбиг, 1939

Закончив книгу, мне снова захотелось пройти весь этот круг с самого начала и спросить: что же такое общественное мнение?

Итак, Г. Чайлдс во второй главе своей книги «Общественное мнение: природа, формирование, роль» (1965) приводит 50 определений общественного мнения. А вот У.Ф. Дэвисон в своей статье об общественном мнении (1968) для «Международной энциклопедии социальных наук» писал: «Не существует общепринятого определения “общественного мнения”». Представляется, что все 50 определений Чайлдса восходят к двум различным концепциям общественного мнения. Добавим при этом, что существует еще несколько определений технико-инструментального характера, в которых общественное мнение приравнивается к результатам опросов общественного мнения, т.е. к «сумме индивидуальных ответов опрашиваемых»¹. Большинство собранных Чайлдсом определений связано со следующими двумя концепциями:

* Хочу поблагодарить Вольфганга Денсбаха и В. Филлипса Дэвисона за их рекомендации по этой главе.

1. Общественное мнение как рациональность. Оно играет роль инструмента в процессе формирования и принятия решений в условиях демократии.
2. Общественное мнение как социальный контроль. Его роль заключается в содействии социальной интеграции и в обеспечении достаточного уровня согласия, на которое могут опираться действия и решения.

Сравнение двух концепций вызывает в памяти известное различие, отмеченное Робертом Мертоном в книге «Социальная теория и социальная структура» ([1949] 1957):

— *Явные функции* — это те объективные последствия, которые помогают системе приспособиться или адаптироваться, которые для участников процесса являются *намеренными и осознаваемыми*.

— *Скрытые функции*, соответственно, не являются *ни намеренными, ни осознаваемыми*².

Первую из названных концепций общественного мнения можно считать явной функцией, намеренной и осознаваемой, в то время как вторая является скрытой функцией, ненамеренной и неосознаваемой.

Исходя из весьма существенных различий между двумя концепциями общественного мнения, некоторые исследователи настаивают на том, что термин «общественное мнение» несостоятелен, по крайней мере в научном обиходе³. Однако термин, который, как мы показали, существовал с древнейших времен и использовался в течение многих столетий, не может быть изъят до тех пор, пока ему не будет найдена равноценная замена — термин, который точнее передаст значение данного понятия как определенной формы социального контроля. Отказавшись от термина «общественное мнение», мы потеряем веками накапливавшееся знание о латентной функции общественного мнения, благодаря которой поддерживалось определенное согласие в обществе, а возможно, и во всем мире⁴. В этом случае нам не удастся выявить связи между такими различными явлениями, как климат мнений, дух современности, репутация, мода, табу, и тогда придется довольствоваться уровнем знаний, предшествовавшим от-

крытию Джоном Локком «закона мнения, репутации и моды».

В этой главе мы обсудим далее понятие «общественное мнение как рациональность», а затем перейдем к понятию «общественное мнение как социальный контроль». В заключение будет приведен ряд аргументов, доказывающих, что понятие общественного мнения дает более эффективный результат, когда рассматривается с точки зрения своей скрытой функции социального контроля, чем в контексте спирали молчания.

Явная функция общественного мнения: формирование мнения в условиях демократии

Для мышления конца XX в. характерно господство концепции общественного мнения, и началось это с конца XVIII столетия, когда утверждались представления об общественном мнении как о рациональности. В данном контексте рациональность означает приобретение знаний разумом и формирование логических, рассудочных суждений на основе этого знания. Овладение знаниями и формирование суждений невозможны без использования методов логических преобразований и дедукции. Рациональность пользуется однозначно определенными понятиями, которые включены в более широкую систему понятий. Таким образом, рациональность охватывает различные сферы объектов, из которых могут быть выведены логические умозаключения. Следовательно, то, на чем сосредоточены эти сферы, определяется логикой, причинностью и согласованностью. Результаты рассудочного мышления убедительны, доказуемы и постижимы.

Понятие общественного мнения, основанное на рациональности, кратко определяет Г. Шпайер: «Мнения по вопросам, представляющим интерес для нации, выражаемые свободно и открыто людьми, не принадлежащими к правительству, которые считают вправе влиять своими мнениями или даже детерминировать действия, состав или структуру своего правительства»⁵. В этом случае связь между общественным мнением и рациональностью однозначно прямая: они идентичны. В действительности —

при условии, что пресса независима, — степень согласованности между общественным мнением и опубликованным в средствах массовой информации преобладающим мнением весьма велика. Определение Г. Шпайера включает указание на явную функцию общественного мнения: оно связано с политикой; оно поддерживает правительство в формировании мнений и решений по политическим вопросам.

Значение общественного мнения как политического *рассуждения* в общественной сфере, как коррелята управления⁶ сохраняет свою убедительность благодаря широко распространенному представлению, что само это понятие впервые появилось в XVIII столетии, в эпоху Просвещения. Даже сегодня его все еще можно обнаружить в энциклопедиях и словарях во всем мире. Термин часто приписывается Жаку Неккеру, французскому министру финансов, который пытался добиться стабильности государственных расходов, несмотря на растущую волну общественных беспорядков накануне Французской революции⁷.

Первые попытки объяснить термин «общественное мнение» были предприняты в XIX в. Столкнувшись с различной ролью общественного мнения в Англии и США в четвертой главе *Американского содружества*, Дж. Брайс ограничил понятие рамками рационального обсуждения противоречивых политических вопросов в условиях демократии. Р.Э. Парк, учившийся в Германии в начале XX в., оказался жертвой противоречий между Ф. Тённисом, своим руководителем в Берлинском университете (который пытался теоретически разработать понятие общественного мнения), и О. Шпенглером, автором книги «Закат Европы» (1918—1922), другим своим учителем, познакомившим его с концепциями социальной психологии. В то время социальная психология была сравнительно новой отраслью; ее возникновение (80-е годы XIX в.) связано с именами итальянского криминолога Сципио Сигеле, а также Гюстава Ле Бона и Габриеля Тарда. В своей диссертации «Толпа и публичность» (1904), опубликованной в Англии в 1972 г., Парк попытался найти выход, приписав толпе чувства, а общественному мнению — разум. Общественное мнение является продуктом *рассуждений*, дискуссий, где обмениваются личными

точками зрения, одна из которых в конце концов побеждает, а оппоненты бывают скорее побеждены, чем убеждены.

Согласно американским авторам монографии о Парке⁸, работа над диссертацией утомила и разочаровала его. В этом состоянии Парк принял предложение вернуться в Соединенные Штаты и заняться преподавательской деятельностью в Чикагском университете. Пожалуй, даже сегодня сходная судьба может постигнуть авторов, стремящихся отождествить общественное мнение и рациональность.

Пример распространенного метода изучения понятия дает Ф.Д. Вильсон в статье «Понятие общественного мнения», опубликованной в 1933 г. в журнале *American Political Science Review*. Он делит термин на две составляющие: «общественный» и «мнение», — затем анализирует отношения мнения и общественности, общественности и правительства, мнения и правительства. Эти отношения характеризуются идеей участия. Значение общественности сведено к «совокупности лиц, имеющих право на участие в правительстве»⁹. Давление такого общественного мнения представляется для правительства тяжкой ношей.

Спустя тридцать лет аналогичный подход продемонстрировал Г. Чайлдс в своей книге «Общественное мнение: природа, формирование, роль» (см. с. 96). Чайлдс разделил упоминавшуюся нами неоднократно главу, посвященную определениям общественного мнения, на исследования в области «общественности», «мнения» и «степени их многообразия»; за ними следовали главы «Процесс формирования мнения», «Качество мнений», «Носители мнений» и «Тематика мнений». Затем он дал историческую справку, охарактеризовав каждое десятилетие XX в. с точки зрения проблематики общественного мнения и методов влияния на него. Заключение Чайлдс посвятил попыткам измерения общественного мнения с помощью опросов через равные промежутки времени, предпринимавшимся с начала 30-х годов. На этом его исследование заканчивается.

Из 50 собранных Чайлдсом определений общественного мнения почти половину можно отнести к рациональной концепции данного феномена. Дж. Т. Янг называет общественное мнение «социальным суждением осознающего себя сообщества по вопросам общей значимости,

вынесенным после рациональной и публичной дискуссии»¹⁰. А.У. Халкомб определяет его как мнения, опирающиеся на значительное количество фактов, необходимых для рационального решения. Дж. А. Заурвайн при этом добавляет: «Было бы преувеличением считать, что в настоящее время общественное мнение, в интеллектуальном смысле, существует где-то за пределами элиты»¹¹. Однако в этом хоре суждений слышится и нота отрицания: «Вероятно, это звучит несколько жестко, но не существует такой вещи, как общественное мнение, и необходимо только сдержанное понимание человеческой природы, чтобы показать, что такая вещь, как интеллигентное общественное мнение, невозможна»¹².

Высокая оценка рациональности в западной цивилизации не только разъясняет, почему выжило понятие общественного мнения как рациональности, но и во многом проливает свет на тот факт, почему некоторые ученые считают, что только механическое расчленение понятия и определение его составляемых и связи между ними позволят уловить природу общественного мнения.

Понятие общественного мнения было и по-прежнему остается объектом достаточно квалифицированного изучения, как будто можно с помощью арбитров решить, быть или не быть понятию и какова его роль в будущей демократии. Эта тенденция проявилась уже в первой систематической работе по данному вопросу — книге А. Лоуренса Лоуэлла «Общественное мнение и популярное правительство» (1913). Автор ее говорит о том, что он считает «настоящим» общественным мнением и чем, следовательно, должно руководствоваться правительство: мнениями, которые сформировались в результате тщательного обсуждения. Определенный вес, считает Лоуэлл, имеют мнения лишь тех, кто поразмышлял над тем или иным вопросом. В дальнейшем он сужает свое определение, относя его только к тем вопросам, которые входят в компетенцию правительства; таким образом, религиозные вопросы, например, исключаются как предмет обсуждения.

В начале 30-х годов с появлением метода репрезентативных опросов термин «общественное мнение» получил широкую распространенность. Люди с легкостью говорили об опросах общественного мнения, об исследованиях общественного мнения или новостях, сообщаемых *Еже-*

квартильником общественного мнения — новым журналом, который начал выходить с 1937 г. Но были ли полученные результаты исследований действительно тем, что называется «общественным мнением»? Как раньше, так и сейчас ученые часто уравнивают результаты опросов с общественным мнением. Стратегия развития теории общественного мнения заключалась в создании рабочего определения общественного мнения, основанного на инструментарии и материалах эмпирического исследования, например: «Общественное мнение выражает реакции людей и определенным образом сформированные суждения и вопросы при интервьюировании»¹³. «Общественное мнение — это не название какой-то вещи, а обобщение некоторого класса вещей, которое при частотном распределении статистического контекста дает представление о настроениях или величинах, управляющих вниманием и интересами людей»¹⁴. «Сейчас, имея реальные результаты опросов общественного мнения, мы, несомненно, не перестанем называть общественным достаточно глубоко проанализированное распределение ответов»¹⁵. В юбилейной статье, посвященной 50-летию со дня выхода первого номера *Ежеквартальника общественного мнения*, Дж. Бениджер сослался на «...вездесущее определение общественного мнения как полученной в результате опроса суммы индивидуальных ответов», принадлежащее Альберту Голлину¹⁶.

Первым критически оценил сложившуюся в этой области ситуацию Герберт Блумер. В своей статье «Общественное мнение и опросы общественного мнения» (1948) он подверг резкой критике «малочисленность, если не полное отсутствие обобщений относительно общественного мнения, несмотря на огромное количество опросов общественного мнения».

Поражает отсутствие усилий или даже простого интереса со стороны исследователей опросов общественного мнения к идентификации объекта, который они, как предполагается, стремятся изучать, регистрировать, измерять... Их не интересует независимый анализ природы общественного мнения, чтобы судить, насколько используемые ими методы соответствуют этой природе.

Необходимо высказать несколько замечаний в адрес подхода, который сознательно ограждает себя от каких-

либо соображений на этот счет. Я имею в виду узко операционалистскую позицию, согласно которой общественное мнение состоит из результатов опросов общественного мнения. При этом, что весьма любопытно, результаты некоей операции или использование некоторого инструмента рассматриваются как составные части объекта исследования, вместо того чтобы добыть дополнительное знание об объекте исследования. Операционализацию превращают в неуправляемую процедуру во имя объекта изучения; зато у нее появляются собственные цели... Все это, подчеркиваю, результаты узкой операционализации — как указано выше, вместо того чтобы просто разрешить или поставить вопрос о том, что означают результаты¹⁷.

Резко обозначив, таким образом, свою позицию, Блумер затем обращается к исследованию содержания, формирования и функций общественного мнения в условиях демократии, умело выстраивая концепцию общественного мнения как рациональности с его явной нацеленностью на информирование политиков об установках функциональных групп, составляющих общественные организации. Его внимание направлено в первую очередь на группы, объединенные общими интересами, — союзы, ассоциации предпринимателей или аграрников, этнические образования. Блумер не говорит, почему эти группы по интересам и давлению, которое они оказывают на политиков, могут быть названы «общественным мнением». Однако он убедительно демонстрирует роль этих группировок и объединений в формировании мнений политиков, показывая в то же время, как самим политикам нужно уклоняться от их давления. Естественно, не все люди оказывают одинаковое влияние на процесс формирования мнения в обществе. Многие из них имеют высокий статус, престиж в обществе, их отличает высокий уровень компетенции, они очень заинтересованные и увлеченные люди, оказывают заметное влияние на других. В то же время есть люди, не обладающие ни одним из этих качеств. В репрезентативных опросах с такими респондентами, чьи суждения и влияния имеют разный вес, обращаются одинаково. Согласно аргументам Блумера, опросы не являются методом, пригодным для выявления общественного мнения.

Те же аргументы, спустя тридцать лет, приводит и Пьер Бордье в эссе «Общественное мнение не существует»¹⁸. На конференции американской Среднезападной ассоциации исследователей общественного мнения (Midwest Association of Public Opinion Research — MAPOR) в Чикаго в 1991 г. одно из заседаний было специально посвящено обсуждению европейских концепций общественного мнения, материалы которого нашли отражение в серии последующих публикаций в *International Journal of Public Opinion Research*¹⁹. Были представлены теории общественного мнения, сформулированные Фуко, Хабермасом и Бордье. Все три основаны на предположении, что формирование мнения — это рассудочный процесс.

Несмотря на все возрастающий интерес к теориям рационального выбора в политических науках и общую увлеченность психологов когнитивными процессами, идея общественного мнения как рациональности, кажется, приходится все чаще занимать оборонительную позицию к концу столетия. Дж. Бениджер, например, ожидает появления новой парадигмы вдоль этой линии обороны: «Если допустить, что установки как аффект зависят от сознания (знания и схемы), а также, возможно, от поведенческой предрасположенности, то коммуникация, которая изменяет “только” сознание, так же важна для изменения установки, как коммуникация с аффективными компонентами»²⁰. Действительно, многочисленные исследования общественного мнения показывают, что убедительная информация может оказывать более устойчивое воздействие на общественное мнение, чем просто убеждающие призывы. Дальнейшие разработки указанной парадигмы для лучшего понимания этого типа формирования и изменения общественного мнения, как ожидается, будут занимать центральное место на страницах *POR (Public Opinion Research. — Ред.)* в последующие 50 лет его существования.

Скрытая функция мнения: социальный контроль

Во время работы 25-й ежегодной конференции Американской ассоциации исследователей общественного мнения в 1970 г. психолог Брюстер Смит из Чикагского уни-

верситета, выступая на заседании по теме «Теоретические проблемы общественного мнения», констатировал, что исследователи «еще всерьез не занимались проблемой, каким образом мнения индивидов вызывают социальные и политические перемены»²¹.

Проблема не может быть решена, потому что никто не замечает способности общественного мнения оказывать давление. Рациональная же концепция не объясняет давления, которое общественное мнение может оказывать, если имеет хоть какое-то влияние на правительство и граждан. *Рациональность* может просветить, вдохновить, заинтересовать, но этого недостаточно, чтобы оказывать такое давление, которого, по словам Дж. Локка, не выдержит ни один человек из десяти тысяч. А тот, кто лишился поддержки людей, говорил Аристотель, не может оставаться правителем. Д. Юм тоже считал, что только на мнении держится правительство. И это касается, писал он в «Трактате о человеческой природе», как самых деспотичных и самых воинственных правительств, так и самых свободных и самых популярных. Власть общественного мнения легкообъяснима, если его рассматривать как социальный контроль. В письме, датированном 50 г. до н.э., Цицерон сообщает своему другу Аттику, что его ввело в заблуждение общественное мнение (*publicam opinionem*). Даже в самом первом известном нам сегодня случае употребления термина «общественное мнение» он используется для обозначения не хорошего и разумного суждения, а скорее своей противоположности.

Рациональная концепция общественного мнения опирается на представление о хорошо информированном гражданине, способном тонко аргументировать и четко формулировать свои суждения. Она делает акцент на *политической* жизни и *политических* противоречиях. Большинство авторов, разделяющих ее положения, признают, что только малая группа информированных и заинтересованных граждан действительно участвует в таких дискуссиях и формирует суждения. Однако концепция общественного мнения как социального контроля затрагивает *всех* членов общества. Поскольку участие в процессе, угрожающем изоляцией и вызывающем страх перед изоляцией, не является делом добровольным, то социальный контроль оказывает давление и на индивида, опасającego-

ся изоляции, и на правительство — оно также может оказаться в изоляции и быть свергнутым без поддержки общественного мнения. Пример ЮАР показал, что в нынешнее время целая страна может подвергнуться изоляции в мировом мнении, пока не изменит своей позиции под его давлением.

Концепция общественного мнения как социального контроля не затрагивает качества аргументации. Решающее значение имеет тот из двух противоборствующих лагерей, у которого хватит сил запугать противника изоляцией, отвержением и остракизмом. В начале этой книги мы уже говорили о значении восприятия людьми силы противоположной стороны, проиллюстрировав это «сдвигом в последнюю минуту» во время федеральных выборов в Германии в 1965 и 1972 гг. Столкнувшись с аналогичным явлением во время президентских выборов в Америке в 1940 г., Лазарсфельд попытался объяснить его в терминах индивидуальной психологии как «эффект прицепного вагона» — каждый хочет оказаться на стороне победителя, если интерпретировать это в терминах социальной психологии. Никто не хочет оказаться в изоляции. И «эффект прицепного вагона», и «спираль молчания» базируются на всеобщем убеждении, что индивиды следят за усилением или ослаблением различных группировок в своем окружении. Однако мотивация этих наблюдений различна. Более того, теория спирали молчания подчеркивает постепенное нарастание изменений в результате непрерывного социального процесса, в то время как теория «прицепа» предполагает скорее внезапный скачок от одной позиции к другой, основанный на новой информации о том, кто впереди. Обе эти теории можно использовать одновременно²².

Многие писатели давно интуитивно осознали, что победа или поражение в процессе общественного мнения не зависит от правоты или заблуждений. Как отмечал немецкий правовед Иеринг в 1883 г., осуждение как наказание за отклоняющееся поведение не имеет рационального характера, который легко улавливается в неодобрении «некорректного логического заключения, ошибки в решении арифметической задачи, неудачного произведения искусства». Он скорее подчеркивается «осознанной и неосознанной реакцией сообщества на то, чтобы отстоять свои

интересы, защитить себя в целях общей безопасности»²³. Иными словами, речь идет о сплоченности и ценностном единстве в обществе. Последнее может включать только моральные ценности — добро и зло — или эстетические ценности — красиво и уродливо, — если только они содержат эмоциональные компоненты, способные источать угрозу изоляции или страх перед изоляцией.

Сравнение двух концепций общественного мнения

При сравнении двух концепций общественного мнения следует подчеркнуть, что они основаны на совершенно различных предположениях относительно функции общественного мнения. Общественное мнение как рациональный процесс, фокусируясь на проблемах демократического участия и обмена различными точками зрения по общественно значимым вопросам, требует в то же время внимания к этим идеям со стороны правительства и считает, что власть капитала и государства, средства массовой информации и современные технологии могут манипулировать процессами формирования общественного мнения²⁴.

Теория общественного мнения как социального контроля концентрирует внимание на поддержании необходимо достаточного уровня согласия внутри общества относительно ценностей и целей сообщества. Согласно этой концепции, сила общественного мнения настолько велика, что ни правительство, ни отдельные члены общества не могут его игнорировать. Источник этой силы — угроза изоляции, которой общество подвергает отклоняющегося индивида или непослушное правительство, а также страх перед изоляцией, который обусловлен социальной природой человека.

Постоянное наблюдение за своим окружением и, за реакциями других, выражаемое в готовности высказываться или промолчать, и есть та нить, которая связывает индивида с обществом. Такое взаимодействие укрепляет общность сознания, общепринятые ценности и общие цели и одновременно предостерегает тех, кто отклоняется от этих ценностей и целей. Страх перед изоляцией в случае

отклонения есть производное от чувства удовлетворения общегрупповым опытом. Исследователи предполагают, что эти реакции развились в процессе становления человека, чтобы поддержать необходимо достаточное сплочение человеческих сообществ. Эмпирическое подтверждение этому мы находим с помощью «метода отбора данных опыта» (*«experience sampling method» — EMS*), который показывает, что одиночество связано с депрессией и плохим настроением у большинства людей²⁵.

Одно из основных различий между двумя концепциями общественного мнения — рациональной и социально-го контроля — состоит в интерпретации слова «общественный». Согласно демократической теории общественного мнения как продукта *рассуждений (raisonnement)*, понятие «общественный» должно рассматриваться с точки зрения содержания, тематики общественного мнения, которая имеет прямое отношение к политике. Концепция общественного мнения как социального контроля интерпретирует понятие «общественный» в смысле «публичный», «гласный», «прилюдный»²⁶, «у всех на глазах», «видимый всем», *coram publico*. Глаз общественности — это суд, которому подвержены и правительство, и каждый индивид.

Обе эти концепции объединяются, когда речь заходит об интерпретации слова «мнение». В соответствии с демократической теоретической концепцией «мнение» означает в первую очередь индивидуальность взглядов и суждений; согласно же концепции общественного мнения как социального контроля, оно применимо к гораздо более обширной сфере, фактически ко всему, что в явной форме публично выражает ценностно значимое мнение, которое может проявляться как непосредственно, через высказанные убеждения, так и опосредованно — с помощью видимых символов — нашивок, флагов, жестов, причесок или бороды, т.е. через видимое для других, имеющее нравственную нагрузку поведение. Эта концепция общественного мнения применима даже к неоднозначным ситуациям²⁷. Ее значимость распространяется на весьма обширную сферу: от всех правил морального характера («политической корректности») до табу — области неразрешенного конфликта, который не может обсуждаться открыто без ущерба социальной сплоченности.

С точки зрения демократически-теоретической концепции общественного мнения следует критически подходить к использованию термина «общественное мнение» для обозначения репрезентативных исследований, по примеру Герберта Блумера, Бердье и многих других сторонников этой концепции, поскольку в таких исследованиях ведется работа с информированными и неинформированными людьми на равных условиях. А это не может соответствовать действительности.

С точки зрения общественного мнения как социального контроля все члены общества участвуют в процессе формирования общественного мнения. В случае конфликта относительно целей и ценностей часть людей подкрепляют своей поддержкой традиционные ценности, другая часть отвергает их и заменяет новыми. Этот процесс можно наблюдать с помощью репрезентативных исследований. Однако в большинстве случаев вопросы, которые требовалось бы задать, отличаются от тех, которые включены в общепринятые вопросники общественного мнения. Выявляя мнения респондентов, необходимо также определить климат мнений. Одним словом, у респондентов нужно спросить, каким они видят свое окружение: как думает большинство людей, какое мнение усиливается или ослабевает, как они относятся к угрозе изоляции, т.е. какие взгляды и способы поведения непопулярны, на их взгляд, а также готовы ли они высказаться по этим вопросам или предпочли бы промолчать.

Согласно этой концепции общественного мнения, многие опросы сегодня не выявляют общественного мнения. Поэтому вопросы в них должны быть обращены к ценностно значимым мнениям и способам поведения, исходя из которых общество может изолировать индивида или позволить ему самоизолироваться.

Предприимавшиеся с середины 1960-х годов попытки оживить концепцию общественного мнения как социального контроля оказались безуспешными²⁸. Одно из возможных объяснений этому дает Мэри Дуглас в своей книге «Как думают институты»: «Во-первых, согласно принципу когнитивной согласованности, теория, которая претендует на постоянное место в публичной копилке знаний, должна быть увязана с процедурами, гарантирующи-

ми использование других типов теорий»²⁹. С этой точки зрения концепция общественного мнения как рациональности не представляет трудности: она может быть увязана с существующими теориями демократии, с привлекающим внимание рациональным выбором и с теориями коллективных действий, а также с когнитивными моделями в психологии. С другой стороны, социально-психологическая динамическая концепция общественного мнения не лишена недостатков. Как отмечает М. Дуглас, «существует профессиональная неприязнь (социологов) к моделям контроля»³⁰.

Теоретики в области философии науки разработали ряд критериев для оценки качества соревнующихся концепций. Например:

1. Эмпирическая применимость.
2. Какие результаты объясняет концепция? Каков ее объяснительно-понятийный потенциал?
3. Степень сложности, т.е. диапазон охватываемых сфер или количество включаемых переменных.
4. Совместимость с другими теориями.

Концепция общественного мнения как социального контроля получает предпочтение по трем из названных критериев. Во-первых, ее можно проверить эмпирическим путем. Если выполнены определенные требования теории, например по тематике, наличию морального или эстетического компонента и отношению средств массовой информации, то можно надежно предсказывать индивидуальное поведение (например, тенденцию высказаться или промолчать) и распределение мнений в обществе³¹.

Во-вторых, эта концепция располагает широкими возможностями в области объяснений. Теория спирали молчания допускает суждения типа «если — то», а это означает, что она увязывает наблюдаемые явления с другими, утверждая и доказывая существование определенных социальных правил. Используя рациональную концепцию общественного мнения, трудно объяснить феномен, который мы впервые наблюдали в 1965 г., когда стабильное распределение индивидуальных мнений сопровождалось совершенно независимым развитием климата мнений и изменениями решения, за кого голосовать, происшедши-

ми в последнюю минуту (см. гл. I наст. изд., с. 30). Кроме того, с помощью рациональной концепции общественного мнения трудно объяснить, почему различия во мнениях среди разных групп населения (объединенных по возрасту, классовой принадлежности и т.п.) значительно резче оценок, которые дают группы относительно воспринимаемого климата мнений («Как думает большинство людей?»). И наконец, с помощью рациональной концепции общественного мнения особенно трудно объяснить, почему лучше информированные по определенным темам индивиды, т.е. эксперты, часто оказываются в одиночестве со своим мнением, противостоят носителям общественного мнения, журналистам, населению в целом, которое в совокупности занимает позицию, диаметрально противоположную мнению экспертов. Эмпирическое подтверждение этой ситуации дали Стэнли Ротман и другие исследователи³².

В-третьих, концепция общественного мнения как социального контроля более сложна. Она соединяет индивидуальный уровень с социальным и охватывает, таким образом, гораздо больше сфер, помимо политики.

Как отмечалось выше, определенные трудности возникают и при попытке совместить ее с другими теориями. Однако она может быть увязана с социально-психологическими результатами в области групповой динамики³³ и социально-психологическими теориями Эрвина Гофмана, касающимися проблем замешательства и стигматизации.

Сравнивая здесь возможности двух концепций общественного мнения, мы не настаиваем на необходимости выбирать одну из них. Рациональный обмен аргументами, или *рассудительность*, несомненно, играет роль в процессе общественного мнения, хотя проведено еще слишком мало эмпирических исследований по этой проблеме. Ведь даже нравственные ценности нуждаются в когнитивной поддержке, чтобы укрепиться в общественном мнении.

Если мы ищем некую формулу для объяснения связи между общественными дискуссиями и общественным мнением как социальным контролем, то именно дискуссия может рассматриваться как вполне вписывающееся в динамический социально-психологический процесс

вкрапление, иногда ведущее и формулирующее его, но часто остающееся на интеллектуальном уровне и потому не оказывающее воздействия на моральные чувства, являющиеся источником давления общественного мнения. По определению Мертон, явная функция общественной дискуссии — достижение решения в результате публичного представления аргументов — функция вполне сознательная, намеренная и одобряемая. Однако часто население не удается убедить на эмоциональном уровне — «заразить», — и потому функции принятия решения недостает силы, необходимой для создания и защиты требуемого социального согласия. Выполнить скрытую функцию поддержания социальной сплоченности может только мнение, которое эмоционально воспринято и одобрено населением. С этой точки зрения общественная дискуссия часто является лишь составной частью, а не целым процессом общественного мнения.

Явная функция общественного мнения может быть также определена как видимая, в то время как скрытая есть функция реальная. Мертон анализирует обе, описывая танец дождя у племени хопи, где обнаруживается как фиксированная функция — вызов дождя во время засухи, — так и скрытая, и потому реальная, — обеспечение сплоченности племени, когда это требуется.

Поскольку скрытая функция общественного мнения как социального контроля, цель которой — интеграция общества и обеспечение достаточного уровня согласия, не является осознанной и преднамеренной, многих она не удовлетворяет. Может быть, когда-нибудь все же удастся убедить интеллектуалов, что общественное мнение оказывает давление на индивидуальное с целью подчинить его себе. Это позволило бы превратить скрытую функцию общественного мнения в явную. Иными словами, общественное мнение будет рассматриваться как необходимая общественная сила.

В первом издании этой книги я не касалась ни рациональной концепции общественного мнения, ни результатов исследований по проблемам референтных групп и групповой динамики. Главная моя цель состояла в том, чтобы описать новые перспективы, возникающие в связи

с открытием роли общественного мнения как социально-го контроля, которую мы только начинаем осознавать в полной мере. Поэтому во второе издание я не только включила обсуждение проблем общественного мнения некоторыми известными учеными в этой области, такими, как Роберт Парк, Херберт Блумер, Пьер Бурдьё, но и попыталась объяснить связь между социально-психологической динамической концепцией общественного мнения как социального контроля и демократически-теоретической концепцией общественного мнения как рассудочной стороной общественной жизни. Исследование взаимосвязи между референтными группами, групповой динамикой, психологией масс и общественным мнением как социальным контролем еще предстоит.

Примечания

- ¹ Beniger J. R. Toward an Old New Paradigm. The Half-Century Flirtation with Mass Society. — *Public Opinion Quarterly*, 1987, 51, p. 541; см. также: Gollin A. E. Exploring the Liaison between Polling and the Press. — *Public Opinion Quarterly*, 1980, 44, p. 448.
- ² См.: Merton R. Social Theory and Social Structure. Toward the Codification of Theory and Research. New York, 1962, p. 51.
- ³ См.: Palmer P. A. The Concept of Public Opinion in Political Theory. — In: Reader in Public Opinion and Communication. Ed. Bernard Berelson and Morris Janowitz. Glencoe, 1950, p. 12; Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Neuwied, 1962, S. 13; Moscovici S. Silent Majorities and Loud Minorities. Commentary on Noelle-Neumann. — *Communication Yearbook*, Ed. James A. Anderson. Newbury Park: Sage, 1991, № 14, p. 299.
- ⁴ См.: Niedermann B. Öffentliche Meinung und Herrschaft am Beispiel des erfolgreichen Politikers Kardinal Richelieu. Masterarbeit. Mainz, 1991; Rusciano F. L., Fiske - Rusciano R. Towards a Notion of «World Opinion». — *International Journal of Public Opinion Research*, 1990, 2, № 4, p. 305—322.
- ⁵ Speier H. Historical Development of Public Opinion. — *American Journal of Sociology*, 1950, 55, № 4, p. 376; см. также гл. IX наст. изд., с. 000.
- ⁶ См.: Habermas J. Op. cit.
- ⁷ См. например: International Encyclopedia of the Social Sciences, 1968, vol. 13, p. 192; International Encyclopedia of Communications, 1989, vol. 3, p. 387; Staatslexikon Recht, Wirtschaft, Gesellschaft, 1988, vol. 4, S. 98; см. также: Bucher L. Über politische Kunstausdrücke. — *Deutsche Revue*, 12, 1887, S. 77; Baner W. Die öffentliche Meinung in der Weltgeschichte. Wildpark—Potsdam, 1930, S. 234 f.

- ⁸ CM.: Frazier J. P. Gaziano C. Robert Ezra Park's Treory of New, Public Opinion and Social Control. *Journalis Monographs* 64, 1979.
- ⁹ CM.: Wilson F. G. Consepts of Public Opinion. — *American Political Science Review*, 27, 1933, p. 382, 390.
- ¹⁰ Young J. T. The New American Government and Its Work. New York, 1923, p. 577—578.
- ¹¹ Sauerwein J. A. The Moulders of Public Opinion. — In: *Public Opinion and World Politics*. Ed. Quincy Wright. Chicago, 1933, p. 29.
- ¹² Jordan E. Theory of Legislation. Indianapolis, 1930, p. 339.
- ¹³ Warner L. The Reliability of Public Opinion Survey. — *Public Opinion Quarterly*, 3, 1939, p. 377.
- ¹⁴ Beylie H. C. Identification and Analysis of Attribute-Cluster-Blocs. Chicago, 1931, p. 183.
- ¹⁵ Lazarsfeld P. F. Public Opinion and the Classical Traditions. — *Public Opinion Quarterly*, 21, 1957, № 1, p. 43.
- ¹⁶ Beniger J. R. Toward an Old New Paradigm. The Half-Century Flirtation with Mass Society. — *Public Opinion Quarterly*, 51, 1987, p. 54; Gollin A. E. Exploring the Liaison between Polling and the Press. — *Public Opinion Quarterly*, 44, 1980, p. 448.
- ¹⁷ CM.: Blumer H. Public Opinion and Public Opinion Polling. — *American Sociological Review*, 13, 1948, p. 542—547.
- ¹⁸ CM.: Bourdieu P. Public Opinion Does Not Exist. — In: *Communication and Class Struggle*. Ed. A. Mattelart and S. Siegelau. New York, 1979; см. также: Herbst S. Surveys in the Public Sphere. Anplying Bourdien's Critique of Opinion Polls. — *Internatinal Journal of Public Opinion Research*, 4, 1992, № 3.
- ¹⁹ CM.: Beniger J. R. The Impact of Polling on Public Opinion. Reconcilling Foucault, Habermas and Bourdieu. — Там же.
- ²⁰ Beniger J. R. Toward an Old New Paradigm, p. 58—59.
- ²¹ Smith B. M. Some Psychological Perspectives on the Theory of Public Opinion. — *Public Opinion Quarterly*, 34, 1970, p. 454.
- ²² CM.: Davison W. P. h. The Public Opinion Process. — *Public Opinion Quarterly*, 22, 1958, p. 91—106.
- ²³ Ihering R. von. Der Zweck in Recht. Vol. 2. Leipzig, 1883, S. 242, 325.
- ²⁴ CM.: Habermas J. Op. cit.
- ²⁵ CM.: Csikszentmihalyi M. Public Opinion and the Psychology of Solitude. Paper presented at the Johannes Gutenberg University of Mainz, 1992, January 22.
- ²⁶ CM.: Burke E. An Appeal from the New to the Old Whigs. — In: *The Works of the Right Honourable Edmund Burke, a New Edition*. London, 1826, vol. 6, p. 73—267.
- ²⁷ CM.: Goffman E. Embarrassment and Social Organization. — *American Journal of Sociology*, 62, 1956; Hallemann M. Peinlichkeit. Ein Ansatz zur Operationalisierung von Isolationsfurcht im sozialpsychologischen Konzept öffentlicher Meinung. Dissertation. Mainz, 1989.

- ²⁸ CM.: Noelle - Neumann E. Öffentliche Meinung und Soziale Kontrolle. — *Recht und Staat*. Tübingen, J.C.B.Mohr (Paul Siebeck) 1966, № 329.
- ²⁹ Douglas M. How Institutions Think. Syracuse — N.Y., p. 76.
- ³⁰ Ibid., p. 82.
- ³¹ CM.: Noelle - Neumann E. The Theory of Public Opinion. The Concept of the Spiral of Silence. — *Communication Yearbook*, 14. Ed. James A. Anderson. Newbury Park, 1991, p. 256—287.
- ³² CM.: Snyderman M., Rothman S. The IQ Controversy. The Media and Politic Policy. New Brunswick, 1988.
- ³³ CM.: Sherif M. The Psychology of Social Norms. New York, 1965; Asch S. E. Effects of Group Pressure upon the Modification and Distortion of Judgments. — In: *Groups, Leadership, and Men*. Ed. H. Guetzkow. Pittsburgh, 1951; Asch S. E. Group Forces in the Modification and Distortion of Judgments. — *Social Psychology*. New York, 1952, p. 450—473.

Заключение

Лишь закончив книгу «Общественное мнение. Открытие спирали молчания», я обнаружила трудности, которые подстерегают читателя при знакомстве с ней. То, что я хотела рассказать ему об общественном мнении, рассеяно по всему тексту; нигде этому не посвящен специальный раздел целиком, чтобы можно было, показав на него пальцем, сказать: вот главное, здесь сформулирована социально-психологическая концепция общественного мнения.

Поэтому я хочу в сжатой форме изложить для читателя в этом заключении основные положения концепции и, таким образом, дать ему возможность еще раз окинуть взглядом прочитанное и составить общее представление.

Общественное мнение — не простая тема; это сложный феномен, с трудом поддающийся теоретическому анализу. Тем не менее данное понятие существует уже не одно столетие. Что кроется за упрямством, с которым понятие «общественное мнение» употребляют, несмотря на путаницу с его определением? Это доказывает, что понятие «общественное мнение» необходимо реальности, даже если точное научное описание этой реальности затруднительно.

Явление, обозначаемое здесь понятием «общественное мнение», встречалось и встречается у всех народов во все времена. Общественное мнение базируется на бессознательном стремлении людей, живущих в некотором сообществе, прийти к общему суждению, к согласию, которое необходимо, чтобы действовать и принимать решения соответственно обстоятельствам.

Общественное мнение требует уважения к себе как от правительства, так и от отдельного члена общества. Если правительство не учитывает общественное мнение, ничего не предпринимает, чтобы переманить на свою сторону враждебное общественное мнение, ему грозит крах, лишение власти. Индивиду угрожает изоляция, отвержение сообщества. Результатом признания общественного мнения служит интеграция, укрепление сплоченности и на этой основе — способности действовать и принимать решения.

В основе дефицита теоретических и эмпирических исследований общественного мнения лежит недостаточное внимание к проблемам интеграции. Я согласна с Рудольфом Смендом, который писал: «Процесс интеграции в значительной мере неосознаваем, он протекает в соответствии с непредусмотренной закономерностью или “хитростью разума”». Поэтому он... лишь в редких случаях становится предметом теоретического осмысления...»¹ Сплоченность социального объединения, как представляется, отчасти предопределена, отчасти же кажется, что согласие возникает само собой — согласие относительно того, что одобрять и чего не одобрять. И речи нет о том, что эта сплоченность, может быть, является результатом непрерывных социальных усилий.

С точки зрения индивида, между его собственными потребностями и потребностями социального объединения существует неприятный конфликт, трудность разрешения которого никто не выразил лучше Руссо: «Найти такую форму ассоциации, которая защищала бы и охраняла совокупной общей силой личность и имущество каждого участника и в которой каждый, соединяясь со всеми, повиновался бы, однако, только самому себе и оставался бы таким же свободным, каким он был раньше. Вот основная проблема...»²

История понятия «общественное мнение» весьма своеобразна. Столетиями понятие использовалось для описания конформизма в обществе, социального контроля в интересах сплоченности, даже когда просто говорилось — «мнение». В начале XVIII в., в эпоху Просвещения, его значение начинает меняться. Общественное мнение становится мнением хорошо информированных, способных выносить суждения, сознающих свою ответственность граждан, мнением тех, кто был готов к участию в обще-

ственной жизни и кто разумными суждениями, убедительной аргументацией служил в качестве контроля и коррелята правительства.

Просвещение обращалось с понятием общественного мнения, воспринятым от предшественников, так, будто оно было пустой раковиной, которую можно узурпировать для своих представлений о хорошем суждении ответственных разумных граждан. Но раковина не была пустой — древнее понимание общественного мнения как интеграции общества в результате давления в сторону конформизма оказалось живучим, и два совершенно различных значения общественного мнения слились воедино.

50 определений общественного мнения в книге Г. Чайлда «Общественное мнение: природа, формирование, роль» с трудом можно упорядочить, разделив на две группы. Одна — это обозначение общественного мнения как давления в сторону конформизма, как социальный контроль, «неписанные законы», и другая — общественное мнение как хорошее, ответственное суждение политической элиты.

Элитарная и интегративная концепции в описании отношений между общественным мнением и правительством не очень различаются; обе концепции предполагают необходимость связи, игнорирование которой в течение длительного периода приведет к свержению правительства. Собственно различие лежит в области отношений между индивидом и общественным мнением. Элитарная концепция общественного мнения — мнение компетентных людей, готовых взять на себя ответственность, — основана на политическом участии. От индивида зависит, захочет ли он участвовать или предпочтет уклониться от участия в общественном мнении. Индивид может ретироваться в сферу частной жизни, ему не нужно участвовать в обосновании, проверке мнений, даже если его к тому обяжут как гражданина. *Интегративная концепция* предусматривает вовлечение *всех* в процесс общественного мнения, и речи нет о свободном решении — участвовать или воздержаться. Социальная природа человека, побуждающая его дорожить своим именем и бояться изоляции, подчиняет всех людей давлению *конформизма*, называемому общественным мнением. Каждому, кто не учитывает его, угрожают санкции.

Эффект элитарной концепции общественного мнения заключается в усилении роли интеллигенции в общественной жизни, эффект интегративной концепции — в сплоченности общества, в согласии, если не соответственно велениям души каждого, то соответственно мнениям других людей, что необходимо для единства действий и решений, например для самозащиты. Без мощного социально-психологического давления не будет согласия в обществе, состоящем из индивидов и групп самого разнообразного характера и с антагонистическими интересами.

Путаница в понятии, возникшая в начале XVIII в. из-за смещения значения, может быть снята, если воспользоваться предложенной Робертом Мертоном рекомендацией различать явную и скрытую функции в обществе. Явные функции — осознанные, намеренные. В нашем случае это функция общественного мнения как коррелята правительства³. Скрытые функции, по Мертону, неосознаваемы, ненамеренны, но более результативны; это — общественное мнение как социальный контроль. (Однако, соглашаясь с предложенным Мертоном различием, следует учитывать, что здесь «скрытый» означает не тайную реальность, а предрасположенность, которая когда-нибудь проявится.)

В целях ясности научной дискуссии было бы целесообразно снова связать понятие общественного мнения с его корнями, с его первоначальным значением в смысле «неписаных законов» и тем самым выявить власть общественного мнения, под давлением которой и правительства, и члены общества должны организовывать свои действия. Это связано с тем, что элитарная его концепция вообще не может объяснить, каким образом интеллектуальное общественное мнение свергает правительства и наполняет ужасом сердца индивидов, так что «ни один из десяти тысяч», по «закону мнения, моды и репутации» Дж. Локка, не отважится противостоять ему. Интеллектуальная власть политической элиты и опубликованного в средствах массовой информации мнения не бывает затронута, независимо от того, назовем мы ее общественным мнением или не назовем.

Элитарное мнение можно представить вкраплением во всеобщее общественное мнение. В лице своих *лидеров*⁴,

которые публично заявляют о своей позиции — отчасти в средствах массовой информации⁵, отчасти в личных беседах, — элитарное мнение образует авангард всеобщего общественного мнения. Оно всегда пробивает себе дорогу; не всегда опубликованное мнение становится общественным, но без лидерства этой формы элитарного мнения новое общественное мнение не сможет реализоваться.

Если не существует никакой внешней угрозы, потребность в сплоченности, вызванной общественным мнением, несколько ослабевает. В то же время ее легче сохранять, если членов объединения связывает общность расы, истории, религии, культуры и если, как в примитивных обществах, жизненные обстоятельства и представления о ценностях жизни остаются стабильными или изменяются очень медленно. В таких условиях индивид вряд ли заметит давление в сторону конформизма. Однако он быстро его ощутит, если возникает угроза разрыва связей, особенно в военное или революционное время и вообще в периоды коренных переломов или *смены ценностей*, подвергающей сплоченность опасности, которой индивиду следует научиться избегать и которую надо учитывать в своем поведении.

Сферой, где мы учимся компромиссам, является, по мнению Сократа, одежда, прическа, внешний облик в целом. Учимся же мы ему в процессе строгого, обусловленного временем излишнего согласования, которое называют *модой*, т.е. нацеленной на перемены формой проявления общественного мнения. Не без основания Дж. Локк говорил о «законе моды» вместо «закона мнения или репутации». Свое представление об одежде как средстве интеграции высказал еще в 1534 г. и Рабле. Мода сходна с игрой, но сама таковой не является. Требуя от человека чрезмерной наблюдательности за социальным окружением, она не оставляет ему никакой свободы решений — обращать ли внимание на моду (т.е. следовать компромиссу) или не учитывать ее. Не учитывать — это значит быть отчужденным в качестве современника от своего окружения, стать «пугалом», которое, как правило, одевают в ненужные платья. Наблюдение за окружением в изменяющихся условиях, которое тренирует мода, позволяет людям сориентироваться в том, как можно избежать *изоляции*, например, в период смены моральных

ценностей. Тенденция отрицать социальную природу человека, проявляющаяся чаще всего в негативной окраске выражений, связанных с модой: «писк моды», «всего лишь модное веяние» и т.п., — достаточно сильна и сегодня в европейских культурных кругах. Наводит на размышления тот — весьма поучительный — факт, сколь смешно выглядит устаревшая мода. «Красиво» — «некрасиво» еще не объяснение реакции. Если что-то некрасиво, то это несмешно. Почему же люди смеются при виде устаревшей моды?

Общественное мнение — это явление, обусловленное местом и временем; позднее уже нельзя увидеть его давление, как нельзя увидеть грозовые облака, которые унесло ветром. Но для политика, который действовал под прикрытием этих облаков, они были как бы надежной стеной. Если историческое исследование упускает это из виду, то описание обстоятельств и мотивов политического действия окажется неверным, искаженным.

Наш идеал зрелого и разумного индивида противостоит непредвзятому изучению социальной природы человека и функций общественного мнения — в этом причина односторонности социально-психологических исследований. Например, подражание объясняется в научной литературе XIX и XX вв. односторонним рационалистическим толкованием теории научения: перенятие объективно разумных способов мышления и поведения. *Страх изоляции*, обеспечивающий сплоченность человеческих обществ, в качестве движущего мотива подражания остается неизученным. Лишь эксперименты с конформизмом Соломона Эша⁶ и Стэнли Милгрэма⁷ в 50—60-е годы показали, что люди присоединяются к суждениям большинства, хотя собственными ушами могут слышать и собственными глазами видят, что эти суждения ошибочны. Единственное объяснение такому выбору — присоединению к большинству — боязнь полной изоляции со стороны общества из-за высказанного, продемонстрированного ими мнения. Эти результаты Эша—Милгрэма часто интерпретируют как доказательство слабости человеческой природы, что неверно. Согласно интеллектуальной концепции общественного мнения, реакции, обусловленные социальной природой человека, не представляют особого инте-

реса, но их следует мерить и иным масштабом — как условие существования человеческой общности.

Представленное в книге описание функции общественного мнения, опирающейся на страх изоляции, не следует понимать как похвалу оппортунизму, соглашательству. Речь шла лишь о том, чтобы учесть обе стороны — индивидуальную природу и социальную природу, — как это пытался сделать Руссо.

Зрелость человека означает осознание им своей социальной природы, отсутствие заблуждений относительно своей независимости. Эту закономерность сумел разглядеть уже Монтень в конце XVI в.: «...мудрец должен внутренне оберегать свою душу от всякого гнета, дабы сохранить ей свободу и возможность свободно судить обо всем, — тем не менее, когда дело идет о внешнем, он вынужден строго придерживаться принятых правил и форм»⁸.

Голландский психолог ван Зуурен предложила новый метод для изучения индивидуальной социальной природы — опыты над собой, в ходе которых человек намеренно нарушает правила одобряемого в обществе поведения и при этом может наблюдать ощущение неловкости у себя и других участников опыта⁹.

Еще Дарвин указывал на ощущение неловкости при покраснении как проявление социальной природы человека. Будучи формой ощущения изоляции, хотя и слабой, неловкость позволяет выявлять воздействие общественного мнения как социального контроля. Можно даже сконструировать шкалу ощущения неловкости, которое у различных людей и в разных культурах развито в неодинаковой степени, чтобы измерять реакцию на угрозу изоляции, на давление в сторону конформизма¹⁰.

Проблемой ощущения неловкости занимался также Ирвин Гоффман, впервые разработавший представление о значении общественности для социально-психологических феноменов. Он считал, что «общественное», «общественность» следует понимать в социально-психологическом аспекте, а не как правовое понятие («доступно всем») или как политическое понятие («по содержанию относящееся к общественному делу») ¹¹.

С социально-психологической точки зрения *общественность* — это такое состояние, когда человека все видят и могут о нем судить, когда его репутация и его популярность поставлены на карту; одним словом, общественность — это своего рода трибунал. В условиях публичности человек не хочет остаться в изоляции, потерять свое лицо. Тяжким наказанием для человека, при котором с головы его не упадет ни единого волоска и которое, по всей вероятности, встречается во всех культурах, является пригвождение к позорному столбу. Как выражается социально-психологическое значение «общественного»? Обратимся к примеру. Когда мы говорим: «у всех на глазах» произошло то или иное событие, — окружающие понимают, о чем здесь на самом деле идет речь. Никто не скажет: «Концерт состоялся у всех на глазах». Аналогичное выражение *coram publico* существовало уже в латинском языке, в английском есть обороты «общественное ухо», «общественный глаз», впервые употребленные Эдмундом Берком в его парламентской речи¹².

На основании всего вышесказанного, попытаемся определить, *что такое общественное мнение*. Это — ценностно окрашенное, в частности имеющее *моральную окраску*, мнение и способ поведения («хорошо» или «плохо», «со вкусом» или «безвкусно», аналоги во французском языке — «умно» или «глупо»), которые — если речь идет об устоявшемся, закрепившемся согласии, например догме или обычае, — *следует* демонстрировать прилюдно, если не хочешь оказаться в изоляции, или которые в проходящих, «текущих», согласно Тённису¹³, состояниях *можно* прилюдно демонстрировать, не боясь изоляции. Группы, которые хотят ввести изменения, должны работать над тем, чтобы можно было продемонстрировать свою позицию прилюдно без угрозы изоляции и чтобы прежнюю позицию, наоборот, уже нельзя было демонстрировать прилюдно, не опасаясь изоляции.

Существуют кратковременные и долгосрочные, столетиями длящиеся процессы формирования общественного мнения, т.е. внедрение собственного представления и вытеснения, подавления противоположного мнения вплоть до законодательного закрепления или отмены. Важно учитывать, что общественное мнение всегда включает иррациональный ценностно окрашенный компонент, мо-

ральную или эстетическую оценку. Кто думает иначе, тот не глуп, а просто плохой, невоспитанный человек. Общественное мнение черпает свою силу, свою угрозу изоляции из элементов морали.

Без *морального обоснования* невозможно привести в движение общественное мнение, иначе говоря: без морального обоснования, т.е. без общественного мнения, нельзя или очень трудно реализовать свою политическую позицию. Поэтому всегда совершает ошибку тот, кто пытается распространить, внедрить свою политическую или экономическую концепцию — какими бы убедительными рациональными преимуществами она ни отличалась — без эмоциональной, например моральной, поддержки.

Как возникает общественное мнение, как оно утверждается, как его можно отвергнуть или вовсе упразднить? Иногда *возникновение общественного мнения* не представляет собой тайны, в частности когда оно является ответом на невыносимое состояние; но не всегда невыносимое состояние ведет к реализации общественного мнения. Наоборот, процессы общественного мнения приходят в движение, когда прежде казавшиеся нормальными состояния люди начинают рассматривать как нетерпимые (например, пренебрежительное отношение к женщине, эмансипация женщин, расизм, угнетение меньшинств в XX в.).

Индивид формирует свое суждение об общественном мнении, о том, что морально одобряется и не одобряется, на основании двух источников: из непосредственного наблюдения за окружением и его сигналами об одобрении и неодобрении — с одной стороны, и из средств массовой информации, в которых проявляются взаимно подтверждающиеся сигналы, — с другой. В соответствии с современным уровнем знания таким образом средства массовой информации воздействуют на *дух времени* (иное обозначение относительно длительных, тематически нечетко очерченных элементов общественного мнения), и дух времени снова влияет на установки и поведение отдельного человека.

Взаимодействие, ведущее к изменению общественного мнения, можно представить себе в образе *спирали молчания*. Спираль молчания закручивается тогда, когда люди, не желая оказаться в изоляции, постоянно наблюдают за своим окружением, подробно регистрируя, какое мнение

убывает, какое распространяется, усиливается. Кто видит, что его мнение находит все большую поддержку, тот высказывается прилюдно, забывая об осторожности. Кто видит, что его позиция теряет свою опору — поддержку других, — погружается в молчание. Кто открыто, не таясь, на виду у публики декларирует свою точку зрения, тот производит о себе впечатление более сильного человека, чем он есть на самом деле, а другие — промолчавшие, — наоборот, кажутся слабее. Возникает оптический или акустический обман, маскирующий действительное большинство или действительную силу; так одни побуждают других говорить или молчать до тех пор, пока одна из позиций не исчезнет. Само понятие спирали молчания содержит в себе смысловой оттенок движения, которое расширяется, распространяется, и с этим ничего нельзя поделать. И чем лучше мы поймем процесс формирования общественного мнения, тем скорее найдем возможность воздействовать на него, противодействовать спирали молчания собственными силами.

Спираль молчания не идентична известному эффекту «прицепного вагона», рассчитанному на то, что люди сами побегут за «повозкой», где сидит оркестр. Таков смысл «эффекта попугайчика»: каждый хочет быть на стороне победителя. И эффект «прицепного вагона», и спираль молчания справедливо подчеркивают реакцию людей на наблюдения за своим окружением — какой лагерь усиливает свои позиции, какой становится слабее. Разница в том, что следование за «вагоном-повозкой» предполагает вознаграждение — оказаться на стороне победителя. В отличие от этого спираль молчания приводится в движение страхом перед наказанием — оказаться в изоляции, быть отверженным.

Спираль молчания завершается либо закрытием темы, когда никто больше не говорит о ней, когда все решено, либо на тему налагается *табу*, например в случае неразрешенного конфликта ценностей. Это означает, что тему нельзя больше обсуждать прилюдно, ее похоронили, предали молчанию. Но можно быть уверенным: под каждым табу скрывается, клокочет вулкан — конфликт, который может снова разразиться. В начале 90-х годов в США вместо понятия «табу» утвердилось выражение с более положительной окраской — «политически корректный», что означает: на определенную тему, связанную с ценностями

ми, можно говорить лишь определенным способом, и не иначе.

Между тем именно в США в последнее время были предприняты многочисленные попытки проверить спираль молчания. Предлагалось, например, — в соответствующих контрольных условиях — обсудить ситуации, в которых ценности, установки быстро изменяются. В одной из таких ситуаций — драматическая потеря популярности президентом Бушем после «войны в заливе», перед президентскими выборами 1992 г. — спираль молчания и снижающаяся готовность сторонников Буша прилюдно высказаться получили подтверждение.

Спираль молчания отражает эффект усиления публичных выступлений, произнесения речей и молчания прежде всего в ситуациях смены ценностей. С точки зрения исследований массовой коммуникации высказывания, речи и молчание представляют интерес, потому что они напрямую связаны с работой средств массовой информации. Последние, согласно определению, представляют собой общественность и демонстрируют — особенно если они постоянно поддерживают друг друга, — что можно и что следует проявлять на глазах у общественности. Кроме того, средства массовой информации помогают выговориться, подсказывают формулировки, выполняют *функцию артикуляции* (оформления) речи, т.е. спираль молчания связана не только с желанием или готовностью открыто, не таясь высказаться, но и с заимствованной у средств массовой информации способностью реализовать это.

Чтобы люди смогли представить свою точку зрения в разговоре, все позиции, и в частности легально занимаемые, в широком спектре демократического населения позиции, должны быть сформулированы в средствах массовой коммуникации, причем сформулированы не как узнаваемый «вотум меньшинства», а широкомасштабно и целенаправленно, не допуская ассоциаций с угрозой изоляции. В противном случае в обществе формулируется «молчащее большинство». Это всегда большинство населения, которое не находит поддержки у задающих тон средств массовой информации, а, наоборот, осуждается ими. И наконец, следует подчеркнуть их *интегративную функцию* как сильнейшего средства воздействия на обще-

ственное мнение: из средств массовой коммуникации человек получает сообщение — что ему можно говорить и делать, чтобы не оказаться в изоляции.

Какую роль в этой связи играют исследования мнений? Лишь небольшая часть опросов специально посвящена выявлению общественного мнения, особенно общественного мнения как давления в сторону конформизма. В этом смысле понятие «опросы мнений» вводит в заблуждение. В то же время развитие репрезентативных опросов имеет большое значение, ибо только с их помощью можно измерять общественное мнение и борьбу за овладение им и таким образом постоянно получать представление о процессах формирования и развития общественного мнения, описанных в этой книге. Широко распространенное представление, что опубликованные результаты опросов влияют на общественное мнение, эмпирически не подтверждается¹⁴. Интересны поэтому случаи, когда результаты опроса действительно влияют на общественное мнение. Американские социологи в 20-х годах специально разработали для таких случаев понятие *множественного невежества*, которое переводится как «большинство заблуждается относительно большинства». Если определенная установка по морально-ценностному спорному вопросу ошибочно считается мнением меньшинства, разделяя которое можно оказаться в изоляции, а опросы мнений подтверждают, что эта установка действительно широко распространена, то это оказывает воздействие: возрастает готовность людей к публичному ее признанию, и так начинается движение в другую сторону.

Примечания

¹ См.: S m e n d R. Integrationslehre. — In: Handwörterbuch der Sozialwissenschaften. Gustav Fischer, J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), Vandenhoeck & Ruprecht. Stuttgart, Tübingen — Göttingen, 1956, 5, S. 299—302.

² Р у с с о Ж. — Ж. Об общественном договоре. М., 1938, с. 12.

³ См.: H a b e r m a s J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Neuwied, 1962; B o u r d i e u P. Public Opinion Does Not Exist. — In: Communication and Class Struggle. Ed. A. Mattelart and S. Siegelau. New York, 1979.

⁴ См.: L a z a r s f e l d P., B e r e l s o n B., G a u d e t H. The People's Choice. How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign. 3rd ed. New York, 1968.

- ⁵ См.: Mill J. St. On Liberty. 1859.
- ⁶ См.: Asch S. Effects of Group Pressure upon the Modification and Distortion on Judgments. — In: Group, Leadership, and Men. Ed. H. Guetzkow. Pittsburgh, 1951.
- ⁷ См.: Milgram S. Nationality and Conformity. — *Scientific American*, 205, 1961, p. 45—51.
- ⁸ Монтень М. Э. Опыты. М., 1991, с. 94.
- ⁹ См.: Zuurén F. J. van. The Experience of Breaking the Rules. Paper presented at the «Symposium on Qualitative Research in Psychology» in Perugia. Italy, August, 1983. Dept. of Psychology, University of Amsterdam. Revesz-Bericht № 47.
- ¹⁰ См.: Hallemann M. Peinlichkeit und öffentliche Meinung. — *Publizistik*, 31, 1986, S. 249—261; Hallemann M. Peinlichkeit. Ein Ansatz zur Operationalisierung von Isolationsfurcht im sozialpsychologischen Konzept öffentlicher Meinung. Dissert. Mainz, 1989.
- ¹¹ См.: Goffman E. Behavior in Public Opinion. Notes on the Social Organization of gatherings. New York, 1963.
- ¹² См.: Burke E. An Appeal From the New to the old whigs. — In: Works of the Right Honourable Edmund Burke, a New Edition, vol. 6. London, p. 73—267.
- ¹³ См.: Tönnies F. Kritik der öffentlichem Meinung. Berlin, 1922.
- ¹⁴ См., в частности: Donsbach W., Stevenson R. L. Herausforderungen, Probleme und empirische Evidenzen der Theorie der Schweigespirale. — *Publizistik*, 31, 1986, p. 7—34.

Изучение литературы по общественному мнению

Основные вопросы для анализа текста

Изучение литературы будет успешным, если поставить перед собой задачу — найти в ней ответы на следующие вопросы:

1. Содержится ли в изучаемой работе одно или несколько определений понятия «общественное мнение»? Если это не исследование, целиком посвященное анализу данного понятия, то какое определение или определения общественного мнения в нем даются?

2. Приводятся ли в работе положения других авторов (современников или прошлого времени) и в какой форме — как цитаты или в продолжение развития их идей? Кто эти авторы?

3. Кто из авторов-классиков цитируется при изложении темы «Общественное мнение» и насколько детально или косвенно?

4. Каким образом излагается содержание сущности общественного мнения — по отдельным его аспектам или в целом (применительно в определенном времени, темам, поддерживая или критикуя отдельные группы, учреждения) — или понятие общественного мнения используется только в качестве примеров для того, чтобы описать его с функциональной точки зрения?

5а. Как в работе раскрываются функционирование общественного мнения — по отдельным его аспектам или нерасчлененно, в целом?

5б. Функционирование общественного мнения рассматривается как самостоятельный вопрос или в связи с какими-нибудь другими вопросами?

6. Какой концепции общественного мнения отдано преимущество — элитарной (когда оно рассматривается как высокоинтеллектуальная сила) или интеграционной (когда оно представляется как средство интеграции)?

7. Каким представляет автор общественное мнение — умным, глупым или иногда умным, а иногда глупым? Какие особенности приписываются общественному мнению? Или на его оценку не обращается внимание?

8. Увязывается ли общественное мнение с конформизмом? Называется ли боязнь изоляции причиной конформизма? Используются ли в работе применительно к конформизму понятие «социальная боязнь» или аналогичные понятия?

9. Выделяется ли в работе «боязнь изоляции» индивида как особый фактор в процессе формирования общественного мнения?

10. Как распознает индивид одобрение или неодобрение окружающей среды (сигналы окружающего мира)?

11. Поддерживается ли в работе принцип Дэвида Юма: «Все правительства основываются на мнении» или в ней высказывается более общая идея, что каждое правительство должно учитывать общественное мнение?

12. Утверждается ли в работе — прямо или косвенно, — что общественное мнение или климат мнений имеет «моральный заряд», т.е. что оно связано с моральной оценкой?

13. Указывает ли автор — прямо либо косвенно — на различия, которые существуют между моральными и рациональными точками зрения? Как они описываются? Выделяются ли фазы, когда доминируют моральные основания общественного мнения, и такие, когда превалируют рациональные основания?

14. Отмечаются ли в работе — прямо либо косвенно — различия между общественным мнением (специфичность предмета, кратковременность) и моральным климатом (диффузность, длительность)? Дает ли работа возможность понять, что концепция общественного мнения представляет собой конкретизацию концепции климата мнений?

15. Разъясняется ли в работе понятие «гласность» и как оно трактуется — политически, социально-психологически (гласность как состояние сознания)?

16. Что выдается за форму выражения общественного мнения: содержание средств массовой информации, результаты выборов, символы, ритуалы (торжества), учреждения, мода, слухи, аплодисменты, реакции людей на поведение, высказывания?

17. В чем видится связь между публицистикой, средствами массовой коммуникации и общественным мнением?

а) Совпадают или четко различаются друг от друга мнение, опубликованное в печати, и общественное мнение?

б) Оказывают ли средства массовой коммуникации сильное или ограниченное влияние на формирование общественного мнения, ставится ли этот вопрос вообще?

в) Отмечаются ли другие воздействия на общественное мнение? Какие именно?

18. Рассматривается ли воздействие общественного мнения на какие-нибудь конкретные сферы, например на право, религию, экономику, науку, искусство или эстетику (поп-культуру)?

19. Проводится ли в работе различие между восприятием окружающего мира и боязнью изоляции со стороны разных социальных кругов: семьи, друзей, знакомых, коллег по работе и, наконец, анонимной огласки?

20. Возможно ли сделать вывод о понимании автором феномена общественного мнения или гласности на основании данных о духе его времени, истории и общества, обстоятельствах жизни?

21. В каких случаях наш вопросник оказывается несостоятельным? Где и какие Вы обнаружили в работе прямые или косвенные высказывания, сведения об общественном мнении или гласности, к которым неприменимы наши вопросы?

Оглавление

Плюрализм в исследовании общественного мнения	5
Предисловие к русскому изданию	26
Глава I	
ГИПОТЕЗА СПИРАЛИ МОЛЧАНИЯ	30
Глава II	
ДЕМОСКОПИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗЫ	39
Глава III	
СТРАХ ПЕРЕД ИЗОЛЯЦИЕЙ КАК МОТИВ	73
Глава IV	
ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ — ЧТО ЭТО ТАКОЕ?	96
Глава V	
ЗАКОН МНЕНИЯ: ДЖОН ЛОКК	107
Глава VI	
ПРАВИТЕЛЬСТВО ОПИРАЕТСЯ НА МНЕНИЕ: ДЭВИД ЮМ, ДЖЕЙМС МЭДИСОН	113
Глава VII	
ЖАН-ЖАК РУССО ВВОДИТ В ОБОРОТ ПОНЯТИЕ «ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ»	121
Глава VIII	
ТИРАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: АЛЕКСИС ДЕ ТОКВИЛЬ	131
Глава IX	
РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ» И РАЗВЕНЧАНИЕ ПОНЯТИЯ «ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ»: ЭДВАРД РОСС	139
Глава X	
ВОЙ СТАИ ВОЛКОВ	144
Глава XI	
ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ И ОСТРОВАХ ТИХОГО ОКЕАНА	150
Глава XII	
ШТУРМ БАСТИЛИИ: ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ПСИХОЛОГИЯ ТОЛПЫ	158
Глава XIII	
МОДА — ЭТО ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ	166

Глава XIV	
ПОЗОРНЫЙ СТОЛБ	173
Глава XV	
ПРАВО И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ	178
Глава XVI	
ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ СПЛАЧИВАЕТ	191
Глава XVII	
ЯЗЫЧНИКИ, АВАНГАРДИСТЫ, СТОРОННИЕ НАБЛЮДАТЕЛИ — ПОБУДИТЕЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	198
Глава XVIII	
СТЕРЕОТИП КАК СРЕДСТВО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: УОЛТЕР ЛИПМАН	204
Глава XIX	
ТЕМАТИЗАЦИЯ КАК ДОСТИЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: НИКЛАС ЛУМАН	216
Глава XX	
ПРИВИЛЕГИЯ ЖУРНАЛИСТОВ — ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПУБЛИЧНОСТИ	220
Глава XXI	
СРЕДСТВА МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	225
Глава XXII	
ДВОЙНОЙ КЛИМАТ МНЕНИЙ	238
Глава XXIII	
ФУНКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ТОТ, КТО НЕ НАХОДИТ СВОЕГО МНЕНИЯ В МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ, ТОТ БЕЗМОЛСТВУЕТ	242
Глава XXIV	
VOX POPULI — VOX DEI	247
Глава XXV	
НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ	258
Глава XXVI	
НА ПУТИ К ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	284
Глава XXVII	
ЯВНАЯ И СКРЫТАЯ ФУНКЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ИТОГИ	314
Заключение	334
Изучение литературы по общественному мнению	347

Э. Ноэль-Нойман

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

**открытие
спирали
молчания**

ЛР № 070632 от 09.10.92. Подписано в печать 12.01.96.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22.0

ТОО Издательство «Весь Мир».

101831 Москва-Центр, Колпачный пер., 9-а.

Типография ЗАО *"ИнформСвязьИздат"*

105855, Москва, Авиамоторная ул., д. 8